ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049
(print)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Д. В. АНДРЕЕВ, М. М. ПОТАНИН

Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

О. М. РЕНЗИН

Системные трансформации в регионах и институциональные риски

СОЦИОЛОГИЯ

П. Г. СИДОРОВ, К. И. СПЕКА

Дополнительное образование детей в пространственном развитии региона

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. М. БАЙКОВ, М. В. СКВОРЦОВА

Демографический потенциал молодых семей Хабаровского края: социологический анализ

№ 4
(109)
2024

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2024 г. №4 (109)

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

научный журнал
2024 г. № 4 (109)

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: Ю. В. Березутский

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

scientific journal
2024, no. 4 (109)

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: Yu. V. Berezutskiy

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education "The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation" (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)
Yu.V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)
E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)
I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)
Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)
S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)
E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)
A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)
E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)
O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)
O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)
A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)
O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)
S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)
Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)
Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)
Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)
Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)
Zhong Tsyanpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal "Power and Administration in the East of Russia". Articles are subject to review.

The authors' opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Бардаль А. Б.	Подходы к оценке воздействия мер государственного регулирования на параметры транспортного комплекса ДФО	8
Белоусова А. В. Грицко М. А.	Моделирование динамики численности населения: апробация подхода к отбору факторов (на примере дальневосточных субъектов РФ)	17
Суслов Д. В.	Привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику российского Дальнего Востока в 2020-е годы: смена тренда	26
Андреев Д. В. Потанин М. М.	Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока	39

Теория и практика экономики и управления

Рензин О. М.	Системные трансформации в регионах и институциональные риски	51
Антонова Н. Е.	Исследование эффективности использования лесных ресурсов региона в период экономической нестабильности	61
Катин А. В.	Оценка финансового потенциала корпораций-лидеров лесопромышленного комплекса Дальневосточного федерального округа	70
Сюпова М. С. Халикова С. С.	Инвестиционная активность как фактор экономической безопасности региона	81
Чернякова М. М. Заварзина М. А.	Особенности реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в рамках устойчивого развития Новосибирской области	88
Алешков А. В. Синюков В. А. Ивашкин М. В.	Искусственный интеллект в реальном секторе экономики (на примере пищевой индустрии)	103

Социология

Сидоров П. Г. Спека К. И.	Дополнительное образование детей в пространственном развитии региона	114
Гареева И. А. Гарнага А. Ф. Казакова Е. А.	Новые здоровьесберегающие пространства в пригородных зонах (на примере города Хабаровска)	125
Клеймёнов Е. А.	Мотивационный потенциал научно-исследовательской деятельности образовательной организации: состояние и пути развития	138
Челаева Т. В.	Формирование механизма и методики программно-проектной оценки результативности деятельности ОМС по комплексному развитию территории	152
Медведева Н. М. Медведев А. И.	Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей российского общества: правовые и социальные аспекты	161

Молодая семья региона в контексте современного общества

Байков Н. М. Скворцова М. В.	Демографический потенциал молодых семей Хабаровского края: социологический анализ	172
Березутский Ю. В. Зайцев Э. А.	Семья и семейные ценности в новых реалиях: взгляд молодых семей Хабаровского края	188
Сидорова Н. П.	Государственная социальная поддержка в представлениях молодых семей	207

Развитие управленческого образования на Дальнем Востоке

Чудесов В. В. Долгова Ю. С.	Хабаровская высшая партийная школа – исторические аспекты формирования и развития	218

CONTENTS

The Far East: strategies and development models

Bardal A. B.	Approaches to Assessing the Impact of State Regulation Measures on the Parameters of the Transport Complex of the Far Eastern Federal District	8
Belousova A. V. Gritsko M. A.	Modeling Population Dynamics: Testing the Approach of Fact Selection (the Example of Far Eastern Regions of the Russian Federation)	17
Suslov D. V.	Attracting Foreign Direct Investment into the Economy of the Russian Far East in the 2020s: The Change of Trend	26
Andreev D. V. Potanin M. M.	The Impact of the Administrative Burden of the Public Administration System on the Investment Climate of the Far East	39

Theory and practice of economics and management

Renzin O. M.	Systematic Transformations in Regions and Institutional Risks	51
Antonova N. E.	Efficiency of Forest Resource Usage in the Region During the Period of Economic Instability	61
Katin A. V.	Assessment of the Financial Potential of Corporations-Leaders of the Forest Industry Complex of the Far Eastern Federal District	70
Syupova M. S. Khalikova S. S.	Investment Activity as a Factor of Economic Security of the Region	81
Chernyakova M. M. Zavarzina M. A.	Features of the Implementation of Projects and Programs for the Development of Agriculture in the Framework of Sustainable Development of the Novosibirsk Region	88
Aleshkov A. V. Sinyukov V. A. Ivashkin M. V.	Artificial Intelligence in the Real Sector of the Economy (on the Example of the Food industry)	103

Sociology

Sidorov P. G. Speka K. I.	Additional Education for Children in the Spatial Development of the Region	114
Gareeva I. A. Garnaga A. F. Kazakova E. A.	New Health Preserving Spots in Suburban Areas (the Example of the City of Khabarovsk, Russia)	125
Kleymyonov E. A.	The Motivational Potential of the Research Activity of an Educational Institution: Conditions and Ways to Develop	138
Chelayeva T. V.	Formation of a Mechanism and Methodology for Program-Project assessment of the Effectiveness of the Activities in the Compulsory Medical Insurance Agency for the Integrated Development of the Territory	152
Medvedeva N. M. Medvedev A. I.	Preservation and Strengthening of Spiritual and Moral Values in Russian Society: Legal and Social Aspects	161

The young family of the region in the context of modern society

Baykov N. M. Skvortsova M. V.	Demographic Potential of Young Families in the Khabarovsk Territory: Sociological Analysis	172
Berezutskiy Yu. V. Zaitsev E. A.	Family and Family Values in New Realities: Views of Young Families of the Khabarovsk Territory	188
Sidorova N. P.	Social Support in the Views of Young Families	207

Development of management education in the Far East

Chudesov V. V. Dolgova Yu. S.	Khabarovsk Higher Party School - Historical Aspects of Formation and Development	218

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья
УДК 338.98(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-8-16

Подходы к оценке воздействия мер государственного регулирования на параметры транспортного комплекса ДФО

Анна Борисовна Бардаль
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
Bardal@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-9944-4714

Аннотация. *Изменение геополитических условий РФ отразились с 2013 г. на внешнеэкономической политике страны. Объявленный «поворот на Восток» привел к росту объемов работы транспортного комплекса ДФО, выступающего естественным мостом в Азиатско-Тихоокеанский регион. Основными факторами повышения спроса стали: переориентация внешнеторговых грузопотоков в направлении стран Азии при сокращении взаимодействий с ЕС; выстраивание более сложных логистических схем для импорта с использованием третьих стран после начала СВО; изменение транспортного рынка после ухода крупных морских операторов; изменение условий международного страхования морских судов при работе с Россией; ограничение международного автомобильного и железнодорожного сообщения в западном направлении. Повышение роли транспорта восточных районов страны, дефицит инфраструктурных мощностей, формируемый на фоне роста спроса, стимулируют внимание государства к развитию транспорта и приводит к увеличению масштаба применяемых мер регулирования транспортных процессов. Цель работы – представить подходы к оценке воздействия мер государственного регулирования на параметры транспортного комплекса ДФО в 2013–2022 гг. и провести экспериментальный расчет. В результате на основе метода структурных сдвигов с декомпозицией было оценено влияние региональной компоненты на динамику ключевых показателей транспортного комплекса ДФО. Региональная компонента показывает сравнительное отклонение динамики транспортного комплекса ДФО от национального, формируемое в т. ч. под влиянием государственного регулирования. Показано воздействие предпринимаемых государством мер на инвестиции (динамика показателя на 85% сформирована региональной компонентой, в то время как вклад национальной компоненты составил 37,3%, а отраслевая компонента оказала негативное влияние, составив минус 22,7%). Выявлено положительное влияние регулирования на динамику основных фондов и занятости в рассматриваемом периоде. Полученные оценки подтверждают значимость предпринимаемых усилий по развитию транспорта в отношении макрорегионального комплекса и могут использоваться для аналитического обоснования мероприятий государственной политики.*

Ключевые слова: *Дальний Восток, транспортная инфраструктура, государственное регулирование транспорта, метод структурных сдвигов*

Для цитирования: Бардаль А. Б. Подходы к оценке воздействия мер государственного регулирования на параметры транспортного комплекса ДФО // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 8–16. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-8-16

Original article

Approaches to Assessing the Impact of State Regulation Measures on the Parameters of the Transport Complex of the Far Eastern Federal District

Anna B. Bardal
The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
Bardal@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-9944-4714

Abstract. *Changes in the geopolitical conditions of the Russian Federation since 2013 have affected the country's foreign economic policy. The announced 'turn to the East' led to an increase in the volume of work of the FEFD (Far Eastern Federal District) transport complex, which acts as a natural bridge to the Asia-Pacific region. The main factors behind the increase in demand were: reorientation of foreign trade cargo flows towards Asian countries with reduced interaction with the EU; building more complex logistics schemes for imports using third countries after the start of a special military operation; changes in the transport market due to the departure of major sea operators; changes in the terms of international marine insurance when working with Russia; restriction of international road and rail traffic in the western direction. The increasing role of transport in the eastern regions of the country, the deficit of infrastructure capacity formed on the basis of the background of demand growth stimulates the attention of the state and leads to an increase in the scale of applied measures to regulate transport processes. The aim of the paper is to present approaches to assessing the impact of state regulation measures on the features of the transport complex of the Far Eastern Federal District in 2013–2023 and to carry out an experimental calculation. We assessed the impact of the regional component on the dynamics of key indicators of the FEFD transport complex using the method of structural shifts with decomposition. The regional component shows the comparative deviation of the FEFD transport complex dynamics from the national one, which is formed, among other things, under the influence of government regulation. The impact of the measures taken by the state on investment is shown (the dynamics of the indicator is 85% formed by the regional component, while the contribution of the national component was 37,3%, and the industry component had a negative impact of minus 22,7%). The positive impact of government measures on the dynamics of fixed assets and employment in the period under consideration is presented. The obtained estimates confirm the significance of the impact of transport development efforts on the macro-regional complex and can be used for analytical substantiation of public policy measures.*

Keywords: *Far East, transport infrastructure, state regulation of transport, shift-share analysis*

For citation: Bardal A. B. (2024) Approaches to Assessing the Impact of State Regulation Measures on the Parameters of the Transport Complex of the Far Eastern Federal District *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 8–16. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-8-16

Введение

Особенности экономического пространства России: высокая дифференциация масштабов хозяйственной деятельности, очаговый характер системы расселения и производства на значительной по площади территории Сибири и Дальнего Востока [Минакир, 2014], – подчеркивают важность транспортных процессов. Функционирование транспортного комплекса, обеспечивающего качественное и экономически доступное перемещение грузов и пассажиров, позволяет нивелировать негативные особенности экономического пространства, обеспечивает его связность.

Вышесказанное определяет потребность в государственном регулировании

транспорта, выступающего в качестве системообразующего элемента национальной экономики (транспорт оказывает прямое влияние на затраты производителей через динамику тарифов, по итогам 2023 г. формирует 6,9% ВДС и 8,1% занятых в экономике[1]), обладающего высоким мультипликативным эффектом, характеризующимся наличием монопольных сегментов и пр.

В период изменения геополитических условий, проявляющихся в возросшем санкционном давлении на РФ после начала СВО, и подстройки социально-экономической системы страны к происходящим переменам, возникает необходимость корректировки действующих механизмов государственного регулирования транспортных процессов. Происходящее существенно влияет на спрос на услуги транспортного комплекса ДФО, увеличивающийся под давлением целого ряда факторов: переориентация внешнеторговых грузопотоков в направлении дружественных стран взамен сокращающимся контактам с ЕС, выстраивание более сложных логистических схем для импорта с использованием третьих стран, изменение транспортного рынка (уход крупных морских операторов с национального рынка, изменение условий международного страхования морских судов при работе с Россией, ограничение международного автомобильного и железнодорожного сообщения в западном направлении и пр.) [Голубчик, 2023; Актуализация, 2023]. В результате по итогам 2023 г. темп прироста перевозок по ключевым видам транспорта ДФО по сравнению с 2021 г. составил: 7,8% – железнодорожный; 6,1% – морской (перевалка в портах); 6,7% – автомобильный[2]. Указанные цифры неполностью отражают возросшую потребность в услугах транспортного комплекса макрорегиона, поскольку в условиях ограничения инфраструктурных возможностей дефицит (не принятые к перевозке грузы) по оценкам достигает 140 млн т[3].

В этих условиях транспортный комплекс становится объектом повышенного внимания со стороны государства, растет масштаб применяемых мер регулирования, направленных на различные этапы и объекты перевозки [Бардаль, 2024]. Значительная часть регулирующих воздействий отражается на транспорте ДФО, который, как было сказано выше, столкнулся с существенными изменениями.

Цель работы – представить подходы к оценке воздействия мер государственного регулирования на параметры транспортного комплекса ДФО в 2013–2023 гг. и провести экспериментальный расчет.

Выбранный период исследования определяется началом изменения акцентов внешнеэкономической политики России, обозначенной как «поворот на Восток» [Торкунов, 2020], определившим условную точку отсчета роста масштабов работы для транспортного комплекса макрорегиона и активизацией регулирования.

Государственное регулирование транспорта: долгосрочные и оперативные меры

При изменении геополитической и экономической ситуации становится актуальным исследование воздействия происходящих процессов на ключевые отрасли экономики, изучение механизмов подстройки к новым условиям. В рамках выбранного тематического направления можно выделить публикации, посвященные анализу предпринимаемых государством усилий по развитию инфраструктуры и регулированию процесса перевозки.

При этом применяемые государством на современном этапе меры могут быть условно разделены на имеющие долгосрочный характер и оперативные. Долгосрочное влияние на функционирование транспортного комплекса макрорегиона

[1] *Структура ВДС по отраслям экономики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 05.11.2024); Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 05.11.2024).*

[2] *Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2023 году. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dalnevost_fo_4k-2023.pdf (дата обращения: 06.11.2024); Статистика Ассоциации морских торговых портов. URL: https://www.morport.com/rus/content/statistika-0 (дата обращения: 06.11.2024).*

[3] *Дефицит провозной способности Восточного полигона оценивается в 140 млн тонн в год. URL: https://portnews.ru/news/334975/ (дата обращения: 06.11.2024).*

окажут мероприятия по развитию железнодорожной сети (завершенные и продолжающиеся): реконструкция железнодорожной сети о. Сахалин (2003–2020 гг.), модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей (начало реализации – 2013 г.), завершение строительства Амуро-Якутской железной дороги (движение открыто в 2019 г.). В публикациях рассматриваются этапы модернизации инфраструктуры, проблемы и риски реализации отдельных мероприятий [Шитова, 2022; Выдашенко, 2023]. Экспертами анализируются экономические параметры реализуемых проектов, включая внутренние и внешние эффекты, оценивается бюджетная эффективность модернизации железнодорожной инфраструктуры на востоке России [Шестакова, 2022].

Долгосрочные эффекты развития инфраструктуры генерируются также в результате поддержки государством реализации частных проектов развития транспортных сетей, начатых в макрорегионе при поддержке государства (Тихоокеанская железная дорога от Эльгинского месторождения в Республике Саха (Якутия) до Охотского моря, железная дорога от Огоджинского месторождения в Амурской области до БАМ) [Безруков, 2024].

Безусловно, полный эффект от развития инфраструктуры имеет временной лаг и проявится по завершению проектов после ввода в эксплуатацию соответствующих линий и увеличения объемов грузоперевозок. Однако отметим, что положительный эффект развития железнодорожной инфраструктуры на Дальнем Востоке уже проявляется, поскольку: 1) часть проектов к настоящему времени завершена, 2) проект модернизации БАМ и Транссибирской магистрали подразумевает ежегодное увеличение провозных способностей Восточного полигона, фиксируемых по мере реализации мероприятий.

Актуальное в настоящее время оперативное регулирование транспортных процессов осуществляется для более гибкой реакции на изменение экономической ситуации. Оно направлено на корректировку государством условий доступа и режимов функционирования отдельных этапов транспортного процесса. В частности, в рамках оперативного регулирования рассматриваются: изменение правил недискриминационного доступа к ограниченной инфраструктуре Восточного полигона железных дорог (ранжирование очередности принятия к перевозке грузов и методика распределения квот на перевозку в направлении морских портов Тихоокеанского побережья и наземных пунктов пропуска с КНР, Монголией, КНДР) [Развитие, 2023]; индексация тарифов на железнодорожные грузовые перевозки, изменяющая относительные затраты транспортировки отдельных видов грузов [Хусаинов, 2024] и пр. В период нестабильности экономической ситуации формируется потребность в активном применении оперативных мер государственного регулирования, результат которых проявляется практически без временного лага либо с минимальной задержкой по времени.

Методы оценки и данные

Представляется, что наиболее полную оценку результатов регулирования транспорта можно получить при сопоставлении затрат на реализацию принимаемых мер и получаемых в результате выгод. В рамках научных исследований транспортного комплекса такой анализ может проводиться с применением оптимизационных, балансовых межрегиональных межотраслевых моделей и комплексов [Модели, 2023].

Еще один вариант оценки результатов государственного регулирования основан на оценке связи получаемых эффектов и параметров экономики. Это более узкий подход по сравнению с применением комплексного моделирования, поэтому важным является аргументация выбора исследуемых параметров. В рамках такого направления исследуется, например, вопрос эффективности институтов развития Дальнего Востока через оценку их влияния на экономические параметры территории [Борщевский, 2024; Развитие, 2022].

В данной работе мы будем оценивать воздействие государственного регулирования на функционирование транспортного комплекса ДФО на основе метода структурных сдвигов с декомпозицией общего эффекта на национальную, ре-

гиональную и отраслевую компоненты. Описание подробной методики изложено в публикациях российских экспертов [Михеева, 2013], также в научных работах представлено использование данной методики для отраслевого анализа [Джурка, 2022].

В логике исследования мы будем анализировать результаты государственного воздействия на транспортный комплекс ДФО через оценку региональной компоненты структурного сдвига, показывающей различие между фактическим ростом исследуемого показателя транспортного комплекса ДФО и потенциальным ростом, соответствующим темпам изменения показателя транспортного комплекса РФ:

$$R = E^0_{TrReg}\left(\frac{E^1_{TrReg}}{E^0_{TrReg}} - \frac{E^1_{TrN}}{E^0_{TrN}}\right), \quad (1)$$

где E_{TrReg} – исследуемый показатель транспортного комплекса ДФО в базовом (индекс «0» = 2013 г.) либо текущем периоде (индекс «1» = 2022 г.);

E_{TrN} – исследуемый показатель транспортного комплекса РФ в базовом (индекс «0» = 2013 г.) либо текущем периоде (индекс «1» = 2022 г.).

Полученные оценки отражают сравнительное отклонение динамики транспортного комплекса ДФО от национального комплекса в рассматриваемом периоде, формируемое в большей части под влиянием принимаемых мер государственного регулирования.

Как было сказано выше, оценка проводится для периода 2013–2022 гг., поскольку именно он характеризуется существенными изменениями внешних и внутренних условий экономики РФ, сопровождающимися в т. ч. увеличением масштаба государственного регулирования транспорта.

Рассмотрены ключевые показатели, характеризующие роль транспортного комплекса в региональной экономике (занятость, инвестиции, основные фонды, участие в формировании ВРП). Для расчетов использованы данные официальной статистики (Федеральная служба государственной статистики) по виду деятельности «транспортировка и хранение». Поскольку в 2018 г. состав ДФО изменился (были включены Забайкальский край и Республика Бурятия), то для обеспечения сопоставимости данных расчет за весь рассматриваемый период производился с пересчетом для одиннадцати субъектов РФ.

Результаты и обсуждение

Представим оценки региональной компоненты динамики ключевых показателей транспортного комплекса (инвестиции, основные фонды, выпуск, занятость) в 2013–2022 гг. и их трактовку.

Динамика инвестиций в транспорт ДФО на 85% сформирована под влиянием региональной компоненты (вклад национальной компоненты составил +37,3%, тогда как отраслевая оказала негативное влияние, составив минус 22,7%) (табл. 1).

Полученные оценки означают, что темпы роста инвестиций в проекты на территории макрорегиона в рассматриваемом периоде были выше аналогичного показателя национальной экономики. Это служит подтверждением активности предпринимаемых государством усилий по развитию транспортного комплекса ДФО. Отметим, что существенный вклад региональной компоненты зафиксирован лишь для двух субъектов РФ на Дальнем Востоке: Забайкальского края (45,9% общего изменения) и Амурской области (14,9%). Для остальных дальневосточных субъектов вклад региональной компоненты не превышал 6%, перекрываясь влиянием отраслевой и национальной составляющих.

Динамика региональной компоненты основных фондов наглядно показывает масштабы государственного воздействия в части развития инфраструктуры. При общем незначительном влиянии (компонента формирует 0,3% динамики показателя за период) фиксируется значимое воздействие для Республики Саха (Якутия) и Амурской области (табл. 2).

В рассматриваемом периоде в Республике Саха (Якутия) было завершено строительство Амуро-Якутской железной дороги (протяженность от ст. Нерюнгри до ст. Нижний Бестях 799 км), существенно возросла протяженность автомобильной сети (на 3,7 тыс. км); в Амурской области были построены новые Керакский и Облученский железнодорожные тоннели, проведена реконструкция старых, построены подъездные пути для космодрома Восточный.

Таблица 1

Анализ динамики инвестиций в сфере транспорта ДФО (млрд руб.)

Административно-территориальные образования	Абсолютное изменение 2013–2022 гг.	Региональная компонента
ДФО	421,9	282,6
Республика Бурятия	16,2	14,1
Республика Саха (Якутия)	98,4	23,9
Забайкальский край	55,5	51,0
Камчатский край	22,1	19,2
Приморский край	40,8	31,1
Хабаровский край	47,2	35,6
Амурская область	103,7	82,6
Магаданская область	2,4	1,0
Сахалинская область	26,8	17,3
Еврейская автономная область	3,7	2,1
Чукотский автономный округ	5,2	4,7

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 24.10.2024).

Таблица 2

Анализ динамики основных фондов транспорта ДФО (млрд руб.)

Административно-территориальные образования	Абсолютное изменение 2013–2022 гг.	Региональная компонента
ДФО	3475,1	68,3
Республика Бурятия	189,9	33,6
Республика Саха (Якутия)	936,3	520,9
Забайкальский край	247,7	–65,9
Камчатский край	32,3	–24,9
Приморский край	697,7	–181,5
Хабаровский край	518,8	–26,4
Амурская область	758,0	335,3
Магаданская область	37,4	12,2
Сахалинская область	153,9	–146,4
Еврейская автономная область	62,6	–25,6
Чукотский автономный округ	29,3	20,9

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 24.10.2024).

Рассматривая вклад транспорта в валовой продукт (оценка по ВДС) отметим: отрицательное значение региональной компоненты показывает, что в рассматриваемом периоде темпы роста вклада национального транспортного комплекса в ВВП превышали темпы роста вклада транспорта ДФО в ВРП макрорегиона (табл. 3).

При общем снижении численности занятых в сфере транспорта ДФО в 2013–2022 гг. на 6 тыс. чел., сказалось позитивное воздействие особенностей регионального транспортного комплекса (табл. 4).

В данном случае региональная компонента показывает, что если бы динамика занятости в макрорегионе соответствовала общероссийской, падение могло составить 64,3 тыс. чел. (13,9% показателя занятости в сфере транспорта ДФО в 2022 г.). Фактически произошел спад в меньшем размере. В наибольшей степени условно положительный эффект проявился в дальневосточных субъектах «широтного транзитного пояса»: Забайкальский, Приморский и Хабаровский края. Это определяется увеличением объемов магистрального транзита, вызванного в т. ч. развитием инфраструктуры и оперативными корректировками государством режимов транспортных процессов.

Таблица 3

Анализ динамики участия транспорта в формировании ВРП ДФО (млрд руб.)

Административно-территориальные образования	Абсолютное изменение 2013–2022 гг.	Региональная компонента
ДФО	8183,7	–4134,3
Республика Бурятия	418,7	–321,3
Республика Саха (Якутия)	1970,7	550,9
Забайкальский край	493,5	–908,1
Камчатский край	346,1	55,8
Приморский край	1422,4	–1631,6
Хабаровский край	951,4	–2090,2
Амурская область	557,4	–656,2
Магаданская область	309,7	148,3
Сахалинская область	1501,5	746,4
Еврейская автономная область	74,0	–100,3
Чукотский автономный округ	138,5	71,8

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 24.10.2024).

Таблица 4

Анализ динамики занятости в сфере транспорта ДФО (тыс. чел.)

Административно-территориальные образования	Абсолютное изменение 2013–2022 гг.	Региональная компонента
ДФО	–6,0	–64,3
Республика Бурятия	–1,7	–5,5
Республика Саха (Якутия)	0,9	–5,8
Забайкальский край	–2,2	–10,7
Камчатский край	–0,7	–2,5
Приморский край	–1,6	–17,3
Хабаровский край	–2,9	–13,1
Амурская область	1,3	–4,4
Магаданская область	1,9	1,1
Сахалинская область	0,1	–3,7
Еврейская автономная область	–1,3	–2,4
Чукотский автономный округ	0,2	–0,1

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 24.10.2024).

Заключение

Таким образом, в 2013–2022 гг. на фоне изменения внешних и внутренних условий функционирования экономики РФ, государством реализованы активные меры регулирования транспорта как одного из базовых отраслевых комплексов. Предпринимаемые усилия, в т. ч. существенно затронули транспортный комплекс Дальнего Востока, который в рамках политики «поворот на Восток» столкнулся с возрастающим спросом при отставании темпов развития инфраструктуры.

Рассматривая оценки региональной компоненты транспортного комплекса ДФО по ключевым показателям в 2013–2022 г. можно сделать вывод о наличии статистически фиксируемого влияния предпринимаемых государством мер на динамику инвестиций, основных фондов и занятости. Темпы роста вклада транспорта ДФО в ВРП отставали от аналогичного национального показателя, что может быть объяснено спецификой отраслевой структуры ВРП ДФО с преобладанием добывающей промышленности, активно развивающейся в рассматриваемом периоде.

Полученные оценки могут использоваться для аргументации и дополнения аналитического обоснования государственной политики регулирования транспорта и в дальнейшем могут быть детализированы анализом всех компонент, определяющих динамику ключевых показателей транспорта (региональной, национальной и отраслевой) с расширением периода анализа.

Список источников:

1. Амирова, З. Б., Аристова, Л. Б., Баженов, Ю. М., Бакулов, П. А. и др. Актуализация транспортной стратегии России как необходимое условие обеспечения экономического прорыва и национальной безопасности страны на этапах геополитического противостояния / Под ред. Васильева С.Н., Варнавского В.Г. и др. Ч.1. Нижний Новгород: Волжский государственный университет водного транспорта, 2023. EDN: DSCYLA

2. Бардаль, А. Б. Государственная поддержка развития транспорта на современном этапе: влияние на транспортный комплекс Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 26–35. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-26-35

3. Безруков, Л. А. Итоги и проблемы реализации потенциала Байкало-Амурской магистрали // ЭКО. 2024. № 54 (5). С. 25–43. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-25-43

4. Борщевский, Г. А. Федеральные и региональные институты развития преференциальных режимов Дальнего Востока // Политическая наука. 2024. № 1. С. 127–154. DOI: 10.31249/poln/2024.01.05

5. Выдашенко, Л. А., Выдашенко, П. А., Гарифуллина, Ю. М. Исследование перспектив развития восточного полигона на Транссибирской магистрали // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 4. С. 389–398. DOI: 10.33619/2414-2948/89/45

6. Голубчик, А. М., Пак, Е. В. Внешнеторговая транспортная логистика России в условиях санкционного режима: год спустя // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 10. С. 77–84. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-77-84

7. Джурка, Н. Г., Дёмина, О. В. Структурные сдвиги в отраслях ТЭК Дальнего Востока: пространственный анализ // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 4. С. 128–157. DOI: 10.14530/se.2022.4.128-157

8. Минакир, П. А., Демьяненко, А. Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. EDN: UBEVHV

9. Михеева, Н. Н. Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 11–32. https://doi.org/10.14530/se.2013.1.011-032

10. Модели и методы прогнозирования: Азиатская Россия в экономике страны / под ред. А. О. Баранова, В. И. Суслова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2023. EDN: OHZDLZ

11. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. EDN: FCVCRL

12. Торкунов, А. В., Стрельцов, Д. В., Колдунова, Е. В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

13. Хван, И. С., Буланова, М. А., Маслюк, Н. А., Медведева, Н. В., Новицкий, А. А. и др. Развитие Дальнего Востока в новых институциональных условиях. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. EDN: YKYVMW

14. Хусаинов, Ф. И. Обзор основных тарифных решений в области грузовых железнодорожных перевозок в 2023 году // Экономика железных дорог. 2024. № 4. С. 68–73. EDN: VGBMRG

15. Шестакова, Е. Б., Казаку, Е. В. Оценка бюджетной эффективности инвестиций в проекты по реконструкции железнодорожной инфраструктуры // Путевой навигатор. 2022. № 53(79). С. 50–59. EDN: NPYHYG

16. Шитова, И. А. Риски, возникающие при реализации II этапа модернизации Восточного полигона // Финансовая экономика. 2022. № 3. С. 188–193. EDN: VBOJKA

References:

1. Amirova, Z. B., Aristova, L. B., Bazhenov, Yu. M., Bakulov, P. A., et al. (2023) Actualisation of Russia's transport strategy as a necessary condition for ensuring the country's economic breakthrough and national security at the stages of geopolitical confrontation. Part 1. Novgorod, Volzhskij gosudarstvennyj universitet vodnogo transporta (in Russ.).

2. Bardal', A. B. (2024) State support for transport development at the present stage: impact on the transport complex of the Far East *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and governance in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 26–35 DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-26-35 (in Russ.).

3. Bezrukov, L. A. (2024) Results and problems of realising the potential of the Baikal-Amur Mainline *EKO* [ECO], no. 54 (5), pp. 25–43. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-5-25-43 (in Russ.).

4. Borshchevskij, G. A. (2024) Federal and Regional Institutions for the Development of Preferential Regimes in the Far East *Politicheskaya nauka* [Political Science], no. 1, pp. 127–154. DOI: 10.31249/poln/2024.01.05 (in Russ.).

5. Vydashenko, L. A., Vydashenko, P. A. Garifullina, Yu. M. (2023) Study of prospects of development of the eastern polygon on the Trans-Siberian railway *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of science and practice], vol. 9, no. 4, pp. 389–398. DOI: 10.33619/2414-2948/89/45 (in Russ.).

6. Golubchik, A. M., Pak, E. V. (2023) Russia's foreign trade transport logistics under the sanctions regime: one year later *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], no. 10, pp. 77–84. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-77-84 (in Russ.).

7. Dzhurka, N. G., Dyomina, O. V. (2022) Structural Shifts in the Fuel and Energy Complex of the Far East: Spatial Analysis *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], vol. 18, no. 4, pp. 128–157. DOI: 10.14530/se.2022.4.128-157 (in Russ.).

8. Minakir, P. A., Dem'yanenko, A. N. (2014) Essays on spatial economics. Habarovsk: IEI DVO RAN. (in Russ.).

9. Miheeva, N. N. (2013) Structural Factors of Regional Dynamics: Measurement and Assessment *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economy], no. 1, pp. 11–32. https://doi.org/10.14530/se.2013.1.011-032 (in Russ.).

10. Forecasting Models and Methods: Asian Russia in the Country Economy. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2023. EDN: OHZDLZ (in Russ.).

11. Development of large socio-economic systems: Far Eastern macro-region. Habarovsk: IEI DVO RAN, 2023, (in Russ.).

12. Torkunov, A. V., Strel'cov, D. V., Koldunova, E. V. (2020) Russian Turn to the East: Achievements, Problems and Prospects *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], no. 5, pp. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02 (in Russ.).

13. Khvan, I. S., Bulanova, M. A., Maslyuk, N. A., Medvedeva, N. V., Novitsky, A. A., et al. (2022) Development of the Far East under new institutional conditions. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPA, (in Russ.).

14. Husainov, F. I. (2024) Overview of major tariff decisions in freight railway transport in 2023 *Ekonomika zheleznyh dorog* [Railway Economics], no. 4, pp. 68–73, (in Russ.).

15. Shestakova, E. B., Kazaku, E. V. (2022) Estimation of budgetary efficiency of investments in railway infrastructure reconstruction projects *Putevoj navigator* [Track Navigator], no. 53(79), pp. 50–59, (in Russ.).

16. Shitova, I. A. (2022) Risks arising from the implementation of Phase II of the Eastern polygon modernization *Finansovaya ekonomika* [Financial Economics], no. 3, pp. 188–193, (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе

А. Б. Бардаль – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

A. B. Bardal – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading researcher, the Economic Research Institute FEB RAS

Научная статья
УДК 331.524(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-17-25

Моделирование динамики численности населения: апробация подхода к отбору факторов (на примере дальневосточных субъектов РФ)

Анна Васильевна Белоусова[1], Мария Анатольевна Грицко[2]
[1, 2] Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
[1] belousova@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-8780-8146
[2] gritsko@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0001-7853-0413

Аннотация. *В статье представлены результаты исследования, целью которого выступала апробация методического подхода к отбору факторов для моделирования динамики численности населения на основе их ранжирования по степени «статистической приоритетности» в экономике. Основная гипотеза заключалась в том, что если ранг одного из факторов превосходит ранг другого, то учет первого фактора при моделировании результативного признака должен быть первоочередным. Ранжирование факторов предварял анализ демографической динамики дальневосточных субъектов. Показано, что в последнее десятилетие, несмотря на проводимую в отношении макрорегиона политику, реализацию мероприятий, направленных на достижение воспроизводства населения и сокращение миграционного оттока, результативность демографических процессов оставалась стабильно отрицательной. Исключением являлась только Республика Саха (Якутия) с восходящей динамикой численности населения. В зависимости от результативности общего движения населения все субъекты Дальнего Востока были разбиты на четыре группы, ранжирование факторов динамики населения осуществлялось для каждой из выделенных групп. Для периода 2016–2022 гг. количественно идентифицированы пространственная неоднородность и динамика иерархии факторов численности населения Дальнего Востока, их отличия на разных уровнях декомпозиции объекта исследования. Полученные результаты показали, что ранжирование факторов может выступать критерием для отбора последних в линейную аддитивную регрессионную модель соответствующего показателя.*

Ключевые слова: *численность населения, общий прирост, естественный прирост, миграционный прирост, метод анализа иерархий, моделирование, Дальневосточный федеральный округ*

Для цитирования: Белоусова А. В., Грицко М. А. Моделирование динамики численности населения: апробация подхода к отбору факторов (на примере дальневосточных субъектов РФ) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 17–25. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-17-25

Original article

Modeling Population Dynamics: Testing the Approach of Fact Selection(the Example of Far Eastern Regions of the Russian Federation)

Anna V. Belousova[1], Maria A. Gritsko[2]
[1, 2] The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
[1] belousova@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-8780-8146
[2] gritsko@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0001-7853-0413

Abstract. *The article presents results of the study aimed at testing a methodological approach to selecting facts for modeling population dynamics based on their ranking according to the degree of «statistical priority» in the economy. The main hypothesis was that if the rank of one factor exceeds the rank of another, then the first factor should be taken into account when modeling the resulting feature. The study took the Far Eastern subjects of the Russian Federation as an example, based on data for 2016–2022. The spatial heterogeneity and dynamics of the hierarchy of factors of the population of the Far East, their differences at different levels of decomposition of the object of study were quantitatively identified. The obtained results showed that the fact ranking could act as a criterion for selecting the latter in a linear additive regression model of the corresponding indicator.*

Keywords: *population, total growth, natural increase, migration growth, hierarchy analysis method, modeling, Far Eastern Federal District*

For citation: Belousova A. V., Gritsko M. A. (2024) Modeling Population Dynamics: Testing the Approach of Fact Selection (the Example of Far Eastern Regions of the Russian Federation) *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 17–25. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-17-25

Введение

Моделирование динамики социально-экономических показателей региона является актуальной научной задачей, имеющей важное практическое значение. Последнее связывается, прежде всего, с идентификацией, анализом ретро- и перспективных траекторий регионального развития и, при определенных условиях, управлением последними. Эффективность получаемых при этом результатов, вне зависимости от типа используемой модели (эконометрической, структурной, общего равновесия и др.), напрямую определяется набором факторов, позволяющих формализовать процесс (механизм) формирования исследуемого (-ых) показателя (-ей).

Отсутствие универсального подхода к отбору (выбору) факторов нередко приводит либо к включению в модель всех доступных с точки зрения статистического обеспечения показателей, либо к экспертному выбору последних без указания его четких критериев. В первом случае, «перегруженность» модели создает риски некорректности ее применения в силу требований настройки и верификации на достаточно длинном временном интервале, что, как правило, не представляется возможным. Во втором случае, отсутствие аргументации выбора факторов обуславливает сомнения в его справедливости и не исключает случаев потери значимых взаимосвязей.

Целью настоящей работы являлась апробация методического подхода, позволяющего осуществлять отбор факторов динамики региональных показателей на основе их ранжирования по степени «статистической приоритетности» в экономике (соотношениям нормированных значений). Основная гипотеза исследования состояла в том, что если ранг одного из факторов превосходит ранг другого, то первый фактор должен быть первоочередно учтен при моделировании динамики исследуемого показателя.

Объектом исследования выступала экономика Дальневосточного федерального округа и субъектов РФ, входящих в его состав. В качестве результирующего показателя была выбрана численность населения. Соответствующий выбор обуславливается особым вниманием федерального центра к Дальнему Востоку, развитие которого объявлено национальным приоритетом, и остротой проблемы сокращения его населения [Прокапало …, 2024].

Методологические основы исследования

Алгоритм реализации апробируемого подхода к отбору факторов численности населения состоял из нескольких этапов: 1) формирование исходного массива факторов; 2) ранжирование факторов; 3) включение в модель факторов, имеющих сравнительно высокий ранг.

Формирование исходного массива факторов осуществлялось на основе анализа опыта моделирования динамики численности населения и экспертного выбора.

Реализация этапа ранжирования факторов базировалась на методе анализа иерархий (далее – МАИ) [Саати, 1993]. Соответствующий метод уже находил свое применение при проведении ис-

следований в области экономики (см., к примеру [Белоусова, 2015, Новикова, 2008, Суспицин, 2005]). Ключевым преимуществом использования МАИ является возможность сопоставления в его рамках показателей (в настоящем исследовании – факторов динамики численности населения), имеющих разные единицы измерения или вовсе их не имеющих (качественных показателей).

Для построения в каждом из дальневосточных субъектов РФ иерархии факторов осуществлялись попарные сравнения их нормированных значений. Результаты соответствующих сравнений представлялись в виде матрицы (табл. 1).

Для количественной идентификации интегрального результата проведенных сравнений (ранга) по каждому фактору рассчитывались средние геометрические значения элементов каждой строки матрицы и оценивались их доли в общей сумме. Очевидно, что больший ранг приобретал фактор, доминирующий над другими.

Для определения иерархии факторов динамики численности населения в Дальневосточном макрорегионе в целом (при рассмотрении последнего в качестве совокупности из 11-ти субъектов РФ) осуществлялись следующие действия: проводилась группировка регионов на основе анализа динамики численности их населения (в первую группу входили наиболее благополучные регионы, в последнюю группу – наименее благополучные регионы); формировалась матрица, элементами которой являлись результаты парных сравнений регионов в специально заданной шкале (табл. 2); проводилась оценка согласованности матрицы [Саати, 1993]; рассчитывались ранги регионов; ранги факторов в каждом регионе взвешивались по рангам самих регионов.

В зависимости от числа выделяемых групп регионов значения элементов соответствующей матрицы парных сравнений определялись следующим образом: 1 – для регионов одной группы (значение элемента матрицы, находящегося на пересечении строки и столбца, соответствующих регионам одной группы); 3 – для регионов соседних групп; 5 – для регионов с разницей номеров групп, равной 2; 7 – для регионов с разницей номеров групп, равной 3; 9 – для регионов с разницей номеров групп, равной 4. Таким образом, интерпретация шкалы сравнений дальневосточных субъектов РФ по показателям динамики численности населения заключалась в следующем: 1 – равенство; 3 – умеренное доминирование; 5 – существенное доминирование; 7 – сильное доминирование; 9 – очень сильное доминирование. Оставшиеся элементы матрицы заполнялись обратными значениями по принципу симметричности: если, к примеру, элемент матрицы, находящийся на пересечении строки и столбца, соответствующих регионам из 2-ой и 3-ей групп, имел значение 3, то элемент матрицы, находящийся на пересечении строки и столбца, соответствующих регионам из 3-ей и 2-ой групп, имел значение 1/3 (см. табл. 2).

Интегральные для Дальнего Востока

Таблица 1

Матрица парных сравнений факторов для субъекта РФ

	Фактор 1 (f1)	**Фактор 2 (f2)**	**…**	**Фактор N (fN)**
Фактор 1 (f1)	f1/f1	f1/f2	…	f1/fN
Фактор 2 (f2)	f2/f1	f2/f2	…	f2/fN
…	…	…	…	…
Фактор N (fN)	fN/f1	fN/f2	…	fN/fN

Источник: составлено авторами.

Примечание: f1, f2, …, fN – нормированные значения факторов.

Таблица 2

Матрица парных сравнений дальневосточных субъектов РФ

Субъект РФ (принадлежность к группе)	**Регион 1 (группа 1)**	**Регион 2 (группа 2)**	**Регион 3 (группа 3)**	**Регион 4 (группа 4)**	**…**	**Регион 11 (группа 5)**
Регион 1 (группа 1)	1	3	5	7	…	9
Регион 2 (группа 2)	1/3	1	3	5	…	7
Регион 3 (группа 3)	1/5	1/3	1	3	…	5
Регион 4 (группа 4)	1/7	1/5	1/3	1	…	3
…	…	…	…	…	…	…
Регион 11 (группа 5)	1/9	1/7	1/5	1/3	…	1

Источник: составлено авторами.

ранги факторов рассчитывались по аналогии с интегральными рангами факторов в каждом регионе.

В качестве модельного аппарата, на примере которого в настоящем исследовании проводилась апробация подхода к отбору факторов динамики численности населения Дальнего Востока, использовалась линейная множественная регрессия. Помимо наличия необходимых статистических данных, ее построение предполагало соблюдение ряда «технических» условий. С точки зрения проблемы отбора факторов особо важным являлось требование о превосходстве их числа над количеством наблюдений как минимум в 6–7 раз. Поскольку, как уже было отмечено выше, проведение исследований на длинных временных интервалах не всегда представляется возможным, подход к отбору наиболее важных факторов является весьма востребованным.

Динамика численности населения дальневосточных субъектов РФ

Население Дальнего Востока продолжает ежегодно сокращаться. На начало 2024 г. численность жителей макрорегиона составила 7866,3 тыс. человек, сократившись за год на 37,5 тыс. человек. Если оценивать демографическую динамику за период активной федеральной политики в отношении макрорегиона, после объявления его государственным приоритетом XXI века, то общая убыль населения составила порядка 390 тыс. человек или 4,7% от численности на начало 2014 г. (табл. 3). Как видно из представленной ниже таблицы, за последние десять лет единственным дальневосточным субъектом РФ с положительным приростом населения (практически на 5%) стала Республика Саха (Якутия). Более 10% численности населения потеряли Магаданская и Еврейская автономная области. Демографические результаты Республики Бурятия за анализируемый период характеризовались минимальной убылью населения – всего 0,1%.

На фоне общей нисходящей демографической динамики за последнее десятилетие, можно выделить два периода: 2014–2017 гг. и 2018–2024 гг., различия между которыми состоят в динамике естественной и миграционной компоненты. До 2017 г. в макрорегионе сохранялся положительный естественный прирост, что позволяло частично компенсировать миграционные потери. Основной вклад в формирование суммарного по Дальнему Востоку показателя внесли шесть дальневосточных субъектов РФ, естественная динамика в которых на протяжении всего периода была положительной (Республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский и Камчатский края, Сахалинская область, Чукотский автономный округ). В отличие от перечисленных регионов в Хабаровском крае и Магаданской области положительная разница между рождаемостью и смертностью наблюдалась не на всем периоде, а только в отдельные годы (в Хабаровском крае в 2014–2016 гг., в Магаданской области в 2014–2015 гг.). Что касается результативности миграционных

Таблица 3

Численность населения дальневосточных субъектов РФ на начало года, человек

Территория	2014	2024	прирост	
			чел.	%
Дальневосточный федеральный округ	8255021	7866344	-388677	-4,7
Республика Бурятия	972842	971922	-920	-0,1
Республика Саха (Якутия)	956219	1001664	45445	4,8
Забайкальский край	1078755	984395	-94360	-8,7
Камчатский край	314275	288947	-25328	-8,1
Приморский край	1932577	1806393	-126184	-6,5
Хабаровский край	1337495	1278132	-59363	-4,4
Амурская область	808726	750083	-58643	-7,3
Магаданская область	149810	133387	-16423	-11,0
Сахалинская область	485421	457590	-27831	-5,7
Еврейская автономная область	168953	145802	-23151	-13,7
Чукотский автономный округ	49948	48029	-1919	-3,8

Источник: Численность постоянного населения на 1 января. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31557 (дата обращения: ноябрь 2024)

потоков, то на протяжении всего периода она была отрицательной во всех дальневосточных субъектах РФ. Единственным случаем положительного прироста стал 2017 г. для Сахалинской области.

О неоднородности дальневосточного макрорегиона свидетельствует и распределение субъектов по типам демографической динамики [Грицко, 2024]. За последние пять лет количество регионов с восходящей динамикой не превышало трех, большая же часть регионов характеризуется нисходящей демографической динамикой (табл. 4).

Учитывая неоднородность демографических процессов в территориальном разрезе, все дальневосточные субъекты были разбиты на четыре группы в зависимости

Таблица 4

Распределение дальневосточных субъектов РФ по компонентам демографической динамики, ед.

Тип динамики	2019	2020	2021	2022	2023
Восходящая динамика	***3***	***1***	***2***	***0***	***3***
ЕП+МП	**3** Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ	**1** Республика Саха (Якутия)	**1** Республика Саха (Якутия)	**0**	**2** Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ
ЕП > МУ	0	0	0	0	0
МП > ЕУ	0	0	**1** Чукотский автономный округ	0	**1** Камчатский край
Нисходящая динамика	***8***	***10***	***9***	***11***	***8***
ЕУ + МУ	**8** Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область	**8** Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область	**7** Забайкальский, Камчатский, Приморский, края, Амурская, Магаданская, области, Еврейская автономная область	**11** Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ	**8** Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область
ЕП < МУ	**0**	**2** Республика Бурятия, Чукотский автономный округ	**0**	**0**	**0**
МП < ЕУ	**0**	**0**	**2** Хабаровский край, Сахалинская область	**0**	**0**

Примечание: ЕП – естественный прирост, МП –миграционный прирост, ЕУ – естественная убыль, МУ – миграционная убыль.

Источник: составлено автором по: Общий прирост населения. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31272; Естественный прирост за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31018 (дата обращения: октябрь 2024 г.)

от результативности общего движения населения. Критерием распределения регионов по группам выступало среднее значение коэффициента общего прироста населения за период 2016–2022 гг. В первую группу вошли Республики Бурятия и Саха (Якутия), Чукотский автономный округ как наиболее «успешные» в демографическом измерении дальневосточные территории (коэффициент общего прироста положителен в Республике Саха (Якутия), в остальных регионах – минимальное отрицательное значение – не более 0,5 промилле). Во вторую группу вошли Камчатский и Хабаровский края, а также Сахалинская область со средним значением коэффициента за период не превышающем -5 промилле. Третья группа включала Забайкальский край и Амурскую область с показателем отрицательного общего прироста населения порядка 7 промилле в год. И в четвертую группу вошли самые неблагополучные с точки зрения демографической динамики субъекты макрорегиона, в которых среднее значение коэффициента общего прироста населения превысило -10 промилле.

Результаты исследования

В научной литературе представлен значительный массив исследований, посвященных моделированию как общей численности населения, так и отдельных демографических процессов, оказывающих на нее влияние (рождаемости, смертности, миграционного движения). При этом нет единого подхода к определению факторов, детерминирующих изменение численности населения. Традиционно выделяются показатели, связанные с уровнем доходов населения, возрастной структурой, бюджетными расходами социальной направленности, обеспеченностью социальной инфраструктурой и другие [см., например: Бойцов и др., 2016; Кашепов, 2019; Кашепов, 2020; Попова, 2022; Федоров, 2021]. В рамках данного исследования для тестирования подхода к отбору факторов динамики численности населения в число последних были включены: среднедушевой денежный доход (СДД); уровень занятости (УЗ); общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (ЖП); расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение (ЗД) и социальную политику (СП), рассчитанные на душу населения.

Для приведения значений вышеуказанных показателей к единому «формату» осуществлена их нормировка по отношению к среднероссийскому уровню. Для нивелирования региональных ценовых различий (удорожаний) учитывалась разница стоимостей фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

Как видно из таблицы 5, для трех групп дальневосточных субъектов РФ (1, 2 и 4) характерна одинаковая иерархия исследуемых факторов (при разнице значений рангов последних). Наиболее высокие ранги имеют расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение и социальную политику, а также уровень занятости.

В третьей группе регионов в лидирующую тройку факторов, помимо расходов на здравоохранение и социальную политику, включается общая площадь жилых помещений на одного жителя.

При переходе от средних за период оценок рангов факторов к их годовой динамике фиксируется доминирование среднедушевого денежного дохода над уровнем занятости в 1-ой группе регионов в 2016 г., 2021 г., 2022 г., во 2-ой группе – в 2020 г., 2021 г.; в 3-ей группе доминирование среднедушевого дохода над площадью жилых помещений в 2021 г., 2022 г.; в 4-ой группе – площади жилых помещений над уровнем занятости в 2016 г., 2018 г.

Оценки интегральных рангов факторов численности населения Дальнего Востока с учетом иерархии регионов

Таблица 5

Иерархия (ранги) факторов динамики численности населения дальневосточных субъектов РФ, 2016–2022 гг.

Группа регионов / Фактор	1	2	3	4
ЗД	0,285	0,267	0,150	0,281
СП	0,243	0,244	0,243	0,231
УЗ	0,165	0,168	0,213	0,170
СДД	0,164	0,166	0,196	0,152
ЖП	0,143	0,155	0,198	0,166

Источник: оценки авторов.

представлены в таблице 6.

Наибольшие значения рангов в 2016–2020 гг. свойственны для расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение и социальную политику, а также уровня занятости; в 2021–2022 гг. среднедушевой денежный доход приобрел более высокий рейтинг по сравнению с уровнем занятости.

Поскольку период исследования является недостаточным для получения статистически надежных оценок коэффициентов эконометрической модели динамики численности населения от вышеуказанных факторов, построение и ее количественный анализ осуществлялись при панельной организации исходного массива данных по дальневосточным субъектам РФ из групп с одинаковой иерархией факторов (1-ая, 2-ая, 4-ая группы регионов).

Количество наблюдений при соответствующей организации исходного массива позволило включить в регрессионную модель все пять факторов и осуществить проверку выдвинутой выше гипотезы о необходимости первоочередного включения в модель тех факторов, которые имеют сравнительно наибольшие ранги. При этом, несмотря на то, что МАИ позволяет идентифицировать иерархию факторов в условиях их мультиколлинеарности, получение статистически надежных оценок коэффициентов регрессии этого не предполагает. Как следствие, необходимым этапом, предваряющим моделирование динамики численности населения, являлось построение корреляционной матрицы факторов (табл. 7) и исключение из анализа тех из них, которые имели тесную взаимосвязь с другими факторами и относительно слабую связь с результативным признаком.

Анализ данных таблицы привел к вынужденному исключению из числа факторов расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на здравоохранение и среднедушевого денежного дохода.

Количественный анализ коэффициентов регрессии проводился в рамках модели с фиксированными эффектами. Результаты тестирования качества оценок согласовывались с гетероскедастичностью остатков. Для повышения статистической надежности модели в нее был включен фактор времени. К факторам и результирующему признаку модели была применена процедура логарифмирования (табл. 8).

Выявлено положительное влияние расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную политику на динамику численности населения Дальневосточного макрорегиона. Так, при увеличении объема соответствующих расходов на 1% прирост населения составит 0,96%. При этом уровень занятости и временной фактор оказывают отрицательное влияние на динамику численности населения. Фактор обеспеченности площадью жилых помещений оказывается значимым в оцененной модели, но на более низком уровне, что при определенных условиях и исследовательской мотивации может являться основанием для исключения его из модели.

Таблица 6

Интегральные ранги факторов динамики численности населения Дальнего Востока

Год / Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ЗД	0,280	0,268	0,306	0,271	0,247	0,259	0,244
СП	0,231	0,245	0,260	0,232	0,242	0,258	0,260
УЗ	0,167	0,171	0,186	0,175	0,177	0,168	0,172
СДД	0,163	0,162	0,178	0,167	0,174	0,169	0,176
ЖП	0,159	0,154	0,164	0,155	0,160	0,145	0,148

Источник: оценки авторов.

Таблица 7

Матрица парных корреляций факторов

	Численность	СП	СДД	ЗД	УЗ	ЖП
Численность населения	1,00					
СП	0,92	1,00				
СДД	-0,55	-0,30	1,00			
ЗД	0,77	0,87	0,02	1,00		
УЗ	-0,59	-0,41	0,92	-0,09	1,00	
ЖП	-0,40	-0,20	0,64	0,00	0,56	1,00

Источник: оценки авторов.

Таблица 8

Оценки коэффициентов модели динамики численности населения Дальнего Востока

Факторы	ln(A)	ln(СП)	ln(УЗ)	t	ln(ЖП)
Коэффициент	15,08*	0,96*	-2,12*	-0,09*	-0,72**
t-статистика	8,64	12,89	-4,86	-4,80	-1,61
R^2	0,93		F-статистика	211,16*	

*Примечание: А – свободный член; * уровень значимости 0,01; ** уровень значимости 0,10.*

Источник: оценки авторов.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают, что ранжирование факторов динамики численности населения с точки зрения «статистической приоритетности» в экономике может выступать критерием для отбора последних в линейную аддитивную регрессионную модель. При этом для применимости сделанного вывода к иным случаям (показателям, моделям, периодам и т. д.) необходимо проведение дополнительных исследований, позволяющих расширить доказательную базу. Между тем, полученные результаты позволили показать применимость исследуемого подхода для количественной идентификации пространственной неоднородности и динамики иерархии факторов, их отличий на разных уровнях декомпозиции объекта исследования, что особенно актуально в условиях Дальневосточной экономики.

Список источников:

1. Белоусова, А. В. Оценка приоритетов развития экономики РФ на примере общественной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 34-43. EDN: VSZTNX

2. Бойцов, С. А., Самородская, И. В., Семенов, В. Ю. Влияние медицинских и немедицинских факторов на смертность населения: экономические факторы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. № 24 (6). С. 335–339. DOI: 10.18821/0869-866X-2016-24-6-335-339 EDN: XGVJGJ

3. Грицко, М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока и ее компоненты: итоги 2014–2023 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 2 (107). С. 36–42 DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-36-42 EDN: QYIAYE

4. Кашепов, А. В. Прогнозирование рождаемости на основе экономических факторов // Уровень жизни населения регионов России. 2019. №1 (211). С. 48−58 DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10053 EDN: MXJODQ

5. Кашепов, А. В. Социально-экономические факторы смертности в период с 2000 по 2020 гг. // Социально-трудовые исследования. 2020. № 3 (40). С. 18–30. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-18-30 EDN: DUNFIM

6. Новикова, Н. И. Выбор стратегии с помощью метода анализа иерархий // Экономическая наука современной России. 2008. № 1. С. 162–164. EDN: JWPXZF

7. Попова, Л. А. Уровень и структура рождаемости населения Республики Коми: факторы, тенденции, перспективы // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 6. С. 77–93. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.5 EDN: OKKUYU

8. Прокапало, О. М., Бардаль, А. Б., Исаев, А. Г., Мазитова, М. Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2023 г. // Пространственная экономика. 2024. Т. 20. № 2. С. 122–166. DOI: 10.14530/se.2024.2.122-166 EDN: AISUGG

9. Саати, Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.

10. Суспицын, С. А. Статистические оценки приоритетов федеральной социально-экономической политики // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 91–102. DOI: 10.14530/se.2005.1.091-102 EDN: KVNFJL

11. Федоров, Г. М. О факторах и особенностях динамики и региональной дифференциации рождаемости в постсоветской России // Региональные исследования. 2021. № 2. С. 48–60. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-2-5 EDN: UQBPID

References:

1. Belousova, A. V. (2015) Evaluating Priorities of Economic Development of the Russian Federation: Public Infrastructure Case. Regionalistica=Regionalistics, vol. 2, no. 5–6, pp. 34–43 (in Russ.).

2. Boitsov, S. A., Samorodskaia, I. V., Semenov, V. Yu. (2016) The impact of medical and non-medical factors on population mortality:the economic factors *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, health care and history of medicine], no. 6 (24), pp. 335-339. DOI: 10.1016/0869-866X-2016-24-6-335-339 (in Russ.).

3. Gritsko, M. A. (2024) Demographic dynamics of the Far East and its components: results of 2014–2023 *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2 (107), pp. 36–42 https://doi.org/10.22394/1818-%204049-2024-107-2-36-42 (in Russ.).

4. Kashepov, A. V. (2019) Forecasting Fertility Based on Economic Factors. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standard of the population of Russia's regions, no. 1 (211), pp. 48−58. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10053 (in Russ.).

5. Kashepov, A. V. (2020) Socio-economic factors of mortality from 2000 to 2020 *Sotsial'no-trudovyye issledovaniy* [Social and labor research], no. 3 (40), pp.18–30. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-18-30 (in Russ.).

6. Novikova, N. I. (2008) Choosing a strategy using the method of analyzing hierarchies *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia], no. 1, pp. 162–164 (in Russ.).

7. Popova, L. A. (2022) The Level and Structure of Birth Rate in the Komi Republic: Factors, Trends, Prospects *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development], vol. 26, no. 6, pp. 77–93. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.5 (in Russ.).

8. Prokapalo, O. M., Bardal, A. B., Isaev, A. G., Mazitova, M. G. (2024) Economic Situation in the Far Eastern Federal District in 2023. Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics, vol. 20, no. 2, pp. 122–166. https://dx.doi.org/10.14530/se.2024.2.122-166 (in Russ.).

9. Saati, T. (1993) Decision Making. The Hierarchy Analysis Method. Moscow: Radio and Communications, 278 p. (in Russ.).

10. Suspitsyn, S. A. (2005) Statistical assessments of priorities of federal socio-economic policy. Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics, no. 1, pp. 91–102. DOI: 10.14530/se.2005.1.091-102 (in Russ.).

11. Fedorov, G.M., (2021) On the factors and features of fertility dynamics and regional differentiation in post-Soviet Russia *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Studies], no. 2, pp. 48–60. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-2-5 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Информация об авторах

А. В. Белоусова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН;

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the authors

A. V. Belousova – Candidate of sciences (economics), Senior Research Associate, Department of Regional Modeling, Forecasting and Foreign Economic Relations, the Economic Research Institute FEB RAS;

M. A. Gritsko – Candidate of sciences (economics), Scientific Secretary, Senior Research Associate, Department of Social Development, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 330.322(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-26-38

Привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику российского Дальнего Востока в 2020-е годы: смена тренда

Денис Владимирович Суслов
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
suslov@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0001-5866-4369

Аннотация. *В статье представлены параметры привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику Дальневосточного федерального округа в 2019–2021 гг. Качественно оценены сформировавшиеся тренды привлечения ПИИ в экономику Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 2010-е г. и на рубеже 2019–2021 гг. на основе анализа динамики поступления ПИИ в территориальном, отраслевом и страновом разрезе (в т. ч. из стран Северо-Восточной Азии) по данным Банка России. Установлено, что в ДФО вплоть до периода 2022–2024 гг. сохранялась существенная отраслевая асимметрия в привлечении ПИИ; подавляющая часть (порядка 90%) накопленных ПИИ концентрировалась в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых вместе с геологоразведкой. При этом географическая структура привлекаемых ПИИ в ДФО сохранялась, также как и существенно не менялось их территориальное распределение по субъектам ДФО. Кроме этого, определено, что в условиях новой геополитической реальности, санкционного давления и прямых запретов со стороны недружественных стран, выхода компаний из реализуемых на Дальнем Востоке крупных и средних проектов, с высокой степенью вероятности можно констатировать негативные тенденции как в текущих притоках ПИИ в экономику региона, особенно из недружественных стран (включая Японию и Республику Корея), так и снижение общих остатков ПИИ в целом для ДФО и его субъектов. Выявлено, что текущая финансово-хозяйственная деятельность предприятий с иностранным участием в 2022–2023 гг. продолжилась и существенно не изменилась, внося свой вклад в экономическое развитие региона в целом и его субъектов в частности. Несмотря на существующие геополитические риски и экономическую неопределенность в 2022–2024 гг., в реализуемых иностранными инвесторами проектах (особенно китайских) в целом на территориях с особыми режимами сохранилась положительная динамика капиталовложений, которые, к сожалению, все еще не привели к серьезному изменению взаимодействия ПИИ и региональной макро- и микроэкономики.*

Ключевые слова: *Дальневосточный федеральный округ, прямые иностранные инвестиции, регионы, отрасли, ТОР, СПВ, проекты, страны СВА, барьеры, геополитические риски*

Для цитирования: Суслов, Д. В. Привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику российского Дальнего Востока в 2020-е годы: смена тренда // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 26–38. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-26-38

Original article

Attracting Foreign Direct Investment into the Economy of the Russian Far East in the 2020s: The Change of Trend

Denis V. Suslov
The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
suslov@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0001-5866-4369

Abstract. *The article presents the parameters for foreign direct investment (FDI) attracting into the economy of the Far Eastern Federal District (FEFD) in 2019–2021. The article qualitatively assesses the established trends in attracting foreign direct investment (FDI) to the economy of the Far Eastern Federal District (FEFD) in the 2010s and at the turn of 2019–2021 based on the analysis of the dynamics of FDI inflows by territory, industry and country (including NEA countries) according to the Bank of Russia. It is found that significant industry asymmetry in FDI attracting remained in the FEFD until the period 2022–2024; the overwhelming majority (about 90%) of accumulated FDI was concentrated in the extraction of fuel and energy minerals together with geological exploration. At the same time, the geographic structure of FDI attracted to the FEFD remained the same, as well as their territorial distribution among the subjects of the FEFD did not change significantly. In addition, it is determined that in the context of the new geopolitical reality, sanctions pressure and direct prohibitions from unfriendly countries, the withdrawal of companies from large and medium-sized projects implemented in the Far East, there is a high degree of probability for forming negative trends both in the current inflows of FDI into the economy of the region, especially from unfriendly countries (including Japan and the Republic of Korea), and a decrease in the total balances of FDI in general for the Far Eastern Federal District and its subjects. It is revealed that the current financial and economic activities of enterprises with foreign participation in 2022–2023 continued and did not change significantly, contributed to the economic development of the region and its subjects. Despite the existing geopolitical risks and economic uncertainty in 2022–2024, in general, positive dynamics of capital investments in projects implemented by foreign investors (especially Chinese investors) in territories with special regimes have been maintained, which, unfortunately, have not yet led to a serious change in the interaction of FDI and the regional macro- and microeconomy.*

Keywords: *Far Eastern Federal District, foreign direct investment, regions, industries, TOR, FPV, projects, NEA countries, barriers, geopolitical risks*

For citation: Suslov D. V. (2024) Attracting Foreign Direct Investment into the Economy of the Russian Far East in the 2020s: The Change of Trend *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 26–38. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-26-38

Введение

В настоящее время статистика по накопленным прямым иностранным инвестициям (далее – ПИИ) субъектов федерации РФ, по структуре инвестиций по странам, географическим и экономическим зонам прямых инвесторов, видам экономической деятельности в России формируется Центральным банком РФ (далее – ЦБ РФ) по новой методологии.[1] В этой статье будут представлены последние доступные данные по ПИИ, сформированные ЦБ РФ к началу 2022 г. Также будут представлены доступные данные по привлечению иностранных инвестиций в ДФО в 2022–2024 гг. на территориях с преференциальным режимом в условиях роста геополитических рисков и нехватки данных ЦБ РФ, а также информация о функционирующих предприятиях с иностранными инвестициями в ДФО в целом и его субъектах.

ПИИ в экономике Дальнего Востока в 2019–2021 гг.

В таблице 1 представлены данные по поступлению ПИИ по субъектам Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) в 2019–2021 гг.

Как видно из данных таблицы 1, а также данных о накопленных объемах прямых иностранных инвестиций (табл. 3) Сахалинская область остается безусловным лидером среди регионов ДФО по их привлечению. Этот регион стабильно получает более половины от всего объема поступлений ПИИ в ДФО. Так, в 2021 г.

[1] *Методология официального статистического учета прямых инвестиций в Российскую Федерацию и прямых инвестиций из Российской Федерации за рубеж. URL: cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth-kom-di/ ; Указание Центрального Банка Российской Федерации (Банк России) от 28 декабря 2014 года № 3519-У «Об утверждении порядка предоставления в Банк России первичных статистических данных о прямых инвестициях».*

его доля составила 51,5%. По итогам пандемийного 2020 г. общий приток ПИИ (без учета изъятий) в дальневосточный регион снизился и составил 77% от показателей 2019 г. При этом иностранные инвесторы практически «не отметились» в Еврейской АО, минимальные доли поступающих объемов ПИИ показали Республика Бурятия, Чукотский АО, Магаданская область. Более высокие показатели поступающих ПИИ наблюдались в остальных субъектах ДФО, включающих Забайкальский, Хабаровский и Камчатский края. Стабильное привлечение ПИИ было отмечено в Республике Саха (Якутия) и Приморском крае. В 2021 г. иностранные инвесторы также были «не заметны» в Еврейской АО, Магаданской области и в Республике Бурятия; незначительную долю поступающих объемов ПИИ показал Чукотский АО. Более высокие показатели поступающих ПИИ наблюдались в остальных субъектах ДФО, включающих Республику Саха (Якутия), Забайкальский, Хабаровский и Камчатский края. Мощное привлечение ПИИ (рост в 4,5 раза) было отмечено в Амурской области, так называемом новом дальневосточном центре притяжения прямых инвестиций (табл. 1).

Отметим, что по данным за 2020 г. так называемое «чистое привлечение» ПИИ 1,342 млрд долл. (сальдо поступивших и изъятых прямых инвестиций) составило 61% от годового сальдо 2019 г., но уже в 2021 г. оно превысило показатели допандемийного 2019 г. на 15,5% и составило 2538 млн долл. При этом это сальдо не для всех субъектов ДФО сопоставимо с объемами поступивших ПИИ (табл. 1 и табл. 2). В целом по ДФО за 2021 г. объемы поступающих ПИИ составили 6,335 млрд долл., что лишь на 6,5% меньше, чем показатель допандемийного 2019 г.

По данным таблицы 3 в разрезе субъектов ДФО показаны в соответствии с принципом активов/пассивов[2] как общие остатки ПИИ (т. е. накопленные обязательства субъектов по инвестициям), так и остатки по видам прямых инве-

Таблица 1

Поступление ПИИ по субъектам ДФО* в 2019–2021 гг., млн долл., %

Субъект ДФО	2019	2020	2021
ДФО	6770 100	5227 100	6335 100
Республика Бурятия	199 2,94	7 0,13	3 0,05
Республика Саха (Якутия)	1168 17,25	1114 21,31	652 10,29
Забайкальский край	112 1,65	113 2,16	268 4,23
Камчатский край	55 0,81	88 1,68	242 3,82
Приморский край	415 6,13	404 7,73	486 7,67
Хабаровский край	576 8,51	158 3,02	263 4,15
Амурская область	317 4,69	249 4,76	1123 17,73
Магаданская область	10 0,15	4 0,08	3 0,05
Сахалинская область	*3835* *56,65*	*3051* *58,37*	*3264* *51,52*
Еврейская автономная область	35 0,52	1 0,02	1 0,02
Чукотский автономный округ	47 0,7	38 0,73	50 0,79

*Примечание: * данные без учета изъятия прямых инвестиций.*
Источник: Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/

[2] *См. подробнее Различия в подходах представления данных по прямым инвестициям: принцип активов/пассивов и принцип направленности. URL: cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/meth_20201217/*

Таблица 2

Сальдо поступления ПИИ в субъектах ДФО в 2019–21 гг., млн долл.

Субъект ДФО	2019	2020	2021
ДФО	2196	1342	2538
Республика Бурятия	59	7	2
Республика Саха (Якутия)	-50	-23	-51
Забайкальский край	-4	13	34
Камчатский край	4	12	194
Приморский край	175	73	149
Хабаровский край	-149	9	28
Амурская область	208	172	1024
Магаданская область	-92	-2	0
Сахалинская область	1964	1068	1132
Еврейская автономная область	35	-2	1
Чукотский автономный округ	47	15	25

Примечание: данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов (с учетом изъятия прямых инвестиций в отчетном году). Знак сальдо операций по строке «Прямые инвестиции»: «+» означает превышение активов над обязательствами; «-» означает превышение обязательств над активами.

Источник: Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/

Таблица 3

Остатки по ПИИ в разрезе инструментов в субъектах ДФО, млн долл.

Субъект ДФО	на 01.01.2020			на 01.01.2021			на 01.01.2022		
	Всего	Участие в капитале	Долговые инструменты	Всего	Участие в капитале	Долговые инструменты	Всего	Участие в капитале	Долговые инструменты
ДФО	73995	69265	4730	79944	75264	4680	98092	93584	4508
Республика Бурятия	301	18	283	309	21	288	198	184	14
Республика Саха (Якутия)	2510	1418	1092	2418	1199	1219	3299	2091	1208
Забайкальский край	1487	1029	458	1807	1343	464	2914	2440	474
Камчатский край	229	184	45	182	59	123	187	51	136
Приморский край	3269	1911	1358	2986	1584	1402	3382	1876	1506
Хабаровский край	647	362	285	691	414	277	804	646	158
Амурская область	966	904	62	784	730	54	1446	927	519
Магаданская область	7	-2	9	7	-1	8	6	-1	7
Сахалинская область	63988	62983	1006	70115	69398	717	84008	83682	326
Еврейская автономная область	218	97	120	198	97	102	356	255	101
Чукотский автономный округ	373	361	13	446	420	27	1492	1434	58

Примечание: данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов (как в табл. 2)

Источник: Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/

стиций (участие в капитале и долговым инструментам). К настоящему времени наиболее масштабными объектами вложениями ПИИ являются предприятия дальневосточного энергетического сектора как в сфере добычи, так и переработки, транспортировки газа и нефти. По этим причинам к началу 2021 г. доля Сахалинской области составляла порядка 87% в общих остатках ПИИ в ДФО.

Подавляющий объем привлекаемых ПИИ в ДФО по типу инвестиций связан с

прямым участием в капитале компаний, что было характерно для 2010-х гг. [Суслов, 2010] Что касается долговых инструментов, то основными реципиентами данного типа ПИИ на Дальнем Востоке являются организации Приморского и Забайкальского краев, Республики Саха (Якутия), Сахалинской области, Республики Бурятии, а в 2021 г. стала и Амурская область. Так, к началу 2022 г. остатки ПИИ (накопленный объем) в дальневосточной экономике составил порядка 98,092 млрд долл.

При этом на Дальнем Востоке отмечается существенная отраслевая асимметрия в привлечении ПИИ. Подавляющая часть (порядка 91% к началу 2021 г.) накопленных прямых иностранных инвестиций концентрируется в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых вместе с геологоразведкой, а остальная – в обрабатывающих производствах, пищевой промышленности, транспортировке и хранении. В третичном секторе экономики ПИИ были сосредоточены главным образом в предоставлении профессиональных, научных и технических услуг, операциях с недвижимым имуществом (табл. 4).

В таблице 5 приведены подробные данные по отраслевой структуре накопленных ПИИ по субъектам Российской Федерации ДФО на 01.01.2022 г.

Распределение накопленных ПИИ в ДФО по странам-источникам инвестиций указывает на то, что в 2019–2021 гг. основными источниками привлечения ПИИ в округе оставались оффшорные территории и прочие источники – категория «не распределено по странам» при наличии так называемых «конфиденциальных данных» (табл. 6).

Вышеописанная картина давно характерна и для российской экономики в целом. [Дементьев, 2017, Дементьев, 2022] Это можно объяснить сохранением каналов финансирования крупнейших нефтегазовых и других проектов через оффшорные юрисдикции, этим объясняется и незаметная доля Японии как страны-инвестора, несмотря на участие компаний этой страны в сахалинских проектах. Так, по данным таблицы 6 о накопленных ПИИ в регионе на 01.01.2022 г. видно, что источником 88% поступивших ПИИ на Дальний Восток являются оффшоры, такие как Багамы, Бермуды, Кипр, тогда как на страны Северо-Восточной Азии пришлось лишь 1,26%.

В таблице 7 приведены подробные данные по географической структуре накопленных ПИИ по субъектам Российской Федерации ДФО на 01.01.2022 г.

Из-за отсутствия данных ЦБ РФ по привлечению ПИИ в ДФО за 2022–2024 гг. далее проследим по косвенным признакам из официальных статистических данных Росстата масштабы вовлечения в экономику ДФО зарубежного капитала и его участие в развитии дальневосточной экономки; оценим его роль как в целом для округа, так в разрезе его субъектов, а также покажем, каким образом развивались тенденции привлечения иностранных инвестиций в территории с особыми режимами в ДФО. В таблице 8 представлены данные по числу предприятий с иностранным участием в целом и по субъектам ДФО на начало 2021 г. и 2023 г.

Предприятия с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке России

Как видно из таблицы 8, доля общего числа таких предприятий в общем числе предприятий для ДФО невелика (порядка 3,8%), хотя для некоторых субъектов (Республика Бурятия, ЕАО, Амурская область, Забайкальский край и Приморский край) эта доля сопоставима или выше. Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что кардинальных изменений в текущей работе предприятий с иностранным участием в ДФО не произошло, не считая крупнейших мегапроектов в нефтегазовой сфере Сахалина, где даже смена оператора и акционеров проекта не остановила работу предприятий[3] и их вклад в развитие как областной экономики, так и ДФО.

Если проследить результаты (табл. 9)

[3] *Проект «Сахалин-1» возобновил добычу и продажу нефти. RCC. 10 февраля 2023. URL: http://rcc.ru/article/proekt-quot-sahalin-1quot-vozobnovil-dobychu-i-prodazhu-nefti-95527#astart (дата обращения: 23.10.2024); «Сахалинская энергия» сохраняет стабильные объемы производства СПГ. RCC. 2 октября 2024. URL: http://rcc.ru/article/quot-sahalinskaya-energiyaquot-sohranyaet-stabilnye-obemy-proizvodstva-spg-105717#astart (дата обращения: 23.10.2024).*

Таблица 4

Остатки ПИИ по видам экономической деятельности[4] в ДФО, млн долл.

Вид экономической деятельности	**на 01.01.2020**	**на 01.01.2021**	**на 01.01.2022**
Всего	73995	79944	98092
Деятельность в области культуры, спорта, досуга и развлечений	128	86	87
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	3	4	2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	280	242	249
Деятельность профессиональная, научная и техническая	1240	879	433
Деятельность финансовая и страховая	0	198	0
Добыча полезных ископаемых	*66381*	*72767*	*89996*
Обрабатывающие производства	264	270	317
Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство	88	215	-109
Строительство	92	91	82
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	144	-3	124
Транспортировка и хранение	1458	1112	1233
Не распределено по видам экономической деятельности	3917	4082	5678

Примечания: данные включают инвестиции в банки и прочие секторы; в графу «Не распределено по видам экономической деятельности» включены конфиденциальные данные. Данные ЦБ РФ в таблице 3 и таблице 4 соответствуют методологии шестого издания Руководства по платежному балансу и международной инвестиционной позиции[3] МВФ и представлены в соответствии с принципом активов/пассивов.

Источник: Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/

финансово-хозяйственной деятельности предприятий с иностранным участием в разрезе субъектов ДФО по итогам 2022 г., то можно отметить достаточно высокую долю таких предприятий (18,48%) в обороте реализованных товаров (работ, услуг) для ДФО. При этом для таких субъектов, как ЕАО и Сахалинская область, она уже носит превалирующий характер (72,4 % и 61,32% соответственно), а для Забайкальского края (32,71%) и Республики Саха (Якутия) (20,68%) имеет высокое значение.

Иностранные инвестиции на территориях с особым режимом

С середины 2010-х гг. Россия реализует на Дальнем Востоке государственную политику, направленную на улучшение инвестиционного климата и стимулирование реализации проектов с иностранными инвестициями, путем создания и развития территорий опережающего развития (далее – ТОР) и свободного порта Владивосток (далее – СПВ), предоставле-

[4] *Определение видов экономической деятельности соответствует основным классификационным категориям четвертого пересмотренного варианта Международной стандартной отраслевой классификации ООН (ISIC4) и ее европейского эквивалента (NACE2). Данные по хозяйствующим субъектам, получающим прямые инвестиции, были изначально сформированы на базе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) по основному виду деятельности и затем перегруппированы по методологии ISIC4. Начиная с данных на 01.04.2017 г. используется ОКВЭД2. Основным видом экономической деятельности коммерческой организации является тот вид, который по итогам предыдущего года имеет наибольший удельный вес в общем объеме выпущенной продукции и услуг.*

[5] *Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Вашингтон, округ Колумбия: Международный Валютный Фонд. 2012. URL: https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/bop/2007/bopman6r.pdf (дата обращения: 04.10.2024)*

Таблица 5

Отраслевая структура остатков ПИИ в ДФО по субъектам на 01.01.2022 г., млн долл.

Субъект ДФО	**Всего**	**Амурская область**	**ЕАО**	**Камчатский край**	**Приморский край**	**Республика Саха**	**Сахалинская область**	**Хабаровский край**	**ЧАО**	**Забайкальский край**	**Республика Бурятия**
ДФО	98092	14466	356	187	3382	3299	84008	804	1492	2914	198
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	249	52	9	1	64	13	64	25	-	4	19
Деятельность профессиональная, научная и техническая	433	43	-	-	13	-	246	82	43	1	-
Деятельность финансовая и страховая	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Добыча полезных ископаемых	*89996*	356	-	-	10	2078	83588	39	1391	2532	-
Обрабатывающие производства	317	-	-	-	290	14	13	-	-	-	-
Сельское, лесное хозяйство, охота и рыболовство	-109	4	-	-	26	-	-	-145	-	6	-
Строительство	82	12	-	-	30	-	6	19	-	5	-
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	124	2	-	-	73	-	19	30	-	-	10
Транспортировка и хранение	1233	-	-	-	1230	-	3	-	-	-	-
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	87	-	-	-	87	-	-	-	-	-	-
Не распределено*	5678	977	347	186	1557	1194	69	754	58	366	169

*Примечание: без Магаданской области, * - не распределено по видам экономической деятельности, в т. ч. конфиденциальные данные. Данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов (как в табл. 2)*

Источник: Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/

Таблица 6

Географическая структура остатков ПИИ в ДФО, млн долл.

Страна, юрисдикция	на 01.01.2020	на 01.01.2021	на 01.01.2022
Всего	73995	79944	98092
Багамы	25862	21906	21721
Бермуды	36939	47369	61859
Кипр	4530	3365	3111
Не распределено, в т. ч. конфиденциальные данные	4642	5674	8570
Прочие страны, в т. ч.:	3677	1630	1593
- Китай	566	572	842
- Республика Корея	212	184	175
- Япония	187	175	221

Примечание: включены инвестиции в банки и прочие секторы

Источник: Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/

Таблица 7

Страновая структура остатков ПИИ в ДФО по субъектам на 01.01.2022 г., млн долл.

Страна, юрисдикция	Всего	Амурская область	ЕАО	Камчатский край	Магаданская область	Приморский край	Республика Саха	Сахалинская область	Хабаровский край	ЧАО	Забайкальский край	Республика Бурятия
ДФО	98092	1446	356	187	6	3382	3299	84008	804	1492	2914	198
Австралия	5	-	-	-	-	4	-	-	1			
Багамы	21721	-	-	-	-	-	-	21721	-	-	-	-
Бермуды	61859	-	-	-	-	-	-	61859	-	-	-	-
Британские Виргинские острова	25	-	-	-	-	19	-	-	-	-	6	-
Вьетнам	2	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Германия	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Гонконг	104	-	-	-	-	104	-	-	-	-	-	-
Кипр	3111	270	-	-	-	1326	108	39	923	424	22	-1
Китай	842	280	3	-	-	-55	1	1	11	-	585	16
Республика Корея	175	-	-	-	-	145	-	21	9	-	-	-
Нидерланды	1289	-	-	-	-	-	1163	126	-	-	-	-
Панама	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сингапур	56	-	-	-	-	84	-	-	-28	-	-	-
Великобритания	4	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
США	51	-	-	-	-2	31	-	22	-	-	-	-
Япония	221	-	-	-	-	193	-	19	9	-	-	-
Другие страны	57	9	1	2	-	19	12	5	2	-	1	6
Не распределено по странам	8570	883	352	185	8	1510	2015	195	-123	1068	2300	177

Примечание: данные представлены в соответствии с принципом активов/пассивов (как в табл. 2)

Источник: Центральный банк России. URL: https://cbr.ru/

Таблица 8

Число предприятий с иностранным участием в разрезе субъектов ДФО на 01.01.2021 г. / 01.01.2023 г.

Субъекты ДФО	Иностранных	Совместных	Всего с иностранным участием	Доля в общем числе предприятий, %
ДФО	5395 / 5317	1372 / 1489	6767 / 6806	3,6 / 3,8
Республика Бурятия	2168 / 2562	141 / 440	2309 / 3002	11,4 / 15,3
Республика Саха (Якутия)	193 / 127	64 / 49	257 / 176	1,1 / 0,8
Забайкальский край	286/ 293	103 / 92	389 / 385	3,0 / 3,0
Камчатский край	48 / 41	36 / 25	84 / 66	0,9 / 0,7
Приморский край	1073 / 969	510 / 447	1583 / 1416	2,9 / 2,8
Хабаровский край	444 / 388	176 / 142	620 / 530	1,8 / 1,7
Амурская область	629 / 536	116 / 101	745/ 637	5,2 / 4,7
Магаданская область	61 / 39	18 / 21	79 / 60	1,9 / 1,6
Сахалинская область	278 / 182	174 / 142	452 / 324	3,2 / 2,5
Еврейская автономная область	199 / 169	30 / 27	229/ 196	9,3 / 8,4
Чукотский автономный округ	16 / 11	4 / 3	20 / 14	1,8 / 1,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 521; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 524.

Таблица 9

Оборот предприятий с иностранным участием в разрезе субъектов ДФО по итогам 2022 г., млрд руб.

Субъекты ДФО	Всех предприятий	Предприятий с иноинвестициями (ПрИИ)	Доля ПрИИ в обороте всех предприятий, %
ДФО	8076,8	1492,7	18,48
Республика Бурятия	362,1	1,8	0,50
Республика Саха (Якутия)	1306,6	270,2	20,68
Забайкальский край	360,4	117,9	32,71
Камчатский край	337,8	н.д	н.д.
Приморский край	2236,2	96,1	4,30
Хабаровский край	1264,6	98,4	7,78
Амурская область	380,7	37,6	9,88
Магаданская область	374,8	32,3	8,62
Сахалинская область	*1297,5*	*795,6*	*61,32*
Еврейская автономная область	*33,7*	*24,4*	*72,40*
Чукотский автономный округ	122,4	н.д.	н.д.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. М., 2023. С. 531.

ния грантов инвесторам на развитие инфраструктуры и т. д. С 2015 г. активизированы усилия по изменению сложившейся группы стран основных иностранных инвесторов на Дальнем Востоке РФ, что стало приоритетной задачей проведения с 2013 г. особой дальневосточной государственной политики (т. н. «Новая Азиатская политика») [Минакир, 2017, Рензин, 2019].

К началу 2020 г. (т. е. старту пандемийного периода развития) в России в субъектах ДФО уже была проведена активная работа по формированию и развитию новых преференциальных институтов. Во всех регионах кроме Магаданской области (так как там давно применялся особый режим) инвесторам предоставляются существенные налоговые и таможенные льготы, на постоянной основе действуют эффективные финансовые и организационные преференции. Эта политика предполагала, что государство за свой счет создает необходимую инвесторам инфраструктуру, при этом от иностранных инвесторов ожидалось создание на Дальнем Востоке новых производств, заранее обеспеченных зарубежными рынками сбыта. Также ожидалось, что в результате интенсивного государственного стимулирова-

ния и постепенного улучшения делового климата иностранные инвесторы из многих стран АТР начнут наращивать свои капиталовложения в регионе. В таблице 8 представлены основные параметры проектов с участием иностранных инвесторов (по лидирующим странам) в ТОР и СПВ на Дальнем Востоке.

По приведенным в таблицах 10 и 11 данным видно, что на начало 2021 г. и 2022–2023 гг. среди стран-инвесторов как по объемам финансирования, так и по количеству реализуемых на российском Дальнем Востоке проектов превалирует Китай. Китайские инвестиции составили более 70% от общего объема иностранных вложений в ТОР и СПВ. На начало 2022 г. в ТОР и СПВ с участием инвесторов из КНР реализуются 50 инвестиционных проектов. Заметным является присутствие китайских компаний и в общем инвестиционном процессе.

Так, на начало 2021 г. доля КНР в общем объеме инвестиций в ТОР составляла 3%, в доле в создаваемых рабочих местах – 3%; в СПВ Китай представлен 4,8% в общем объеме инвестиций, при этом доля в создаваемых рабочих местах – 10,8%. При этом важной характеристикой осуществляемых китайских инвестиций является их диверсифицированная структура.

В подавляющем большинстве они представляют частные инвестиции, подавляющая доля из которых не связаны с добычей природных ресурсов. Это вложения в обрабатывающие производства, логистику и транспорт, сельское хозяйство, туризм и другие секторы.

В течение 2023 г. 747 резидентов ТОР и 2044 резидента СПВ реализовывали свои инвестиционные проекты на территории Дальнего Востока России. Резиденты ТОР планировали в рамках реализации инвестиционных проектов осуществить 5518,58 млрд руб. инвестиций, из которых 2608,29 млрд руб. уже осуществлены, аналогично резиденты СПВ планируют вложить 1673,18 млрд руб. инвестиций, из которых 433,1 млрд руб. уже вложено. При этом резиденты ТОР планировали создать 149906 рабочих мест (69188 рабочих мест уже создано), а резиденты СПВ – 106692 рабочих места (50332 рабочих места уже создано). К концу 2023 г. на территории Дальнего Востока России зарегистрированы и осуществляют свою деятельность 83 резидента с участием иностранного капитала.[6]

Всего на территориях опережающего развития ДФО реализуют свои проекты 28 резидентов с участием иностранного капитала. К концу 2023 г. общий объем инвестиций данных резидентов по планам-графикам составлял 772,48 млрд руб., фактически осуществлено 359,96 млрд руб. Резиденты ТОР с иностранным капиталом планируют создать 8916 рабочих мест, из них 2395 уже созданы. К концу 2023 г. 13 резидентов ТОР с иностранным участием реализовали свои инвестиционные проекты.

На территории СПВ реализуют проекты 55 резидентов с участием иностранного капитала. Общий объем планируемых инвестиций данных резидентов составляет 84,16 млрд руб., при этом фактические капиталовложения произведены на 7,11 млрд руб. Резиденты СПВ с иностранным капиталом планируют создать 8801 рабочее место, из них 3231 уже создано.[7] Кроме этого, в 2024 г. были подведены итоги привлечения иностранных и отечественных инвестиций (с 2015 г.) на территориях с особым режимом в ДФО.[8] Так, с момента создания этих режимов территории ДФО привлекли более 1 трлн руб. иностранных инвестиций. Резиденты территорий опережающего развития, свободного порта Владивосток и Арктической зоны России реализуют 90 проектов с участием зарубежного капитала.[9]

---

[6] Наибольшее количество резидентов с иностранным присутствием представлено компаниями с участием китайских инвесторов (включая такие административные юрисдикции как Тайвань и САР Гонконг) – 48 резидентов.

[7] К концу 2023 г. 21 резидент СПВ с иностранным участием реализовал свой инвестиционный проект. В 2022 г. было заключено 2 соглашения с резидентами с иностранным участием, в 2023 г. – 4.

[8] На Дальнем Востоке объем иностранных инвестиций превысил 1 трлн рублей. ТАСС. 26 августа 2024 г. URL: https://tass.ru/ekonomika/21688025 (дата обращения 20.10.2024 г.)

[9] В целом, эти 90 проектов с иностранным участием составляют 2,5% от общего числа всех инвестиционных проектов, реализуемых на Дальнем Востоке и в Арктике, а общая сумма иностранных инвестиций – 1,1 трлн рублей.

Таблица 10

Реализуемые проекты с иностранными инвесторами в ТОР и СПВ на Дальнем Востоке по лидирующим странам

Страна	Объем инвестиций, млн рублей			Количество проектов		
	на начало 2020 г.	на начало 2021 г.	на начало 2022 г.	на начало 2020 г.	на начало 2021 г.	на начало 2022 г
ТОРы						
Всего	266490	155371	155443	34	30	32
Китай	227997	105821	117142	11	10	12
Япония	11844	10581	7529	6	6	6
Корея	2665	3632	5384	5	3	3
Австралия	2665	3292	3688	3	3	3
Сингапур	2665	1955	2971	1	1	1
Вьетнам	14805	13643	13644	1	1	1
СПВ						
Всего	104202	104515	86706	64	75	61
Китай	73603	75296	58563	41	50	38
Корея	4135	2432	5015	6	7	8
Япония	3308	3083	3834	4	4	5
Сингапур	543	240	167	2	2	1
Вьетнам	8270	1063	-	1	1	-
Индия	8270	1319	1319	3	3	3

Источник: данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: https://erdc.ru/

Таблица 11

Проекты иностранных инвесторов в территориях с преференциальным режимом в ДФО по странам на конец 2023 г.

Страна	Число резидентов	План		Факт	
		Иностранные инвестиции, млн руб.	Рабочие места, ед.	Иностранные инвестиции, млн руб.	Рабочие места, ед.
Китай	48	812113,1	13380	338604,1	2889
Япония	11	10942,8	981	9291,8	564
Республика Корея	9	5143,4	599	1139,5	155
Австралия	3	3703,8	653	5990,2	649
Индия	3	1389,3	913	1261,1	913
Новая Зеландия	2	1794,0	165	193,1	8
Вьетнам	1	13643,5	362	72,5	31
Германия	1	19,7	6	-	6
Кипр	1	1697,0	260	7794,9	260
Малайзия	1	1620,6	50	3,1	-
Нидерланды	1	34,1	62	25,3	25
Сингапур	1	4139,9	173	2417,0	96
Великобритания	1	398,6	113	278,0	30

Источник: данные Корпорации развития Дальнего Востока. URL: https://erdc.ru/

Заключение

Таким образом, к началу 2022 г. накопленный объем (или остатки) ПИИ в рамках принципа активов/пассивов в дальневосточной экономике составлял порядка 98 млрд долл.[10] При этом в ДФО сохраняется существенная отраслевая асимметрия в привлечении ПИИ. Подавляющая часть (порядка 90%) накопленных прямых иностранных инвестиций концентрируется в

[10] *При этом, учитывая смену основных акционеров в крупнейших проектах с ПИИ на Дальнем Востоке, можно говорить о существенном снижении остатков ПИИ в 2023–2024 гг., измеряемым млрд долл., что требует проведения отдельного подробного изучения и оценки.*

добыче топливно-энергетических полезных ископаемых вместе с геологоразведкой. Анализ данных как по поступающим потокам ПИИ, так и по накопленным объемам ПИИ в период 2019–2021 гг. показывает, что географическая структура привлекаемых ПИИ в ДФО сохранялась, также как и существенно не менялась их территориальное распределение по субъектам ДФО. Кроме этого, в условиях новой геополитической реальности [Aiyar, 2023, Aiyar, 2024, Alvarez, 2023], санкционного давления со стороны недружественных стран, выхода компаний из реализуемых на Дальнем Востоке крупных и средних проектов, можно говорить о негативных тенденциях как в текущих притоках иностранных инвестиций в экономику региона, особенно из недружественных стран, так и снижение общих остатков ПИИ в целом для ДФО и его субъектов. При этом текущая финансово-хозяйственная деятельность предприятий с иностранным участием в 2022–2024 гг. продолжилась и существенно не изменилась, внося свой вклад в экономическое развитие региона в целом и его субъектов в частности. Несмотря на существующие геополитические риски и экономическую неопределенность в 2022–2024 гг., в реализуемых иностранными инвесторами проектах в целом на территориях с особыми режимами сохранилась положительная динамика капиталовложений, которые, к сожалению, все еще не привели к серьезному изменению взаимодействия ПИИ и региональной макро- и микроэкономики, что подтверждает сделанные нами шесть лет назад выводы [Минакир, Суслов, 2018]. Тем не менее, на уровне ожиданий также все еще предполагается как существенное расширение круга стран-инвесторов только в лице дружественных стран, так и повышение уровня структурного разнообразия прямых иностранных инвестиций. Создание «институциональных гаваней» в форме преференциальных режимов в каждом из субъектов ДФО делает принципиально возможным предложение рентабельных проектов в разнообразных секторах практически в каждом дальневосточном регионе.

Список источников:

1. Дементьев, Н. П. Прямые иностранные инвестиции в российской экономике: движение по кругу // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. № 1. С. 251–255. EDN: YUEFZV

2. Дементьев, Н. П. Прямые инвестиции из-за рубежа: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. 2017. №2. С. 56–69. EDN: YTTWAF

3. Дементьев, Н. П. Входящие и исходящие иностранные инвестиции в экономике современной России // ЭКО. 2022. № 2 (572). С. 115–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-115-139 EDN: ESDCPH

4. Минакир, П. А. Ожидания и реалии политики “поворота на Восток” // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4 EDN: ZXQJZV

5. Минакир, П. А., Суслов, Д. В. Прямые иностранные инвестиции в экономике российского Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 41–56. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.3 EDN: RVAZSD

6. Рензин, О. М. Институциональная трансформация экономики Дальнего Востока: первая пятилетка. Российский Дальний Восток: национальный приоритет в контексте Азиатско-Тихоокеанского развития и сотрудничества. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 2019. С. 173–178. EDN: SXGNSF

7. Суслов, Д. В. Иностранные инвестиции на Дальнем Востоке: современное состояние и перспективы // Россия и страны Северо-восточной Азии: вопросы экономического сотрудничества / Под ред. проф. Вакио Фудзимото, акад. РАН П. А. Минакира, акад. РАН А. И. Татаркина. Осака (Япония) – Хабаровск (Россия) – Екатеринбург (Россия): Институт экономики УрО РАН, 2010. С. 63–75.

8. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC.

9. Shekhar Aiyar, Davide Malacrino, Andrea F. (2024) Presbitero, Investing in friends: The role of geopolitical alignment in FDI flows. European Journal of Political Economy, Volume 83, 102508. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2024.102508

10. Alvarez, Jorge and Andaloussi, Mehdi and Maggi, Chiara and Sollaci, Alexandre and Stuermer, Martin and Topalova, Petia B., Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF Working Paper No. 2023/201, doi: dx.doi.org/10.5089/9798400256059.001

References:

1. Dement'ev, N. P. (2017) Foreign direct investment in the Russian economy: moving in a circle Interekspo Geo-Sibir', no. 1, pp. 251–255 EDN: YUEFZV (in Russ.).

2. Dement'ev, N. P. (2017) Direct investment from abroad: estimates based on data from the Bank of Russia and Eurostat Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal], no. 2, pp. 56–69 EDN: YTTWAF (in Russ.).

3. Dement'ev, N. P. (2022) Incoming and outgoing foreign investment in the economy of modern Russia // EKO, no. 2 (572), pp. 115–139 DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-115-139 EDN: ESDCPH (in Russ.).

4. Minakir P. A. Ozhidaniia i realii politiki «povorota na Vostok» [Expectations and realities of the "turn to the East" policy] // Ekonomika regiona [Economy of the region]. 2017. T. 13, vyp. 4. S. 1016–1029 (in Russ.)

5. Minakir P. A., Suslov D. V. (2018) Foreign direct investment in the economy of the Russian Far East Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast], vol. 11, no. 3, pp. 41–56. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.3 (in Russ.)

6. Renzin, O. M. (2019) Institutional transformation of the Far East economy: the first five-year plan. Russian Far East: national priority in the context of Asian-Pacific development and cooperation. Khabarovsk: IEI DVO RAN, pp. 173–178. (in Russ.)

7. Suslov, D. V. (2010) Foreign investment in the Far East: current state and prospects / Ed. prof. Wakio Fujimoto, Academician of the Russian Academy of Sciences P. A. Minakira, Academician of the Russian Academy of Sciences A. I. Tatarkina. Osaka (Japan) – Khabarovsk (Russia) – Yekaterinburg (Russia): Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 63–75. (in Russ.)

8. Aiyar, Shekhar, Ilyina, Anna, and others (2023). Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Staff Discussion Note SDN/2023/001. International Monetary Fund, Washington, DC.

9. Shekhar Aiyar, Davide Malacrino, Andrea F. (2024) Presbitero, Investing in friends: The role of geopolitical alignment in FDI flows. European Journal of Political Economy, Volume 83, 102508. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2024.102508

10. Alvarez, Jorge and Andaloussi, Mehdi and Maggi, Chiara and Sollaci, Alexandre and Stuermer, Martin and Topalova, Petia B., Geoeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF Working Paper No. 2023/201, doi: dx.doi.org/10.5089/9798400256059.001

Статья поступила в редакцию 25.10.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 25.10.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 28.11.2022.

Информация об авторе

Д. В. Суслов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. V. Suslov – Candidate of Economic Sciences, senior research fellow, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 338.246.027(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50

Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока

Денис Викторович Андреев[1], Михаил Михайлович Потанин[2]
[1] Инвестиционный уполномоченный в Дальневосточном федеральном округе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] invest@dfo.gov.ru
[2] potanin-mm@ranepa.ru

Аннотация. *В статье исследуется роль административной нагрузки государственного управления инвестиционным климатом в субъектах Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу итогов Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в рамках двух основных этапов рейтингования: в период 2015–2020 гг. и 2021–2024 гг., проведена оценка позиций дальневосточных регионов в рейтинге, отмечены регионы, которые выполнили задачу по вхождению в топ-30 Национального рейтинга: Республика Саха (Якутия), Амурская область, Камчатский край и Сахалинская область. По состоянию на 2024 г. верхние позиции в округе занимает Сахалинская область и Магаданский край, в конце рейтинга – Чукотский автономный округ и Еврейская автономная область. Проведен предметный анализ фактора «административная нагрузка на бизнес» Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации. В статье выявлены основные проблемы административного давления органами государственной власти на развитие инвестиционного климата регионов и определены направления формирования расчетных инструментов оценки работы территориальных контрольно-надзорных органов для обеспечения содействия улучшению инвестиционного климата в регионах Дальнего Востока. Результаты исследования могут быть полезны органам государственной и муниципальной власти, обеспечивающим социально-экономическое развитие регионов.*

Ключевые слова: *государственное управление, инвестиционный климат, контрольно-надзорная деятельность, совершенствование управления контрольной деятельностью, административное давление, социально-экономическое развитие*

Для цитирования: Андреев Д. В., Потанин М. М. Влияние административной нагрузки системы государственного управления на инвестиционный климат Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 39–50. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50

Original article

The Impact of the Administrative Burden of the Public Administration System on the Investment Climate of the Far East

Denis V. Andreev[1], Mikhail M. Potanin[2]
[1] Investment Commissioner in the Far Eastern Federal District, The Russian Presidential

Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1] invest@dfo.gov.ru
[2] potanin-mm@ranepa.ru

Abstract. *The article examines the role of the administrative burden of public administration on the investment climate in the constituent entities of the Russian Federation. Particular attention has been paid to the analysis of the results of the National Rating of the Investment Climate in the framework of its two main stages: the positions of the Far Eastern regions in the rating have been assessed for the period of 2015–2020 and 2021–2024, the regions that fulfilled the task of entering the top 30 of the National Rating have been identified: the Sakha Republic (Yakutia), the Amur Region, the Kamchatka Territory and the Sakhalin Region. As of 2024, the top positions in the district are occupied by the Sakhalin Region and the Magadan Territory, at the end of the rating – the Chukotka Autonomous Area and Jewish Autonomous Region. The subject analysis of the factor «administrative burden on business» of the National Rating of the Investment Climate in the constituent entities of the Russian Federation has been carried out. The article identifies the main problems of administrative pressure by state authorities on the development of the investment climate in the regions and defines the directions for the formation of calculation tools for assessing the activities of territorial control and supervisory bodies to ensure assistance in improving the investment climate in the regions of the Far East. The results of the study can be useful for state and municipal authorities that ensure the socio-economic development of the regions.*

Keywords: *public administration, investment climate, control and supervisory activities, improvement of control management, administrative pressure, socio-economic development*

For citation: Andreev D. V., Potanin M. M. (2024) The Impact of the Administrative Burden of the Public Administration System on the Investment Climate of the Far East *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 39–50. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-39-50

Введение

Вопросы совершенствования контрольно-надзорной деятельности в России и субъектах Российской Федерации традиционно находятся в фокусе внимания как Президента РФ, Правительства РФ, так высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Создать для бизнеса широкие возможности развития в условиях внешнего санкционного давления и внутренних вызовов, минимизировать излишнюю административную нагрузку, не относящуюся прямым образом к вопросам безопасности населения – является одной из первоочередных задач на всех уровнях управления [Административные барьеры…, 2002; Гришина, 2006].

В отношении Дальнего Востока Президентом Российской Федерации было дано отдельное поручение (по итогам рабочей поездки в Дальневосточный федеральный округ, состоявшейся 5–8 сентября 2017 г., от 27.09.2017 № Пр-1968, п. 9 «а»)[1], о реализации комплекса мероприятий, обеспечивающих вхождение дальневосточных регионов в топ-30 Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации.

По мнению ряда авторов, минимизация административной нагрузки также выступает одним из элементом эконо-

[1] *Материалы официального сайта Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55718*

мической безопасности региона [Валько, 2018] и является ключевым направлением совершенствования системы управления социально-экономическим развитием региона [Картаев, Полунин, 2019, Никитин, 2016].

Исследование сложившихся в практике государственного управления подходов к выявлению очагов административного давления указывает на его несистемный, стихийный характер [Аузан, Крючкова, 2001, Тамбовцев, 2004]. Такой принцип работы на уровне регионов отражает недостаточный уровень межведомственной координации [Курбанов, 2016].

В связи с этим, в соответствии с поручением Президента Российской Федерации по итогам Петербургского международного экономического форума 2–5 июня 2021 г. (от 26.06.2021 № Пр-1096, п. 7)[2], полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах должна быть усилена координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, направленная на улучшение делового климата и достижение в субъектах Российской Федерации целевых показателей роста объема инвестиций в основной капитал.

В данном контексте особенно важной видится задача представления лицам, принимающим решение, максимально формализованного подхода к определению зон риска излишней административной нагрузки для принятия своевременных решений, в том числе кадрового характера, в целях содействия инвестиционной деятельности, направленной на социально-экономическое развитие региона.

Инвестиционный климат

Методология и оценка состояния инвестиционного климата на уровне регионов является распространенной задачей, которой традиционно занимаются многие исследователи и эксперты [Гришина, Марухин, Шестопалова, 2013; Князева, Бондаренко, 2014; Райская, Сергиенко, Френкель, 2009; Мирошников, Чаркина, 2016; Зимин, 2013]. При этом традиционным инструментом оценок динамики и состояния инвестиционного климата в стране на общегосударственном уровне выступает Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации (далее – Национальный рейтинг), результаты которого за предшествующий год представляются ежегодно на Петербургском международном экономическом форуме.

По информации АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»[3], при разработке методологии Национального рейтинга учтен опыт существующих отечественных и международных рейтингов и иных механизмов оценки инвестиционного климата, а система показателей рейтинга разработана с учетом лучшего отечественного и мирового опыта, направленного на оценку состояния инвестиционного климата, а также с учетом опыта пилотной апробации рейтинга в 2014 г. Целью Национального рейтинга заявлено формирование комплексной и объективной оценки усилий органов власти всех уровней в регионах по улучшению состояния инвестиционного климата в субъекте Российской Федерации.

В совокупности, основываясь на отдельных статистических данных и на опросах респондентов (представителей бизнеса), Национальный рейтинг представляет собой своеобразный «барометр» удовлетворенности предпринимателей состоянием и динамикой отношения к ним со стороны органов власти, институтов поддержки и других организаций при осуществлении хозяйственной деятельности в конкретном регионе.

Рассмотрим итоги Национального рейтинга в регионах Дальневосточного федерального округа подробнее. Как было отмечено выше, в соответствии с поручением главы государства от 27.09.2017 № Пр-1968, п. 9 «а» регионам округа было поручено занять верхние 30 позиций в Национальном рейтинге (табл. 1).

Необходимо отметить то, что, если

[2] *Материалы официального сайта Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65937*

[3] *Методология и параметризация Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации 2024 года. Москва, 2024 года. URL: https://asi.ru/upload/docs/investclimate/Methodology-2024.pdf?0107*

с 2015 г. по 2020 г. регионы ранжировались и получали конкретное место по итогам подсчета, то с 2021 г. регион не получает индивидуального места, а входит в соответствующую группу регионов, таким образом задача по вхождению в топ-30 фактически снята: худшие позиции в округе (23 группа) по результатам, озвученным в 2024 г., заняли Чукотский автономный округ и Еврейская автономная область.

Фактически по состоянию на 2020 г. только четыре дальневосточных региона вошли в топ-30 Национального рейтинга: Республика Саха (Якутия) (20 место), Амурская область (26), Камчатский край (27) и Сахалинская область (30). Вплотную приблизились к решению поставленной задачи Республика Бурятия (32) и Приморский край (34). По состоянию на 2024 г. в лидерах два дальневосточных региона: Сахалинская область (4 группа) и Магаданская область (7 группа). Аутсайдерами выступают Забайкальский край (21), Еврейская автономная область (23) и Чукотский автономный округ (23).

Динамика места каждого региона в Национальном рейтинге в период с 2015 г. по 2020 г. и с 2021 г. по 2024 г. свидетельствует прежде всего о высокой волатильности значений мест по большинству регионов. Это, во-первых, может быть результатом высокой межрегиональной конкуренции, а, во-вторых, может быть обусловлено текущей позицией в опросах представителей бизнеса относительно ситуации в регионе или их ожиданиями, что, конечно, предполагает субъективный характер.

Обратимся к методологии Национального рейтинга. Согласно официальной информации, Национальный рейтинг в настоящее время рассчитывается по 70 показателям в 4 направлениях: регуляторная среда, институты для бизнеса, инфраструктура и ресурсы, поддержка малого и среднего предпринимательства. Рассмотрим их подробнее.

Раздел «регуляторная среда» оценивает процедуры выдачи разрешения на строительство и ввод в эксплуатацию, подключения к инженерным сетям, получения земельного участка в аренду и регистрации прав собственности.

Раздел «инфраструктура и ресурсы» касается вопросов постановки участков

Таблица 1

Динамика мест субъектов Российской Федерации Дальневосточного федерального округа в Национальном рейтинге, мест к предыдущему году (+/- – улучшением/ухудшение позиции к предыдущему году, количество мест)

Субъект РФ ДФО	2016	2017	2018	2019	2020	2015-2020	2022	2023	2024	2021-2024
Республика Бурятия	-17	-5	35	-11	17	19	1	-9	7	-1
Республика Саха (Якутия)	-15	-2	6	30	2	21	-3	-2	1	-4
Забайкальский край	13	-16	-3	-4	30	20	-15	11	0	-4
Камчатский край	-25	-11	36	4	1	5	-1	-7	5	-3
Приморский край	-10	-13	-5	21	21	14	-1	2	1	2
Хабаровский край	-9	33	22	-21	-24	1	1	2	3	6
Магаданская область	3	6	13	-8	4	18	-2	5	2	5
Амурская область	-5	31	12	-2	11	47	-1	-1	4	2
Сахалинская область	-8	-17	42	-6	13	24	3	1	0	4
Еврейская автономная область	0	-24	-15	3	13	-23	-4	-13	8	-9
Чукотский автономный округ	0	0	2	4	11	17	0	-13	6	-7

Источник: составлено авторами по данным из веб-сайтов высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации Дальневосточного федерального округа и АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» URL: https://asi.ru/

на кадастровый учет, качества и доступности инфраструктуры, финансовой поддержки и трудовых ресурсов.

Раздел «поддержка малого и среднего предпринимательства» оценивает уровень развития МСП, а также качество различных мер и форм его поддержки.

Наконец, раздел «институты для бизнеса» включает показатели эффективности институтов, обеспечивающих защищенность бизнеса, эффективности механизмов организационной и информационной поддержки бизнеса, в том числе поддержки экспортной деятельности, внедрения Регионального инвестиционного стандарта, показатели силового давления на бизнес, а также показатели административного давления.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, очевидно, является основной заинтересованной стороной в повышении позиций в Национальном рейтинге, т. к. место (динамика) в рейтинге в первую очередь характеризует работу высшего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, который соответствующим образом выстраивает работу институтов поддержки бизнеса в регионе, в том числе в рамках инвестиционного совета. В этой связи важно понимать, на все ли показатели Национального рейтинга может быть оказано соответствующее регулирующее воздействие со стороны региональных властей или нет.

По мнению авторов, из всего набора показателей вне поля прямого воздействия находится прежде всего уровень административного давления на бизнес. Это связано как с централизованной системой управления территориальными подразделениями федеральных органов исполнительной власти, осуществляющими контрольно-надзорную деятельность (определение показателей эффективности), исключающей прямые механизмы воздействия со стороны региональных властей, так и с самостоятельным ведомственным нормативным регулированием их деятельности (основания проверок, типы проверок, меры воздействия и реагирования, характер взаимодействия с бизнесом и пр.).

Иначе говоря, у территориальных органов свое руководство и регулирование, своя нормативная база, свои критерии риска и свои практики работы с предприятиями. Прямого влияния на их работу высший орган исполнительной власти региона не имеет.

При этом по своему потенциалу воздействия административное давление может во многом «перекрывать» положительное воздействие различных мер поддержки предпринимателей, реализуемых в регионе, проще говоря, может выступить той самой ложкой «дегтя» в оценках бизнесом состояния инвестиционного климата в отдельно взятом регионе. Когда конкретный предприниматель сталкивается с предвзятым отношением со стороны контрольных ведомств, блокируется его работа различными запросами и выездными проверками, весь созданный в регионе позитивный фон уходит на второй план и не в силах сформировать положительные ожидания.

Как нам представляется, показатели административного давления в силу их важности должны быть предметом отдельного предметного анализа, должен быть сформирован отдельный выделенный рейтинг административного давления в субъекте Российской Федерации, более того требуется понимание и опубличивание роли тех или иных органов в создании излишней административной нагрузки.

В первую очередь рассмотрим, какие показатели входят в фактор Б2 «административное давление на бизнес» Национального рейтинга, среди них:

Б2.2 среднее количество проведенных контрольно-надзорных мероприятий на одного предпринимателя за год (по данным опроса респондентов);

Б2.3 доля компаний, столкнувшихся с фактами коррупции в течение года (по данным опроса респондентов);

Б2.4 удовлетворенность компаний удобством и понятностью прохождения контрольно-надзорных мероприятий в балльной системе (по данным опроса респондентов);

Б2.5 доля предупреждений от общего числа наказаний (статистический показатель);

Б2.6 доля предпринимателей, подвергшихся контролю, от общего количества подконтрольных (статистический показатель);

Б2.7 доля профилактических меро-

приятий в общем количестве контрольных мероприятий (статистический показатель)[4].

По итогам 2024 года:

по показателю Б2.2 лидеры в округе – Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область и Республика Бурятия, худшие значения зафиксированы в Забайкальском, Приморском и Камчатском краях;

по показателю Б2.3 лидеры – Чукотский автономный округ, Еврейская автономная и Магаданская области, худшие значения зафиксированы в Забайкальском крае, Республиках Бурятия и Саха (Якутия);

по показателю Б2.4 лидеры – Чукотский автономный округ, Магаданская область и Приморский край, худшие значения зафиксированы в Республике Саха (Якутия), Забайкальском крае, Республике Бурятия и Сахалинской области;

по показателю Б2.5 лидеры – Республика Бурятия, Сахалинская и Магаданская области, худшие значения зафиксированы в Хабаровском крае, Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области;

по показателю Б2.6 лидеры – Приморский край, Сахалинская область и Еврейская автономная область, худшие значения зафиксированы в Чукотском автономном округе, Магаданской области и Республике Саха (Якутия);

по показателю Б2.7 лидеры – Приморский край, Сахалинская область и Хабаровский край, худшие значения зафиксированы в Чукотском автономном округе, Магаданской области и Республике Саха (Якутия).

Как показывает практика, в перечне лучших регионов по показателям, рассчитываемым на основе опросов предпринимателей, часто фигурируют малонаселенные регионы, что может быть связано с возможностью индивидуальной работы с предпринимателями, входящими в пул респондентов. И, наоборот, в показателях, имеющих статистическое происхождение, ситуация зачастую обратная: малонаселенные регионы имеют низкие оценки.

Возвращаясь к перечню показателей фактора Б2, необходимо отметить их актуальность, содержательность и высокую значимость для анализа ситуации в регионе, однако принятие управленческого решения в соответствии с указанным выше поручением Президента Российской Федерации от 26.06.2021 № Пр-1096 в отношении конкретных контрольно-надзорных органов на основе значений этих показателей не представляется возможным, фактически на их основе формируется только общая оценка уровня давления в регионе. Следовательно, необходим более персонифицированный подход в отношении оценки уровня административного давления, т. е. надо понимать конкретные точки формирования напряжения с предпринимательским сообществом, и этот подход должен быть в большей степени свободен от субъективных оценок. Кроме этого, имеющийся у авторов опыт взаимодействия с бизнесом указывает на возможность совершенствования перечня показателей.

Административное давление

Основным статистическим показателем контрольно-надзорной деятельности является количество проведенных контрольных мероприятий.

Согласно данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий, в период 2021–2023 гг. в регионах Дальнего Востока отмечалось устойчивое снижение количества проверочных мероприятий и «взрывной» рост количества профилактических мероприятий, прежде всего в форме предостережений (табл. 2).

Безусловно, основная причина данного тренда связана с санитарными ограничениями и последующим выходом постановления Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» (далее – постановление № 336), которым вводились жесткие ограничения на формы контрольной нагрузки и конкретные основания для проведения контрольных мероприятий.

При этом впервые в постпандемий-

[4] *Перечень показатель фактора Б2 менялся регулярно: с трех показателей в 2015–2020 гг. до 4, 5, 6, 6 в последующие 2021–2024 гг. соответственно*

Таблица 2.

Количество контрольных мероприятий в отношении хозяйствующих субъектов в Дальневосточном федеральном округе в 2021–2024 гг.

Период / уровень контроля	Количество проверок, ед.	Профилактические визиты, ед.	Предостережения, ед.
2021 г.	65 751	2 757	8 191
федеральный	44 462	2 737	7 925
региональный	19 538	20	264
муниципальный	1 751	-	2
2022 г.	24 945	38 202	109 029
федеральный	17 051	35 262	78 871
региональный	7 528	2 677	21 858
муниципальный	366	263	8 300
2023 г.	24 845	73 289	200 895
федеральный	15 830	69 085	163 718
региональный	8 477	3 214	23 308
муниципальный	538	990	13 869
III кв 2024 г.	19 746	59 985	106 806
федеральный	12 571	55 779	79 958
региональный	6 736	2 590	18 655
муниципальный	439	1 616	8 193

Источник: составлено авторами по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: https://proverki.gov.ru/portal

ный период по итогам 3-х кварталов 2024 года ситуация имеет тенденцию к коренному изменению: количество проверок в текущем году стало возрастать и, по нашим оценкам, может превысить значение 2023 г., в то же время количество предостережений пошло на спад.

Такая ситуация требует дополнительного осмысления с учетом того, что в соответствии с пунктом 11.3 постановления № 336, начиная с 2023 г. и до 2030 г., предусмотрено проведение плановых контрольных (надзорных) мероприятий, плановых проверок в отношении объектов контроля, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, опасным производственным объектам II класса опасности, гидротехническим сооружениям II класса.

Кроме того, согласно положениям пункта 3 постановления № 336 проведение внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий в 2024 г. допускается в исключительных случаях, в том числе при возникновении непосредственной угрозы причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан, на основании поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также на основании требования прокурора и т. д.

Дополнительно отмечаем, что в настоящее время Минэкономразвития России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти осуществляется выработка предложений по внесению изменений в Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) с учетом перечня поручений Президента Российской Федерации от 30.03.2024 № Пр-616[5], данных в рамках Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024, предусматривающих завершение к 1 января

[5] *Материалы официального сайта Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759/print*

2025 г. перехода от временных ограничений на осуществление контрольно-надзорной деятельности к применению системы оценки и управления рисками при проведении контрольных (надзорных) мероприятий[6].

Итоги 2024 г. будут доступны для отдельного анализа в начале следующего года, поэтому сейчас обратимся к результатам 2023 г.

По его итогам, как видно из таблицы 2, в округе зафиксировано снижение количества проверочных мероприятий на 100 единиц и рост профилактических мероприятий почти в 2 раза.

При этом, если наибольшая доля проведенных в 2023 г. проверок приходилась на МЧС России – 6 942 ед. (28%) и Роспотребнадзор – 4 004 ед. (16%), то за три квартала текущего года лидерами являются ФНС России с 3 395 проверками (17%), Роспотребнадзор – 2 758 единиц (14%) и МЧС России – 2 017 единиц (10%).

Безусловно, фактическое количество проверочных мероприятий со стороны конкретного контрольного органа важный показатель, но для комплексной оценки необходимо определить дополнительный перечень показателей.

Методический подход

С точки зрения получения взвешенной оценки административного давления на основе действующих подходов, опыта взаимодействия с общественными объединениями предпринимателей, уполномоченными по защите прав предпринимателей, органами власти, специалистами Центра стратегических разработок авторами предлагается следующий методический подход (табл. 3).

Расчет рейтинга проводится на основе данных Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий на основе балльной системы по 5 ключевым показателям:

1. Доля проверок территориального органа в общем объеме всех проверок территориальных органов, %;

2. Доля инспекционных визитов в структуре проверок территориального органа, %;

3. Доля профилактических мероприятий от общего числа контрольно-надзорных и профилактических мероприятий территориального органа, %;

4. Среднее время принятия решения по жалобе на действия и (или) решения территориального органа, дней;

5. Доля жалоб на действия и (или) решения соответствующего территориального органа от количества всех жалоб, %.

Как видно из данного перечня, при определении оцениваемых показателей были учтены подходы Национального рейтинга, однако они были расширены в сторону структурного анализа.

Необходимо дать несколько пояснений по данным показателям.

Действительно важно, насколько активно в количественном плане ведет контрольную деятельность тот или иной орган, несмотря на ведомственную специфику, при этом его неспособность в превентивном порядке организовать разъяснительную или иную подобную работу с поднадзорными субъектами является априори административным изъяном или несоответствием (показатель № 1). В то же время более «тяжелым» в восприятии предпринимателя является естественно инспекционный визит, что требует со стороны бизнеса больших ответных усилий и ограничивает хозяйственную деятельность (показатель № 2). Поэтому доля такого рода мероприятий имеет существенное значение для оценки административной нагрузки.

Соответственно, чем выше активность органа в части профилактических мероприятий, тем меньше рисков для продолжения своей деятельности видит предприниматель (показатель № 3). Такой тип мероприятий является своего рода «мягкой» проверкой и создает положительный образ органа контроля.

По мнению авторов, важным наряду с блоками «проверки» и «профилактика» является необходимость учитывать способность органа эффективно взаимодействовать с бизнесом в досудебном

[6] *Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2023 году. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/sovershenstvovanie_kontrolno_nadzornoy_i_razreshitelnoy_deyatelnosti/svodnyy_doklad_o_gosudarstvennom_kontrole_nadzore_municipalnom_kontrole_v_rossiyskoy_federacii_v_2023_godu.html*

порядке. В этой части важно, насколько оперативно орган принимает решение по жалобе (показатель № 4) с одной стороны, и какова доля жалоб на решения конкретного органа от их общего количества (показатель № 5), с другой стороны.

По мнению авторов, огромный интерес представляет собой статистика проигранных дел по обжалованию в судебном порядке решений контрольных органов, т. е. истина в последней инстанции, однако с учетом временного лага, наличия нескольких инстанций, ограниченности оперативной информации, данный показатель не принят к учету в рамках предлагаемой методики.

Справедливости ради отметим также, что обсуждение данного подхода с предпринимательским сообществом выявило запрос на расширение перечня оценочных показателей, характеризующих административное давление, на основе опросов. Однако в этом случае, по мнению авторов, они будут носить в большей степени субъективный характер и, судя по имеющемуся опыту, аргументированно оспариваться самими органами контроля и надзора при общении с бизнесом. В этой связи принято решение об использовании именно пяти указанных выше показателей.

Для апробации предлагаемого подхода оценкой было охвачено 125 территориальных органов федеральных органов власти в 11 субъектах Российской Федерации Дальневосточного федерального округа, а для ограничения возможностей преждевременных некорректных интерпретаций полученных оценок расчеты проведены на основе ретроспективных данных по состоянию за 1 полугодие 2023 года согласно Федеральному закону № 248-ФЗ.

Получены следующие результаты оценки деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в части уровня административного давления на бизнес (табл. 4).

Наилучшие показатели (минимальное давление на бизнес) зафиксированы у 8 территориальных подразделений федеральных органов власти:

межрегиональные управления Росалкогольрегулирования и Федеральной пробирной палаты;

территориальные управления Росреестра по Республике Бурятия, Хабаровскому, Приморскому краям, Магаданской области и Чукотскому автономному округу;

Таблица 3

Методика оценки уровня административной нагрузки со стороны контрольно-надзорных органов

№	Показатель	Оценка показателя в баллах					
		0	1	2	3	4	5
ПРОВЕРКИ							
1	Доля проверок территориального органа в общем объеме всех проверок	≥ 20%	< 20%	< 10%	< 5%	< 3 %	0 %
2	Доля инспекционных визитов в структуре проверок	0 %	< 1%	< 3%	< 5%	< 7%	≥ 7 %
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ							
3	Доля профилактических мероприятий от общего числа контрольно-надзорных и профилактических мероприятий	0 %	< 5%	< 10%	< 30%	< 50%	≥ 50 %
ДОСУДЕБНОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ							
4	Среднее время принятия решения по жалобе, дней	> 20	= 20	< 20	< 18	< 15	< 10
5	Доля жалоб на действия и (или) решения соответствующего территориального органа от количества всех жалоб	≥ 20 %	< 20 %	< 15 %	< 10 %	< 5 %	0 %
ИТОГОВЫЙ БАЛЛ							
Итоговый балл по всем показателям							

Источник: составлено авторами по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. *URL: https://proverki.gov.ru/portal*

Таблица 4

Результаты оценки деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в части уровня административного давления

Место в рейтинге	Наименование органы	Итоговый балл
1.	Межрегиональное управление Росалкогольрегулирования по ДФО	24
2.	Управление Росреестра по Хабаровскому краю	24
3.	Межрегиональное управление Федеральной пробирной палаты по ДФО	24
4.	Управление Росреестра по Приморскому краю	24
5.	ТО Росздравнадзора по Приморскому краю	24
6.	Управление Росреестра по Республике Бурятия	24
7.	Государственная инспекция труда в Республике Бурятия	24
8.	Управление Росреестра по Магаданской области и Чукотскому автономному округу	24
	…	
120.	ГУ МЧС России по Республике Саха (Якутия)	10
121.	Государственная инспекция труда в Республике Саха (Якутия)	10
122.	ГУ МЧС России по Приморскому краю	10
123.	Управление Роспотребнадзора по Камчатскому краю	10
124.	Управление Роспотребнадзора по Сахалинской области	8
125.	Сахалинское управление Ростехнадзора	7

Источник: составлено авторами по данным Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий. URL: https://proverki.gov.ru/portal

Управление Росздравнадзора по Приморскому краю;

Государственная инспекция труда в Республике Бурятия.

Худшие показатели (максимальный уровень давления на бизнес) в соответствии с суммарной оценкой отмечаются в Сахалинской области по двум территориальным управлениям: Ростехнадзора и Роспотребнадзора.

Важным с точки зрения верификации является отсутствие противоречий полученных результатов с показателями текущей контрольной нагрузки по итогам соответствующего периода 2023 г.

Анализ данных по итогам 2024 г. безусловно представляет большой управленческий интерес и требует более детальной интерпретации. В данной работе авторы сделали акцент прежде всего на обосновании методического подхода.

Заключение

Ключевым в проведенных расчетах уровня административного давления органов государственной власти на развитие инвестиционного климата регионов является территориальный срез полученных оценок. По каждому региону в любой момент времени может быть сформирован профиль с ранжированием территориальных контрольно-надзорных органов с позиции уровня административного давления, их подробный анализ является предметом для дальнейших исследований.

С учетом того, что данные имеют объективный характер, результаты могут быть использованы как в рамках исполнения поручения Президента Российской Федерации от 26.06.2021 № Пр-1096, так и в рамках деятельности инвестиционных советов под руководством глав субъектов Российской Федерации Дальневосточного федерального округа для совершенствования работы конкретных ведомств.

Данный расчетный инструмент оценок работы территориальных контрольно-надзорных органов, обеспечивающий содействие улучшению инвестиционного климата регионов Дальнего Востока, является перспективным для целей регионального социально-экономического развития.

Список источников:

1. Административные барьеры в экономике: институциональный анализ / Под ред. А. А. Аузана, П. В. Крючковой. М., 2002. 133 с.

2. Аузан, А. А, Крючкова, П. В. Административные барьеры в экономике: задачи деблокирования // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 73–88.

3. Валько, Д. В. Безопасность предпринимательской среды: институциональные факторы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2018. Т. 14. № 4. С. 698–708. DOI: 10.24891/ni.14.4.698 EDN: YVLVEO

4. Гришина, И. В. Анализ рисков осуществления инвестиционной деятельности в субъектах Российской Федерации // Финансы и кредит. 2006. № 9. С. 30–39. EDN: HUUXYF

5. Гришина, И. В., Марухин, И. Н., Шестопалова, И. П. Методология исследования и опыт оценки инвестиционной привлекательности регионов России // Федерализм. 2013. № 1. С. 39–56. EDN: PYGGBR

6. Зимин, В. А. Инвестиционный климат регионов Российской Федерации. Его основные показатели // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 296–298. EDN: IAJFON

7. Картаев, Ф. С., Полунин, К. Е. Влияет ли рейтинг инвестиционного климата на экономическое развитие региона? // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 90–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-90-102 EDN: KXEEJZ

8. Князева, И. В., Бондаренко, И. В. Системные характеристики рейтингов, содержащих оценку предпринимательского и инвестиционного климата // Рейтинг России. Вопросы управления. 2014. № 4. С. 101–114.

9. Курбанов, С. А. Факторы, влияющие на развитие инвестиционного климата в регионах России // Проблемы современной экономики. 2016. № 35. С. 44–50. EDN: XEABIN

10. Мирошников, С. Н., Чаркина, Е. С. Актуальные вопросы улучшения инвестиционного климата в регионах России // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 11. С. 1311–1320. DOI: 10.18334/rp.17.11.35356 EDN: WCDTWV

11. Никитин, А. С. Инвестиционный рейтинг как инструмент стимулирования эффективности управления развитием регионов России // Экономическая политика. 2016. № 6. С. 192–221. EDN: XKPFPL

12. Райская, Н. Н., Сергиенко, Я. В., Френкель, А. А. Рейтинг регионов по интегральному показателю инвестиционной привлекательности // Вопросы статистики. 2009. № 1. С. 56–60. EDN: SXTFKJ

13. Тамбовцев, В. Л. Экономическая теория контрольно-надзорной деятельности государства // Вопросы экономики. 2004. № 4. С. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-4-91-106 EDN: PJFFMX

.

References:

1. Administrative barriers in the economy: institutional analysis / Ed. by A. A. Auzan, P. V. Kryuchkova. Moscow, 2002. 133 p. (in Russ.).

2. Auzan, A. A, Kryuchkova, P. V. (2001) Administrative barriers in the economy: tasks of unblocking Voprosy ekonomiki [Questions of Economics], no. 5, pp. 73–88 (in Russ.).

3. Valko, D. V. (2018) Security of the business environment: institutional factors Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost' [National interests: priorities and security], vol. 14, no. 4, pp. 698–708. DOI: 10.24891/ni.14.4.698 EDN: YVLVEO (in Russ.).

4. Grishina, I. V. (2006) Analysis of the risks of implementing investment activities in the constituent entities of the Russian Federation Finansy i kredit [Finance and Credit], no. 9, pp. 30–39. EDN: HUUXYF (in Russ.).

5. Grishina, I. V., Marukhin, I. N., Shestopalova, I. P. (2013) Research Methodology and Experience of Assessing the Investment Attractiveness of Russian Regions Federalism, no. 1, pp. 39–56. EDN: PYGGBR (in Russ.).

6. Zimin, V. A. (2013) Investment Climate of the Regions of the Russian Federation. Its Main Indicators Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development], no. 5, pp. 296–298. EDN: IAJFON (in Russ.).

7. Kartaev, F. S., Polunin, K. E. (2019) Does the Investment Climate Rating Affect the Economic Development of a Region? Voprosy Ekonomiki [Questions of Economics], no. 5, pp. 90–102. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-5-90-102 EDN: KXEEJZ (in Russ.).

8. Knyazeva, I. V., Bondarenko, I. V. (2014) System characteristics of ratings containing an assessment of the business and investment climate Reyting Rossii. Voprosy upravleniya [Rating of Russia. Management issues], no. 4, pp. 101–114 (in Russ.).

9. Kurbanov, S. A. (2016) Factors influencing the development of the investment climate in the regions of Russia Problemy sovremennoy ekonomiki [Problems of the modern economy], no. 35, pp. 44–50. EDN: XEABIN (in Russ.).

10. Miroshnikov, S. N., Charkina, E. S. (2016) Actual issues of improving the investment climate in the regions of Russia Rossiyskoye predprinimatel'stvo [Russian entrepreneurship], vol. 17, no. 11, pp. 1311–1320. DOI: 10.18334/rp.17.11.35356 EDN: WCDTWV (in Russ.).

11. Nikitin, A. S. (2016) Investment rating as a tool for stimulating the efficiency of management of the development of Russian regions Ekonomicheskaya politika [Economic policy], no. 6, pp. 192–221. EDN: XKPFPL (in Russ.).

12. Raiskaya, N. N., Sergienko, Ya. V., Frenkel, A. A. (2009) Rating of regions by the integral indicator of investment attractiveness Voprosy statistiki [Questions of statistics], no. 1, pp. 56–60. EDN: SXTFKJ (in Russ.).

13. Tambovtsev, V. L. (2004) Economic theory of control and supervisory activities of the state Voprosy ekonomiki [Questions of Economics], no. 4, pp. 91–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2004-4-91-106 EDN: PJFFMX (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 20.11.2024.

Информация об авторах

Д. В. Андреев – инвестиционный уполномоченный в Дальневосточном федеральном округе, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

М. М. Потанин – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и цифровых технологий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

D. V. Andreev – Investment Commissioner in the Far Eastern Federal District, Postgraduate Student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

M. M. Potanin – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Economics and Digital Technologies Department, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 332.14:338.242
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60

Системные трансформации в регионах и институциональные риски

Олег Маркович Рензин
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
renzin@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-7023-7279

Аннотация. *Изучение трансформационных процессов в национальной и мировой экономике, научное прогнозирование используемых методов организации новой хозяйственной системы составляют значительную часть современной исследовательской практики. Особым её сегментом является формирование обоснованных представлений о формах, методах и механизмах взаимодействия между агентами экономической системы, передачи в ней как шоковых, так и позитивных импульсов, влияющих на изменение характеристик деятельности. Одним из сложных объектов для такого исследования системных изменений и конструирования их прогнозных треков являются процессы, не имеющие очевидного причинно-следственного характера. В частности, это осуществление институционального перехода от макроэкономического целеполагания к формам его пространственной реализации. При этом возникает необходимость учета большого числа отраслевых, финансовых, инфраструктурных и технологических рисков, создающих ограничения в трансформационном развитии. Это приводит к необходимости формирования соответствующей интегральному риск-профилю институциональной архитектуры. В работе рассматривается гипотеза о существовании особого типа институциональных структур, осуществляющих согласование риск-профилей, характерных для реально действующих и для формируемых на перспективу экономических структур.*

Ключевые слова: *экономические трансформации, институциональные преобразования, пространственные реформы, формирование институциональных рисков, управление институциональными рисками*

Для цитирования: Рензин О. М. Системные трансформации в регионах и институциональные риски // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 51–60. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60

Original article

Systematic Transformations in Regions and Institutional Risks

Oleg M. Renzin
The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
renzin@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0002-7023-7279

Abstract. *The study of transformation processes in the national and global economy and the scientific forecasting of the methods used to organize a new economic system constitutes a significant part of modern research practice. Its special segment is the formation of substantiated ideas about the forms, methods and mechanisms of interaction between agents of the economic system, the transmission of shock and positive impulses*

in it that affect the change in the characteristics of activity. One of the complex objects for the study of systematic transformations and creating forecast tracks are processes that do not have an obvious cause-and-effect nature. In particular, this is the implementation of the institutional transition from macroeconomic goal-setting to the forms of its spatial implementation. At the same time, there is a need to take into account a large number of sector-specific, financial, infrastructural and technological risks that create restrictions in the transformational development. This leads to the need to form an institutional architecture corresponding to the integral risk profile. The paper examines the hypothesis of the existence of a special type of institutional structures that coordinate risk profiles characteristic of real economic structures and those being formed for the future.

Keywords: *economic transformations, institutional transformations, spatial reforms, formation of institutional risks, institutional risk management*

For citation: Renzin O. M. (2024) Systematic Transformations in Regions and Institutional Risks *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 51–60. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-51-60

Введение

Проблема трансформационных преобразований в экономике стала одной из наиболее обсуждаемых в науке как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Расшатывание методологических концепций, тесно связанное с видоизменениями в системной организации национальных, межнациональных и глобальных форм экономической деятельности, вынуждает периодически возвращаться к принципам, методам и алгоритмам превращения действующей конструкции экономического процесса в иные формы, потенциально более совершенные и эффективные. Большой опыт мировое экспертное сообщество в этом исследовательском сегменте приобрело в периоды кризисного постсоциалистического слома планово-ориентированной модели экономических взаимодействий, ковидного коллапса и посткризисных фаз развития. Именно в эти периоды в достаточно прозрачном виде было показано, что импульсы и алгоритмы происходящих в общественной организации изменений не в полной мере получают адекватное теоретическое объяснение. Для национального уровня эту проблематику с большой детализацией сформулировал Я. Корнаи: «В центре внимания оказались проблемы, типичные для системной парадигмы. С какой скоростью должны проходить трансформации? Следует ли реализовать сразу комплексный пакет реформ или лучше проводить реформы в несколько этапов? В каком порядке надо принимать новые законы? Что нужно делать вначале, а что потом?... Ответы могут быть разными, но вопросы – одни и те же».[Корнаи, 2002. С. 13]

На субнациональном уровне важным участком для поиска ответов на аналогичные списки вопросов стал естественный переход от макроэкономического осмысления проблемы к проблематике пространственной организации хозяйственного механизма. Для России – самой большой по территориальным характеристикам страны мира – оказалось не менее сложным, чем для общенациональной конструкции, сформировать адекватный теоретический и прикладной инструментарий для решения внутриэкономических пространственных задач. Для каких-то отдельных территорий в рамках существующих административных схем было возможным применение традиционных алгоритмов, технически восходящих к идеологии территориального планирования (как отечественной, так и зарубежной). Примерами этого служат разработки стратегий развития отдельных субъектов РФ или их агрегированных структур. Однако для выстраивания полноценной государственной методики оптимизации пространственной экономики потребовался многоэтапный и многоэлементный процесс консолидации научного сообщества, властных органов всех уровней, корпоративных структур.

Системные трансформации в управлении региональным развитием

Длительное время общей стратегиче-

ской концепции территориальных преобразований в России не было. Для отдельных исследовательских задач эта проблематика была активирована в виде разработок, осуществленных в коллективах географических и экономических научных школ. Это осуществляли как столичные, так и региональные институты (сибирской, дальневосточной, уральской принадлежности). В них был частично использован опыт, накопленный советской практикой. Привлекались также и зарубежные методики, которые, впрочем, ни по масштабам, ни по глубине задач не были адекватны российским форматам. Это было связано и с целеполаганием, и с комплексом действующих факторов, и с направленностью и динамикой пространственных преобразований. Они могли служить, скорее, некоторым информационным материалом к подготовке полноценной стратегии региональных преобразований. Их превращение в действующие стратегические программы имело скорее демонстративный, чем оперативный характер. Хотя следует признать, что стремление к отчетливому представлению о направлениях, формах и механизмах государственной пространственной политики отчетливо просматривалось. Это было зафиксировано рядом профильных нормативно-правовых решений, принятых на основе аккумуляции предложений, сформулированных как в федеральной регуляторной системе, так и региональными органами власти.[1]

Осуществленные институциональные разработки были агрегированы в сводный документ, который вышел в феврале 2019 г. в виде Стратегии пространственного развития России до 2025 года [Стратегия пространственного развития…, 2019]. Это была правительственная правовая конструкция, претендующая на формирование концептуальных решений в территориальной регуляторике. В ней излагались несколько генерализованных идей, имевших организационно-нормативный формат. Совокупность предлагаемых новаций должна была способствовать достижению главных целей Стратегии; «сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности». [Стратегия пространственного развития…, 2019. С. 8].

Прежде всего, предполагалось введение в качестве объектов пространственного регулирования не используемых ранее структур, формально не совпадавших по границам в традиционной административной сетке как официальной модели территориального устройства. Теперь в пространственную систему были включены в качестве базовых видоизмененные конструкции, названные «агломерации» и «макрорегионы». Фактически ни первая из предложенных позиций, ни вторая не заменяли в территориальной системе сложившуюся градацию субъектов РФ и объединяющие их федеральные округа, но в какой-то мере реструктуризировали управленческие задачи.

Отметим, что такая не очень строго обоснованная системная рефрагментированность экономики не только не облегчила управленческие процессы, а, напротив, стала существенным препятствием для их осуществления. Каждую из выделенных позиций характеризовали большие информационные массивы, которые формировались исключительно за счет пересчета данных, поступавших от реально действующих экономических структур.

Однако частичным изменением пространственной модели дело не ограничилось. Одновременно предлагались новации также и в рамках традиционной сетки республик, краев и областей. Документом для них была определена детализированная схема перспективных специализаций, расписанная для каждого из субъектов РФ. За каждым из регионов России были закреплены десятки позиций, перечень которых занял более 60% нормативного текста (см. Приложение №1 к Стратегии «Перечень перспективных экономических специализаций субъектов

[1] *См. Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Указ Президента РФ//Собрание законодательства РФ 1996 №23; Концепция совершенствования региональной политики Российской Федерации. Минрегионразвития. 2008; Доктрина регионального развития Российской Федерации. М.: Научный эксперт. 2009. 256 с.; Основы государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 г. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. №13*

Российской Федерации», с. 35–102). Возможно, что такой императивной росписью перспективных отраслей экономической специализации для каждого из субъектов РФ достигалась не очень хорошо понятная цель закрепления места каждого из них в национальном разделении труда. Хотя это было сложно, поскольку составленный список представлял некую смесь из фактических показателей, прогнозных проектов и возможных долгосрочных потенциалов.

Стратегия пространственного развития как один из регуляторных императивов должна была и содержательно, и нормативно быть включенной в комплекс национальных стратегических проектов, Стратегию национальной безопасности, Стратегию научно-технологического развития. Содержащаяся в ней мозаика идей стала одним из сложных препятствий для включения в национальные планы пространственного экономического развития.

Это, безусловно, определяло необходимость создания действующих трансмиссионных каналов, объединяющих её и национальные проекты (социально-экономические, технологические, отраслевые). Трансмиссионный механизм является наиболее динамичной частью общественного экономического устройства, который должен соответствовать, во-первых, системной организации экономики (включая как макроэкономическую, так и региональную составляющую), и, во-вторых, быть чувствительным к изменению конъюнктурной ситуации. Такое коммуникационное образование является одним из важнейших элементов в рассмотрении системной трансформации. Как сформулировал эту проблему Д. Стиглиц, надо знать «каков механизм передачи шоков от одной фирмы к другой, от одного сектора к другому, механизм их незатухания».[Стиглиц, 1997] Институциональные структуры составляют цепочку взаимодействующих регуляторов, передающих по различным каналам информацию об условиях деятельности на территории. При этом в качестве используемых каналов могут быть денежные, налоговые, таможенные, жестко привязанные к территориальной структуре. Схематично они составляют трансмиссионный механизм для реализации решений об осуществлении (или, напротив, об отказе от осуществления) экономической деятельности. Именно позитивный отбор среди альтернативных вариантов становится фактором инициирования той или иной динамики развития.

Однако, этот конструктивный блок для решения управленческих задач остался в документе 2019 г. недостаточно точно смоделированным. В лучших традициях бюрократического подхода к решению проблемы в тексте было записано делегирование полномочий: «основным механизмом реализации Стратегии является план ее реализации, который утверждается Правительством Российской Федерации» [Стратегия пространственного развития…, 2019. С. 29]. Можно предположить, что именно этот регуляторный аспект стал одним из влиятельных мотивов для организации переработки Стратегии и выпуска её новой редакции, в которой произошли существенные содержательные изменения, а также осуществлено расширение периода действия до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.

В новом документе, проект которого в настоящее время активно обсуждается в профессиональном сообществе, был сделан очевидный акцент на формирование пространственно ориентированной структуры управления региональным развитием с использованием более точных и дифференцированных способов целевого воздействия на территориальные процессы [Стратегия пространственного развития…, 2024]. Это продемонстрировало стремление к более строгому и более эффективному осуществлению политики пространственного развития.

В варианте Стратегии, финальная версия которой запланирована к принятию в декабре 2024 г., была использована значительно более точная формулировка круга управленческих задач и определение способов их решения, включая используемый трансмиссионный механизм. Эти позиции были сформулированы в выступлении Председателя Правительства РФ М. В. Мишустина на Стратегической

сессии по пространственному развитию РФ 8 октября 2024 г. Им было показано, что круг решаемых в Стратегии проблем более сложен, чем формулируемый ранее. Соответственно этому, для реализации поставленных задач был описан необходимый трансмиссионный механизм, включающий перечень каналов, по которым возможна трансакция параметров, сформулированных в Стратегии, на реальные пространственные структуры.

С одной стороны, это широкий набор имеющихся инструментов, более рациональное использование которого обеспечивает достижение стратегических целей. Он включает, прежде всего, используемые механизмы стратегического планирования странового или регионального масштаба, национальные проекты, отраслевые стратегические разработки. Другой инструментальный набор составляют проекты, связанные с реализацией специальных государственных программ для геостратегических территорий, в т. ч. для Арктики, Дальнего Востока, новых российских регионов. Кроме того, в активном режиме могут применяться индивидуальные программы, разрабатываемые для проблемных субъектов; мастер-планы для развития городов, а также другие уже освоенные методы государственного воздействия на территориальные структуры. Фактически речь идет об эффективной адаптации процессов государственного размещения базовых ресурсов: производственных, инфраструктурных, человеческого капитала к национальной пространственной структуре. При этом важным является их внутренняя согласованность – от стратегических разработок к программным, регламентированная статистическая однородность и др.

С другой стороны, было отчетливо показано, что наряду с использованием традиционного инструментария существует необходимость существенной модернизации территориальной регуляторики, в т. ч. за счет создания цифровой платформы управления комплексным социально-экономическим и пространственным развитием, дифференциации принимаемых решений, расширения горизонта планирования и т. д. То есть пространственное стратегирование должно создаваться в более сложном аналитическом и прогнозном контексте. Это определяет круг дополнительных совершенствований, которые включают как новые технологические механизмы работы с информационными потоками, так и содержательную задачу – расширение институционального круга рассматриваемых проблем.

Как определил М. В. Мишустин, «здесь очень важен системный подход, с обязательным учетом специфики и прогнозных потребностей территории».[2] Для этого необходимо использование специального инструментария, предполагающего формирование более тонкого набора институционально сбалансированных вариантов пространственного развития. В применении к экономическим проблемам институциональная концепция явилась одним из важных типов альтернативных конструктивных воздействий на системные процессы. В частности, большое место в трансформационный период после 1990-х гг. заняли институциональные конструкции. Ученые, работающие в этом направлении, получали заказы на конструирование и расчет моделей нового развития, экспертные площадки для «полевых» опытов на национальных экономиках, заслуженные ими высокие теоретические поощрения (включая Нобелевские премии). В применении к экономическому управлению институциональную повестку довольно точно сформулировал Д. Ходжсон: «Институты суть системы социальных правил. Термин «правило» здесь трактуется в широком смысле, как предписание или установка в ситуации X делать Y» [Ходжон, 2003]. Содержательно, в наиболее общем виде, речь идет о моделировании правил экономической игры (формализованных в виде императивных норм или в виде неписаных социальных догово-

[2] *М. Мишустин провел стратегическую сессию по пространственному развитию РФ // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. 8 октября 2024 – http://government.ru/news/52929*

ренностей) и используемых механизмов их реализации, которые потенциально могут ограничивать (или стимулировать) эффективность использования доступных обществу ресурсов.

Для региональной науки институциональные конструкты стали важным элементом управления пространственными процессами. В традиционной интерпретации ведущей формой изменений в организации пространственных процессов было фактическое наличие или создание реального экономического (в т. ч. ресурсного) потенциала. Институциональная парадигма существенно дополнила эту логику. Она теоретически и практически показывала, какие формы и типы взаимодействия, во-первых, были бы значимы для обеспечения прогнозируемого развития и, во-вторых, конструктивно продуктивны для конкретного территориального образования.

В российских региональных исследованиях особое внимание на институциональную составляющую было обращено в ряду работ, связанных с территориальной трансформацией, организационными и регулятивными задачами её сопровождающими. В частности, на такую двойственность происходящих региональных процессов указывал академик П. А. Минакир, который предписывал осуществление пространственных изменений через «формирование новой институциональной и макроэкономической ситуации» [Минакир, 2006]. Согласно его исследованиям, если макроэкономический процесс создает на различных уровнях организации экономики (микро-, мезо-, макро-) предпосылки для ее реформирования, то – институциональный придает согласованность происходящим изменениям, т. е. является реальным системообразующим элементом, реализация которого может служить активатором успешности осуществляемых преобразований. Соответственно, на каждом из этапов пространственной модернизации институциональная система участвовала в решении регуляторных задач. Сначала это были теоретические и методологические, затем связанные с конструированием и оптимизацией экономических процессов, и, наконец, генерированные практикой алгоритмы применения осуществленных разработок в хозяйственном обороте.

На наш взгляд, эту инструментальную идеологию в настоящее время возможно значительно шире использовать при территориальном регулировании, поскольку она функционально совпадает с установками, формируемыми Стратегией пространственного развития.

Во-первых, она позволяет в значительной степени реализовать методические позиции, связанные с концептуализацией положения о том, что трансформационный процесс сегментирован в регионах. При осуществлении управления в пространственном разрезе это становится реальной основой для учета и реализации специфических территориальных ресурсов, потребностей и интересов.

Во-вторых, регулируемые территориальные процессы неразрывно связаны с реальной институциональной средой – как локальной, так и трансграничной (в т. ч. зарубежной). Для управления такими контактами возникает необходимость параллельного использования различных структурных механизмов, среди которых именно институционально-ориентированный подход позволяет наиболее полно использовать особые характеристики региона.

В-третьих, известно, что территориальное развитие характеризуется наличием большого числа неконтролируемых внешних факторов и условий, т. е. среда фактически генерирует риски. Динамика развития пространственных структур связана с непрерывными и зачастую с непрогнозируемыми изменениями в организации экономической системы, инициирующими активные процессы разрушения одних структур и возникновения других. Поскольку с учетом этих позиций пространственное развитие не линейно, оно требует действующих механизмов для определения и минимизации потенциальных неопределенностей. То есть наряду с формированием комплексов по разработке, оценке и реализации территориальных проектов, возникает необходимость создания региональных служб, ориентированных на работу с генерируемыми рисками.

Таким образом, в современной ситуации проблема организации стратегических взаимосвязей экономического

развития и пространственной системы должна приобретать институциональный характер. Фактически возникла новая ситуация в формировании сбалансированных процессов долгосрочных и краткосрочных изменений, управляющих импульсов в сфере получения традиционных макроэкономических результатов и оперативной реакцией на внешние и внутренние институциональные изменения. В результате рассогласования институциональных процессов могут возникать неблагоприятные реакции, включая взаимную нестабильность и неустойчивость структур, нарушение формально закрепленных правил и норм, и другие факты разбалансировки. В реальной управленческой технологии это влечет потенциальное расхождение в институциональном обеспечении многоуровневых решений – в макроэкономике и локальных структурах (региональных и отраслевых), снижение чувствительности экономики к принимаемым регуляторным решениям. В итоге (как следствие нестабильности институциональных вза-имодействий) появляется суммарная неэффективность механизмов развития, отклонения от региональных целей развития.

Эти дисбалансы определяют комплекс задач по осуществлению целенаправленных воздействий на региональную экономику, с использованием сформированного стратегического и институционального потенциала и его составных элементов. С позиций формирования эффективной регуляторики базовую функцию может исполнять макроэкономическая конструкция, получающая подкрепление через стратегические каналы (в т. ч. бюджетную и денежно-кредитную политику), поскольку она является более устойчивой и инерционной. Одновременно, исходя из способности институциональных структур, которые являются более динамичными и мобильными (в регуляторном понимании), и, соответственно, к большей или меньшей чувствительности к неопределенностям, возможно с их помощью осуществление более активного влияния на позитивные сдвиги в региональных процессах

Инвестиционные риски в региональном развитии

В качестве предметной базы для таких интегральных объектов воздействия на регулируемые структуры в литературе рассматривается выделение специфических факторов, агрегирующих потенциальные вероятности возникновения неблагоприятных траекторий развития. Они получили обобщенное наименование «институциональные риски».

В региональном развитии инициируется большое количество институциональных рисков. Это определено, с одной стороны, инвестиционными, технологическими и финансовыми сложностями в решении плановых задач текущего и перспективного развития. Уровень институционального риска определяется множеством факторов, природа которых разнообразна. Среди них можно выделить группы факторов, роль которых в формировании институционального риска региона представляется наиболее существенной. Это, в частности, факторы экономического и социального характера, связанные с несовершенством функционирования соответствующих институтов. При этом, поскольку не существует универсальных институциональных моделей пространственного развития, то каждый регион фактически формирует свою специфическую модель развития, включающую характеристики производственной системы, трудового и человеческого потенциала, инфраструктуры и т. д. Соответственно, следует признать, что для каждого экономического агента в регионе будет формироваться своя «индивидуальная платформа», агрегирующая некоторую совокупность институциональных рисков. Каждая из них будет отличаться не только наблюдаемыми формальными составляющими, но и фактически накопленными на территории институциональными характеристиками. Соответственно, они формируют персонифицированный риск-профиль.

Отметим, что в современной постановке проблем пространственного регулирования в проекте Стратегии 2024 отдельные проблемы формирования специфического риск-профиля уже включаются. В частности, в разделе о моногородах специально рассматриваются проблемы возникновения, учета и минимизации рисков, включая ухудшение социально-экономического положения, увеличение

уровня безработицы, закрытие или ликвидацию основных предприятий, снижение спроса на продукцию основных предприятий и т. п. [Стратегия пространственного развития…, 2024. С. 61–63]

В этих условиях осуществление мониторинга происходящих изменений, их адекватная интерпретация и проведение корректирующих воздействий, обеспечивающих согласование складывающихся тенденций развития экономики с целями реформирования, превращаются в сложнейшие проблемы. Их разрешение возможно только при создании специфической для этого этапа развития системы управления, т. е. комплекса методов, механизмов и организационных структур, позволяющих реализовать адекватное регулирование хозяйственных процессов.

Тенденции включения управления рисками в организацию пространственного регулирования показывают, что концептуальная структура функционального развития должна включать системы для их специального мониторинга и целевого минимизирования. При этом проблема минимизации институциональных рисков тесно связана с территориальными особенностями рисков специфических, характерных для данной территории, или отдельных структур, в нее входящих. То есть речь идет о комплексе демпферных механизмов, ориентированных на специфический (индивидуальный) набор решений. Они могут реализоваться в виде нескольких вариантов.

Возможно создание в системах, сопровождающих социально-экономическое развитие территорий, особого управляющего блока, ориентированного на проблематику институциональных рисков. Такая структура может осуществлять текущий мониторинг параметров институциональной среды и при необходимости согласовывать необходимые решения регионального масштаба. Как позитивный аспект использования такой структуры оценивается постепенность перехода, отсутствие конфликтных границ между «новым» институтом и «прежней» нормой. «В этом варианте институциональные исключения накапливаются «малыми шагами», каждый из которых является слишком незначительным, чтобы его можно было легко заметить, приводит к появлению институциональных исключений, которые становятся поведенческой основой новых рынков» [Барбашин, 2016].

Другой подход основан на формировании специфицированных самостоятельных региональных структур, хеджирующих реализацию потенциала институциональных рисков. В этом случае эволюция институциональной структуры не сможет носить равновесный и устойчивый характер согласования с макроэкономическими решениями. Однако одновременно возникают дополнительные регулятивные эффекты. В условиях неопределенности сложно прогнозировать, какой из институциональных инструментов понадобится в перспективе, а от каких стандартов придется отказаться, т. е. затруднительно сконструировать институт, который в любых условиях остается эффективным. В таких условиях целевое хеджирование позволяет региону минимизировать конкретные риски, создавая и сохраняя для этого необходимый инструментарий. Возникает ситуация формирования набора специфических институциональных рисков, местом локализации которых являются звенья системы экономического регулирования. По мнению сторонников такой стратегии, «возможность субъектов федерации осуществлять институциональные изменения лишь части территории страны, во-первых, дает возможность практической проверки многих вариантов решений социально-экономических проблем, а во-вторых, существенно ограничивает масштабы потенциальных негативных последствий неудачных решений» [Институциональные изменения…, 2017. С. 9–10].

Третий подход является синтезом первых двух, одновременно формируя институциональную среду и дополняя её специфицированными структурами. Если принимать в качестве исходной позиции такой вариант институционального риск-менеджмента, то это дает возможность осуществлять операции с разными территориальными и функциональными границами для системы институционального регулирования.

Формирования таких структур в пилотном варианте возможно при реализации новой версии Стратегии простран-

ственного развития России до 2030 года. Включение в процесс территориального управления проблематики, отражающей наряду с традиционным управлением проектами вероятностных характеристик развития, связанных с формированием и реализацией институциональных рисков является важным дополнением к стандартной схеме осуществления регионального прогнозирования.

Другим важным содержательным элементом реализации новой концепции является идеология формирование комплекса трансмиссионных инструментов для реализации региональной политики. Опыт исследования и практического внедрения трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики показывает, что это сложный институциональный процесс, который наряду с организационными характеристиками имеет количественные параметры, определяющие эффективность осуществляемых действий и результативность регуляторного процесса [Барбашин, 2016].

Заключение

Современные позиции, которые реализуются в Стратегии пространственного развития до 2030 года, можно рассматривать как новый исследовательский проект для развития региональной науки и практики. Включение в нее новых сегментов перспективных исследований позволяет значительно усилить требования к дифференциации региональных решений, более полному отражению условий территориального развития, формированию стратегической конструкции, адекватной происходящим сдвигам в экономическом и социальном процессах.

Список источников:

1. Барбашин, М. Ю. Теория институционального распада: концептуальный потенциал и методологические рамки // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. №1. С. 48. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053 EDN: VUQUQV

2. Доктрина регионального развития Российской Федерации. М.: Научный эксперт. 2009. 256 с.

3. Дробышевский, С. М., Трунин, П. В., Каменских, М. В. Анализ трансмиссионных механизмов денежно-кредитной политики в российской экономике. М.: ИЭПП, 2008. 87 с. ISBN: 978-5-93255-254-4 EDN: PSYRTB

4. Институциональные изменения в экономике российских регионов. М.: Проспект, 2017. С. 240.

5. Корнаи, Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 13.

6. Концепция совершенствования региональной политики Российской Федерации. Минрегионразвития. 2008.

7. Минакир, П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006, С. 848. ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP

8. Стиглиц, Д. Альтернативные подходы к макроэкономике: методологические проблемы и неокейнсианство // Мировая экономика и международные отношения. 1997 №7 с. 52–61.

9. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. 116 с.

10. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (проект)//Материалы парламентских слушаний «Об основных положениях проектируемой стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года». М: Совет Федерации РФ. 2024.

11. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. 464 с. ISBN: 5-7749-0307-9 EDN: QQBPCT

References:

1. Barbashin, M. Yu. (2016) Theory of institutional decay: conceptual potential and methodological framework *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of institu-

tional studies], vol. 8, no. 1, p. 48. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.1.036-053 EDN: VUQUQV (in Russ.).

2. Doctrine of regional development of the Russian Federation. Moscow: Scientific expert. 2009. 256 p. (in Russ.).

3. Drobyshevsky, S. M., Trunin, P. V., Kamenskikh, M. V. (2008) Analysis of transmission mechanisms of monetary policy in the Russian economy. Moscow: IET, 87 p. ISBN: 978-5-93255-254-4 EDN: PSYRTB (in Russ.).

4. Institutional changes in the economy of Russian regions. M.: Prospect, 2017. p. 240 (in Russ.).

5. Kornai, J. The system paradigm *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2002, no. 4, p. 13 (in Russ.).

6. The concept of improving the regional policy of the Russian Federation. Ministry of Regional Development. 2008 (in Russ.).

7. Minakir, P. A. Economy of regions. Far East. M.: Ekonomika, 2006, p. 848. ISBN: 5-282-02549-3 EDN: RWHZNP (in Russ.).

8. Stiglitz, D. Alternative approaches to macroeconomics: methodological problems and neo-Keynesianism *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 1997, no. 7, pp. 52–61 (in Russ.).

9. The strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. Approved by the order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r. 116 p. (in Russ.).

10. Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036 (draft). Materials of the parliamentary hearings “On the main provisions of the projected strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2030”. Moscow: Federation Council of the Russian Federation. 2024 (in Russ.).

11. Hodgson D. Economic theory and institutions. Moscow: Delo, 2003. 464 p. ISBN: 5-7749-0307-9 EDN: QQBPCT (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.

Информация об авторе

О. М. Рензин – кандидат экономических наук, советник директора, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 630.61
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-61-69

Исследование эффективности использования лесных ресурсов региона в период экономической нестабильности

Наталья Евгеньевна Антонова
Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия
antonova@ecrin.ru, https://orcid.org/0000-0003-0317-0817

Аннотация. *В статье исследованы основные ресурсно-производственные характеристики лесного комплекса Хабаровского края, проанализирована динамика показателей лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслей в период пандемийного кризиса и геополитических изменений последних лет. Рассмотрены некоторые подходы к измерению эффективности использования лесных ресурсов. На основе этих подходов выбраны и адаптированы применительно к региональному лесному комплексу показатели, характеризующие эффективное использование лесных ресурсов, с применением которых выполнен анализ продуктивности лесного комплекса, а также его отраслей. Выявлено, что лесной комплекс Хабаровского края характеризовался в период 2018–2022 гг. достаточно эффективным использованием лесных ресурсов. Сравнение продуктивности по отраслям лесозаготовки и деревообработки показало, что по второй отрасли она была выше почти весь исследуемый период, тогда как изменение институциональных условий оказало влияние на падение продуктивности лесозаготовки.*

Ключевые слова: *лесной комплекс, лесные ресурсы, эффективность, продуктивность, Хабаровский край*

Для цитирования: Антонова Н. Е. Исследование эффективности использования лесных ресурсов региона в период экономической нестабильности // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 61–69. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-61-69

Original article

Efficiency of Forest Resource Usage in the Region During the Period of Economic Instability

Natal'ya E. Antonova
The Economic Research Institute FEB RAS, Khabarovsk, Russia
antonova@ecrin.ru.

Abstract. *The article examines the main resource and production characteristics of the forest system of the Khabarovsk Territory, analyzes the dynamics of the logging and timber processing industries during the pandemic crisis and geopolitical changes of recent years. It also considers some approaches to measuring the efficiency of forest resource usage. Based on the approaches, the paper selected indicators characterizing the efficient usage of forest resources, adapted them for the regional forest system, and performed an analysis of both the productivity of the forest system and its industries. The study reveals that the forest system of the Khabarovsk Territory is characterized by fairly efficient usage of forest resources in the period of 2018–2022. A comparison of productivity by logging*

and timber processing industries showed that in the latter one it was higher for almost the entire period in question, while changes in constituting conditions influenced the decline in logging productivity.

Keywords: *forest system, forest resources, efficiency, productivity, Khabarovsk Territory*

For citation: Antonova N. E. (2024) Efficiency of Forest Resource Usage in the Region During the Period of Economic Instability *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 61–69. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-61-69

Введение

Эффективное управление природными ресурсами, их рациональное использование – основное условие экономического развития страны с богатой сырьевой базой и сохранения окружающей среды [Бобылев, Порфирьев, 2019].

В Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» обеспечение значимого роста энергетической и ресурсной эффективности определено в качестве одной из задач[1].

Одним из видов природных ресурсов являются возобновляемые биологические природные ресурсы, которыми богаты регионы Дальнего Востока – по запасам лесных ресурсов макрорегион лидирует в национальной экономике. Одним из наиболее обеспеченных ресурсами дальневосточных регионов является Хабаровский край, который всегда имел богатую лесосырьевую базу. На рациональное использование лесных ресурсов сильное влияние оказывают как природно-климатические, погодные условия, так и институциональные, внешнеэкономические, геополитические факторы. Последние пять лет для лесного комплекса Хабаровского края можно охарактеризовать как достаточно турбулентные как в силу нестабильной конъюнктуры на внешних рынках, так и действия более системных факторов – пандемического кризиса, ужесточения геополитических условий. Это отразилось на производственно-экономических показателях, включая эффективность использования лесных ресурсов.

В статье поставлена цель проанализировать, как изменилась эффективность использования лесных ресурсов Хабаровского края в последние годы, характеризующиеся нестабильностью экономической динамики.

Основные ресурсно-производственные характеристики лесного комплекса Хабаровского края в 2018–2023 гг.

Лесоресурсный потенциал Хабаровского края значительный – он является одним из наиболее многолесных регионов Российской Федерации. Лесные ресурсы остаются одной из основных сырьевых компонент, которая может обеспечить долговременное устойчивое развитие экономики Хабаровского края и определять в перспективе его эффективное участие в международном разделении труда.

Общая площадь земель, на которых располагаются леса на территории Хабаровского края, по состоянию на 01.01.2024 составляет 74,7 млн га, общий запас древесины – 5,1 млрд м^3. Наибольшая доля как по площади (97,7%), так и по запасу древесины (98,0%) приходится на земли лесного фонда. Около 2% площади составляют земли особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Доля остальных категорий земель несущественна. Земли лесного фонда Хабаровского края в зависимости от целевого назначения лесов разделяются на эксплуатационные (47,1% от площади лесного фонда), резервные (40,5%) и защитные леса (12,3%)[2]. Основным видом использования лесов в Хабаровском крае является заготовка древесины (97,8% от переданной в аренду лесной площади).

Лесной комплекс Хабаровского края всегда являлся экспортоориентирован-

[1] *Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года 7 мая 2024 года № 309. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986*

[2] *Информация о лесах / Министерство лесного хозяйства и лесопереработки Хабаровского края. URL: https://les.khabkrai.ru/Forest_Information/Opendata/ (дата обращения: ноябрь 2024 г.)*

ным, при этом отмечается китайская монопсония на краевом лесном рынке, которая привела к зависимости от конъюнктуры на лесные товары в КНР.

Лесной комплекс в регионе представлен двумя отраслями – лесозаготовительной и деревообрабатывающей; целлюлозно-бумажное производство отсутствует. Пока что преимущественное развитие получило производство сырья и его первого передела, наименее эффективное с точки зрения создания добавленной стоимости [Развитие экономики…, 2021]. То есть лесопользование носило и носит в основном экстенсивный характер.

При установленном ежегодном разрешенном объеме заготовки древесины в 10 млн м^3 доля ее фактического использования составила в 2023 г. лишь 40,9%, в то время как в 2021 г. – 50,4%, а в 2019 г. этот показатель составлял 55,1%. То есть последние 5 лет происходит постоянное сокращение использования древесины.

На падение объемных показателей заготовки древесины существенное влияние оказал фактор внешнего спроса (рис. 1)

Сокращение объемов заготовки было связано со следующими обстоятельствами [Развитие больших…, 2023]:

увеличением ставок таможенных пошлин в 2018 г. в ДФО;

обвалом в 2019 г. цен и спроса на лесное сырье на китайском рынке вследствие начавшейся торговой войны между КНР и США;

сокращением в результате пандемийного кризиса и остановки производственной активности спроса в КНР на лесоматериалы в 2020–2022 гг.;

запретом экспорта древесины из России с 2022 г.

Последнее обстоятельство наиболее сильно сказалось на сокращении объемов лесозаготовки.

Что касается производства продукции деревопереработки, то в Хабаровском крае выпускаются в основном три вида продукции: пиломатериалы, пеллеты, лущеный шпон (табл. 1).

На падение объемов пиломатериалов в 2020 г. отрицательно повлияло закрытие на время пандемии китайского рынка. Тем не менее, как следствие все той же пандемии в 2021 г., произошел беспрецедентный рост мировых цен на пиломатериалы из-за ограничения предложения и одновременно увеличения спроса на них в США [Развитие больших…, 2023]. Эксперты отмечают, что ограничения в период пандемии способствовали резкому росту цен на все сырьевые товары на международных рынках. Российские лесопромышленные предприятия получали сверхприбыли, экспортируя не только пиломатериалы, но и топливные гранулы на рынки ЕС, а также фанеру. Экспортные цены на пиломатериалы доходили до 50 тыс. руб. /м^3, на пеллеты до 20 тыс. руб. /т [Шишелов, Стыров, 2024].

Это повлияло на рост как стоимостных, так и физических объемов производства пиломатериалов в Хабаровском крае. В 2022 г. продолжился восходящий тренд производства пиломатериалов, причем он

Рис. 1 Индекс физического объема лесозаготовки в Хабаровском крае, 2018–2023 гг., год к году, %

Источник: рассчитано по: Объем заготовленной древесины. ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/37848 (дата обращения: ноябрь 2024 г.)

Таблица 1

Индексы физического объема производства продукции деревообработки в Хабаровском крае, 2019–2023, %, год к году

Продукция	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**
Пиломатериалы	116,4	81,2	117,6	141,5	79,1
Пеллеты	152,9	158,7	135,1	161,1	91,3
Шпон лущенный	99,9	69,4	126,4	95,9	н/д

Источник: рассчитано по: Производство лесопромышленной продукции в Хабаровском крае URL: https://les.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesopromyshlennyj-kompleks/; Производство основных видов продукции в натуральном выражении за 2017–2023 г. URL: https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%BD%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20(2017-2023)(1).xlsx (дата обращения: ноябрь 2024 г.)

существенно вырос по сравнению с 2021 г., что было обусловлено закрытием экспорта круглой древесины – лесопромышленники перестроились на обработку древесины, пусть и невысокого качества. Но такой рост активности оказался недолгим – в 2023 г. произошел спад в производстве пиломатериалов. Причинами такого падения явились: низкий спрос на рынке КНР из-за кризиса строительной отрасли как основного потребителя древесины, конкуренция на китайском рынке со стороны других российских экспортеров, логистические проблемы на восточном участке РЖД [Антонова, 2023(а)].

Еще одним видом продукции, производимом в Хабаровском крае, стал лущеный шпон, производство которого было ориентировано на экспорт в Японию. В 2020 г. произошло значительное падение объемов импорта лущеного шпона из-за сокращения в Японии спроса на него, что отразилось на производственных показателях – падение составило 30% по сравнению с предыдущим годом. В 2022 г. Япония ввела санкции на импорт российского шпона (в основном это дальневосточный шпон из Хабаровского и Приморского краев), что негативно отразилось на объемах производства. Место Японии в 2022–2023 гг. частично занял Китай, но цена на шпон ниже на его рынке.

Общая тенденция в национальном лесном секторе в последние 5 лет на развитие производства пеллет как перспективного направления экспорта продукции переработки из России отразилась на лесном комплексе Хабаровского края, где производство пеллет растет достаточно быстрыми темпами. С точки зрения повышения степени полезного использования лесных ресурсов производство пеллет считается наиболее перспективным как способ утилизации отходов лесопиления, которое базируется на использовании в качестве сырья отходов лесопильного производства. Развитие пеллетного производства способствует решению актуальной экономической (обеспечение лесным сырьем) и экологической проблемы, учитывая, что отходы при лесопилении, составляющие до 40% от исходного сырья, захламляя территорию, создают высокую пожарную опасность, тем самым способствуя загрязнению атмосферы [Антонова, 2023(б)].

Основной рынок для хабаровских пеллет – Республика Корея. В этом смысле местные производители по сравнению с конкурентами из европейской части России оказались в выигрыше, поскольку Южная Корея, в отличие от других стран, введших санкции на товары из России, не закрыла свой рынок от российских пеллет.

Можно сделать вывод, что линейка товаров деревообработки в Хабаровском крае остается довольно узкой. Не смотря на сокращение объемов производство пиломатериалов остается лидирующим, занимая в общем объеме производства более 60%.

Нестабильная экономическая ситуация последних лет оказала различное влияние на физические показатели производства, наиболее пострадала отрасль лесозаготовки.

Измерение эффективности использования лесных ресурсов: подходы и практика Хабаровского края

Чтобы эффективно управлять ресурсами, необходимо иметь адекватные измерители их использования. Особенно это важно для ресурсных регионов, где природные ресурсы являются основой экономического благополучия общественной системы [Антонова, Ломакина, 2019].

В литературе используются различные измерители эффективности в лесопользо-

вании, различающиеся выбором показателей в качестве результата и используемого ресурса. В работах И. П. Глазыриной с соавторами была предпринята попытка оценить социально-экономическую эффективность лесопользования в регионах [Глазырина, Яковлева..., 2014; Глазырина, Яковлева..., 2015]. В качестве измерителей использовались показатели «поступления в региональный бюджет в расчете на единицу использованного ресурса (на 1 м^3 заготовленной древесины)» и «заработная плата работников отрасли на 1 м^3 заготовленной древесины», а также использованы удельные показатели обработки древесины в расчете на 1 м^3 лесозаготовок. Авторами был сделан вывод, что лесные комплексы регионов, где обеспечивались в 2011–2013 гг. наибольшие удельные поступления в бюджеты всех уровней, являлись более эффективными в отношении формирования фонда заработной платы в расчёте на единицу заготовленной древесины. При этом в субъектах Федерации, граничащих с Китаем (в том числе Хабаровском крае) и являвшихся основными экспортерами круглой древесины, а также пиломатериалов примитивной обработки, эти показатели были наиболее низкие, поскольку в силу структуры внешнего спроса недостаточно стимулов для развития предприятий по глубокой деревопереработке.

Росстат предлагает для макроэкономической оценки эффективности использования природных ресурсов применять показатели, характеризующие продуктивность и интенсивность их использования, для чего была разработана методика по их расчету[3]. Показатель продуктивности природных ресурсов рассчитывается как отношение величины показателя, характеризующего совокупный результат экономической деятельности за период времени (валовая добавленная стоимость, валовой внутренний продукт, выпуск) к величине изъятия природного ресурса за этот период. Показатель интенсивности является обратным показателю продуктивности и представляет собой отношение величины изъятия природного ресурса к величине макроэкономического агрегата. Применительно к лесным (древесным) ресурсам продуктивность рассчитывается как отношение валовой добавленной стоимости или выпуска продукции по отраслям «Лесоводство и лесозаготовки», «Обработка древесины и производство изделий из дерева», «Производство бумаги и бумажных изделий», исчисленной в постоянных ценах, к объему заготовки древесины. Интенсивность лесных ресурсов является обратным показателем к показателю продуктивности. Расчет показателей продуктивности и интенсивности использования лесных (древесных) ресурсов возможен по отдельным отраслям лесного комплекса.

В работе [Шишелов, Носков, 2023] были предложены сходные по своему содержанию с предыдущим подходом два показателя оценки эффективности использования лесных ресурсов: 1) ресурсная производительность, характеризующая прирастание экономической ценности на единицу использованной древесины. В качестве результирующего показателя использовалась сумма объемов отгруженной продукции по двум видам экономической деятельности (ВЭД) «Обработка древесины и производство изделий из дерева» и «Производство бумаги и бумажных изделий», в качестве используемого ресурса – объем заготовленной древесины; 2) ресурсная интенсивность – обратный показатель, показывающий величину ресурса, использованного для производства единицы стоимости.

С использованием этих показателей авторами рассматриваемой статьи была проведена оценка динамики ресурсной эффективности с 2005 по 2021 г. для лесного комплекса России в целом и 24 субъектов РФ, имеющих ежегодную заготовку древесины от 1 млн м^3 отгруженной продукции. По расчетам авторов, для Хабаровского края оказалась характерной самая низкая эффективность использования древесины. Но это не удивительно, поскольку использование объема отгруженной продукции в деревообработке в качестве результирующего показателя заведомо даст низкий результат, учитывая, что объем заготовки древесины в Хабаровском крае всегда был высокий.

На наш взгляд, более корректным является сравнение ресурсной производи-

[3] *Приказ Росстата от 27.11.2020 N 737 «Об утверждении Официальной статистической методологии расчета макроэкономических показателей, характеризующих продуктивность и интенсивность использования природных ресурсов». URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstata-ot-27112020-n-737-ob-utverzhdenii-ofitsialnoi/?ysclid=m4i3wam0ol768913195*

тельности с использованием в качестве результирующего показателя объема отгруженной продукции по отраслям лесозаготовки и деревообработки.

С учетом рассмотренных подходов и принимая во внимание доступность информации, для анализа эффективного использования лесных ресурсов нами были выбраны следующие показатели:

продуктивность лесного комплекса края как отношение объема отгруженной продукции по комплексу в целом к объему лесозаготовки;

продуктивность лесозаготовки как отношение объема отгруженной продукции в лесозаготовительной отрасли к объему лесозаготовки;

продуктивность продукции деревообработки как отношение объема отгруженной продукции в деревообрабатывающей отрасли к объему продукции деревообработки.

Как правило, для расчета продуктивности деревообработки авторы предлагают использовать в знаменателе показатель объема лесозаготовки, аргументируя это тем, что в этом случае будет видна отдача с одного кубометра заготовленной древесины. На наш взгляд, более адекватно для характеристики отдачи использовать показатель, характеризующий сколько произведено продукции деревообработки, выраженный в эквивалентах круглой древесины. Поскольку продукция деревообработки в Хабаровском крае включает несколько видов (пиломатериалы, лущеный шпон, пеллеты), то для получения единого показателя был выполнен перевод объемов производства видов продукции деревообработки в круглую древесину с использованием соответствующих коэффициентов.

На основе выше приведенных показателей был проведен расчет продуктивности использования ресурсов в лесном комплексе Хабаровского края в 2018–2022 годах.

В целом по лесному комплексу продуктивность использования ресурсов увеличилась на 57,4% за исследуемый период (рис. 1).

Причем практически на протяжении всего периода (за исключением 2019 года) она неуклонно возрастала. То есть лесной комплекс характеризовался в этот период достаточно эффективным использованием лесных ресурсов.

Если же рассмотреть отдельно каждую отрасль, то картина складывается несколько иная (см. рис. 2).

Продуктивность отрасли лесозаготовки за исследуемый период в Хабаровском крае увеличилась лишь на 15,6%. То есть экономическая отдача на единицу заготовленной древесины также выросла, хотя и не столько значимо, как в целом по лесному комплексу. Тем не менее, это можно отнести к положительному результату. Однако в динамике этого показателя отразились два разнонаправленных процесса – падение объемов производства необработанной древесины и рост цен на нее. За 2018–2022 гг. произошло сокращение физических объемов заготовки древесины по описанным выше причинам на 30,0%. Такое падение сопоставимо с кризисной ситуацией середины 1990-х годов [Лесной комплекс.., 2005], когда общее ухудшение экономической ситуации в стране оказало негативное влияние на лесной комплекс региона, и он был вынужден приспосабливаться к новым экономическим условиям.

В исследуемый период особенно резкое падение заготовки древесины (на 13,8% по сравнению с предыдущим годом) произошло в 2020 г., когда из-за пандемии закрылся основной потребитель – китайский рынок. Второй пик спада был в 2022 г. (на 12,4% по сравнению с предыдущим годом), на что свое отрицательное влияние оказал запрет экспорта древесины.

Сокращение предложения древесины способствовало увеличению цены на нее, что повлияло на рост показателя продуктивности ее использования.

Что касается продуктивности переработки древесины, что этот показатель сократился за 2018–2022 гг. на 11,5%, при этом наибольшее снижение пришлось на 2019 г., когда, как указано выше, ухудшилась конъюнктура на китайском лесном рынке. Причем экономическая составляющая – объем отгруженной продукции – выросла за 5 лет на 56,6%, в основном рост произошел в 2021 г., когда из-за роста мировых цен пиломатериалы повысилась внутренняя цена на них. Соответственно, произошел заметный рост физических объемов производства пиломатериалов в крае.

Отметим, что пиломатериалы занимают лидирующую позицию в структуре продукции деревообработки: в 2018 г.

Рис. 2. Динамика продуктивности использования ресурсов в целом по лесному комплексу Хабаровского края и по его отраслям в 2018–2022 гг., тыс. руб./м³

Источник: рассчитано с использованием данных: Производство лесопромышленной продукции в Хабаровском крае URL: https://les.khabkrai.ru/Deyatelnost/Lesopromyshlennyj-kompleks/; Объем заготовленной древесины. ЕМИСС URL: https://www.fedstat.ru/indicator/37848; Хабаровский край: стат. ежегодники. 2019–2023. Хабаровскстат. URL: https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942 (дата обращения: ноябрь 2024 г.)

их доля составляла 73,8%, снизившись к 2022 г. до 62,4% (в пересчете в эквиваленты круглого леса). Выросла доля пеллет за эти годы – с 9,8% в 2018 г. до 29,7% в 2022 г., что обусловлено стабильностью спроса на них на внешнем рынке. Доля шпона упала с 16,4% в 2018 до 7,9% в 2022 г., основная причина – потеря японского рынка.

В целом объем физического производства продукции деревообработки за пять исследуемых лет существенно увеличился, особенно в 2021 и 2022 г., в основном за счет пиломатериалов. На рост производства в 2022 г. повлияло стремление лесопромышленников компенсировать потери от запрета экспорта древесины за счет увеличения производства и экспорта пиломатериалов и пеллет.

Если сравнивать продуктивность по отраслям лесозаготовки и деревообработки, то по второй отрасли она была выше практически все годы, за исключением 2021 г., когда оба показателя фактически сравнялись. Запрет экспорта древесины привел к падению продуктивности лесозаготовки. Эта тенденция продолжилась и в 2023 г.

Как указывалось выше, многие авторы предлагают рассчитывать продуктивность деревообработки по показателю объема лесозаготовки. Проведенный таким способом расчет продуктивности деревообработки в Хабаровском крае показал ее возрастающий тренд: в 2018 и 2019 гг. – 1,8, в 2020 г. – 1,9, в 2021 г. – 2,9, в 2022 г. – 4,1 тыс. руб./м³. Вроде бы продуктивность деревообработки растет стремительными темпами: за 5 лет – рост в 2,3 раза, в том числе в 2022 г. он составил 1,5 раза по сравнению с предыдущим годом. Однако, зная фактическое состояние в лесном комплексе Хабаровского края, где с запретом экспорта лесозаготовительная отрасль резко снизила масштабы деятельности, можно утверждать, что использование показателя лесозаготовки для отражения эффективности использования ресурсов, не совсем корректно. То есть выбирая по формальному признаку измерители, нужно понимать, что они будут отражать.

Заключение

Исследование основных ресурсно-производственных показателей лесного комплекса Хабаровского края в 2018–2023 гг., характеризующиеся экономической нестабильностью, показало, что динамика показателей в целом по комплексу и по отраслям комплекса различа-

лась. Во многом на лесозаготовительную отрасль свое влияние оказало изменение таможенного регулирования, в то время как для деревообработки более чувствительным оказалось колебание конъюнктуры на внешних рынках под влиянием пандемийного кризиса и геоэкономической нестабильности.

Эффективное использование лесных ресурсов направлено на стимулирование сохранения необходимых запасов как для экономической деятельности лесного комплекса, так и для общественного пользования. Существуют различные подходы к оценке использования ресурсов, автором был выбран один из возможных подходов на основе продуктивности. Анализ показателей продуктивности лесного комплекса и его отраслей на основе сопоставления стоимостных и физических объемов производства показал, что лесной комплекс Хабаровского края характеризовался достаточно эффективным использованием лесных ресурсов. Сравнение продуктивности по отраслям лесозаготовки и деревообработки позволило сделать вывод, что во второй отрасли она была выше почти весь исследуемый период. Следует отметить, что на протяжении предыдущих более чем двадцати лет лесозаготовительная отрасль была основным «локомотивом» комплекса, демонстрируя более высокие стоимостные и физические объемы производства, соответственно, более высокую продуктивность использования ресурсов, чем низко развитая в крае деревообработка. Ряд институциональных ужесточений в таможенном регулировании отрицательно повлиял на полностью экспортоориентированную отрасль лесозаготовки, что отчасти способствовало активизации в развитии деревообработки, соответственно, повышению степени использования древесины.

Список источников:

1. Антонова, Н. Е. (а) Лесной комплекс Дальневосточного федерального округа: тенденции развития в 2022-2023 гг. // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 5. С. 101–114. DOI: 10.14530/reg.2023.5.101 EDN: LZNOJA

2. Антонова, Н. Е. (б) Лесной комплекс Хабаровского края в поисках путей развития // ЭКО. 2023. № 11. С. 64–85. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-64-85 EDN: AIJCTP

3. Антонова, Н. Е., Ломакина, Н. В. Модель «зелёной» экономики и её имплементация в ресурсных регионах // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 31–49. DOI: 10.14530/reg.2019.5.31 EDN: VBCWLG

4. Бобылев, С. Н., Порфирьев, Б. Н. В поисках новой экономики // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 4. С. 3–7. DOI: 10.38050/01300105201941 EDN: NIIXII

5. Глазырина, И. П., Яковлева, К. А., Жадина, Н. В. Сравнительный анализ социально-экономической эффективности регионального лесопользования // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 11. С. 95–103. EDN: TFADJX

6. Глазырина, И. П., Яковлева, К. А., Жадина, Н. В. Социально-экономическая эффективность лесопользования в регионах России // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 5–6. С. 18–33. EDN: VSZTNN

7. Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор / Под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 160 с.

8. Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П. А. Минакир, А. Г. Исаев; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. 352 с.

9. Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П. А. Минакир, С. Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 208 с.

10. Шишелов, М. А., Носков, В. А. Оценка ресурсной эффективности лесного комплекса России: методология и практика // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. № 3. С. 124–144. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-3-124-144 EDN: ZVUPYV

11. Шишелов, М. А., Стыров, М. М. Адаптация лесного комплекса Республики Коми к санкционному давлению // Проблемы прогнозирования. 2024. № 5 (206). С. 191–202. DOI: 10.47711/0868-6351-206-191-202 EDN: LNOFAAАнтонова, Н. Е. (а) Лесной комплекс Дальневосточного федерального округа: тенденции развития в 2022–2023 гг. // Регионалистика. 2023. Т. 10. № 5. С. 101–114. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.5.101

References:

1. Antonova, N. E. (2023) Forest Complex of the Far Eastern Federal District: Development Trends in 2022–2023 *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 10, no. 5, pp. 101–114 http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.5.101 (in Russ.).
2. Antonova, N. E. (2023) Forest complex of Khabarovsk Krai in Search of Development Paths *EKO* [ECO], no. 11, pp. 64–85. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-11-64-85 (in Russ.).
3. Antonova, N. E., Lomakina, N. V. (2019) The Model of a «Green» Economy and Its Implementation in Resource Regions *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 6, no. 5, pp. 31–49 DOI: 10.14530/reg.2019.5.31(in Russ.)
4. Bobylev, S. N., Porfiriev B. N. (2019). In Search of a New Economy (Guest Editorial) *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Economis Bulletin], no. 4, pp. 3–7 (in Russ.)
5. Glazyrina, I. P., Yakovleva, K. A., Zhadina, N. A. (2014) Socio-Economic Efficiency of Regional Forest Use: a Comparative Analysis *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikal State University Journal], no. 11, pp. 95–103 (in Russ.)
6. Glazyrina, I. P., Yakovleva, K. A., Zhadina, N. A. (2015) Social and Economic Effectiveness of Forest Use in Russian Regions. *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 2, no. 5–6, pp. 18– 33. (in Russ.)
7. Forest Sector of the Russian Far East: An Analytical Survey (2005). Ed. Alexander S. Sheingauz. Vladivostok : Khabarovsk : FEB RAS, 160 p. (in Russ.).
8. Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion / Ed. P.A. Minakir, A.G. Isaev; Economic Research Institute FEB RAS. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2023. 352 p. (in Russ.).
9. Development of the Economy of the Russian Far East: The Effects of the State Policy / ed. by Minakir P. A., Nayden S. N.; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2021. 208 p. (in Russ.).
10. Shishelov, M. A., Noskov, V. A. (2023) Assessment of the Resource Efficiency of the Forest Complex of Russia: Methodology and Practice *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], no. 3, pp. 124–144. DOI: 10.477.11/2076-3182-2023-3-124-144 (in Russ.)
11. Shishelov, M. A., Styrov, M. M. (2024) Adaptation of the Forest Complex of the Komi Republic to Sanctions Pressure. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], vol. 35, no. 5, pp. 745–752. DOI: 10.1134/S107570072470028X (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.

Информация об авторе

Н. Е. Антонова – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела территориально-отраслевых систем, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

N. E. Antonova – Doctor of Economics, chief researcher, the territorial and sectoral systems department, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья
УДК 330.34(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-70-80

Оценка финансового потенциала корпораций-лидеров лесопромышленного комплекса Дальневосточного федерального округа

Алексей Викторович Катин
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
katin-a@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0009-7754-2688

Аннотация. *Рассматривая развитие лесопромышленного комплекса России на современном этапе, необходимо акцентировать внимание на внутренних резервах входящих в него корпораций. Инвестиционные проекты, направленные на увеличение доли переработки заготавливаемой древесины, осуществляются в основном за счет собственных и заемных средств предприятий, формирование которых возможно при условии сохранения рентабельности производства и продаж. Особенностями технологического процесса переработки лесных ресурсов является, с одной стороны, достаточная лесосырьевая база, а с другой стороны, наличие соответствующих мощностей по осуществлению лесозаготовок. Основной целью подготовки статьи было исследование изменения финансового потенциала крупных корпораций лесопромышленного комплекса, действующих в Приморском и Хабаровском краях, входящих в российские рейтинги. Рассмотрены особенности развития предприятий лесопромышленного комплекса посредством оценки их инвестиционного потенциала и связанного с ним финансового потенциала. Обращено внимание на необходимость развития производственных возможностей предприятий посредством реализации инвестиционных проектов по комплексной переработке древесины как условие оказания им поддержки со стороны органов государственной власти. Применена методика количественной оценки финансового потенциала предприятий лесопромышленного комплекса с использованием положений комплексного экономического анализа. Выявлено, что значения показателей, характеризующих финансовый потенциал предприятий, зависят от результатов экспортной деятельности на китайский и японский рынки, что оказывает существенное влияние на нестабильность параметров их финансового состояния. В целях повышения финансового потенциала предприятий, реализующих инвестиционные проекты по комплексной переработке древесины, целесообразна разработка государственной программы, направленной не только на поддержку приобретения обрабатывающего оборудования, но и на обеспечение продаж соответствующей продукции.*

Ключевые слова: *лесопромышленный комплекс, финансовый потенциал, экономическая безопасность предприятия*

Для цитирования: Катин А. В. Оценка финансового потенциала корпораций-лидеров лесопромышленного комплекса Дальневосточного федерального округа // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 70–80. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-70-80

Original article

Assessment of the Financial Potential of Corporations-Leaders of the Forest Industry Complex of the Far Eastern Federal District

Alexey V. Katin
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
katin-a@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0009-7754-2688

Abstract. *Considering the development of the forest industry complex of Russia at the present stage, it is necessary to focus on the internal reserves of the corporations included in it. Investment projects aimed at increasing the share of processing of harvested wood are carried out mainly at the expense of own and borrowed funds of enterprises, the formation of which is possible provided that the profitability of production and sales is maintained. The features of the technological process of forest resources processing are, on the one hand, a sufficient forest raw material base, and on the other hand, the availability of appropriate capacities for logging. The main purpose of preparing the article is to study the change in the financial potential of large corporations of the forest industry complex operating in the Primorsky and Khabarovsk Territories included in the Russian ratings. The features of the development of enterprises of the forest industry complex are considered through an assessment of their investment potential and the associated financial potential. Attention is drawn to the need to develop the production capabilities of enterprises through the implementation of investment projects for the integrated processing of wood, as a condition for providing support of government authorities to them. The methodology of quantitative assessment of financial potential of enterprises of forest industry complex using provisions of comprehensive economic analysis is applied. It is revealed that values of indicators characterizing financial potential of enterprises depend on results of export activity on Chinese and Japanese markets, which has significant impact on instability of their financial condition parameters. In order to increase financial potential of enterprises implementing investment projects on complex processing of wood it is advisable to develop a state program aimed not only at support of acquisition of processing equipment, but also at ensuring sales of corresponding products.*

Keywords: *forest industry complex, financial potential, economic security of enterprises*

For citation: Katin A. V. (2024) Assessment of the Financial Potential of Corporations-Leaders of the Forest Industry Complex of the Far Eastern Federal District *Vlast`i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 70–80. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-70-80

Введение

Возможности развития промышленного предприятия напрямую зависят от его способности к расширенному воспроизводству, которое должно быть направлено на совершенствование технологических процессов и расширение ассортимента выпускаемой продукции, в том числе для выхода на новые рынки. Привлечение инвестиций для реализации разрабатываемых проектов осуществляется за счет собственных и заемных источников. Финансирование проектов может состояться только при высокой степени уверенности кредиторов в способностях заемщика обслуживать и погашать свои долговые обязательства. Оценка финансового потенциала предприятий, выпускающих продукцию в условиях изменяющихся внешних факторов, связанных с колебанием цен на продукцию, инфраструктурных ограничений, возрастающей конкуренцией, приобретает существенное значение.

Принимая во внимание новые условия функционирования предприятий лесопромышленного комплекса Приморского и Хабаровского краев целесообразно задаться вопросами: возможно ли независимое наращивание финансового потенциала крупных корпораций? Какие перспективы увеличения внутренних возможностей финансирования проектов, связанных с переработкой древесины? При поисках решения этих вопросов целесообразно обратиться к результатам проведения государственной политики в лесном комплексе, направленной на перестройку структуры производства предприятий, ориентированных на экспорт.

Все лесопромышленные регионы Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) являются объектами целенаправленной государственной политики в области стимулирования развития деревообрабатывающих производств с высокой добавленной стоимостью, повышения бюджетной эффективности от использования лесных ресурсов, а также улучшения социально-экономической ситуации на территориях присутствия корпораций [Антонова, 2019].

Необходимо отметить, что несмотря на достаточно большие преференции со стороны федеральных и региональных органов власти для компаний-инициаторов подобных проектов, в целом лесной комплекс Хабаровского края демонстрирует отсутствие поступательного расширения объемов производства и продаж пиломатериалов, фанеры, шпона, топливных пеллет. Снижение объемов продаж обычно негативно влияет на прибыльность компаний. Следовательно, проведение исследования изменений, произошедших в комплексной оценке финансового потенциала, на наш взгляд, является актуальным.

Анализ особенностей определения финансового потенциала предприятий лесопромышленного комплекса

При проведении исследования потенциала развития предприятия важно определить критерий оценки. На наш взгляд, в регионах, в которых лесной комплекс относится к приоритетным отраслям, для предприятий в качестве такого критерия целесообразно использовать рост интегральной оценки финансового потенциала как структурного элемента инвестиционного потенциала.

Инвестиционный потенциал предприятия в контексте стратегического управления развитием территорий нами определяется как способность акционеров и менеджеров привлекать внешние источники финансирования для реализации капиталоемких инвестиционных проектов. Обеспечение конструктивного взаимодействия с внешними инвесторами возможно только при условии наличия собственных финансовых ресурсов, достаточных для простого производства в оптимальных объемах качественной продукции, имеющей платежеспособный спрос на внутреннем и внешнем рынках, а также эффективного использования производственного и трудового потенциалов предприятия.

В лесопромышленном комплексе одним их определяющих элементов возможности развития предприятия является его природно-ресурсный потенциал, в который входит лесоводственный потенциал, включающий в себя оценку качественных характеристик лесного фонда на арендованных участках, в том числе запасов спелой древесины, породного состава древостоя, его товарной и сортиментной структуры. Потенциал зависит от географического расположения лесозаготовительных участков, что значительно влияет на уровень экономической целесообразности и гарантированности поставок сырья на перерабатывающие мощности предприятия [Резанов, 2014].

Принимая во внимание специфику технологического процесса лесозаготовок с высокой долей операций перемещения и значительной долей транспортных затрат в общей себестоимости производства, развитие инфраструктурного потенциала предприятия, связанное с модернизацией действующих мощностей по хранению и сбыту продукции, опережающими темпами строительства лесовозных дорог, является залогом его функционирования в стратегической перспективе.

На современном этапе развития лесной отрасли эффективное наращивание производственного потенциала предприятия рассматривается в части обеспечения комплексной переработки древесины, поэтому для инвесторов и региональных органов власти принципиально важна оценка наличия и технического состо-

яния и использования основных средств лесозаготовительных подразделений как ключевой индикатор возможностей развития перерабатывающих производств.

Оценка эффективности использования трудового потенциала проводится на основании измерения комплексной производительности труда в натуральном и стоимостном выражении, средней заработной платы, а также повышения квалификации персонала, в том числе в области оценки жизненного цикла материалов из древесины.

Значимость экологического потенциала предприятий лесного комплекса повышается ввиду необходимости управления рисками и возможностями в области глобального изменения климата, реализации программ устойчивого развития, внедрения зеленых принципов в российские стандарты, а также обеспечения пожарной безопасности территории [Каранина, 2022].

Целесообразно отметить, что в настоящее время подробно исследована экономическая сущность понятия «финансовый потенциал предприятия», которое в общем виде связывают с совокупностью финансовых ресурсов, сформированных за счет эффективного использования собственного и заемного капиталов для достижения цели повышения рентабельности активов и устойчивого развития [Гребенникова, 2019].

Ввиду ограниченности в России внутреннего спроса на продукцию деревообработки финансовый потенциал предприятий лесного комплекса напрямую зависит от результатов внешнеэкономической деятельности. Например, с 2022 г. в лесопромышленном комплексе произошло увеличение угроз, связанных с гарантированностью поставок продукции на азиатские рынки. Предприятиям отрасли Северо-Западного федерального округа пришлось перестраивать логистические маршруты. В связи с возросшим спросом на железнодорожные перевозки в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, стали проявляться инфраструктурные ограничения, в частности недостаток вагонов и контейнеров, которые стали одной из объективных причин снижения объемов экспортных поставок в 2023–2024 гг[1].

Наиболее существенной угрозой для обеспечения экономической безопасности предприятий отрасли в настоящее время является снижение спроса на лесную продукцию в Китае, произошедшее вследствие кризиса на внутреннем рынке недвижимости, замедления темпов роста мировой торговли китайскими товарами, трудностями в осуществлении платежей китайскими банками российским компаниям, ориентацией китайских корпораций на импорт необработанной древесины, которая ранее поставлялась из России, а сейчас из Новой Зеландии[2].

Снижение объемов реализации продукции на экспорт негативно отразилось на изменении выручки и прибыли предприятий лесопромышленного комплекса.

Например, крупнейший российский лесопромышленный холдинг Segezha Group завершил 2023 г. с выручкой в 88,5 млрд руб. (снижение на 8% по сравнению с 2022 г.) и убытком в 16 млрд руб., что безусловно снизит финансовый потенциал корпорации[3].

Для обеспечения возможности компенсации убытков при реализации инвестиционных проектов для предприятия чрезвычайно важны все составляющие его финансового потенциала. В условиях рынка приоритетной характеристикой деятельности предприятий является устойчивое финансовое положение, которое возможно при осуществлении производственного процесса с минимальной себестоимостью продукции, реализации товаров в объемах, превышающих порог рентабельности, по ценам, обеспечивающим получение нормативной прибыли. Высокая вероятность в будущем генера-

---

[1] *Аналитический центр «ТрансЛес»: внутренний рынок лесных перевозок в 2024 стал драйвером роста производства российского лесопромышленного комплекса. URL: https://transles.ru/press/novosti/analiticheskiy-tsentr-transles-vnutrenniy-rynok-lesnykh-perevozok-v-2024-stal-drayverom-rosta-proizv/ (дата обращения 23.10.2024)*

[2] *Отношения России и Китая: сохранить нельзя расстаться. URL: https://forestcomplex.ru/finansy/otnosheniya-rossii-i-kitaya-sohranit-nelzya-rasstatsya/ (дата обращения 14.10.2024)*

[3] *Segezha group 4 кв. 2023 финансовые и операционные результаты. URL: https://segezha-group.com/upload/iblock/3eb/ffm052o04pqsa5v22emm2yxuhuz04b2r.pdf (дата обращения 22.10.2024)*

ции свободного положительного денежного потока дает корпорации преимущество в привлечении заемных ресурсов для поддержания операционной деятельности [Литвин, 2023].

Для того, чтобы оценить финансовый потенциал предприятий, используются три группы финансовых показателей, отражающих финансовую устойчивость, платежеспособность и ликвидность, эффективность деятельности. Под финансовой устойчивостью обычно понимают наличие у предприятия достаточного собственного и долгосрочного заемного капиталов для поддержания операционной деятельности в долгосрочном периоде, балансе финансовых потоков, достаточных для обслуживания кредитов. Для установления уровня платежеспособности предприятия применяется анализ показателей ликвидности предприятия, а также исследуется динамика внеоборотных и оборотных активов. С точки зрения реализации долгосрочной политики наиболее важным является анализ эффективности деятельности предприятия, который проводится по различным показателям рентабельности [Гребенникова, 2019]. Набор финансовых показателей широко известен. Для достижения целей исследования изменения финансового потенциала возможны различные комбинации показателей внутри выделенных групп.

Анализ финансового потенциала двух крупнейших предприятий лесопромышленного комплекса Хабаровского и Приморского краев

Необходимо отметить условия, в которых осуществляют деятельность предприятия лесопромышленного комплекса ДФО в настоящее время. В 2022 г. в России введен запрет на экспорт необработанной древесины, который усилился ограничениями в торговле с «недружественными» странами Азиатско-Тихоокеанского региона, падением в Китае спроса на пиломатериалы, с одновременным усилением конкуренции за данный рынок со стороны лесопереработчиков с западных регионов страны. Эти факторы негативно повлияли на объемы лесозаготовок в округе, снижение составило 7,1% (16,3 млн м^3). При этом в предшествующий период инвестиционные потоки направлялись преимущественно в лесозаготовки, которые в основном проводились в Приморском и Хабаровском краях (общий удельный вес – 55,6% от лесозаготовок в ДФО), и поэтому наибольшее снижение объемов было именно в этих регионах (-8,5% и -15,6% соответственно)[4].

В Хабаровском крае в лесопромышленном комплексе в 2022 г. действовали 300 предприятий, из которых 40% имеют деревообрабатывающие производства, 4 крупных центра по переработке древесины. Суммарные мощности позволяют переработать около 8 млн куб. м древесины в год. Доля отрасли в валовом региональном продукте составила 1,8%[5].

Согласно рейтингам организаций по выручке в Приморском крае в 2023 г. действовало организаций по видам деятельности «02. Лесозаготовки» – 126; «16. Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели» – 112» «17. Производство бумаги и бумажных изделий» – 17; «31. Производство мебели» – 78[6].

Крупные корпорации лесопромышленного комплекса в целях оптимизации производственно-сбытовых процессов и повышения рентабельности деятельности традиционно используют построение финансовой структуры бизнеса посредством приобретения или создания отдельных юридических лиц, специализирующихся на выпуске определенных видов продукции или продаже продукции. Также возможно создание нового предприятия для реализации конкретного инвестиционного проекта. Например, в лесном комплексе для производства древесных гранул может создаваться специализированное предприятие. Таким образом, вокруг крупных лесных корпораций формируется большой список дочерних и зависимых предприятий.

Для проведения исследования по ре-

[4] *Лесопромышленный комплекс Дальнего Востока. URL: https://vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/lesopromyshlennyj-kompleks-dalnego-vostoka.pdf (дата обращения 15.10.2024)*

[5] *Ситуацию в лесопромышленном комплексе края после введения запрета экспорта круглого леса обсудили в краевом парламенте. URL: http://duma.khv.ru/?doc=270143897&ysclid=m4o417lzha249152992 (дата обращения 26.10.2024)*

[6] *Рейтинг организаций по выручке. URL: https://www.testfirm.ru/rating/31/primorskiy-kray/ (дата обращения 19.10.2024)*

зультатам рейтинга лесозаготовительных предприятий, ежегодно проводимом Рослесинфоргом[7], нами выбраны две крупнейшие российско-японские корпорации ДФО: группа компаний ОАО «Тернейлес», (заняла восьмое место с объемом заготовки 1,456 млн куб. м), а также группа компаний АО «Дальлеспром» (заняла одиннадцатое место с объемом заготовки 1,161 млн куб. м). Данные корпорации ранее активно инвестировали в лесоперерабатывающие производства, которые полностью обеспечены собственной лесосырьевой базой.

В соответствии с методикой [Шешукова, 2012] оценка финансового потенциала проводилась поэтапно:

на первом этапе на основании форм финансовой отчетности оценивалась сопоставимость объемов производства продукции, стоимости активов, сумм привлечённых и погашенных кредитов. В результате формировался список показателей, характеризующих три направления оценки финансового потенциала;

на втором этапе проводился расчет выбранных для анализа показателей;

на третьем этапе формировались векторные критерии;

на четвертом этапе проводился расчет интегрального показателя с оценкой его изменения.

По итогам сопоставления основных показателей, характеризующих финансовый потенциал ОАО «Тернейлес»[8] с аналогичными данными АО «Дальлеспром»[9] в период 2019–2023 гг., были получены следующие результаты.

1. В период 2019–2021 гг. общая стоимость активов корпораций выросла. В ОАО «Тернейлес» с 7,223 млрд руб. до 13,498 млрд руб., среднегодовой рост составил 37%. В АО «Дальлеспром» с 8,387 млрд руб. до 10,598 млрд руб., среднегодовой рост составил 12%. В период 2022–2023 гг. в ОАО «Тернейлес» отмечается снижение стоимости до 12,728 млрд руб., в АО «Дальлеспром» отмечается резкий рост активов до 43,545 млрд руб., при этом среднегодовой рост активов корпораций за пятилетний период составил 17% и 81% соответственно. Необходимо отметить, что данное увеличение активов АО «Дальлеспром» произошло за счет изменения суммы долгосрочных и краткосрочных финансовых вложений корпорации в дочерние и зависимые предприятия (вклад в имущество ООО «Амурская ЛК», долгосрочный займы ООО «Торговый дом РФП», АО «РФП Лесозаготовка»). Основным кредитором АО «Дальлеспром» является материнская корпорация Iida Group Holdings Co Ltd.

2. По данным финансовой отчетности корпораций были определены основные показатели, связанные с оценкой финансового потенциала, и рассчитаны их значения. На наш взгляд, первый уровень значимости для долгосрочного позиционирования предприятий имеют показатели инвестиционной привлекательности, второй – показатели эффективности деятельности, третий – показатели, отражающие финансовую устойчивость. Результаты расчётов показателей для оценки финансового потенциала корпорации ОАО «Тернейлес» представлены в таблице 1.

Отметим существенные положительные изменения всех исследуемых показателей в 2019–2021 гг. при том, что в данный период действовали негативные факторы из-за пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19), а также правовые ограничения экспорта необработанной древесины из России, корпорация активно наращивала мощности по переработке древесины, что позволило компенсировать падение выручки от экспорта круглых лесоматериалов за счет увеличения отгрузки шпона, технологической щепы и сухих пиломатериалов. С 2022 г. из-за ограничений в торговле с Японией резко снизилась отгрузка продукции лесопереработки, что при росте себестоимости продаж привело к снижению прибыли в 2022 г. на 96,7%, в 2023 г. – к чистому убытку в 199,09 млн руб.

Необходимо отметить, что показатели, характеризующие финансовую устойчивость компании, изменились незна-

[7] *Рослесинфорг опубликовал рейтинг лесозаготовителей по итогам 2022 года. URL: https://forestcomplex.ru/lesozagotovka/roslesinforg-opublikoval-rejting-lesozagotovitelej-po-itogam-2022-goda/ (дата обращения 25.10.2024))*

[8] *Финансовая отчетность ОАО «Тернейлес». URL: https://bo.nalog.ru/organizations-card/5482659 (дата обращения 22.10.2024)*

[9] *Финансовая отчетность ОАО «Дальлеспром». URL: https://bo.nalog.ru/organizations-card/6800254 (дата обращения 22.10.2024)*

Таблица 1

Значения показателей для оценки финансового потенциала ОАО «Тернейлес»

Показатель	Ранг показателя	Годы					Макс. знач.
		2023	2022	2021	2020	2019	
Рентабельность активов	1	-0,016	0,006	0,193	0,154	0,158	**0,193**
Рентабельность собственного капитала	2	-0,020	0,008	0,254	0,208	0,201	**0,254**
Рентабельность продаж	3	-0,002	0,017	0,275	0,194	0,138	**0,275**
Коэффициент оборачиваемости активов	42	2,721	3,276	3,049	2,992	4,912	**4,912**
Коэффициент автономии	5	0,795	0,785	0,762	0,738	0,787	**0,795**
Коэффициент текущей ликвидности	6	3,69	2,48	4,34	7,20	1,91	**7,203**
Коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности	7	2,034	1,740	2,432	2,241	2,918	**2,918**

Источник: рассчитано автором по данным финансовой отчетности ОАО «Тернейлес». URL: https://bo.nalog.ru/organizations-card/5482659

чительно и демонстрируют превышение нормативных значений.

Результаты расчётов показателей для оценки финансового потенциала корпорации АО «Дальлеспром» представлены в таблице 2.

В корпорации АО «Дальлеспром» показатели, характеризующие инвестиционную привлекательность, улучшались в период 2019–2022 гг. с резким падением в 2023 г. Необходимо отметить, что в 2022 г. корпорация получила максимальную чистую прибыль в сумме 5,986 млрд руб., которая была сформирована за счет прочих доходов. При этом прибыль от продаж продукции в этом году была отрицательной. Коэффициент оборачиваемости активов резко уменьшился из-за снижения выручки и увеличения активов. Коэффициент автономии стал меньше нормативных значений с 2020 г. и продолжил негативную динамику. Резкий рост коэффициента текущей ликвидности обусловлен снижением в корпорации краткосрочных обязательств при существенном увеличении оборотных активов. Аналогичная тенденция наблюдается и в изменении коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности.

Таблица 2

Значения показателей для оценки финансового потенциала АО «Дальлеспром»

Показатель	Ранг показателя	Годы					Макс. знач.
		2023	2022	2021	2020	2019	
Рентабельность активов	1	-0,052	0,138	0,053	0,003	-0,034	0,138
Рентабельность собственного капитала	2	-0,130	0,293	0,111	0,008	-0,053	0,293
Рентабельность продаж	3	-0,083	-0,083	0,125	0,036	0,001	0,125
Коэффициент оборачиваемости активов	4	0,264	0,293	1,535	1,494	1,540	1,540
Коэффициент автономии	5	0,402	0,470	0,481	0,438	0,641	0,641
Коэффициент текущей ликвидности	6	30,971	12,244	1,348	1,150	2,090	30,971
Коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности	7	15,574	3,595	1,368	1,076	1,755	15,574

Источник: рассчитано автором по данным финансовой отчетности АО «Дальлеспром». URL: https://bo.nalog.ru/organizations-card/6800254

Сравнение результатов расчетов по выбранным для анализа показателям двух корпораций сложно дать оценку изменению их финансового потенциала. При этом финансовый потенциал может быть рассчитан путем агрегирования в интегральный индикатор частных показателей с присвоением им удельных весов значимости. Целесообразно определить количественные значения весовых коэффициентов по каждому показателю, согласно правилу Фишберна [Шешукова, 2012].

Далее для обеспечения сопоставимости показателей была создана матрица стандартизованных коэффициентов, в которой значения показателя были преобразованы в относительные величины путем деления всех элементов строки на максимальное значение в исследуемый период (крайняя колонка в таблицах 1 и 2). Результаты расчетов представлены в таблице 3.

В результате ранжирования показателей, значимость которых определена нами ранее, были получены следующие результаты расчетов их удельного веса (r_i) при расчете интегрального показателя финансового потенциала корпорации в соответствующем году: рентабельность активов – 0,25; рентабельность собственного капитала – 0,2143; рентабельность продаж – 0,1786; коэффициент оборачиваемости активов – 0,1429; коэффициент автономии – 0,1071; коэффициент текущей ликвидности – 0,0714; коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности – 0,0357.

В рамках данного исследования изменения финансового потенциала корпораций воспользуемся аддитивным методом агрегирования результирующего показателя по формуле:

$$Iфп = \sum_{i=1}^{n} ri \times kiст, \quad (1)$$

где ri – удельный вес показателя по правилу Фишберна, kiст – стандартизированные коэффициенты показателей в исследуемом году, i – количество показателей в модели.

Результаты расчета интегрального показателя финансового потенциала для исследуемых корпораций по годам, например, значение интегрального показателя финансового потенциала ОАО «Тернейлес» в 2019 г. рассчитано следующим образом: Iфп (2019) =0,818 х х 0,25 + 0,791 х ,2143 + 0,501 х 0,1786 х 1,0 х 0,1429 + 0,99 х 0,1071 + 0,266 х х 0,0714 + 1,0 х 0,0357 =0,767 (табл. 4)

По результатам расчета видно, что

Таблица 3

Матрица стандартизированных коэффициентов для расчета интегрального показателя финансового потенциала

Показатели, характеризующие финансовый потенциал корпорации	**Значение стандартизированных коэффициентов (k_iст) по годам**				
	2023	**2022**	**2021**	**2020**	**2019**
ОАО «Тернейлес»					
Рентабельность активов	-0,081	0,034	1,000	0,796	0,818
Рентабельность собственного капитала	-0,078	0,033	1,000	0,821	0,791
Рентабельность продаж	-0,006	0,061	1,000	0,703	0,501
Коэффициент оборачиваемости активов	0,554	0,667	0,621	0,609	1,000
Коэффициент автономии	1,000	0,988	0,958	0,929	0,990
Коэффициент текущей ликвидности	0,512	0,344	0,602	1,000	0,266
Коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности	0,697	0,596	0,833	0,768	1,000
АО «Дальлеспром»					
Рентабельность активов	-0,381	1,000	0,387	0,025	-0,247
Рентабельность собственного капитала	-0,444	1,000	0,379	0,027	-0,181
Рентабельность продаж	-0,660	-0,665	1,000	0,287	0,009
Коэффициент оборачиваемости активов	0,172	0,190	0,997	0,970	1,000
Коэффициент автономии	0,627	0,733	0,750	0,684	1,000
Коэффициент текущей ликвидности	1,000	0,395	0,044	0,037	0,067
Коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности	1,000	0,231	0,088	0,069	0,113

Источник: рассчитано автором по данным таблиц 1 и 2.

Таблица 4

Интегральный показатель финансового потенциала

Интегральный показатель финансового потенциала	**Значение показателя по годам**				
	2023	**2022**	**2021**	**2020**	**2019**
ОАО «Тернейлес»	0,210	0,273	0,907	0,786	0,767
АО «Дальлеспром»	-0,109	0,488	0,586	0,280	0,160

Источник: рассчитано автором по формуле 1 на основании данных таблицы 3.

значение интегрального показателя финансового потенциала в исследуемый период у ОАО «Тернейлес» выше чем у АО «Дальслеспром» в среднем в два раза, за исключением 2022 г., в котором наблюдается обратная ситуация. При этом выручка от заготовки и переработки древесины в 2022–2023 гг. в ОАО «Тернейлес» выше АО «Дальслеспром» на 84% и 124% соответственно. Следует сделать однозначный вывод о более высоком уровне финансового потенциала корпорации ОАО «Тернейлес», что подразумевает продолжение развития в стратегической перспективе.

В корпорации АО «Дальлеспром», несмотря на меньшее значение интегральной оценки финансового потенциала, возможности стратегического развития также имеются. Необходимо иметь ввиду, что материнская компания Iida Group Holdings Co Ltd в 2022 г. инвестировала финансовые ресурсы в приобретение лидера лесозаготовительной отрасли Хабаровского края в целях обеспечения гарантированности поставок продукции лесопиления для внутренних нужд строительного рынка Японии. Тем не менее остается существенная неопределённость в увеличении поставок продукции АО «Дальлеспром» в связи с геополитической ситуацией в мире.

Негативные тенденции в лесопромышленном комплексе Хабаровского и Приморского краев отразились на снижении финансового потенциала предприятий-лидеров. В настоящее время предприятия самостоятельно не смогут преодолеть падение продаж, обусловленное факторами, рассмотренными нами ранее. Инвестиционные проекты, ориентированные на производство и реализацию продукции деревопереработки в Китай, Японию, Южную Корею будут генерировать отрицательный свободный денежный поток, что увеличит период их окупаемости и снизит целесообразность расширения производства [Кузнецов, 2018]. Поэтому целесообразно развивать механизмы, позволяющие корпорациям компенсировать выпадающие доходы от экспортной деятельности.

Основным направлением деятельности федеральных и региональных органов власти по содействию повышению финансового потенциала предприятий отрасли должно стать государственное стимулирование потребления лесной продукции на российском рынке. Если в России отмечается положительная динамика продаж пиломатериалов в потенциальных объемах 16–17 млн м³ (рост более 40%)[10], то в ДФО наблюдается снижение продаж в среднем на 12,5%. Остановить падение продаж возможно только при реализации государственной политики по увеличению емкости строительного рынка, прежде всего в сегменте индивидуального жилищного строительства домов по каркасной технологии. Для этого необходима разработка и внедрение программ комплексной застройки территорий в сельской местности и льготного ипотечного кредитования с понижающим коэффициентом к кредитной ставке при условии приобретения деревянного дома на территории поселка.

Заключение

Таким образом, на современном этапе финансовый потенциал предприятий лесопромышленного комплекса в Хабаровском и Приморском краях напрямую зависит от экспорта продукции в Китай, Японию, Южную Корею. Негативные тенденции политического характера по экономическому сотрудничеству

[10] *Аналитическое исследование: Крупнейшие игроки ЛПК: деревообрабатывающая промышленность и наиболее перспективные сегменты. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics (дата обращения 24.10.2024)*

с «недружественными» странами могут в дальнейшем оказывать влияние на продолжение падения объемов продаж предприятий отрасли. Кризис на строительном рынке Китая усилит конкуренцию среди российских предприятий за поставки продукции деревопереработки, что приведет к снижению цен и выручки от реализации.

Для стимулирования развития лесного комплекса в ДФО необходим пересмотр комплекса мер, касающегося управления отраслями (строительством, транспортом, энергетикой), взаимосвязанными с деятельностью предприятий. Требуется разработка механизма, регулирующего производство продукции деревообработки и ее распределение на внутреннем рынке.

Список источников:

1. Антонова, Н. Е. Эффекты реализации государственной политики в лесном комплексе Хабаровского края: современный этап // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 37–47. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-37-47. – EDN DOOKNU.

2. Васючкова, Е. А., Замбржицкая, Е. С. Понятие инвестиционно-финансового потенциала через призму практики функционирования промышленных предприятий в современных условиях // Корпоративная экономика. 2019. № 3(19). С. 31–39. EDN DPVLYX.

3. Гребенникова, В. А., Кирокосян, М. А., Мартиросян, А. А. Методы оценки финансового потенциала предприятия // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 7(105). С. 136–143. EDN ASZUNX.

4. Каранина, Е. В., Хасанов, А. Е. Факторы экономической безопасности предприятий лесопромышленного комплекса // Вектор экономики. 2022. № 6(72). EDN UXWCPA.

5. Кузнецов, С. Г., Коньшакова, С. А., Давыдов, И. П. Механизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесных ресурсов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, №2. С. 101−110. DOI 10.29141/2073-1019-2018-19-2-8. EDN XMOJQL.

6. Литвин, А. Ю. Управление конкурентоспособностью и инновациями как фактор повышения экономической безопасности предприятия // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № S3 (35). EDN YHMYNZ.

7. Резанов, В. К., Резанов, К. В. Типологические основы инвестиционной политики устойчивого развития лесного комплекса региона // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 4(35). С. 209–216. EDN TEQRMB.

8. Сухарев, О. С., Стрижакова, Е. Н. Индустриальная политика и развитие промышленных систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10, № 15(252). С. 2–21. EDN RZHQGD.

9. Сухова, Л. Ф. Финансовый потенциал предприятия: понятие, сущность, методы измерения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 12(294). С. 2–11. EDN VPWUGF.

10. Шешукова, Т. Г., Колесень, Е. В. Оценка финансового потенциала инновационных предприятий и групп компаний с применением многокритериальной оптимизации // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2012. № 3(14). С. 39–49. EDN PDAVOB.

References:

1. Antonova, N. E. (2020) Effects of the implementation of state policy in the forestry complex of Khabarovsk Krai: the current stage Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii=Power and Administration in the East of Russia, no. 4 (93), pp. 37–47. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-37-47 EDN DOOKNU (in Russ.).

2. Vasyuchkova, E. A., Zambrzhitskaya, E. S. (2019) The concept of investment and financial potential through the prism of the practice of functioning of industrial enterprises in modern conditions *Korporativnaya ekonomika* [Corporate Economy], no. 3 (19), pp. 31–39. EDN DPVLYX (in Russ.).

3. Grebennikova, V. A., Kirokosyan, M. A., Martirosyan, A. A. (2019) Methods for assessing the financial potential of an enterprise *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation], no. 7(105), pp. 136–143. EDN ASZUNX (in Russ.).

4. Karanina, E. V., Khasanov, A. E. (2022) Factors of economic security of enterprises of the forest industry complex *Vektor ekonomiki* [Vector of Economy], no. 6(72). EDN UXWCPA (in Russ.).

5. Kuznetsov, S. G., Konshakova, S. A., Davydov, I. P. (2018) Mechanism of priority investment projects in the field of forest resources development *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ural State University of Economics], vol. 19, no. 2, pp. 101−110. DOI 10.29141/2073-1019-2018-19-2-8. EDN XMOJQL (in Russ.).

6. Litvin, A. Yu. (2023) Competitiveness and Innovation Management as a Factor in Improving the Economic Security of an Enterprise *Vestnik yevraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], vol. 15, no. S3. EDN YHMYNZ (in Russ.).

7. Rezanov, V. K., Rezanov, K. V. (2014) Typological Foundations of Investment Policy for Sustainable Development of the Regional Forest Complex *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pacific State University], no. 4(35), Pp. 209–216. EDN TEQRMB (in Russ.).

8. Sukharev, O. S., Strizhakova, E. N. (2014) Industrial Policy and Development of Industrial Systems *Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], vol. 10, no. 15(252), pp. 2–21. EDN RZHQGD (in Russ.).

9. Sukhova, L. F. (2016) Financial Potential of the Enterprise: Concept, Essence, Measurement Methods *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Problems and Solutions], no. 12 (294), pp. 2–11. EDN VPWUGF (in Russ.).

10. Sheshukova, T. G., Kolesen, E. V. (2012) Assessment of the financial potential of innovative enterprises and groups of companies using multi-criteria optimization *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Perm University. Series: Economy], no. 3 (14), pp. 39–49. EDN PDAVOB (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.

Информация об авторе

А. В. Катин – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и цифровых технологий, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

A. V. Katin – Candidate of Economics, associate professor, the chair of economic and digital technologies, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 332.143
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-81-87

Инвестиционная активность как фактор экономической безопасности региона

Марина Сергеевна Сюпова[1], Светлана Сергеевна Халикова[2]
[1] Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] 003624@pnu.edu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9290-1433
[2] halikovas@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0897-7866

Аннотация. *Изменение внешнеэкономической ситуации и структурные сдвиги в российской экономике определяют необходимость формирования в субъектах РФ нового вектора инвестиционного развития, нацеленного на повышение инвестиционной активности. Инвестиционная активность определяет темпы и устойчивость социально-экономического развития региона и выступает важным фактором экономической безопасности территории. В работе систематизированы основные подходы к пониманию категории «инвестиционная активность региона» и предложено авторское понимание данной категории в контексте экономической безопасности. В рамках данного исследования были выделены основные факторы, определяющие уровень экономической безопасности в инвестиционной сфере, и определена их взаимосвязь в логической цепочке: «инвестиционная активность → распределение инвестиций → эффективность инвестиций». Авторы отмечают, что недостаточный приток инвестиций в экономику региона влечет за собой множество негативных экономических и социальных последствий (высокий износ оборудования; убыточность предприятий; низкая эффективность производства и инновационная активность, безработица и другие), которые в перспективе снижают производственный и трудовой потенциал региона. В целях выявления проблемных зон, существующих в сфере привлечения инвестиций, предложена система индикаторов, которая содержит объемные показатели (норма инвестирования, норма накопления, инвестиции в основной капитал на душу населения), а также показатели, отражающие темпы роста инвестиций. В состав предложенной системы индикаторов включены относительные показатели, что повышает объективность оценки, поэтому она может выступать основой для проведения мониторинга уровня инвестиционной активности регионов. Органы власти субъектов РФ могут также использовать её для оценки результатов реализуемой инвестиционной политики с целью дальнейшей корректировки.*

Ключевые слова: *инвестиционная активность, экономическая безопасность, риски и угрозы, регион*

Для цитирования: Сюпова М. С., Халикова С. С. Инвестиционная активность как фактор экономической безопасности региона // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 81–87. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-81-87

Original article

Investment Activity as a Factor of Economic Security of the Region

Marina S. Syupova [1], Svetlana S. Khalikova[2]
[1] The Pacific State University, Khabarovsk, Russia
[2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1] 003624@pnu.edu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9290-1433
[2] halikovas@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0897-7866

Abstract. *Changes in the foreign economic situation and structural shifts in the Russian economy determine the need to form a new vector of investment development in the subjects of the Russian Federation, aimed at increasing investment activity. Investment activity determines the pace and sustainability of the socio-economic development of the region and acts as an important factor in the economic security of the territory. The article systematizes the main approaches to understanding the category of «investment activity in the region» and suggests the authors' definition of this category in the context of economic security. The main factors determining the level of economic security in the investment sector were identified within the framework of this study and their relationship in the logical chain was determined as follows: «investment activity → investment distribution → investment efficiency». The authors note that insufficient inflow of investments into the region's economy entails many negative economic and social consequences (high wear and tear of equipment; unprofitability of enterprises; low production efficiency and innovative activity, unemployment and others), which in the long term reduce the production and labor potential of the region. A system of indicators is proposed in order to identify problem areas existing in the field of attracting investments, containing volumetric indicators (investment rate, accumulation rate, fixed capital investments per capita), as well as indicators reflecting the growth rate of investments. The proposed system of indicators also includes relative indicators, which increases the objectivity of the assessment, so it can be the main one to use for monitoring the level of investment activity in the regions. The authorities of the constituent entities of the Russian Federation can also use it to assess the results of the implemented investment policy*

Keywords: *investment activity, economic security, risks and threats, region*

For citation: Syupova M. S., Khalikova S. S. (2024) Investment Activity as a Factor of Economic Security of the Region *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 81–87. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-81-87

Введение

Новые внешнеэкономические и геополитические реалии вызвали необходимость формирования новой траектории социально-экономического развития страны. Происходящая структурная трансформация российской экономики требует активизации инвестиционной деятельности, которая обеспечит устойчивость долгосрочного экономического роста и повышение качества жизни населения. В современном мире инвестиции являются не только катализатором прогрессивного развития, но и особо значимым фактором укрепления экономической безопасности территории. В Стратегии экономической безопасности РФ[1] «недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики» определяется как одна из основных угроз экономи-

[1] *Указ Президента от 13.05.2017 г. № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 20230 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения 02.09.2024)*

ческой безопасности. Низкая инвестиционная активность государства приводит к усилению кризисных процессов и снижает уровень конкурентоспособности в мировом пространстве. Стабильный и достаточный приток инвестиций выступает основой для роста технологического и инновационного потенциала, а также способствует созданию новых рабочих мест, снижающих остроту ряда социальных проблем. Инвестиционная активность страны определяется путем аккумулирования показателей инвестиционной деятельности в регионах.

В условиях жесткого санкционного давления и ухода из страны ряда крупных иностранных инвесторов конкуренция между регионами за привлечение частного капитала постоянно нарастает, что повышает риски снижения инвестиционной активности в отдельных субъектах РФ. В целях обеспечения экономической безопасности региональным органам власти необходимо осуществлять перманентный анализ и контроль текущего состояния показателей, отражающих основные параметры инвестиционной деятельности территории. Мониторинг ситуации позволит органам власти проводить своевременную оценку результативности инструментов и методов региональной инвестиционной политики и, в случае необходимости, выполнять корректировку применяемых механизмов государственной поддержки инвестиций. Кроме этого, постоянный контроль уровня инвестиционной активности повышает вероятность выявления и нивелирования угроз экономической безопасности на ранних стадиях их формирования.

В рамках данного исследования поставлена цель определить место и роль инвестиционной активности в обеспечении экономической безопасности региона, предложить систему индикаторов, позволяющую выявить существующие риски и угрозы в данной сфере.

Теоретико-методологические основы исследования

Идея того, что для эффективного развития экономики необходимо стимулировать инвестиционный спрос, сформулирована еще в начале прошлого столетия английским ученым Дж. М. Кейнсом. В рамках работы «Общая теория занятости, процента и денег» он отмечал, что прирост объема осуществляемых инвестиций способствует увеличению объема национального дохода и дальнейшему расширению производства. Современные ученые дают количественную оценку влияния инвестиций на макроэкономические параметры. Так, по мнению экспертов Всемирного банка, повышение частных инвестиций в развивающихся странах на 1% к ВВП при прочих равных условиях повышает среднегодовой темп роста экономики на 0,71% [Орлов, 2022]. Академик РАН Аганбегян А. Г. отмечает, что для выхода из состояния стагнации и рецессии, нужно перейти к форсированному росту инвестиций в основные фонды и в человека, понимая под форсированным ростом инвестиций их ежегодный прирост в размере 10–15% [Аганбегян, 2016].

Исследуя вопросы обеспечения экономической безопасности региона, большинство ученых сходятся во мнении, что инвестиционная составляющая является неотъемлемым элементом данной интегральной категории. При этом некоторые из них считают, что инвестиционная деятельность наряду с положительными результатами может порождать угрозы экономической безопасности региона [Шахова, Сперанский, 2021; Захарова и др., 2024].

Современные методики оценки инвестиционной безопасности опираются на индикативный подход и предлагают к использованию отличные по составу системы показателей. Так, по мнению Н. М. Захватовой, наиболее вероятными угрозами инвестиционной безопасности являются низкая эффективность производства и неудовлетворительное состояние основных фондов [Захватова, 2010], поэтому в работе анализируются показатели уровня износа и обновления основного капитала. Ю. А. Шеховцова выделяет пять индикаторов инвестиционной безопасности, которые позволяют дать оценку двум элементам инвестиционной подсистемы – инвестиционные ресурсы и основные фонды [Шеховцова, 2012]. Некоторые авторы для выявления угроз экономической безопасности исследуют показатели, характеризующие структуру инвестиций по источникам формирования (в частности, долю иностранных инвестиций) и в зависимости от объекта вложения инвестиций (доля инвестиций в машины и оборудование; инвестиции в НИОКР) [Антоненко, Бондаренко, 2019].

М. А. Николаев и М. Ю. Махотаева считают, что инвестиционная безопасность содержит несколько составляющих: воспроизводственную, отраслевую, инновационную, качества жизни и региональную (территориальную) [Николаев, 2017]. В работе А. Н. Бирюкова и А. Н. Акчуриной выделен блок «инвестиционная устойчивость», включающий индикаторы инновационной деятельности в регионе [Бирюков, Акчурина, 2024]. Проведенный анализ показал, что современные исследователи, оценивая уровень инвестиционной безопасности, акцентируют свое внимание на проблемах эффективного распределения и результативности инвестиционных вложений. Вопросы, раскрывающие влияние инвестиционной активности на уровень экономической безопасности региона, изучены недостаточно глубоко.

Место и роль инвестиционной активности в обеспечении экономической безопасности региона

Содержание категории «инвестиционная активность» рассматривают с трех позиций: 1) *как степень интенсивности* инвестиционной деятельности в регионе, которая тесно коррелирует с конъюнктурой факторов инвестиционной привлекательности территории [Датченко и др., 2021]; 2) *как процесс* эффективной реализации инвестиционного потенциала региона в условиях существующего инвестиционного риска [Колмыкова и др., 2019]; 3) *как фактический результат* сложного и динамического взаимодействия возможностей инвестирования и уровня вероятности достижения заданной цели инвестиционной деятельности [Салимов, 2009]. Инвестиционная активность тесно взаимосвязана с такими категориями как «инвестиционный потенциал», «инвестиционная привлекательность» и «инвестиционный риск». Характер их взаимосвязи можно представить следующим суждением: инвестиционный потенциал региона, характеризующий совокупность объективных предпосылок для инвестирования, с учетом существующих рисков определяет привлекательность территории для инвестора и обеспечивает определенный приток инвестиций. Инвестиционная активность в этой цепочке взаимосвязей выступает результирующим показателем. В вопросах обеспечения экономической безопасности региона наоборот – объемы и динамика инвестиционных потоков являются факторами, определяющими вероятность формирования рисковых и проблемных зон (рис. 1).

Низкий уровень инвестиционной активности влечет за собой множество негативных социально-экономических последствий для текущего и перспективного развития региона. Недостаточный объем инвестиционных ресурсов замедляет темпы обновления основных фондов и внедрения технологических инноваций. Высокий износ оборудования стимулирует рост издержек производства, что снижает уровень прибыльности предприятий и конкурентоспособность производимой продукции. Многие предприятия, использующие в производстве изношенное оборудование, не могут преодолеть точку безубыточности. В результате, в долгосрочной перспективе сокращается производственный потенциал региона и, соответственно, возможности для устойчивого экономического роста. Инвестиционные ресурсы нацелены не только на воспроизводство основного капитала, но и на его расширение. Организация новых производств сопровождается созданием дополнительных рабочих мест. В противном случае, в регионе растет число безработных, бедность, преступность, что повышает общий уровень социальной напряженности. Как следствие, люди уезжают из региона в территории с более благоприятными и комфортными условиями для жизни. Постоянный отток населения снижает объемы и качество трудового потенциала территории. Результатом про-

Рис. 1. Факторы, определяющие уровень экономической безопасности в инвестиционной сфере

явления обозначенных угроз может стать снижение привлекательности региона для потенциальных инвесторов.

Важно отметить, что инвестиционная активность является объектом непосредственного управления со стороны региональных органов власти. В настоящее время субъекты РФ в рамках реализации инвестиционной политики осуществляют комплексную и системную поддержку частных инвесторов, которая содержит механизмы финансовой и нефинансовой помощи. С целью стимулирования инвестиционной деятельности в регионах активно развивают объекты инвестиционной инфраструктуры (технопарки, бизнес-инкубаторы) и создают специализированные государственные структуры (например, агентства привлечения инвестиций). Поэтому уровень инвестиционной активности в значительной степени отражает результаты деятельности региональных органов власти.

Индикаторы инвестиционной активности региона

В рамках данного исследования инвестиционная активность рассматривается как интегральная величина, отражающая объёмы и динамику привлечения инвестиционных ресурсов в экономику региона. Исследование инвестиционной активности с позиции обеспечения экономической безопасности предусматривает выделение совокупности индикаторов, значение которых отражает существующие и потенциальные риски и угрозы в данной сфере. Используемые индикаторы должны быть относительными, что повысит объективность оценки и возможность их сопоставления с пороговыми значениями. В качестве пороговых, как правило, используют значения, принятые в общемировой практике либо среднероссийские значения показателей.

Основным показателем, отражающим уровень инвестиционной активности в регионе, является норма инвестирования, которая рассчитывается как отношение инвестиций в основной капитал к ВРП. Считается, что для поддержания устойчивого роста экономики региона доля инвестиций в ВРП должна составлять не менее 25%. Некоторые авторы оценивают «безопасный» объем инвестиций на основе нормы накопления. Данный показатель отражает долю валового накопления в основных фондах в ВВП и его значение должно быть также не менее 25%.

Для оценки интенсивности привлечения инвестиционных ресурсов используют показатели «Индекс физического объема инвестиций в основной капитал» и «Темп прироста инвестиций». Индекс физического объема инвестиций отражает реальный рост инвестиционных вложений, т. к. рассчитывается в сопоставимых ценах. Его предельное значение составляет 105%. Темп прироста инвестиций рассчитывается в текущих ценах, поэтому его пороговое значений соответствует уровню 10%. В систему исследуемых индикаторов, на наш взгляд, необходимо включить статистический показатель, который отражает объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения. Сравнение значения данного показателя в регионе со средним по стране позволит оценить уровень инвестиционной активности в межрегиональном пространстве. Основные индикаторы инвестиционной активности региона и их пороговые значения отражены в таблице 1.

Представленная система индикаторов может выступать основой для проведения мониторинга текущей ситуации в сфере привлечения инвестиций. Органы власти субъектов РФ могут также использовать её для оценки результатов реализуемой инвестиционной политики

Таблица 1

Индикаторы инвестиционной активности региона и их пороговые значения

Индикатор	Пороговое значение
Инвестиции в основной капитал, % от ВРП	Не менее 25
Доля валовых накоплений инвестиций в ВРП, %	Не менее 25
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах), в % к предыдущему году	Не менее 105
Темп прироста инвестиций в основной капитал, %	Не менее 10
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	Среднее по РФ

Источник: составлено авторами на основе исследований [Антоненко, Бондаренко, 2019; Бирюков, Акчурина, 2024; Шеховцова, 2012]

с целью её дальнейшей корректировки.

Заключение

Таким образом, инвестиционная активность является важнейшим фактором экономической безопасности. Недостаточный приток инвестиций в экономику региона порождает угрозы не только экономического характера (высокий износ оборудования; убыточность предприятий; низкая инновационная активность и т. д.), но и ряд социальных проблем, в числе которых безработица, бедность, низкий уровень доходов населения, отток населения.

В настоящее время, на фоне перманентно возрастающей потребности субъектов РФ в инвестиционных ресурсах, повышается их самостоятельность в привлечении инвестиций. В связи с этим инвестиционная политика и вопросы обеспечения экономической безопасности в данной сфере должны стать приоритетными направлениями в деятельности региональных органов власти, а управленческие решения, принимаемые с целью повышения инвестиционной активности в регионе, должны носить комплексный и системный характер. Кроме того, в современных условиях динамического развития региональные органы власти должны постоянно актуализировать реализуемые механизмы государственной поддержки инвестиционной деятельности и осуществлять мониторинг полученных результатов от принимаемых решений и действий.

Список источников:

1. Аганбегян, А. Г. Сокращение инвестиций - гибель для экономики, подъем инвестиций - ее спасение // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 5 (139). С. 14–29. EDN: WKUFIT

2. Антоненко, К. Л., Бондаренко, Н. А. Угрозы, риски и индикаторы инвестиционной безопасности региона // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2019. Том 10. №2. С. 419–430. EDN: SUGVFZ

3. Бирюков, А. Н., Акчурина, А. М. Анализ критериев оценки региональной экономической безопасности с учетом индикаторов инвестиционной составляющей // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 4. С. 64–72. DOI: 10.34773/EU.2024.4.11 EDN: RJRBUW

4. Датченко, И. В., Балабанов, В. С., Ахметов, Л. А. Комплексная диагностика инвестиционной активности региона в условиях текущей макроэкономической конъюнктуры // Экономические системы. 2021. Том 14. № 4 (55). С. 135–144. 10.29030/2309-2076-2021 14-4-135-144. DOI: 10.29030/2309-2076-202114-4-135-144 EDN: IHAILQ

5. Захарова, Ж. А., Захаров, П. Н., Сакин, Ю. В. Угрозы экономической безопасности в условиях роста инвестиционной активности региона // Экономическая безопасность. 2024. Том 7. № 8. С. 2153–2168. DOI: 10.18334/ecsec. 7.8.121523 EDN: TZKWUU

6. Захватова, Н. М. Инвестиционная безопасность как составляющая системы экономической безопасности региона: автореферат дис. … кандидата экономических наук: 08.00.05 / Н. М. Захватова. М., 2010. 22 с. EDN: QHDTFT

7. Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: ЭКСМО, 2007. 153 с.

8. Колмыкова, Т. С., Приходько, Ю. Н., Астапенко, Е. О. Исследование инвестиционной активности экономики региона // Регион: системы, экономика, управление. 2019. №3 (46). С. 16–22.

9. Салимов, Л. Н. Сущность инвестиционной активности и ее значение в управлении региональной экономикой // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9 (147). Экономика. Выпуск 20. С. 83–88. EDN: KHRXOD

10. Шахова, И. Ю., Сперанский, С. Н. Инвестиционный компонент в экономической безопасности региона: последствия пандемии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. №6. Часть 1. С. 126–132.

11. Шеховцова Ю. А. Применение индикативного метода для оценки инвестиционной безопасности региона // Регионология. 2012. №2 (79). С. 53–61. EDN: OZEFOH

References:

1. Aganbegyan, A. G. (2016) Reduction of investments is the death of the economy, the

rise of investments is its salvation *Ekonomicheskiye strategii* [Economic strategies], vol. 18, no. 5 (139), pp. 14–29. EDN: WKUFIT

2. Antonenko, K. L., Bondarenko, N. A. (2019) Threats, risks and indicators of investment security of the region *Elektronnoye nauchnoye izdaniye "Uchenyye zametki TOGU"* [Electronic scientific publication "Scientific notes of TOGU"], vol. 10, no. 2, pp. 419–430. EDN: SUGVFZ

3. Biryukov, A. N., Akchurina, A. M. (2024) Analysis of criteria for assessing regional economic security, taking into account indicators of the investment component *Ekonomika i upravleniye: nauchno-prakticheskiy zhurnal* [Economics and Management: scientific and practical journal], no. 4, pp. 64–72. DOI: 10.34773/EU.2024.4.11

4. Datchenko, I. V., Balabanov, V. S., Akhmetov, L. A. (2021) Comprehensive diagnostics of investment activity in the region in the current macroeconomic environment *Ekonomicheskiye sistemy* [Economic systems], vol. 14, no. 4 (55), pp. 135–144. DOI 10.29030/2309-2076-2021 14-4-135-144.

5. Zakharova, Zh. A., Zakharov, P. N., Sakin, Y. V. (2024) Threats of economic security in the context of growing investment activity in the region *Ekonomicheskaya bezopasnost'* [Economic security], vol. 7, no. 8, pp. 2153–2168. doi: 10.18334/ecsec. 7.8.121523

6. Zakhvatova, N. M. (2010) Investment security as a component of the economic security system of the region: abstract of the dis. ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / N. M. Zakhvatova. M., 22 p. EDN: QHDTFT

7. Keynes, J. (2007) The general theory of employment, interest and money. Moscow : EKSMO, 153 p.

8. Kolmykova, T. S., Prikhodko, Yu. N., Astapenko, E. O. (2019) Research of investment activity of the regional economy *Region: sistemy, ekonomika, upravleniye* [Region: systems, economics, management], no. 3 (46), pp. 16–22

9. Salimov, L. N. (2009) The essence of investment activity and its importance in the management of the regional economy *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], no. 9 (147), Economy, issue 20, pp. 83–88 EDN: KHRXOD

10. Shakhova, I. Y., Speransky, S. N. (2021) The investment component in the economic security of the region: the consequences of the pandemic *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], no. 6, part 1, pp. 126–132

11. Shekhovtsova, Y. A. (2012) Application of the indicative method for assessing the investment security of the region *Regionologiya* [Regionology], no. 2 (79), pp. 53–61. EDN: OZEFOH

Статья поступила в редакцию 09.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 25.10.2024.

The article was submitted 09.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 25.10.2024.

Информация об авторах

М. С. Сюпова – кандидат экономических наук, доцент Высшей экономической школы, Тихоокеанский государственный университет;

С. С. Халикова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

M. S. Syupova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Higher School of Economics, the Pacific State University;

S. S. Khalikova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 631.115:338(571.14)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-88-102

Особенности реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в рамках устойчивого развития Новосибирской области

Мария Михайловна Чернякова[1], Марина Андреевна Заварзина[2]
[1, 2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Сибирский институт управления – филиал, Новосибирск, Россия
[1] chernyakova-mm@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-3343-4641
[2] zavarzina-ma@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0001-6600-2274

Аннотация. *В данной статье анализируются особенности реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в рамках устойчивого развития Новосибирской области. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности аграрного сектора, который играет значительную роль в экономике региона. В статье проводится анализ существующих программ и выявляются проблемы, препятствующие достижению поставленных целей, а также предлагаются пути их решения. Основное внимание уделяется управлению проектами, текущему состоянию сельских районов, продовольственной безопасности и рациональному использованию природных ресурсов. Освещаются тенденции и приоритеты развития аграрного сектора, а также оценивается эффективность программных мер. Цель работы заключается в анализе практики внедрения проектов и разработке рекомендаций для улучшения управления и контроля в данной области. В статье подчеркивается недостаточная научная изученность темы, что делает исследование значимым вкладом в агропромышленные исследования региона. Рассматривается понятие устойчивого развития как системного подхода к повышению качества жизни и развитию экономики без ущерба для экологии, акцентируется внимание на использовании возобновляемых ресурсов и охране биоразнообразия. Статья также рассматривает важность проектов и программ как инструментов стратегического планирования в сельском хозяйстве, подчеркивая их роль в решении социальных и экономических задач на уровне местных общин. В итоге материал представляет собой комплексный анализ принципов устойчивого развития и их применения в аграрном контексте, подтверждая необходимость внедрения устойчивых методов в сельское хозяйство для улучшения производительности, развития инфраструктуры и создания благоприятных условий жизни на селе. Авторы акцентируют внимание на стратегическом значении социально-экономического развития сельских территорий как для региона, так и для страны в целом. Несмотря на достижения, такие как рост производства сельскохозяйственной продукции и модернизация инфраструктуры, описываются существующие проблемы.*

Ключевые слова: *: сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, устойчивое развитие территории, программа, проект, Новосибирская область*

Для цитирования: Чернякова М. М., Заварзина М. А. Особенности реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в рамках устойчивого развития Новосибирской области // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 88–102. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-88-102

Original article

Features of the Implementation of Projects and Programs for the Development of Agriculture in the Framework of Sustainable Development of the Novosibirsk region

Maria M. Chernyakova[1], Marina A. Zavarzina [2]

[1, 2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Siberian institute of management – branch of RANEPA, Novosibirsk, Russia

[1] chernyakova-mm@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-3343-4641
[2] zavarzina-ma@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0001-6600-2274

Abstract. *This article analyzes the specifics of the implementation of projects and programs for the development of agriculture in the framework of sustainable development of the Novosibirsk region. The relevance of this study is due to the need to improve the efficiency of the agricultural sector, which plays a significant role in the economy of the region. The article analyzes existing programs and identifies problems that hinder the achievement of goals, as well as suggests ways to solve them. The main focus is on project management, the current state of rural areas, food security and the rational use of natural resources. The trends and priorities of the agricultural sector development are highlighted, as well as the effectiveness of program measures is evaluated. The purpose of the work is an in-depth analysis of the practice of project implementation and the development of recommendations for improving management and control in this area. The article highlights the insufficient scientific knowledge of the topic, which makes the study a significant contribution to the agro-industrial research of the region. The concept of sustainable development is considered as a systematic approach to improving the quality of life and economic development without compromising the environment. Attention is focused on the use of renewable resources and the protection of biodiversity. The article also examines the importance of projects and programs as strategic planning tools in agriculture, emphasizing their role in solving social and economic problems at the level of local communities. As a result, the material presents a comprehensive analysis of the principles of sustainable development and their application in an agricultural context, confirming the need to introduce sustainable methods into agriculture to improve productivity, develop infrastructure and create favorable living conditions in rural areas. The authors focus on the strategic importance of socio-economic development of rural areas both for the region and for the country as a whole. The problems existing despite such achievements, as the growth of agricultural production and modernization of infrastructure are described.*

Keywords: *agriculture, agro-industrial complex, sustainable development of the territory, program, project, Novosibirsk region*

For citation: Chernyakova M. M., Zavarzina M. A. (2024) Features of the Implementation of Projects and Programs for the Development of Agriculture in the Framework of Sustainable Development of the Novosibirsk Region *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 88–102. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-88-102

Введение

Актуальность статьи обусловлена нарастающей необходимостью повышения эффективности развития сельского хозяйства в Новосибирской области, которое играет ключевую роль в экономике региона и продовольственной безопасности. С учетом современных вызовов, таких как миграция населения в городские зоны, нехватка инвестиций, низкий уровень социальной инфраструктуры и ухудшение качества жизни в сельских райо-

нах, важно провести тщательный анализ существующих проектов и программ.

Изучение особенностей их реализации поможет выявить основные проблемы и недостатки, препятствующие достижению поставленных целей, а также разработать рекомендации для улучшения управления и контроля в данной сфере. Внедрение современных стратегий устойчивого развития способно обеспечить гармоничное сочетание экономической стабильности и защиты природных ресурсов, что особенно актуально в условиях изменения экологической обстановки.

Статья вносит вклад в понимание текущего состояния и динамики сельских территорий Новосибирской области, что крайне важно для формулирования эффективной государственной политики и активизации участия местных сообществ в процессе устойчивого развития. Исследование реализации проектов и программ в сельском хозяйстве Новосибирской области является важным вкладом в улучшение управления и развития аграрного сектора региона.

Научная изученность темы достаточно слабая. Существует большое количество работ в сфере сельского хозяйства как в рамках проектного так и программного управления, в том числе ряд авторов работают по теме «Реализация проектов и программ развития сельского хозяйства»: И. В. Ильина, А. В. Шалаев, Б. А. Шогенов, Н. Н. Турусова, В. О. Мироненко, А. В. Бабенко, В. Д. Цицеров, Д. С. Комшанов.

Цель работы – анализ реализации проектов и программ развития сельского хозяйства Новосибирской области.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Описать понятия проектов и программ и их место в системе стратегического планирования сельского хозяйства;
2. Охарактеризовать тенденции и приоритеты развития сельского хозяйства;
3. Изучить состояние сельского хозяйства в Новосибирской области;
4. Провести анализ реализации программных мер развития сельского хозяйства Новосибирской области;
5. Выявить проблемы реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в Новосибирской области и предложить пути их решения.

Объект исследования – проекты и программы развития сельского хозяйства.

Предмет исследования – особенности реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в рамках устойчивого развития Новосибирской области.

Методологическая основа реализации проектов и программ в рамках устойчивого развития Новосибирской области

Проект и программа – понятия, которые взаимосвязаны друг с другом. Проекты могут выполняться в рамках программы, а программы могут включать в себя несколько проектов. Проекты и программы являются важными инструментами в системе стратегического планирования сельского хозяйства. Они позволяют решать конкретные задачи и достигать поставленные цели, направленные на развитие аграрного сектора. При этом сельское хозяйство имеет свои особенности, связанные с природными условиями, сезонным характером работ, использованием инфраструктуры, земельными и трудовыми ресурсами и другими факторами.

В России сельское хозяйство проходит процесс оптимизации и увеличения производительности, также активно внедряются современные технологии и развивается экспортный потенциал. Приоритеты развития сельского хозяйства в России включают повышение производительности, развитие малых форм хозяйствования, развитие продовольственной безопасности, развитие инфраструктуры и рынков сбыта продукции. Цель заключается не только в укреплении позиций на мировом рынке, но и в обеспечении национальной продовольственной безопасности. Все эти меры направлены на повышение эффективности производства и развитие сельской общины [Цицеров, 2022].

Проекты в сельском хозяйстве могут быть направлены на улучшение сельскохозяйственного производства, включая повышение урожайности, внедрение новых технологий, развитие животноводства, овощеводства и других направлений. Также проекты могут быть ориентированы на развитие инфраструктуры и транспортной логистики, что позволяет повысить

эффективность использования ресурсов и решать проблемы сбыта сельскохозяйственной продукции [Комшанов, 2021].

Программы, в свою очередь, позволяют более эффективно организовать ресурсы и средства, объединив несколько проектов вокруг общей цели. Программа может объединять проекты, направленные на развитие отдельных отраслей сельского хозяйства, территорий, социальных и экологических направлений. Это позволяет достигать комплексных и долгосрочных результатов, повышая эффективность использования бюджетных и частных средств [Турусова, 2003].

Программы в сельском хозяйстве могут объединять несколько проектов, направленных на решение комплексных задач, например, на развитие отдельных регионов или отраслей агробизнеса, или же на развитие аграрного сектора в целом. Также программы могут быть важным инструментом государственного и регионального управления, направленным на решение социальных и экономических задач на селе [Бабенко, 2017]. Рассмотрим несколько программ, которые действуют в сфере сельского хозяйства.

В настоящее время применяются различные государственные, региональные и муниципальные программы, направленные на обеспечение устойчивого развития. Реализация программы по устойчивому развитию сельских поселений способствует повышению уровня жизни в сельских поселениях, что влияет на создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в агропромышленный сектор экономики региона, созданию рабочих мест, расширению налогооблагаемой базы местного бюджета.

Сценарии будущего развития социально-экономической инфраструктуры Новосибирской области основываются на приоритетах, обозначенных в ключевых стратегических документах региона. Согласно Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области, среди целей — повышение уровня и качества жизни населения, устойчивый демографический рост, развитие конкурентоспособных территориально-отраслевых кластеров, создание одного из главных транспортно-логистических центров Востока России, оптимизация пространственного развития на основе гармоничного сочетания развития новосибирского мегаполиса, других городов и сельских районов[1].

Для разработки сценариев будущего развития социально-экономической инфраструктуры региона необходимо учитывать его уникальные особенности. Новосибирская область сочетает высокоурбанизированные зоны и сельские территории с различным ресурсным и промышленным потенциалом. Это требует индивидуального подхода к каждой территории: для урбанизированных участков важны акценты на транспортной и жилищной инфраструктуре, тогда как для сельской местности в приоритете будут мероприятия по поддержке сельского хозяйства, развитию инженерных сетей и созданию новых рабочих мест. Интеграция различных территориальных типов через кластерное развитие даст возможность повысить конкурентоспособность всего региона[2].

Методы разработки и реализации стратегии устойчивого развития для муниципальных образований, в том числе Новосибирской области, включают комплексный подход, основанный на последовательной реализации нескольких ключевых этапов. Прежде всего, проводится изучение конкурентных особенностей территории, что позволяет выявить основные проблемы, вызовы и потенциальные угрозы. Для анализа текущего состояния используется инструмент SWOT-анализа, который помогает оценить сильные и слабые стороны муниципального образования, а также выявить возможности и риски [Мироненко, 2017].

Следующим этапом является форму-

[1] *Постановление Правительства Новосибирской области от 19.03.2019 № 105-п «О Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года». URL: https://www.nso.ru/page/2412 (дата обращения: 04.10.2024).*

[2] *Как будет развиваться Новосибирская область до 2030 года // Российская газета. URL: https://rg.ru/2018/06/22/reg-sibfo/kak-budet-razvivatsia-novosibirskaia-oblast-do-2030-goda.html (дата обращения: 04.10.2024).*

лировка миссии, целей и задач стратегии. Эти элементы составляют концептуальную основу стратегии и направляют её дальнейшую разработку. Для создания содержательных сценариев развития используются комплексы экономико-математических моделей, которые позволяют не только спрогнозировать тенденции, но и проанализировать различные сценарии изменения социально-экономической ситуации. Такой подход помогает определить наиболее перспективные и реалистичные пути достижения поставленных целей.

В Новосибирской области для разработки стратегии устойчивого развития, например, используется инвестиционная политика. В инвестиционном портфеле территории имеется 67 проектов, из них 49 ориентированы на комфортную среду проживания и инфраструктуру – строительство жилья, гостиниц, кафе, объектов торговли и сферы обслуживания населения, 18 проектов предполагают развитие различных видов производств, в том числе сельскохозяйственного.

Начальный этап стратегии — это глубокое изучение социально-экономической ситуации на территории.

Для Новосибирской области одним из эффективных инструментов стал сбор данных через цифровые платформы. Цифровые платформы в государственном управлении – это цифровые экосистемы, обеспечивающие сбор, обработку и анализ данных для эффективного предоставления государственных услуг и реализации функций государственного управления [Стырин, 2021]. Например, через портал государственных услуг собирают информацию о гражданах, их предпочтениях, отзывах, жалобах, оценках и предложениях. Это помогает выявить и устранить недостатки услуг. Также органы государственного управления получают данные о неуплате штрафов, доходах и налоговой задолженности. Цифровая платформа объединяет разрозненные статистические системы, реестр форм статистического наблюдения и статистических показателей, единое хранилище статистических данных. В единой цифровой среде взаимодействуют госорганы, респонденты и пользователи данных. Это позволяет не только визуализировать ключевые параметры (уровень занятости, состояние инфраструктуры), но и выявлять скрытые проблемы. Например, Маслянинский район может провести картографический анализ доступности социальных услуг, чтобы выявить территориальные диспропорции.

Прогнозирование социально-экономической структуры населения и уровня жизни также входит в состав методов разработки стратегии. Для решения проблем социальной сферы активно привлекаются инструменты национальных проектов, таких как программа по улучшению жилищных условий, строительство социальных объектов, развитие здравоохранения и образования. Эти меры помогают обеспечить стабильные условия жизни для населения и способствуют устойчивому демографическому росту.

На этапе реализации стратегии применяется система взаимосвязанных управляющих политик. В их основе лежат социальная политика, направленная на рост человеческого потенциала, экономическая и финансово-кредитная политика для поддержки реального сектора экономики, а также инновационная политика, играющая ключевую роль в технологическом развитии региона. Эти направления взаимодействуют друг с другом, что обеспечивает комплексный подход к решению задач роста и развития.

Совершенствование нормативно-правовой базы и создание новых организационных структур являются необходимыми условиями успешной реализации стратегии. И включают разработку регламентов по работе с инвесторами, инициатив по стимулированию малого и среднего бизнеса и укреплению координации между органами власти, местным сообществом и предпринимателями. Параллельно формируется региональная система мониторинга, позволяющая отслеживать социально-экономическую ситуацию и оперативно вносить корректировки в реализацию стратегии.

Мониторинг хода реализации стратегии является финальным этапом, который осуществляется на постоянной основе. Это позволяет оценить эффектив-

ность проделанных шагов, понять, какие мероприятия требуют доработки, и улучшить стратегическое планирование на будущие периоды [Шалаев, 2005][3].

Новосибирская область является регионом, сочетающим в себе различные виды деятельности. Она имеет обширное поле специализации благодаря географическому расположению, соседству с другими регионами, обладанию лесными, водными и иными ресурсами, а также сложившейся в настоящее время демографической ситуации. Область расположена в зоне умеренного климатического пояса, что определённым образом сказывается на характере земельного хозяйства и благоприятствуют возделыванию земель на данной территории, а потому территория активно используется аграрным сектором. По данным Территориального органа федеральной службы статистики, около 20% населения проживает в сельской местности. Большая половина населения сельских районов занята в аграрном секторе, занимается продовольственным обеспечением, а значит играет весомую роль в региональной экономике. Соответственно, такие территории нужно развивать и поддерживать, обеспечивая высокий уровень занятости населения, количество трудовых мест, низкий уровень миграции и оттока населения (преимущественно молодёжи) в крупные города области, например Новосибирск, Бердск, а также следить за сохранением почвы и её свойств, возобновлять способности к регенерации, принимать меры, помогающие избежать выветривания.

Рассматриваемый процесс направлен на удовлетворение текущих потребностей населения без ущерба для возможностей будущих поколений. Достигать этих целей можно при помощи внедрения экологически чистых технологий, модернизации аграрной инфраструктуры и повышения доходов местного населения. Значимость устойчивого подхода заключается в создании условий для долгосрочной стабильности и самодостаточности сельских территорий, что повышает их вклад в развитие всего региона. Относительно экономической составляющей – поддержка сельских территорий реализуется через грантовые программы, налоговые льготы и меры стимулирования местного бизнеса. Гранты предоставляются фермерским хозяйствам для модернизации техники, внедрения инноваций и увеличения объемов производства. Так, например, реализуется федеральная программа «Комплексное развитие сельских территорий». Она включает строительство жилья для сельских специалистов, модернизацию дорожной сети и улучшение водоснабжения, систем электроснабжения и поддержку транспортной доступности. В рамках этой программы действуют налоговые льготы, снижающие финансовую нагрузку на фермеров, создавая некоторые послабления и бонусы, делая аграрный сектор более привлекательным для инвесторов и населения в целом. Модернизация этих элементов инфраструктуры напрямую влияет на сельскохозяйственную деятельность, упрощая логистику и снижая производственные затраты. Осуществление этих мер будет способствовать повышению уровня жизни населения и удержанию молодых кадров в сельской местности, ведь они способствуют укреплению сельского хозяйства как ключевого сектора экономики аграрных территорий Новосибирской области, повышают его рентабельность. По итогам реализации этой программы в регионах, где она проводилась, был зафиксирован рост привлекательности сельской местности для инвесторов, молодых специалистов и фермеров, а также уровень общего состояния условий жизни населения повысился.

Помимо этой программы существуют кооперативные проекты. Развитие сельскохозяйственных кооперативов позволяет мелким хозяйствам объединять ресурсы, эффективно конкурировать на рынке и получать доступ к льготным программам поддержки. Конечно, действовать точечно бывает полезно, однако в нашем случае стоит реализовывать

[3] *Стратегия развития // Официальный сайт газеты «Новосибирский район – территория развития». URL: https://www.нртр.рф/2017/04/05/стратегия-развития/ (дата обращения: 04.10.2024).*

комплексный подход: использовать государственные и региональные программы, деятельность которых направлена на развитие сельских территорий; для дальнейших успехов необходимо усиливать меры по привлечению инвестиций и улучшению технологической базы.

Одной из важнейших мер является улучшение образовательной инфраструктуры: строительство школ, модернизация их технического оснащения, привлечение квалифицированных педагогов. Общество последнее десятилетие серьёзно озадачено кадровой проблемой специалистов именно этих отраслей – образования и медицины. Модернизация здравоохранения включает строительство новых медпунктов, фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов) и обновление существующих больниц. Доступ к квалифицированной медицинской помощи улучшает демографическую ситуацию и снижает уровень миграции из сельской местности в крупные города. Кроме того, вводятся меры по созданию новых рабочих мест в сельской местности, а это позволяет снизить уровень безработицы и укрепить социальную стабильность. В совокупности эти предпринимаемые действия формируют благоприятную социальную среду, которая способствует устойчивому развитию сельских территорий Новосибирской области.

Помимо всего ранее отмеченного, на процесс устойчивого развития сельских территорий влияет экология. В данный период времени в большинстве регионов страны (не только в Новосибирской области) наблюдается истощение потенциала земли, её плодородных компонентов и свойств. Речь идёт о сохранении природных ресурсов и минимизации экологического ущерба, защите земельных и водных ресурсов, безопасной переработке отходов производства. Восстановление плодородия почвы путём внедрения органического земледелия, минимальной обработки и севооборотов позволяет поддерживать долгосрочную продуктивность сельскохозяйственных угодий. Реализация этих мер создаёт основу для долгосрочного развития сельского хозяйства в Новосибирской области, сохраняя ресурсы для будущих поколений.

В итоге успешное развитие Новосибирской области зависит от согласованности действий власти, бизнеса и общества, а также от привлечения федеральных инвестиций, которые позволят закрыть бюджетные дефициты, необходимые для реализации масштабных проектов.

Анализ реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в Новосибирской области

Перечень сельских территорий Новосибирской области утверждён постановлением Правительства области от 03.03.2020 №52-п. Всего в него входит 427 сельских поселений (сельсоветов)[4].

Государственная поддержка сельского хозяйства в Новосибирской области в 2024 г. продемонстрировала результаты, которые становятся ярким примером эффективности реализуемых мер. Общий объём выделенных средств в рамках государственной программы по развитию сельского хозяйства, а также регулированию рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия составил более 5,6 млрд рублей. Из этой суммы более 1,4 млрд рублей было предоставлено из федерального бюджета, что подчёркивает масштабную финансовую поддержку на уровне государства. Эти средства направляются на реализацию ряда ключевых инициатив, таких как увеличение производственных мощностей, модернизация процессов и обеспечение стабильности на рынках сельскохозяйственной продукции.

Особое внимание было уделено молочной отрасли, которая получает существенный объём государственной помощи. В 2024 г. до производителей молочной продукции региона было доведено более 1,532 млрд рублей господдержки. Эта сумма играет важную роль в поддержке и развитии отрасли, поскольку направлена на компенсацию затрат, связанных с производством, переработ-

[4] *Постановление Правительства Новосибирской области от 3 марта 2020 г. N 52-п «Об утверждении перечней сельских территорий и сельских агломераций Новосибирской области». URL: https://base.garant.ru/73697766/ (дата обращения: 21.11.2024).*

кой и реализацией молока. Меры поддержки, такие как субсидии на прирост переработки сырого молока, помогают производителям улучшить производственные процессы, сократить расходы и повысить качество продукции, что способствует развитию местного рынка молочной продукции.

Одним из ключевых элементов государственной помощи стало обеспечение сельхозпроизводителей минеральными удобрениями, которые являются важным компонентом эффективного сельского хозяйства. В 2024 г. приобретено 99 тыс. т минеральных удобрений, с учётом переходящих остатков у сельхозпроизводителей в наличии имеется 106 тыс. т минеральных удобрений, это 60% от потребностей.

Перспективы развития сельского хозяйства в Новосибирской области также выглядят многообещающе. Одним из приоритетных направлений является увеличение объёма экспорта продукции агропромышленного комплекса. По итогам 2024 г. объём экспорта вырос в 2,7 раза по сравнению с 2018 г., что свидетельствует о повышении конкурентоспособности региональной продукции на международных рынках. Это стало возможным благодаря как мерам государственной поддержки, так и усилиям производителей, ориентированных на экспортную стратегию [Ильина, 2015].

Ещё одной важной задачей остаётся повышение производительности труда в сельском хозяйстве. Ожидается, что к 2025 г. этот показатель вырастет на 66,6% по сравнению с 2014 г. Такой рост является результатом реализации мер государственной программы, современной механизации процессов, а также грамотной аграрной политики, направленной на повышение эффективности использования трудовых и материальных ресурсов[5].

Развитие молочной отрасли также остаётся в центре внимания. Для производителей молока в регионе расширили набор мер господдержки, например, ввели возмещение части затрат на обеспечение прироста объёма переработанного в пищевую продукцию сырого молока крупного рогатого скота, коз и овец, на прирост реализованного молока, а также на приобретение и ввод в промышленную эксплуатацию маркировочного оборудования для отдельных видов молочной продукции[6].

Одним из направлений деятельности Минсельхоза Новосибирской области является реализация государственных программ и проектов, направленных на развитие отрасли областного сельского хозяйства.

Министерство сельского хозяйства Новосибирской области является разработчиком и государственным заказчиком-координатором государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Новосибирской области», которая реализуется в 2015–2025 гг. Данная государственная программа включает в себя 3 подпрограммы.

На реализацию мероприятий государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Новосибирской области» за 2020 г. направлено за счет всех источников финансирования – 3919,26 млн рублей (98,6% к плану), за 2021 г. – 3943,09 млн рублей (97,55% к плану), за 2022 г. – 5490,6 млн руб. (97,58 % к плану) (рис. 1)

Плановые и фактические показатели проекта представлены на рисунке 1. Можно сделать вывод: проект успешно

[5] *Государственная программа Новосибирской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Новосибирской области» // Открытый бюджет Новосибирской области. URL: https://openbudget.mfnso.ru/analitika/gosudarstvennye-programmy/gp-no-razvitie-selskogo-khozyajstva-i-regulirovanie-rynkov-selskokhozyajstvennoj-produktsii-syrya-i-prodovolstviya-v-novosibirskoj-oblasti (дата обращения: 21.11.2024).*

[6] *Более 1,5 млрд рублей господдержки доведено до производителей молочной продукции региона в 2024 году // Министерство сельского хозяйства Новосибирской области. URL: https://mcx.nso.ru/news/6500 (дата обращения: 21.11.2024).*

реализуется на территории Новосибирской области, фактический показатель в 2022 г. превысил плановый более чем в 2 раза (рис. 2.).

Важным инструментом для повышения эффективности сельскохозяйственного производства стали кооперативы. Они позволяют фермерам объединять ресурсы для совместного использования техники, закупки удобрений и семян, а также для переработки продукции. Благодаря кооперативной модели снижаются производственные затраты, что особенно важно для малых хозяйств. Такие объединения способствуют созданию устойчивых связей с рынками сбыта, упрощают логистику и расширяют возможности выхода на новые рынки. Кооперативы активно пользуются государственной поддержкой, получая субсидии и гранты на модернизацию оборудования, обучение персонала и разработку маркетинговых стратегий. Дополнительно они решают проблемы, связанные с хранением продукции, за счёт строительства совместных складов и перерабатывающих комплексов. Участие в кооперативе позволяет фермерам повышать доходы, снижая риски и увеличивая конкурентоспособность продукции.

Рис. 1. Объем средств на реализацию государственной программы Новосибирской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Новосибирской области» в 2020–2022 гг. и выделенные ассигнования на 2023 г., млн руб.

Рис. 2. Планируемые и фактические показатели регионального проекта «Экспорт продукции АПК» (Новосибирской области), млн долл. США

Остановимся на следующих практиках, успешно реализованных в муниципальных районах Новосибирской области, и возможности их применения на других территориях. Возможность обмена опытом и тиражирования лучших практик – необходимое условие для успешного развития любого муниципального образования.

Ордынский район успешно развивает экотуристические маршруты и проводит культурные мероприятия, что способствует увеличению туристического потока и доходов от сферы услуг. Например, в октябре 2022 г. в Ордынском районе прошла экспедиция «НОВО-СИБИРСКИЕ ОТКРЫТИЯ-85», в рамках которой были исследованы туристические маршруты и достопримечательности района[7]. Маслянинский район может адаптировать этот подход, привлекая туристов к природным достопримечательностям, таким как Барсуковская пещера.

В Искитимском районе проведена масштабная модернизация систем водоснабжения, что улучшило качество жизни местных жителей. В 2024 г. в рабочем поселке Линево были решены проблемы с перебоями горячего водоснабжения, что свидетельствует о повышении качества коммунальных услуг[8]. Маслянинский район может использовать этот опыт для газификации и реконструкции коммунальных объектов.

Коченевский район демонстрирует, что развитие кооперативов и переработки сельхозпродукции может значительно увеличить доходы местных жителей. Например, сельскохозяйственный потребительский перерабатывающий кооператив «Коченевский мясокомбинат» занимается переработкой мяса, что способствует развитию местной экономики[9]. Для Маслянинского района это может включать строительство молочных заводов и внедрение экологически чистых технологий.

Как видно из предложенных примеров, у, казалось бы, разных муниципальных районов всегда имеются некоторые общие точки экономического роста, для активации которых следует прибегать к реализации муниципальных проектов и программ, базирующихся в том числе на опыте соседних муниципальных образований.

Таким образом, на территории Новосибирской области успешно реализуются мероприятия ГП «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в НСО», которые положительно влияют на развитие отрасли и увеличение объемов производства продукции АПК области, а также федеральный проект «Экспорт продукции АПК», который показывает высокие результаты.

Проблемы развития сельского хозяйства в рамках устойчивого развития Новосибирской области

Проблемы и вызовы, стоящие перед социально-экономическим развитием сельских территорий Новосибирской области, обусловлены несколькими ключевыми факторами. Одной из главных трудностей является низкий уровень обеспеченности жильём. Недостаток доступного нового жилья и неудовлетворительное состояние существующего жилищного фонда стимулируют миграцию молодёжи и трудоспособного населения из сельской местности в города. Низкий уровень благоустройства жилищного фонда, включая отсутствие водопровода, канализации и газификации, создает значительные трудности в быту. Многие жители сельских территорий либо живут в недостаточно комфортных условиях, либо испытывают сложности с доступностью нового жилья, что отрицательно

[7] *«Планета Ордынка: известные и не очень маршруты одного из самых туристических районов региона». СИБ.ФМ, 11 октября 2022 года. URL: https://sib.fm/news/2022/10/11/planeta-ordynka-izvestnye-i-ne-ochen-marshruty-odnogo-iz-samyh-turisticheskih-rajonov-regiona. (дата обращения: 04.10.2024).*

[8] *«Вернуть горячую воду жителям Линёво потребовал Александр Бастрыкин». ВН.РУ, 2024 год. – URL: https://vn.ru/news-vernut-goryachuyu-vodu-zhitelyam-linevo-potreboval-aleksandr-bastrykin.*

[9] *Сельскохозяйственный потребительский кооператив «Коченевский мясокомбинат». URL: https://www.list-org.com/company/9723377. (дата обращения: 04.10.2024).*

сказывается на их жизненном уровне и способствует миграции из сельской местности в городскую [Шевцова, 2024].

Второй крупной проблемой можно считать слабую развитость социальной и инженерной инфраструктуры. В сельской местности ощущается нехватка больниц, школ, культурных и спортивных объектов, в которых нуждается население. Отсутствие качественных дорог и транспортной связности ограничивает мобильность населения, затрудняет доступ к социальным услугам, продавцам товаров и рынкам сбыта сельскохозяйственной продукции. Низкая доступность инженерной инфраструктуры, в свою очередь, замедляет развитие производственных мощностей и снижает привлекательность жизни в сельской местности.

Ещё одной серьёзной проблемой является кадровый дефицит. В сельской местности ощущается дефицит квалифицированных специалистов, в том числе учителей, врачей, агрономов, инженеров и специалистов в сфере ремонта и обслуживания инфраструктуры. Такая ситуация не только снижает качество услуг, доступных населению, но и замедляет общее развитие региона [Быков, 2017]. Дефицит рабочей силы, особенно среди молодёжи, усугубляет текущее неравенство между сельскими и городскими территориями, формируя неблагоприятные демографические тенденции.

Наконец, глобальные вызовы, такие как изменения климата и сложная экономическая обстановка, усугубляют ситуацию: снижаются урожаи, растёт нагрузка на региональный бюджет, замедляется внедрение современных технологий в сельское хозяйство.

Предложения по улучшению сложившейся ситуации должны основываться на комплексном подходе, включая меры государственной поддержки, а также активное участие местного населения и бизнес-структур. Для начала крайне важно модернизировать жилищный фонд: необходимо направить усилия на строительство новых жилых домов, доступных для сельских жителей.

Развитие социальной инфраструктуры должно включать в себя строительство новых школ, больниц и библиотек, оснащённых современным оборудованием. Для улучшения транспортной доступности сельских поселений необходимо увеличить средства на строительство и ремонт автомобильных дорог, что позволит наладить связь между сельскими хозяйствами и городами.

Особое внимание требуется мерам, направленным на привлечение кадров. Государственная поддержка молодых специалистов, такая как увеличенные выплаты и льготы при трудоустройстве, должна быть расширена для всех ключевых профессий, необходимых в сельской местности. Социальные программы для подготовки и переподготовки кадров, а также система субсидий для молодых семей помогут стимулировать рост численности работающего населения.

Для поддержки сельского хозяйства необходимо продолжать финансирование программ по модернизации сельхозтехники и обеспечению фермеров минеральными удобрениями. Государственные программы поддержки, подобные существующим в молочной отрасли, должны быть расширены и включать субсидии для других важных направлений сельского хозяйства. Увеличение объёмов экспорта сельскохозяйственной продукции требует грамотной логистики, финансовой поддержки производителей и продвижения новосибирских товаров на международных рынках.

Несмотря на существующие проблемы, определенные успехи в решении обозначенных задач уже достигнуты. В 2024 г. в рамках государственной программы Новосибирской области «Комплексное развитие сельских территорий в Новосибирской области» был актуализирован порядок предоставления и распределения субсидий местным бюджетам. Эти изменения позволяют более эффективно использовать предоставляемые средства, ориентируясь на наиболее значимые потребности сельских регионов. Например, субсидии могут предоставляться на благоустройство территории, модернизацию инфраструктуры, строительство нового жилья или социальных объектов.

Для улучшения демографической ситуации в сельской местности предпринимаются меры по поддержке категории

молодых специалистов. В частности, согласно постановлению Правительства Новосибирской области от 11.09.2023 №427-п, были увеличены размеры единовременных выплат молодым специалистам, принятым в течение года на работу в организации, осуществляющие сельскохозяйственное производство в сельской местности региона. Это решение направлено на стимулирование трудоустройства молодых кадров в сельской местности, что способствует не только улучшению кадрового потенциала, но и созданию дополнительных стимулов для молодёжи оставаться в данных регионах. Увеличение выплат позволяет молодым специалистам чувствовать себя более уверенно на новом месте, покрывать расходы на обустройство, а также мотивирует их оставаться в сельской местности на долгосрочный период[10].

Подобные меры дают надежду на то, что постепенные улучшения помогут решить ключевые проблемы сельских территорий Новосибирской области, сделав их более привлекательными для жизни и работы.

Сельские районы обеспечивают продовольственную безопасность, выступают важным источником природных ресурсов и формируют основу сельского хозяйства. Однако перед этими территориями всё ещё стоят многочисленные вызовы, связанные с жильём, инфраструктурой, демографией и финансированием отраслей. Несмотря на это, меры государственной поддержки уже дают результаты: увеличивается производство сельхозпродукции, модернизируется техника и инфраструктура, повышается экспортный потенциал. При системном подходе, включающем дальнейшую государственную поддержку, привлечение инвесторов и активное участие местных сообществ, проблемы могут быть решены. Это позволит не только улучшить условия жизни сельского населения, но и обеспечить устойчивое развитие региона в целом.

Одной из наиболее эффективных мер является активное использование программы инициативного бюджетирования. Этот инструмент позволяет привлекать дополнительные ресурсы на решение наиболее актуальных вопросов благоустройства и ремонта социальной инфраструктуры. Например, в 2024 г. Новосибирский район уже защитил 13 проектов в рамках данной программы, что позволило сельсоветам успешно выполнить наказы местных жителей, направленные на улучшение условий жизни. Это позволяет жителям активно участвовать в определении приоритетов и вносить вклад в развитие своих территорий[11].

Можно выделить следующие направления совершенствования сельского хозяйства в рамках устойчивого развития Новосибирской области:

1. Учет наличия и степени износа основных фондов в отрасли на текущий момент и в долгосрочной перспективе через включение в программу целевых индикаторов, которые будут показывать уровень обновления и износа основных фондов [Шогенов, 2002];

2. Дополнительное субсидирование, поддержка товаропроизводителей региона мясоперерабатывающей, кондитерской, макаронной отраслей;

3. Оказание прямой государственной поддержки малых форм хозяйствования на селе и расширение грантовой поддержки начинающим фермерам, поддержки развития семейных животноводческих ферм и поддержки сельскохозяйственным потребительским кооперативам;

4. Совершенствование лизинговой деятельности в сельском хозяйстве, а также увеличение государственной поддержки и объемов лизинга машин и оборудования для животноводства и кормопроизводства; установление механизма государственного регулирования цен на

[10] *Постановление Правительства Новосибирской области от 31.12.2019 N 525-п «О государственной программе Новосибирской области «Комплексное развитие сельских территорий в Новосибирской области». URL: https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW049&n=125125#WbWOwUU3X3tejZO5 (дата обращения: 21.10.2024).*

[11] *Проблемы поселений решаем вместе // Администрация Новосибирского района. URL: https://nsr.nso.ru/news/12390 (дата обращения: 04.10.2024).*

значимые для отраслей сельского хозяйства ресурсы (корм, электроэнергия, газ, тепло) или возможность их прямого дотирования.

Таким образом, перечисленные выше рекомендации должны способствовать решению выявленных проблем реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в Новосибирской области, что, в свою очередь, окажет благоприятное влияние на развитие отрасли региона.

Заключение

Предложения по решению существующих проблем охватывают как организационно-управленческие меры, так и инициативы по развитию инфраструктуры, а также укреплению межмуниципального диалога. Комплексная работа в данных направлениях будет способствовать не только улучшению качества жизни, но и устойчивому развитию сельских территорий.

Новосибирская область обладает значительным потенциалом для устойчивого развития, однако его реализация требует системного подхода. Ключевыми направлениями для достижения цели являются модернизация инфраструктуры, поддержка жилищного строительства, развитие социальной сферы, включая образование, здравоохранение и спорт, а также сохранение экологического баланса. Применение таких инструментов, как программа инициативного бюджетирования, кластерное развитие, улучшение инвестиционного климата и интеграция миграционного населения позволит эффективно решать проблемы региона и использовать его сильные стороны.

Одним из важных направлений развития сельского хозяйства является реализация проектов и программ, направленных на повышение эффективности производства, улучшение условий труда и жизни сельских жителей, развитие инфраструктуры и технологического обеспечения. Проекты и программы являются важными элементами системы стратегического планирования сельского хозяйства, позволяющими эффективно решать задачи и достигать поставленных целей. В программе участники действуют вместе для развития отрасли на длительный период, в то время как в проекте они работают на достижение конкретной цели, решают специфические задачи и целенаправленно взаимодействуют для достижения результата.

Таким образом, перечисленные выше рекомендации должны поспособствовать решению выявленных проблем реализации проектов и программ развития сельского хозяйства в Новосибирской области, что в свою очередь окажет благоприятное влияние на устойчивое развитие региона.

Список источников:

1. Бабенко, А. В. Управление проектами и программами стратегического развития компании // Молодой ученый. 2019. № 39 (277). С. 11–13. EDN: PRFMEI.

2. Быков, А. А. Решение проблем устойчивого развития АПК Новосибирской области путем реализации государственных программ и привлечения инвестиций // Аграрная наука – сельскому хозяйству : сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 3 книгах, Барнаул, 07–08 февраля 2017 года. ФГБОУ ВО «Алтайский государственный аграрный университет». Том Книга 1. Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет, 2017. С. 146–148. EDN: YOOIIV

3. Сидоренко, О. В., Ильина, И. В. Реализация механизма государственной поддержки аграрного сектора по новым правилам. // Аграрная Россия. 2015. № 5. С. 32–37. EDN: TSEGGL

4. Комшанов, Д. С. Тенденции развития овощеводства в России // Московский экономический журнал. 2021. № 10. С. 201–210. EDN: MSDYWY. DOI: 10.24411/2413-046X-2021-10638

5. Мироненко, В. О. Стратегическое планирование, его значение и этапы // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 331–333. EDN: YHWXVH

6. Стырин, Е. М. Государственные цифровые платформы: ключевые особенно-

сти и основные сценарии развития : докл. к XXII Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. Москва : Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. 2021. 32 с. EDN: QEBHFJ. DOI: 10.17323/978-5-7598-2516-6

7. Турусова, Н. Н. Оптимизация параметров устойчивого развития производства в сельскохозяйственных предприятиях: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: Воронеж. 2003. 159 с.

8. Цицеров, В. Д. Состояние рынка сельского хозяйства России и пути его развития // Молодой ученый. 2022. № 20 (415). С. 528–530. EDN: RPPVOF

9. Черняков, М. К., Чернякова, М. М., Чернякова, И. А., Сулейманов, Ш. И. Конкурентоспособность сельского хозяйства в сибирском федеральном округе // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2022. № 1. С. 57–62. EDN: JCBSDE

10. Шалаев, А. В. Стратегическое планирование на сельскохозяйственных предприятиях районного АПК: автореферат дис. кандидата экономических наук – гос. аграр. ун-т им. К. Д. Глинки. Воронеж. 2005. 20 с.

11. Шевцова, Е. В. Этнодемографическая и миграционная ситуация в Новосибирской области: вызовы и риски // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. №3 (43). С. 99–105. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(3).99-105

12. Шогенов, Б. А. Индикативное планирование как подсистема государственного планирования // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2002. №10. С. 20–22. EDN: RQBIVF

References:

1. Babenko, A. V. (2019) Management of projects and programs for strategic development of the company *Molodoy uchenyy* [Young scientist], no. 39 (277), pp. 11–13. EDN: PRFMEI (in Russ.).

2. Bykov, A. A. (2017) Solving the problems of sustainable development of the agro-industrial complex of the Novosibirsk region through the implementation of state programs and attracting investments. Agrarian science – to agriculture: collection of articles from the XII International scientific and practical conference: in 3 books, Barnaul, February 7–8, 2017. Altai State Agrarian University. Volume Book 1. Barnaul: Altai State Agrarian University. Pp. 146–148. EDN: YOOIIV

3. Sidorenko, O. V., Ilyina, I. V. (2015) Implementation of the mechanism of state support for the agricultural sector according to the new rules *Agrarnaya Rossiya* [Agrarian Russia], no. 5, pp. 32–37. EDN: TSEGGL (in Russ.).

4. Komshanov, D. S. (2021) Trends in the Development of Vegetable Growing in Russia *Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Moscow Economic Journal], no. 10, pp. 201–210. EDN: MSDYWY. DOI: 10.24411/2413-046X-2021-10638 (in Russ.).

5. Mironenko, V. O. (2017) Strategic Planning, Its Importance and Stages *Molodoy uchenyy* [Young scientist], no. 12 (146), pp. 331–333. EDN: YHWXVH

6. Styrin, E. M. (2021) State Digital Platforms: Key Features and Main Development Scenarios: report to the XXII Apr. int. scientific conf. on the problems of economic and social development, Moscow, April 13–30, 2021 Moscow: National Research University Higher School of Economics, 32 p. EDN: QEBHFJ. DOI: 10.17323/978-5-7598-2516-6 (in Russ.).

7. Turusova, N. N. (2003) Optimization of parameters of sustainable development of production in agricultural enterprises: diss. ... Cand. Sciences: 08.00.05: Voronezh, 159 p. (in Russ.).

8. Tsitserov, V. D. (2022) The state of the Russian agricultural market and the ways of its development *Molodoy uchenyy* [Young scientist], no. 20 (415), pp. 528–530. EDN: RPPVOF (in Russ.).

9. Chernyakov, M. K., Chernyakova, M. M., Chernyakova, I. A., Suleimanov, Sh. I. (2022) Competitiveness of Agriculture in the Siberian Federal District. Competitiveness in the Glob-

al World: Economics, Science, Technology, no. 1, pp. 57–62. EDN: JCBSDE (in Russ.).

10. Shalaev, A. V. (2005) Strategic Planning at Agricultural Enterprises of the District AIC: Abstract of a Candidate of Economic Sciences Dissertation – State Agrarian University named after K. D. Glinka. Voronezh, 20 p. (in Russ.).

11. Shevtsova, E. V. (2024) Ethnodemographic and Migration Situation in the Novosibirsk Region: Challenges and Risks *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"], no. 3 (43), pp. 99–105. DOI: 10.24147/2312-1300.2024.11(3).99-105 (in Russ.).

12. Shogenov, B. A. (2002) Indicative planning as a subsystem of state planning *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy* [Economy of agricultural and processing enterprise], no. 10, pp. 20–22. EDN: RQBIVF (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.11.2024; одобрена после рецензирования 13.12.2024; принята к публикации 16.12.2024.

The article was submitted 22.11.2024; approved after reviewing 13.12.2024; accepted for publication 16.12.2024.

Информация об авторах

М. М. Чернякова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и отраслевых политик, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Сибирский институт управления – филиал;

М. А. Заварзина – ассистент кафедры государственного управления и отраслевых политик, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Сибирский институт управления – филиал.

Information about the authors

M. M. Chernyakova – Doctor of Economics, Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Siberian Institute of management – branch of RANEPA;

M. A. Zavarzina – assistant, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Siberian Institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 664:004.89
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-103-113

Искусственный интеллект в реальном секторе экономики (на примере пищевой индустрии)

Алексей Викторович Алешков[1], Василий Алексеевич Синюков[2], Михаил Вячеславович Ивашкин[3]
[1, 2, 3] Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,
[1] aleshkovalexey@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3853-4772
[2] v.sinukov@yandex.ru,https://orcid.org/0000-0001-6266-0088
[3] Ivashkin62@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-5558-4619

Аннотация. *В основу оригинального исследования положена гипотеза о неотвратимости внедрения искусственного интеллекта в реальный сектор экономики. Авторы рассматривают нормативно-правовые основы искусственного интеллекта, а также его исторические аспекты. При этом обозначены базовые траектории применения искусственного интеллекта на примере пищевой индустрии – при моделировании и оптимизации пищевых технологий, идентификации, оценке качества и безопасности пищевой продукции. Отмечено, что предпосылкой к внедрению технологий искусственного интеллекта в пищевой индустрии выступает четко наметившийся переход от массового питания к персонализированному, связанный с производством преимущественно комбинированных продуктов сложного ингредиентного и химического состава. Как следствие, технологии искусственного интеллекта позволяют существенно оптимизировать ресурс времени, повысить эффективность и точность совершаемых покупок, способствуют снижению затрат на приобретение продукции и устранению предубеждений при принятии решений, а также предоставляют максимально персонализированные рекомендации при покупке товаров. Результаты исследования включают обзор и анализ трудов российских и зарубежных ученых в области искусственного интеллекта и сфер его применения в пищевой индустрии, а методология исследования базируется на таких теоретических методах научного познания, как сравнение, анализ, систематизация, дедукция, абстракция, обобщение. Также статья раскрывает юридические и концептуальные аспекты искусственного интеллекта и областей его применения, рассматривает перспективные направления дальнейшего проникновения искусственного интеллекта в пищевой индустрии. В заключении обобщаются преимущества и возможности использования искусственного интеллекта по всей цепочке прослеживаемости пищевой продукции, использования его для анализа цифрового профиля при установлении аутентичности и идентификации пищевой продукции.*

Ключевые слова: *реальный сектор экономики, искусственный интеллект, нейросеть, пищевая индустрия*

Для цитирования: Алешков, А. В., Синюков, В. А., Ивашкин М. В. Искусственный интеллект в реальном секторе экономики (на примере пищевой индустрии) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 103–113. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-103-113

Original article

Artificial Intelligence in the Real Sector of the Economy (on the Example of the Food Industry)

Alexey V. Aleshkov[1], Vasily A. Sinyukov[2], Mikhail V. Ivashkin[3]
[1, 2, 3] The Pacific State University, Khabarovsk, Russia
[1] aleshkovalexey@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3853-4772
[2] v.sinukov@yandex.ru,https://orcid.org/0000-0001-6266-0088
[3] Ivashkin62@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-5558-4619

Abstract. *The study is based on the hypothesis that the implementation of artificial intelligence into the real sector of economy is inevitable. The authors consider the regulatory framework of artificial intelligence as well as its historical aspects. The basic trajectories of the artificial intelligence implementation on the example of the food industry (modeling and optimizing food technologies, identification, assessing the quality and safety of food products) are indicated. It was noted that the prerequisite for implementation of artificial intelligence technologies in the food industry is a clearly outlined transition from mass nutrition to personalized, associated with the production of mainly combined products of complex ingredient and chemical composition. Applying of artificial intelligence technologies can significantly optimize the resource of time, increase the efficiency and accuracy of purchases, help reduce the cost of purchasing products, eliminate biases in decision-making, and provide the most personalized recommendations for buying goods. The study results include the analysis of Russian and foreign scientists researches in the field of artificial intelligence and its application in the food industry. The research methodology is based on such theoretical methods as comparison, analysis, systematization, deduction, abstraction, and generalization. The article also reveals legal and conceptual aspects of artificial intelligence application, its advantages and possibilities, considers promising areas for further penetration of artificial intelligence in the food industry.*

Keywords: *real sector of economy, artificial intelligence, neural network, food industry*

For citation: Aleshkov A. V., Sinyukov V. A., Ivashkin M. V. (2024) Artificial Intelligence in the Real Sector of the Economy (on the Example of the Food industry) *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 103–113. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-103-113

Введение

Цифровая трансформация отечественной экономики, включающая переход к передовым цифровым и интеллектуальным производственным технологиям, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта, определена одной из важнейших целей развития России.[1] Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации приоритетным обозначено развитие пищевой индустрии в направлении высокопродуктивного и экологически чистого агро- и аквахозяйства, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания[2].

Наблюдаемые сегодня явления и процессы позволяют говорить о проникновении информационных технологий и искусственного интеллекта практически

[1] *О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения 08.05.2024 г.).*

[2] *О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=1 (дата обращения 29.04.2024 г.).*

во все ключевые сферы деятельности человека, и индустрия пищевой продукции не является исключением. Поэтому в основу нашего исследования положена рабочая гипотеза о неизбежности и необходимости широкого внедрения технологий искусственного интеллекта в реальный сектор экономики. Данная гипотеза рассмотрена и доказана нами на примере отрасли пищевой индустрии, где широко применяется моделирование и оптимизация пищевых технологий, производится идентификация, оценка качества и безопасности пищевой продукции. Предпосылками к проникновению искусственного интеллекта в производство пищевой продукции является диверсификация технологий питания в направлении от массового к персонализированному, что сопровождается расширением ассортимента функциональной, комбинированной и специализированной пищевой продукции сложного ингредиентного и химического состава [Алешков, 2023]. Также усложнение технологий и структуры пищевой продукции ведет к необходимости совершенствования методов идентификации и распознавания фальсификации в направлении их автоматизации, ускорения и использования неразрушающего продукцию контроля.

Под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.[3] Ключевым элементом искусственного интеллекта является нейронная сеть, представляющая собой имитирующую работу человеческого мозга, компьютерную программу, способную выполнять интеллектуальные и творческими задачи, которые ранее были под силу только человеку. История нейронных сетей начинается в 1944 г. (W. McCullough and W. Pitts, Hardesty L.). Пристальный интерес у широкой аудитории нейронные сети вызвали в начале 2023 г., в первую очередь благодаря упрощению пользовательского интерфейса и способов коммуникации с пользователем (создание «промптов» – кратких словесных описаний на языке пользователя). Наибольшую массовую известность получили такие нейросети, как ChatGPT, AIVA, Midjourney, Stable Diffusion, Craiyon, IMAGINE, Movavi, Colorize, AutoDraw, Upscale Pics, ru-DALL-E, Bing, Mubert, YandexGPT, Шедеврум, Kandinsky, применяемые для создания и редактирования текста, графики и музыки. По нашему мнению, наблюдаемый за 2023 г. пятикратный рост пользователей нейросетей должен подстегнуть число исследований пропорционально, в том числе для целей производства и оценки качества пищевой продукции.

В рамках нашего исследования способность нейросетей к самообучению дает возможность использования ранее разработанных программных продуктов для решения задач пищевой индустрии в качестве базы для дальнейшего наращивания ассортимента пищевой продукции и номенклатуры технологических процессов. Точность результатов, выдаваемых нейросетями, находится на сопоставимом с расчетными методами уровне. При этом важно, что время, затрачиваемое на процесс, сберегается, приводя к возникновению количественно измеряемого экономического эффекта.

Сегодня существует большое количество предпосылок и определённое количество успешных примеров использования нейросетей в пищевых технологиях. С ростом промышленной автоматизации и Интернета вещей теперь проще собирать данные и контролировать сушку продуктов питания, экструзию, стерилизацию и другие технологические процессы. Использование нейросетей является успешным в решении таких задач пищевой индустрии, как сортировка пищевых продуктов, безопасность, оценка качества, контроль режимов хранения и утилизация [Nayak, 2020], а также вспомогательных процессов, например, логистических, маркетинговых, мерчандайзинга.

Условно мы разделили предлагаемый

[3] *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003 (дата обращения 29.04.2024 г.).*

обзор на разделы, связанные с использованием искусственного интеллекта при моделировании и производстве пищевой продукции, ее идентификации и оценке качества и безопасности.

Целью исследования является рассмотрение и анализ существующих технологий искусственного интеллекта в реальном секторе экономики на примере пищевой индустрии – при производстве, идентификации, оценке качества и безопасности пищевой продукции.

Материал и методы

Статья представляет собой обзор источников литературы из международных баз и библиотек Scopus, Web of Science, ScienceDirect и рецензируемых журналов из перечня Высшей аттестационной комиссии РФ. В исследовании рассматривались приложения (программное обеспечение) для операционных систем Android, iOS, Windows. Использовались теоретические методы научного познания – сравнение, анализ, систематизация, дедукция, абстракция, обобщение. В приведенных примерах указана точность методики на основе искусственного интеллекта по отношению к стандартизированным методикам, при этом следует понимать, что и результат, полученный по стандартизированной методике, имеет определенную погрешность.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Искусственный интеллект при моделировании пищевой продукции и снижении отходов в пищевой индустрии.

В 2007 г. российский исследователь из Северокавказского государственного университета В. В. Садовой первым в России применил нейросеть в пищевых технологиях, разработав концепцию проектирования многокомпонентных мясных продуктов с использованием вторичных ресурсов пищевой индустрии. Основными преимуществами использования нейросети им признаны упрощение и оптимизация результатов исследований технологических процессов, а также возможность прогнозирования качественных показателей многокомпонентных мясных продуктов [Садовой, 2007]. Отличительной особенностью диссертационной работы В. В. Садового стало описание виртуального массива из 3530 рецептур вареных колбасных изделий, отличающих по трем переменным – уровню замены мяса на костный остаток, длительности и температуре предварительной обработки продукта. Для каждого образца нейросеть спрогнозировала процент выхода, уровень pH, влажность, влагосвязывающую способность фарша, относительную биологическую ценность, перевариваемость белка пепсином и трипсином, балльные значения органолептических показателей и экономический эффект. На основе полученных данных была создана оптимизационная программа и разработана рецептура колбасы вареной, обладающей наилучшими потребительским свойствами, для выпуска в производство. До сих пор число виртуальных образцов, рассмотренное В. В. Садовым с помощью нейросетей, отечественными исследователями не превзойдено.

Научным коллективом под руководством M. O'Farrell в 2005 г. применена сенсорная система для управления процессом варки в промышленной печи путем идентификации стадии варки. При этом разработанная нейросеть обучилась определять стадию готовности разных продуктов – куриного филе, в том числе гриль, жареных цыплят, маринованных куриных крылышек, колбас, кондитерских изделий [O'Farrell, 2005].

W. Cotrim et al. предложили использовать нейросеть в качестве неразрушающего инструмента для распознавания стадий технологического процесса выпечки хлеба, основанного на изменении цвета хлебной корки. Для обучения и тестирования использовали изображения хлебной корки, распределенные по семи периодам выпечки. Результаты эксперимента показали, что нейросеть смогла правильно распознать и классифицировать стадии выпечки без вмешательства человека [Cotrim W., 2021].

R. Kowalski et al. применили нейросеть для прогнозирования дизайна профиля винта шнека, применяемого в экструдере при производстве пшеничных хлопьев. От профиля винта шнека зависят потребительские свойства получаемой продукции (форма, пористость, влажность и т. д.). Для каждого расчётного профиля винта шнеков и условий экструзии нейросеть предсказала ожидаемые результаты давления, крутящего момента двигателя, удельной механической энергии,

коэффициента расширения, водопоглотительной способности и растворимости в воде [Kowalski R., 2021].

Текстура является одной из основных характеристик, контролируемых при выходном контроле и приемке йогуртов, однако ее инструментальное определение требует вращающихся реометров – дорогостоящего оборудования, недоступного большинству предприятий молочной индустрии. В исследовании L. Batista et al. были применены искусственные нейронные сети для прогнозирования текстурных свойств йогурта на основе изменений рецептуры и параметров технологического процесса. Обезжиренные йогурты получали при различных параметрах центрифугирования, концентрациях белка и фермента трансглутаминазы. Разработанные для прогнозирования свойств, полученных при анализе профиля текстуры, тиксотропии и вязкости йогуртов, нейросети смогли предсказать ответы с хорошей аппроксимацией (R2 > 0,95) [Batista L., 2021].

Моделированию органолептических показателей рисового жмыха с помощью нейронной сети посвящено исследование S. Kupongsak et al. [Kupongsak S., 2006], а в публикации E. Lewis et al. описан способ классификации спектральных данных от системы датчиков на основе оптических волокон, используемых в пищевой индустрии для мониторинга пищевых продуктов при их приготовлении в крупногабаритных печах непрерывного действия. Датчик отслеживал цвет пищи в режиме онлайн, когда продукт варится, исследуя отраженный свет в видимой области как от поверхности, так и от внутренней части продукта [Lewis E., 2008].

Следующим аспектом использования искусственного интеллекта в моделировании пищевых технологий является изучение содержания эллагитанинов в семенах черной малины и последующая оптимизация ускоренной экстракции эллагитанинов растворителем. Научным коллективом G. Lee et al. в черной малине идентифицировано пятнадцать мономерных и димерных эллагитанинов. Для моделирования процесса экстракции в качестве входных переменных были установлены время экстракции, температура экстракции и концентрация растворителя, а в качестве выходных – общее содержание эллагитанина. Точность полученных результатов находилась на уровне 99,88%. В итоге были рассчитаны оптимальные условия для полной экстракции эллагитанина: концентрация ацетона 63,7%, время 4,21 мин. и температура 43,9° С при фактическом содержании эллагитаннина 13,4 мг/г сухого веса [Lee, 2022].

Таким образом, использование искусственного интеллекта позволяет минимизировать расходы на разработку и производство, комплексно подходить к проблеме себестоимости и качества пищевой продукции.

2. Искусственный интеллект для идентификации пищевой продукции, мониторинга и автоматизации процессов производства.

Идентификация пищевой продукции требует одновременного рассмотрения большого количества показателей и сравнения их с эталонными или нормативными значениями. На практике бывают ситуации, что даже подготовленные эксперты упускают ряд параметров. Нейросети, хотя и не могут считаться точным инструментом для идентификации, такого недостатка лишены, о чем свидетельствует ряд примеров.

S. Chakravartula et al. предложен способ идентификации кофе спектроскопическим методом с последующим анализом данных с помощью нейросети [Chakravartula, 2022]. Спектроскопия для идентификации кофе применялась и ранее [Метленкин Д. А., 2021], однако имеющиеся исследования предполагали интерпретацию полученных результатов с использованием сложного математического аппарата (например, многофакторный анализ по 19 переменным). В данном случае всю сложность расчетов принимала на себя нейронная сеть, она же сообщает исследователю о результате. Кофе «эспрессо» смешивали с цикорием, ячменем и кукурузой (0–25%) и подвергали спектральному анализу (Фурье-ИК-спектроскопия). Исследование показало, что примененные авторами алгоритмы глубокого обучения могут быть альтернативной стандартным методам при существенном ускорении процедуры обработки данных.

Интересно применение нейронных сетей для идентификации растительных масел. Растительные масла обладают довольно схожими потребительскими свой-

ствами и часто не различаются исключительно по органолептическим показателям, что обуславливает необходимость использования сложных и дорогостоящих методов для распознавания их фальсификации, например хроматографии для анализа жирнокислотного состава. В исследовании C. da Silva et al. предлагается методология идентификации рапсового, подсолнечного, кукурузного и соевого масел различных производителей методом флуоресцентной спектроскопии. Методика способна классифицировать растительное масло и позволяет быстро обучать нейросеть, используя сравнительно мало математических манипуляций, однако пока ее точность находится на уровне 72%, что явно недостаточно для принятия арбитражных решений [Da Silva C., 2015].

Существенно более высокого результата в обучении нейросети удалось добиться коллективу исследователей B. Senizza et al. при идентификации нерафинированного (extra virgin) оливкового масла сорта Taggiasca Ligure. В основе методики лежит определение содержания фенолов и стеролов методом масс-спектрометрии высокого разрешения, с последующим распознаванием нейросетью. В целом было использовано 408 образцов из трех последовательных сезонов выращивания. Разработанная модель позволила установить маркеры подлинности оливкового масла, среди которых тирозолы, олеуропеины, стильбены, лигнаны, фенольные кислоты и флавоноиды. По данным исследователей, чувствительность метода составила 100% [Senizza, 2023].

Еще более интересными представляются технологии искусственного интеллекта, предназначенные для пользователей, не обладающих специальными знаниями в области товароведения. Так, в исследовании P. Furtado нейросеть оформлена в виде приложения для смартфона/планшета и обучена, распознавая зрительный образ товара, сообщать информацию о пищевой и энергетической ценности, а также о возможных ограничениях для употребления лицами, страдающими диабетом I типа [Furtado, 2020]. Приложение на основе нейросети, разработанное Chaitanya A. et al., позволяет с 97% точностью идентифицировать более 20 классов пищевых продуктов при наведении на них сканера смартфона. Отдельными элементами приложения при этом выступают модуль генерации этикеток и модуль поиска аналогов сформированной этикетки в Интернете [Chaitanya A., 2023].

В Индии компания Convolutional Neural Network «научила» нейронную сеть рассчитывать калорийность по внешнему виду блюд. Первичные сведения о блюдах индийской кухни были взяты из общедоступного Интернета с последующей обработкой их фотографий до высокого качества (апскейлинг). После обработки большого количества изображений удалось добиться распознавания блюд индийской кухни с точностью 95,30%, а погрешность в измерении калорийности составила не более 10 ккал к истинному значению, что в большинстве случаев сопоставимо с погрешностью при традиционных измерениях [Sathish S., 2022].

Таким образом, ускорение и автоматизация процессов на основе искусственного интеллекта позволяет решать стратегические задачи реального сектора экономики по оптимизации издержек обращения, повышения качества предоставляемых услуг.

3. Применение искусственного интеллекта для оценки качества и безопасности пищевой продукции.

Самая существенная область использования искусственного интеллекта в пищевой индустрии связана с оценкой качества и безопасности пищевой продукции.

В исследовании B. Debska et al. нейросеть успешно справилась с задачей оценки качества пива. Образцы пива одной марки, но с различными датами изготовления, из различных партий, контролировались по 12 параметрам (содержание спирта, уровень pH, содержание CO2 и т. д.). Выборка содержала как отвечающие всем требованиям образцы, так и образцы, заведомо неудовлетворительного качества. С помощью искусственного интеллекта все 100% образцов были отнесены к правильной градации качества [Dębska B., 2011].

Экспертная оценка уксуса с помощью нейросетей представлена в результатах исследования Y. Li et al. Уксус (69 образцов) из 5 видов сырья (рис, сорго и т. д.) анализировали по физико-химическим показателям методом газовой хроматографии, на основе чего была создана система

оценки качества и профилограмма аромата. Идентифицировано 17 летучих ароматических соединений, ряд из которых может быть использован в качестве идентификационных маркеров. Точность эксперимента составила 96,7% [Li Y., 2022].

M. Abbasi-Tarighat et al. описан простой и чувствительный спектрофотометрический метод одновременного определения ионов марганца Mn2+ и железа Fe3+ в образцах пищевых продуктов, овощей и воды с помощью искусственных нейронных сетей, основанный на комплексообразовании химических соединений пробы с недавно синтезированным лигандом на основе бис-пиразола в виде 4,4′[(4-холорофенил) метилен] бис (3-метил-1-фенил-1H-пиразол-5-ол). Было обнаружено, что реакции комплексообразования завершаются при pH 6,7 через 5 мин. после смешивания. Результаты исследования показали, что ионы Mn2+ и Fe3+ можно определять одновременно в диапазоне 0,20–7,5 и 0,30–9,0 мг/л соответственно. Данные, полученные из смесей ионов металлов, обрабатывались нейронными сетями. Оптимальные условия нейронных сетей были получены регулировкой различных параметров – методом проб и ошибок. В рабочих условиях предложенные способы успешно применены для одновременного определения элементов в различных образцах воды, риса, чайных листьев, томатов, капусты и салата [Abbasi-Tarighat M., 2013].

N. González-Viveros et al. искусственный интеллект применен для оценки процентного содержания глюкозы, сахарозы и фруктозы в водных растворах, а также в пищевых продуктах (пончики, крупы и печенье). Методика определения включала в себя рамановскую спектроскопию с последующей интерпретацией результатов многофакторным анализом или нейросетью. В этом случае результаты, показанные нейросетью, разочаровали: коэффициент достоверности аппроксимации составил всего 82%, против 93% в случае использования традиционного многофакторного анализа. По нашему мнению, примененный авторами метод романовской спектроскопии недостаточно отвечает целям определения сахаров в продуктах питания, что и было доказано при использовании нейросети [Gonzalez-Viveros N., 2021]

Маточное молочко пчел богато питательными веществами, но его качество сильно зависит от условий хранения. В исследовании D. Chen et al. с помощью Фурье-ИК-спектроскопии контролировали изменения водорастворимых белков в маточном молочке. Было установлено, что пиковая интенсивность поглощения белка в маточном молочке может изменяться с течением времени, демонстрируя хорошую линейную зависимость между интенсивностью пика амида на определенной длине волны и временем хранения. Также было установлено, что взаимодействие белка с углеводами (реакция Майяра) может быть отражено изменением соотношения значений поглощения на определенных длинах волн, которое будет постепенно увеличиваться в зависимости от температуры и времени. С учетом этого для точного и быстрого определения качества маточного молочка была построена модель, основанная на показателях химического состава и инфракрасного спектра. Результаты показали, что точность методики поддерживалась на уровне более 95%, что в целом удовлетворяет требованиям неразрушающего быстрого контроля качества маточного молочка [Chen D., 2023].

Отдельные исследования с применением нейросетей направлены на ускоренное обнаружение патогенов в пищевой продукции. Так, споры Clostridium sporogenes используются в качестве относительно безопасного аналога Clostridium botulinum при проверке термического воздействия и уровня летальности в режимах стерилизации. Обычные способы обнаружения спор требуют много времени и трудоемки. В рамках исследования A. Soni et al. была апробирована возможность визуализации в спектральном диапазоне 547–1701 нм с последующей интерпретацией нейросетью для выявления мертвых и живых форм спор C. sporogenes и для оценки концентрации спор на чашках культуральных сред и готового к употреблению картофельного пюре (пищевой матрикс). Нейросеть успешно различала мертвые и живые споры и различные уровни инокулята в диапазоне от 10^2 до 10^6 КОЕ[4]/мл на питательных средах, однако не была эффективна на картофельном пюре. Об-

[4] *Колониеобразующая единица*

щая точность исследования не превысила 90–94% [Soni A., 2021].

Таким образом, искусственный интеллект, используемый для оценки качества и безопасности пищевой продукции, гарантирует сокращение времени проведения оценки, расходов на нее и, в большинстве случаев, позволяет не разрушать объект исследования.

Заключение

Таким образом, сегодня основной целью использования искусственного интеллекта в пищевой индустрии становится экономия времени при моделировании, идентификации, оценке качества и безопасности пищевой продукции. В свою очередь, это приводит к повышению эффективности, особенно экономической, таких процессов. В то же время информация об эффективности технологий искусственного интеллекта в пищевой индустрии в исследованиях из обзора не представлена. С одной стороны, это позволяет предположить отсутствие стремления у исследователей ее рассчитывать, с другой – открывает целое поле для проведения интересных, с научной точки зрения, и актуальных на фоне стратегических задач Российской Федерации экономических исследований.

Другой важный, хотя возможно и неочевидный, положительный эффект от технологий искусственного интеллекта в пищевой индустрии заключается в расширении вовлечения пользователей и потребителей в процесс выбора, идентификации и частично оценки качества пищевой продукции, что ранее было затруднительно сделать без помощи контролирующих органов. По нашему мнению, этот эффект является следствием персонифицированных подходов к построению пищевых рационов потребителей, и в своем генезисе имеет смену парадигм рационального и функционального питания в направлении нутригенетики и нутригеномики.

Таким образом, несмотря на то, что сегодня нейросети не заменят технологов, лаборантов и оборудование с реактивами, не смогут разработать и предложить новые методики, не всегда гарантируют высокую точность результата, развитие искусственного интеллекта для реального сектора экономики является неотвратимой тенденцией, и это показано нами на примере пищевой индустрии.

Список источников:

1. Алешков, А. В., Ивашкин, М. В., Синюков, В. А. Управление инновациями в пищевой индустрии с использованием нейросетей // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2023. № 4 (71). С. 97–104. EDN: MNFSMW

2. Метленкин, Д. А., Платов, Ю. Т., Платова, Р. А. Идентификация кофе в зернах методами Фурье-ИК-спектроскопии и многомерного анализа // Известия высших учебных заведений. Пищевая технология. 2021. № 5–6 (383–384). С. 92–97 https://doi.org/10.26297/0579-3009.2021.5-6.17.

3. Садовой, В. В. Разработка научных принципов проектирования состава и совершенствования технологии многокомпонентных мясных изделий с использованием вторичных ресурсов пищевой промышленности: автореф. дис. д-ра техн. наук: 05.18.04. Ставрополь, 2007. 38 с.

4. Abbasi-Tarighat, M., Shahbazi, E., Niknam, K. (2013) Simultaneous determination of Mn2+ and Fe3+ as 4,4′[(4-cholorophenyl)methylene] bis(3-methyl-1-phenyl-1H-pyrazol-5-ol) complexes in some foods, vegetable and water samples by artificial neural networks Food Chemistry, vol. 138, is. 2–3, pp. 991–997. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2012.09.099

5. Batista, L., Marques, C., Pires, A., A. Minim, L., Soares, N., Vidigal, M. (2021) Artificial neural networks modeling of non-fat yogurt texture properties: effect of process conditions and food composition, Food and Bioproducts Processing, vol. 126, pp. 164–174 https://doi.org/10.1016/j.fbp.2021.01.002.

6. Chakravartula, S., Moscetti, R., Bedini, G., Nardella, M., Massantini, R. (2022) Use of convolutional neural network (CNN) combined with FT-NIR spectroscopy to predict food adulteration: A case study on coffee, Food Control, vol. 135 https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2022.108816.

7. Cotrim, W. da Silva, Felix, L. B, Minim, V. P. R, Campos R. C., Minim, L. A. (2021) Development of a hybrid system based on convolutional neural networks and support vector

machines for recognition and tracking color changes in food during thermal processing Chemical Engineering Science, vol. 240, pp. 116679. ISSN 0009-2509. https://doi.org/10.1016/j.ces.2021.116679

8. Chaitanya, A., Shetty, J., Chiplunkar, P. (2023) Food Image Classification and Data Extraction Using Convolutional Neural Network and Web Crawlers, Procedia Computer Science, vol. 218, pp. 143–152. https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.12.410

9. Chen, D., Guo, C., Lu, W., Zhang, C., Xiao, C. (2023) Rapid quantification of royal jelly quality by mid-infrared spectroscopy coupled with backpropagation neural network Food Chemistry, vol. 418. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2023.135996

10. O'Farrell M., Lewis E., Flanagan C., Lyons W., Jackman N. Combining principal component analysis with an ar tificial neural network to perform online quality assessment of food as it cooks in a large-scale industrial oven. Sensors and Actuators B: Chemical. 2005. Volume 107. Issue 1. Pages 104-112. https://doi.org/10.1016/j.snb.2004.09.050. 11. Dębska, B., Guzowska-Świder, B. (2011) Application of artificial neural network in food classification Analytica Chimica Acta, vol. 705, is. 1–2, pp. 283–291 https://doi.org/10.1016/j.aca.2011.06.033

12. Furtado, P., Caldeira, M., Martins, P. (2020) Human Visual System vs Convolution Neural Networks in food recognition task: An empirical comparison // Computer Vision and Image Understanding, vol. 191 https://doi.org/10.1016/j.cviu.2019.102878

13. Gonzalez-Viveros, N., Gomez-Gil, P., Castro-Ramos, J., Cerecedo-Nunez, H. (2021) On the estimation of sugars concentrations using Raman spectroscopy and artificial neural networks Food Chemistry, vol. 352. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.129375.

14. Kowalski, R., Pietrysiak, E., Ganjyal, G. (2021) Optimizing screw profiles for twin-screw food extrusion processing through genetic algorithms and neural networks, Journal of Food Engineering, vol., 303. https://doi.org/10.1016/j.jfoodeng.2021.110589

15. Kupongsak, S., Tan, J. (2006) Application of fuzzy set and neural network techniques in determining food process control set points Fuzzy Sets and Systems, vol., 157, is. 9, pp. 1169–1178. https://doi.org/10.1016/j.fss.2005.12.015

16. Lee, G., Kim, R., Lim, T., Kim, J., Kim, S., Kim, H., Taek, Hwang K. (2022) Optimization of accelerated solvent extraction of ellagitannins in black raspberry seeds using artificial neural network coupled with genetic algorithm, Food Chemistry, vol. 396. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.133712

17. Lewis, E., Sheridan, C., O'Farrell, M., Flanagan, C., Kerry, J., Jackman, N. (2008) Optical fibre sensors for assessing food quality in full scale production ovens – a principal component analysis and artificial neural network based approach Nonlinear Analysis: Hybrid Systems, vol. 2, is. 1, pp. 51–57 https://doi.org/10.1016/j.nahs.2006.05.008

18. Li, Y., Fei, C., Mao, C., Ji D., Gong, J., Qin, Y., Qu, L., Zhang, W., Bian, Z., Su, L., Lu, T. (2022) Physicochemical parameters combined flash GC e-nose and artificial neural network for quality and volatile characterization of vinegar with different brewing techniques, Food Chemistry, vol. 374. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.131658

19. Nayak, J., Vakula, K., Dinesh, P., Naik, B., Pelusi, D. (2020) Intelligent food processing: Journey from artificial neural network to deep learning, Computer Science Review, vol. 38. https://doi.org/10.1016/j.cosrev.2020.100297

20. Silva, C. E. Tanajura da, Filardi, V. L., Pepe, I. M., Chaves, M. A., Santos, C. M. S. (2015) Classification of food vegetable oils by fluorimetry and artificial neural networks Food Control, vol. 47, pp. 86–91. https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2014.06.030

21. Senizza, B., Ganugi, P., Trevisan, M., Lucini, L. (2023) Combining untargeted profiling of phenolics and sterols, supervised multivariate class modelling and artificial neural networks for the origin and authenticity of extra-virgin olive oil: A case study on Taggiasca Ligure, Food Chemistry, vol. 404, part A. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.134543

22. Sathish, S., Ashwin, S., Quadir, Md., Pavithra, L. (2022) Analysis of Convolutional Neural Networks on Indian food detection and estimation of calories, Materials Today: Proceedings, vol. 62, part 7, pp. 4665–4670. https://doi.org/10.1016/j.matpr.2022.03.122

23. Soni, A., Al-Sarayreh, M., Reis, M., Brightwell, G. (2021) Hyperspectral imaging and deep learning for quantification of Clostridium sporogenes spores in food products using 1D-

convolutional neural networks and random forest model, Food Research International, vol. 147 https://doi.org/10.1016/j.foodres.2021.110577

References:

1. Aleshkov, A. V., Ivashkin, M. V., Sinyukov, V. A. (2023) Innovation management in the food industry using neural networks, Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Pacific national university], no. 4 (71), pp. 97–104 (in Russ.)

2. Metlenkin, D. A., Platov, Yu. T., Platova, R. A. (2021) Identification of coffee beans using Fourier-IR spectroscopy and multidimensional analysis methods // [News of higher educational institutions. Food technology], no. 5–6 (383–384), pp. 92–97 https://doi.org/10.26297/0579-3009.2021.5-6.17 (in Russ.)

3. Sadovoy, V. V. (2007) Development of scientific principles for designing the composition and improving the technology of multi-component meat products using secondary resources of the food industry: abstract of thesis. dis. Doctor of Food Science: 05.18.04. Stavropol, 38 p. (in Russ.)

4. Abbasi-Tarighat, M., Shahbazi, E., Niknam, K. (2013) Simultaneous determination of Mn2+ and Fe3+ as 4,4′[(4-cholorophenyl)methylene] bis(3-methyl-1-phenyl-1-H-pyrazol-5-ol) complexes in some foods, vegetable and water samples by artificial neural networks Food Chemistry, vol. 138, is. 2–3, pp. 991–997. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2012.09.099

5. Batista, L., Marques, C., Pires, A., A. Minim, L., Soares, N., Vidigal, M. (2021) Artificial neural networks modeling of non-fat yogurt texture properties: effect of process conditions and food composition, Food and Bioproducts Processing, vol. 126, pp. 164–174 https://doi.org/10.1016/j.fbp.2021.01.002

6. Chakravartula, S., Moscetti, R., Bedini, G., Nardella, M., Massantini, R. (2022) Use of convolutional neural network (CNN) combined with FT-NIR spectroscopy to predict food adulteration: A case study on coffee, Food Control, vol. 135 https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2022.108816

7. Cotrim, W. da Silva, Felix, L. B, Minim, V. P. R, Campos R. C., Minim, L. A. (2021) Development of a hybrid system based on convolutional neural networks and support vector machines for recognition and tracking color changes in food during thermal processing Chemical Engineering Science, vol. 240, pp. 116679. ISSN 0009-2509. https://doi.org/10.1016/j.ces.2021.116679

8. Chaitanya, A., Shetty, J., Chiplunkar, P. (2023) Food Image Classification and Data Extraction Using Convolutional Neural Network and Web Crawlers, Procedia Computer Science, vol. 218, pp. 143–152. https://doi.org/10.1016/j.procs.2022.12.410

9. Chen, D., Guo, C., Lu, W., Zhang, C., Xiao, C. (2023) Rapid quantification of royal jelly quality by mid-infrared spectroscopy coupled with backpropagation neural network Food Chemistry, vol. 418. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2023.135996

10. O'Farrell M., Lewis E., Flanagan C., Lyons W., Jackman N. Combining principal component analysis with an ar tificial neural network to perform online quality assessment of food as it cooks in a large-scale industrial oven. Sensors and Actuators B: Chemical. 2005. Volume 107. Issue 1. Pages 104-112. https://doi.org/10.1016/j.snb.2004.09.050

11. Dębska, B., Guzowska-Świder, B. (2011) Application of artificial neural network in food classification Analytica Chimica Acta, vol. 705, is. 1–2, pp. 283–291 https://doi.org/10.1016/j.aca.2011.06.033

12. Furtado, P., Caldeira, M., Martins, P. (2020) Human Visual System vs Convolution Neural Networks in food recognition task: An empirical comparison // Computer Vision and Image Understanding, vol. 191 https://doi.org/10.1016/j.cviu.2019.102878

13. Gonzalez-Viveros, N., Gomez-Gil, P., Castro-Ramos, J., Cerecedo-Nunez, H. (2021) On the estimation of sugars concentrations using Raman spectroscopy and artificial neural networks Food Chemistry, vol. 352. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.129375

14. Kowalski, R., Pietrysiak, E., Ganjyal, G. (2021) Optimizing screw profiles for twin-screw food extrusion processing through genetic algorithms and neural networks, Journal of Food Engineering, vol., 303. https://doi.org/10.1016/j.jfoodeng.2021.110589

15. Kupongsak, S., Tan, J. (2006) Application of fuzzy set and neural network techniques in determining food process control set points Fuzzy Sets and Systems, vol., 157, is. 9, pp. 1169–1178. https://doi.org/10.1016/j.fss.2005.12.015

16. Lee, G., Kim, R., Lim, T., Kim, J., Kim, S., Kim, H., Taek, Hwang K. (2022) Optimization of accelerated solvent extraction of ellagitannins in black raspberry seeds using artificial neural network coupled with genetic algorithm, Food Chemistry, vol. 396. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.133712

17. Lewis, E., Sheridan, C., O'Farrell, M., Flanagan, C., Kerry, J., Jackman, N. (2008) Optical fibre sensors for assessing food quality in full scale production ovens – a principal component analysis and artificial neural network based approach Nonlinear Analysis: Hybrid Systems, vol. 2, is. 1, pp. 51–57 https://doi.org/10.1016/j.nahs.2006.05.008

18. Li, Y., Fei, C., Mao, C., Ji D., Gong, J., Qin, Y., Qu, L., Zhang, W., Bian, Z., Su, L., Lu, T. (2022) Physicochemical parameters combined flash GC e-nose and artificial neural network for quality and volatile characterization of vinegar with different brewing techniques, Food Chemistry, vol. 374. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2021.131658.

19. Nayak, J., Vakula, K., Dinesh, P., Naik, B., Pelusi, D. (2020) Intelligent food processing: Journey from artificial neural network to deep learning, Computer Science Review, vol. 38. https://doi.org/10.1016/j.cosrev.2020.100297

20. Silva, C. E. Tanajura da, Filardi, V. L., Pepe, I. M., Chaves, M. A., Santos, C. M. S. (2015) Classification of food vegetable oils by fluorimetry and artificial neural networks Food Control, vol. 47, pp. 86–91. https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2014.06.030

21. Senizza, B., Ganugi, P., Trevisan, M., Lucini, L. (2023) Combining untargeted profiling of phenolics and sterols, supervised multivariate class modelling and artificial neural networks for the origin and authenticity of extra-virgin olive oil: A case study on Taggiasca Ligure, Food Chemistry, vol. 404, part A. https://doi.org/10.1016/j.foodchem.2022.134543

22. Sathish, S., Ashwin, S., Quadir, Md., Pavithra, L. (2022) Analysis of Convolutional Neural Networks on Indian food detection and estimation of calories, Materials Today: Proceedings, vol. 62, part 7, pp. 4665–4670. https://doi.org/10.1016/j.matpr.2022.03.122

23. Soni, A., Al-Sarayreh, M., Reis, M., Brightwell, G. (2021) Hyperspectral imaging and deep learning for quantification of Clostridium sporogenes spores in food products using 1D- convolutional neural networks and random forest model, Food Research International, vol. 147 https://doi.org/10.1016/j.foodres.2021.110577

Статья поступила в редакцию 06.05.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 14.10.2022.

The article was submitted 06.05.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 14.10.2022.

Информация об авторах

А. В. Алешков – доктор технических наук, доцент, профессор Высшей школы управления природными ресурсами, Тихоокеанский государственный университет;

В. А. Синюков – кандидат экономических наук, доцент, руководитель Высшей школы менеджмента, Тихоокеанский государственный университет;

М. В. Ивашкин – доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы медиа, коммуникаций и сервиса, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the authors

A. V. Aleshkov – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of Natural Resources Management, the Pacific State University;

V. A. Sinyukov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Higher School of Management, the Pacific State University;

M. V. Ivashkin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the of Media, Communications and Service, the Pacific State University.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 374
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-114-124

Дополнительное образование детей в пространственном развитии региона

Павел Геннадьевич Сидоров[1], Кристина Ивановна Спека[2]
[1, 2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] sidorov-pg@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0005-0511-5696
[2] speka-ki@ranepa.ru

Аннотация. *В статье рассматривается дополнительное образование детей как часть образовательного пространства Хабаровского края. Анализируется роль субъектов влияния (органов управления, педагогов, родителей и др.) на личностное и профориентационное развитие подрастающего поколения, отраженное в представлениях школьников 8–11 классов. Актуальность данного исследования вызвана необходимостью более глубокого понимания влияния социокультурных факторов на выбор и эффективность дополнительных образовательных программ, а также на их роль в социализации и личностном росте детей. Исследование основано на анализе данных репрезентативных социологических опросов родителей и школьников Хабаровского края. Проанализирована структура дополнительного образования школьников как в рамках школьного образования, так и вне школы. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о наличии взаимосвязи эффективности организации системы дополнительного образования в школе как с результативностью её функционирования, так и мотивацией к посещению кружков, секций дополнительного образования вне школы. Обнаружена взаимосвязь положительного отношения школьников к обучению в общеобразовательной школе, посещению занятий в рамках дополнительного образования, и мотивации к продолжению образования в образовательных учреждениях среднего специального и высшего образования. Выявлено положительное влияние дополнительного образования на определение школьниками своей будущей профессиональной траектории. В данном исследовании анализируется, как программы дополнительного образования способствуют не только развитию компетенций и навыков у детей, но и формированию их намерений оставаться в родном регионе. При этом результаты опроса демонстрируют различия мотивации школьников, посещающих занятия дополнительного образования в школе и вне школы, к продолжению образования в системе среднего специального или высшего образования, а также в отношении региона обучения (продолжить образование в учебном заведении Хабаровского края или центральных регионов России, г. Москвы, Санкт-Петербурга*

Ключевые слова: *дополнительное образование детей, образовательное пространство, личностное и профессиональное развитие, социологические исследования, Хабаровский край*

Для цитирования: Сидоров П. Г., Спека К. И. Дополнительное образование детей в пространственном развитии региона // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 114–124. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-114-124

Original article

Additional Education for Children in the Spatial Development of the Region

Pavel G. Sidorov[1], Kristina I. Speka[2]
[1, 2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia,
[1] sidorov-pg@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0005-0511-5696
[2] speka-ki@ranepa.ru

Abstract. *The article considers the additional education of children as part of the educational environment of the Khabarovsk Territory. The paper analyzes role of influential subjects (government bodies, teachers, parents, etc.) in the personal and career-oriented development of the younger generation, reflected in the ideas of schoolchildren of 8-11 grades. The study is actual due to the need for a deeper understanding of the influence of socio-cultural factors on the choice and effectiveness of additional educational programs, as well as their role in the socialization and personal development of children. The study is based on the analysis of data of representative sociological surveys of parents and schoolchildren of the Khabarovsk Territory. The structure of additional education of schoolchildren is analyzed both within the framework of school extra-school education. The results of the analysis indicate that there is a correlation between the effectiveness of how the additional education is arranged and its functioning and motivation to attend clubs. The research has revealed the interrelation between the positive attitude of schoolchildren to studying in secondary schools, attending classes within the framework of additional education and motivation to continue education in educational institutions of special and higher education. It has also revealed the positive impact of additional education on students' determination of their future professional trend. This study analyzes how additional education programs contribute not only to the development of competencies and skills in children, but also to the formation of their intentions to stay in their native region. At the same time, the survey results demonstrate differences in the motivation of schoolchildren attending additional education classes at school and outside of school to continue their education in the system of special or higher education, as well as in relation to the region of study (to continue their education at an educational institution in the Khabarovsk Territory or the central regions of Russia, Moscow or St. Petersburg).*

Keywords: *additional education of children, educational environment, personal and professional development, sociological research, Khabarovsk Territory*

For citation: Sidorov P. G., Speka K. I. (2024) Additional Education for Children in the Spatial Development of the Region *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 114–124. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-114-124

Введение

В современном динамично изменяющемся мире поиск своего профессионального призвания начинается уже в школьные годы. Эта задача стала особенно актуальной для рынка труда, где технологический прогресс стремительно меняет ландшафт профессий и, как следствие, формирует новые требования к будущим работникам. Раньше считалось, что выбор профессии – это выбор на всю жизнь. Однако сегодня мир труда стал более динамичным, и профессии, которые были востребованы вчера, завтра могут оказаться неактуальными[1]. Для успешной профессиональной самореализации крайне важ-

[1] *Восточный экономический форум. Молодежная программа «День будущего». Как найти себя в мире профессий? URL: https://forumvostok.ru/programme/youth-eef/*

но максимально раннее информирование детей о профессиях в будущей трудовой деятельности с пониманием перспектив их осознанного выбора и профессионального самоопределения. Часто школьники, выбирая профессию, не представляют, чем именно они будут заниматься, поэтому нужно дать им возможность попробовать себя в ней, что нередко приводит к ошибочному выбору. На начальном этапе еще можно переориентироваться без больших потерь, а на выходе получить уже заинтересованных и осознанных потенциальных студентов.[2] В этой связи особую актуальность приобретает профессиональная ориентация детей, организуемая в системе дополнительного образования.

Дальний Восток выступает приоритетной территорией пространственного развития Российской Федерации, которое невозможно без достаточного кадрового, профессионального ресурса.

Стратегия пространственного развития страны, предусматривает сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, расширение географии, ускорение темпов экономического роста в целях обеспечения национальной безопасности[3].

На Восточном экономическом форуме было отмечено, что «… развитие кадрового потенциала на Дальнем Востоке – одна из ключевых задач для обеспечения устойчивого роста региона»[4].

Наряду с общесоциализирующей функцией личностного развития детей ключевой функцией дополнительного образования является их ранняя профессиональная ориентация. В учреждении дополнительного образования у детей есть возможность попробовать себя в различных видах деятельности, развить свои таланты и способности, сформировать представления о мире профессий и в дальнейшем сделать осознанный выбор своего образовательного пути.

Система дополнительного образования призвана не только выявлять у детей их личные интересы, но и формировать социальные установки на их реализации в общественно значимой профессии в родном крае. При этом необходимо учитывать, что возможности для этого во многом обеспечиваются теми условиями, которые создает государство, бизнес-сообщество и некоммерческий сектор, школы, техникумы и колледжи, вузы и семьи как основные субъекты образовательного пространства дополнительного образования для его эффективного функционирования.

Методология исследования

С позиций методологии социологического познания дополнительного образования детей, на наш взгляд, более продуктивным является его рассмотрение в контексте понятия «образовательное пространство». Это обусловлено тем, что в современных условиях, отличающихся большим разнообразием организационно-правовых форм образовательных возможностей для детей вне школы, им и их родителям сложно выбрать одну жизненную стратегию своего личностного и профориентационного развития. В социологическом дискурсе образовательное пространство нередко определяют понятием «среда» или образовательными организациями на той или иной территории. Его можно интерпретировать как часть социума со своей системой субъект-объектных отношений по личностному и профессиональному обучению детей и молодежи [Байков, Спека, 2023]. В целом для концептуализации образовательного пространства используется понятие «социальное пространство», наиболее четко определенное П. Сорокиным. Он характеризует определенное положение индивида в некоторой системе координат, с по-

[2] *Восточный экономический форум. Молодежная программа «День будущего». Практико-ориентированность образования: государство vs бизнес. URL: https://forumvostok.ru/programme/youth-eef/*

[3] *Концепция стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/85fb48440f79df778539e0b215af5345/koncepciya_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda.pdf?ysclid=m3ns0etifo256747947*

[4] *Восточный экономический форум. Молодежная программа «День будущего». Воспроизводство кадров на Дальнем Востоке: как учить тех, кто учит? URL: https://forumvostok.ru/programme/youth-eef/*

мощью которой обозначается социальное пространство [Сорокин, 1992].

В социологии социального пространства П. Бурдье, термин «образовательное пространство» используется по аналогии с физическим, как «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посредине». Он использует понятие поля, определяя им систему отношений между различными позициями. Проблема существования полей связана не столько с отсутствием многообразия социальных позиций, сколько с бедностью социальных отношений [Бурдье, 2005].

Дополнительное образование детей является объектом внимания не только школьников, родителей и педагогов, но и органов государственного управления, некоммерческого сектора и бизнес-структур, озабоченных «кадровым голодом» и особенностями выбора профессии выпускниками школ. Оно рассматривается не только как форма организации досуга, комфортного и полезного времяпрепровождение детей вне школьных занятий или стартовая площадка для развития индивидуальности, социальной активности, самовыражения, но и как база для формирования общих и специальных компетенций в разных сферах жизнедеятельности, профессиональной ориентации и осознанного выбора профессии [Бурляева, 2022].

Процесс взаимодействия школьника со средой в образовательном пространстве представляется как «упорядоченные, устойчивые взаимодействия с открытой социальной образовательной средой и социальными образовательными институтами, ориентированные на его самореализацию, на формирование здоровых отношений в социуме и, прежде всего, в сфере семьи, семейно-соседском окружении, среди детей и взрослых, а также в школьном социуме» [Пономарев, 2014].

По мнению ряда исследователей, географический аспект образовательного пространства детей особенно ярко проявляется в обширности городских систем, поскольку наличие какой-либо привлекательной образовательной опции в районе, отдаленном от места жительства семьи, фактически элиминирует эту опцию.

Транспортная доступность в городе неожиданно оказывается одним из главенствующих факторов. Город, с одной стороны, изобилует предложением, но, с другой стороны, может сделать это предложение недоступным. Фактически при этом задача организации образовательного пространства для семьи становится нетривиальной задачей со множеством неизвестных и параметров [Поливанова, Бочавер, Павленко и др., 2020].

На образовательное пространство могут оказывать влияние такие объективные условия, как населенность территории, климат, образ жизни сообщества и др.

Результаты исследования

Дополнительное образование детей является важной составляющей современной системы образования. Оно обеспечивает всестороннее развитие ребенка, формирование его интересов, способностей и социальных компетенций. Однако вовлеченность детей в систему дополнительного образования в значительной степени зависит от влияния ключевых социальных институтов – государства, родителей и школы.

Развитие дополнительного образования детей в России сегодня направлено на формирование у обучающихся компетенций, необходимых для успешной жизни в современном мире, на поддержку одаренности и талантов, на создание равных возможностей для доступа к высококачественному образованию. Эти преобразования служат долгосрочным интересам страны и отражают стремление к созданию образовательной системы, способной реагировать на быстро меняющиеся потребности и вызовы современного общества [Попов, Глухов, Аверков, 2024].

Современная система отечественного дополнительного образования детей предлагает школьникам широкий спектр разнообразных программ в различных направлениях, которые определены Минпросвещением России в рамках федерального проекта «Успех каждого ребёнка» национального проекта «Образование».[5] Цель занятий – помощь

[5] *Национальный проект образование. Федеральный проект «Успех каждого ребенка». URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/success/*

учащимся раскрыть свои таланты, попробовать себя в различных областях деятельности, развитие познавательной активности, внимания, усидчивости, расширение кругозора и социализации.

По данным Росстата, наибольшей доле детей интересны дополнительные общеобразовательные программы художественной и социально-гуманитарной направленностей. Заметно меньше доля детей на предпрофессиональных программах в области искусства и спорта (табл. 1). В наименьшей степени дети включены в туристско-краеведческие программы.

Растет охват обучающихся по программам технической направленности, что можно рассматривать как результат реализации проектов, инициированных на федеральном уровне. Динамика охвата программами естественно-научной направленности выражена не столь ярко. Однако, если судить по количеству обучающихся, тенденция к росту выглядит более наглядно. Рост охвата детей программами технической и естественнонаучной направленности является целевым ориентиром для региональных систем дополнительного образования, контрольным показателем для мероприятия по созданию новых мест в системе дополнительного образования [Косарецкий, Павлов, Мерцалова, Анчиков, 2020].

Для эмпирического обоснования оценки влияния субъектов дополнительного образования в образовательном пространстве региона на личностное и профориентационное развитие детей проанализируем результаты репрезентативных социологических опросов Хабаровского края в 2024 г.[7, 8]

В целом 28,0% опрошенных родителей сообщили, что их дети посещают секции,

Таблица 1

Численность учащихся организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным общеобразовательным программам для детей, по направлениям программ (тыс. человек)

Направления дополнительных общеобразовательных программ:	**Российская Федерация**			**Хабаровский край**	
	2020	**2021**	**2022**	**2020**	**2022**
техническое	2823,4	3217,5	3463,0	26,2	34,8
естественнонаучное	2917,9	3198,2	3392,1	23,9	27,1
туристско-краеведческое	1044,9	1063,4	1151,0	13,1	15,6
социально-гуманитарное	6189,6	6789,4	7560,5	53,8	121,9
общеразвивающие программы:					
художественной направленности	6699,5	7008,2	7426,2	73,2	77,1
физкультурно-спортивной направленности	4748,5	4979,4	5455,1	48,4	51,0
предпрофессиональные программы:					
в области искусств	926,9	1014,5	1042,0	6,0	5,9
в области физической культуры и спорта	618,2	759,4	607,3	4,8	4,7

Источник: составлено авторами по данным Росстата[6]

[6] *https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Пресс-релиз%201-ДОД%202023.pdf; https://27.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/qJAJu8qJ/Пресс-релиз%201-ДОП%202020.pdf*

[7] *Социологическое исследование по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению». Опрошено 4969 школьника 8–11 классов школ г. Хабаровска, г. Комсомольска-на-Амуре и 16 муниципальных образований Хабаровского края. Опрос проведен Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС совместно с Хабаровским краевым институтом развития образования в 2024 г. Научный руководитель – канд.социол. наук, доцент, заместитель директора Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по научной и воспитательной работе Ю.В. Березутский*

[8] *Социологическое исследование по теме «Отношение родителей Хабаровского края к обучению в школе, дополнительному образованию, профориентационным мероприятиям, дальнейшему образованию, профессиональному выбору и жизненных стратегий». Опрошено 3956 родителей детей 8–11 классов 18 муниципальных образований Хабаровского края. Опрос проведен Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС совместно с Хабаровским краевым институтом развития образования в 2024 г. Научный руководитель – канд.социол. наук, доцент, заместитель директора Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по научной и воспитательной работе Ю.В. Березутский*

кружки и занятия дополнительного образования в школе. Однако значительная часть детей ходят на дополнительные занятия за пределами школы (43,8%) (табл. 2).

Из опроса родителей (табл. 3) видно, что половина всех занимающихся школьников в кружках, секциях и на занятиях дополнительного образования посещают спортивные занятия как в школе, так и за ее пределами (54,0% и 52,2%, соответственно), на втором месте – занятия разными видами искусств за пределами школы (23,0% и 35,1%), на третьем месте по популярности – военно-патриотические занятия в школе (14,8% и 4,5%).

Структура участия детей в дополнительном образовании по данным опроса школьников (табл. 4) выглядит следующим образом: на базе школы дополнительные занятия посещают 26,4% детей, вне школы – 43,8%.

Важно отметить наличие положительной статистически значимой связи (p=0,001) между посещением кружков (секций) в школе и за ее пределами. Иными словами, школьники, посещающие дополнительные занятия в своей школе (61,1%), в большей степени склонны посещать их и вне школы (37,4%). Выявленная связь, по-видимому, выступает следствием активности школьников, их настроя на учебу, жизненной позиции, выражающейся не только в посещении дополнительных занятий, но и учебе в школе. Так, в качестве

Таблица 2

Распределение ответов родителей школьников на вопрос: «Посещает ли Ваш ребенок (дети) сейчас какие-нибудь секции, кружки и занятия дополнительного образования?»

(% от численности опрошенных родителей)

Варианты ответа	**В школе**	**За пределами школы**
Да	28,0	43,8
Нет	72,0	56,2

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение родителей Хабаровского края к обучению в школе, дополнительному образованию, профориентационным мероприятиям, дальнейшему образованию, профессиональному выбору и жизненных стратегий», 2024 г.

Таблица 3

Распределение ответов родителей школьников на вопрос: «Какие направления дополнительного образования посещает Ваш ребенок (дети) в школе и за пределами школы?»

(% от численности опрошенных родителей, чьи дети получают дополнительное образование)

Варианты ответа	**В школе**	**За пределами школы**
Спортивное	54,0	52,2
Художественно-эстетическое (музыка, изо, танцы, театр, вокал и др.)	23,0	35,1
Военно-патриотическое	14,8	4,5
Научно-техническое (робототехника, моделирование, IT, WEB-дизайн и др.)	7,1	7,3
Культурологическое (изучение языков, литературоведение, поэзия, журналистика, актерское мастерство и др.)	2,0	7,0
Другое	5,0	4,0
Социально-педагогическое (самопрезентация, этикет, профориентация, психология, лидерство и др.)	5,0	2,4
Туристско-краеведческое (туризм, краеведение, альпинизм, музееведение и др.)	4,9	2,8
Эколого-биологическое (экология, природоведение, биология и др.)	3,9	2,4

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение родителей Хабаровского края к обучению в школе, дополнительному образованию, профориентационным мероприятиям, дальнейшему образованию, профессиональному выбору и жизненных стратегий», 2024 г.

Таблица 4

Распределение ответов школьников на вопрос: «Какие направления дополнительного образования Вы посещаете в школе и за пределами школы?» (% от числа указавших, что посещают занятия)

Варианты ответа	**В школе**	**За пределами школы**
Спортивное	46,0	38,5
Художественно-эстетическое (музыка, изо, танцы, театр, вокал и др.)	28,7	38,8
Научно-техническое (робототехника, моделирование, IT, WEB-дизайн и др.)	15,1	8,0
Военно-патриотическое («Движение первых», поисковая работа, встречи с ветеранами и др.)	12,9	7,9
Компьютерное (IT, WEB-дизайн и др.)	-	9,6
Туристско-краеведческое (туризм, краеведение, альпинизм, музееведение и др.)	9,2	5,0
Социально-педагогическое (самопрезентация, этикет, профориентация, психология, лидерство и др.)	8,3	5,2
Эколого-биологическое (экология, природоведение, биология и др.)	7,9	3,1
Культурологическое (изучение языков, литературоведение, поэзия, журналистика, актерское мастерство и др.)	5,8	10,4
Другое	2,9	3,9

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», 2024 г.

подтверждения сказанному можно представить наличие связи между посещением секций, кружков, занятий дополнительного образования (в школе и за пределами школы) и частотой указания, что учиться в школе им нравится (табл. 5)

Кроме того, результаты анализа эмпирических данных опросов демонстрируют статистически значимую связь (p=0,001) посещения занятий дополнительного образования и профессионального самоопределения (табл. 6). Школьники, посещающие дополнительные занятия как в школе, так и вне её, значимо чаще отвечали, что определились с будущей профессией (42,5% против 34,1% посещающих занятия в школе; 40,2% против 33,2% посещающих занятия вне школы) и соответственно реже, что пока не сделали профессиональный выбор (26,4% против 32,5% посещающих занятия в школе; 25,8% против 35,1% посещающих занятия вне школы).

В разрезе ближайших планов про-

Таблица 5

Распределение ответов школьников на вопрос: «Нравится ли Вам учиться в школе?»

(в % от числа посещающих секции, кружки и занятия дополнительного образования в школе и за пределами школы)

Варианты ответа	**Посещают**	**Не посещают**
Посещающие в школе		
Нравится[1]	74,6	60,4
Не нравиться[2]	17,0	28,9
Затрудняюсь ответить	7,4	10,8
Посещающие за пределами школы		
Нравится[1]	67,7	61,1
Не нравится[2]	21,8	27,8
Затрудняюсь ответить	8,5	11,1

[1] В сумме ответов «да, очень нравится» + «скорее нравится, чем нет»

[2] В сумме ответов «нет, не нравится» + «скорее не нравится, чем да»

Источник: составлено авторами на основе результатов социологического исследования по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», 2024 г.

Таблица 6

Распределение ответов школьников на вопрос: «Определились ли вы с будущей профессией?» (в % от числа посещающих секции, кружки и занятия дополнительного образования в школе и за пределами школы)

Варианты ответа	Посещают	Не посещают
В школе		
Да, определился	42,5	34,1
Скорее определился, но еще выбираю	31,1	33,5
Нет, не определился	26,4	32,5
За пределами школы		
Да, определился	40,2	33,2
Скорее определился, но еще выбираю	34,0	31,7
Нет, не определился	25,8	35,1

Источник: составлено авторами на основе результатов социологического исследования по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», 2024 г.

фессионального самоопределения подавляющее большинство опрошенных школьников (72,8%) планируют поступать в образовательные учреждения высшего и среднего профессионального образования (табл. 7). При этом важно отметить выявленную тенденцию обучающихся в системе дополнительного образования вне школы чаще отмечать планы поступления в вуз в сравнении с образовательными учреждениями среднего профессионального образования (50,1% против 42,5%).

Одновременно результаты исследования показывают, что те, кто ходят в кружки в школе, в большей степени склонны к продолжению обучения в образовательных учреждениях Хабаровского края (59,2% против 44,7%). Дети, посещающие дополнительные занятия за пределами школы, значительно чаще ориентированы на поступление после окончания школы в вузы Москвы и Санкт-Петербурга, западных регионов, за рубежом, нежели на получение образования в образовательных учреждениях Хабаровского края (23,2% против 15,5%) (табл. 8).

Таким образом, полученные результаты анализа эмпирических данных позволяют утверждать, что дополнительное образование выступает значимым фактором в системе профессионального самоопределения и развития школьников. Важно отметить, что кружки, секции

Таблица 7

Планы школьников после окончания школы в сравнении с посещением секций, кружков и занятий дополнительного образования в школе и за пределами школы (в % от числа опрошенных школьников, посещающих каждое направление дополнительного образования)

Варианты ответа	За пределами школы	В школе	Всего по краю
Поступить в учреждения высшего образования (вуз)	50,1	42,5	42,8
Поступить в техникум или колледж	25,6	30,1	30,0
Пока еще не решил	12,6	12,8	15,6
Устроиться на работу	3,4	4,8	3,4
Пойти в армию	2,0	3,0	2,3
Поступить на профессиональные курсы (парикмахер, повар и т. д.)	1,9	2,3	2,1
Заняться предпринимательством	2,1	2,0	1,8
Другое	1,3	1,3	1,4
Не буду ни учиться, ни работать	1,0	1,2	0,6

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», 2024 г.

Таблица 8

Планы школьников на продолжение обучения после школы в сравнении с посещением секций, кружков и занятий дополнительного образования в школе и за пределами школы (в % от числа опрошенных школьников, посещающих каждое направление дополнительного образования)

Варианты ответа	**В школе**	**За пределами школы**
В образовательные учреждения Хабаровского края	59,2	44,7
В образовательные учреждения Дальнего Востока	13,5	14,7
Еще не решили	11,0	14,4
В иных образовательных учреждениях (в сумме вариантов ответов: образовательные учреждения Москвы и Санкт-Петербурга; западных регионов России; образовательные учреждения за рубежом)	15,5	23,2
Другое	0,8	1,0

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», 2024.

и иные дополнительные занятия, проводимые в школе и вне школы, имея в основе много общего, являются заметно разными явлениями, демонстрирующими на эмпирическом уровне различия во взаимосвязи с разными факторами. Тем не менее характер и направленность выявленных связей дополнительного образования с другими факторами всегда конструктивны, что свидетельствует о их положительной роли как в рамках системы образования, так и социализации, что, в свою очередь, диктует необходимость их дальнейшего внимательного прикладного изучения и практического развития.

В данном ключе роль школы как основного образовательного института остается критически важной. Полученные в ходе исследования данные подтверждают влияние школы на дополнительное образование, реализуемое не только непосредственно в школе, но и за ее пределами. Так, выявлена связь между наличием кружков, секций в школе (в качестве того, что нравится в школе) и посещением этих кружков не только непосредственно в школе, но и за ее пределами (табл. 9).

Безусловно, наблюдаемые различия не позволяют утверждать наличие сильного прямого и непосредственного влияния существующей в школе системы дополнительного образования на посещаемость кружков и секций вне школы. Однако наличие статистической достоверности наблюдаемых различий свидетельствует о наличии этой связи.

Несомненно, семья как первичная социальная среда, в которой ребенок получает первичный опыт социализации и развития, определяет ключевые параметры включенности ребенка в систему дополнительного образования, в том числе с учетом социально-экономического статуса, во многом определяющего доступность для ребенка различных видов дополнительного образования. Однако школа как основной институт общего образования также играет важную роль в приобщении детей к дополнительному образованию. Организация и качество предлагаемых школой дополнительных

Таблица 9

Распределение ответов школьников, которым нравится, что в школе работает много интересных кружков, секций и т. д. (в % от числа опрошенных школьников, посещающих каждое направление дополнительного образования)

Варианты ответа	**В школе**		**За пределами школы**	
	Посещают	**Не посещают**	**Посещают**	**Не посещают**
Отмечено	14,6	2,4	7,6	4,1
Не отмечено	85,4	76,1	92,4	95,9

Источник: составлено авторами на основе результатов социологического исследования по теме «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», 2024 г.

программ, а также поддержка и рекомендации педагогов во многом определяют выбор детей. В условиях, когда семья и школа демонстрируют единые установки на важность дополнительного образования и совместно участвуют в выборе занятий ребенка, наиболее высокая вовлеченность детей.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствую о том, что дополнительное образование детей действительно играет значимую роль в их профессиональном самоопределении. Вовлечение ребенка в разнообразные виды творческой, спортивной и другой деятельности позволяют ему лучше узнать свои интересы, способности, а также сформировать реалистичные представления о мире профессий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дополнительное образование детей является важным ресурсом профессионального самоопределения личности. Включение ребенка в систему дополнительного образования способствует более осознанному выбору будущей профессии.

Заключение

Проведенное исследование позволило подтвердить ключевую роль дополнительного образования детей в их профессиональном самоопределении. Занятия в учреждениях дополнительного образования способствуют формированию профессиональных интересов, развитию способностей и получению практического опыта в различных видах деятельности, что в целом положительно влияет на процесс профессионального выбора школьников. Следовательно, необходимо развивать систему дополнительного образования для школьников (как внешкольного, так и школьного) с акцентом на профориентационную работу и знакомство школьников с возможностями будущей профессиональной деятельности.

Список источников:

1. Байков, Н. М., Спека, К. И. Дополнительное образование детей Хабаровского края в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 102–117. EDN: FNJMZP DOI: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-102-117
2. Бурдье, П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. В 2-х т. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
3. Бурляева, О. В. Дополнительное образование детей: современные достижения и векторы развития до 2030 г. URL: https://pedagog13.ru/images/2-2022/articles/2-sobiytiya/прочитано_Бурляева_статья_о_Концепции.pdf
4. Варламова, Т. А., Гохберг, Л. М., Озерова, О. К. и др. Образование в цифрах: 2023 : краткий статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 132 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-3004-7
5. Иванова, А. В. Дополнительное образование детей в современном обществе: основные виды // Теория и практика современной науки. 2022. №9 (87). С. 74–77. EDN: LBSEZL
6. Косарецкий, С. Г., Павлов, А. В., Мерцалова, Т. А., Анчиков, К. М. Дополнительное образование: изменения в контексте реализуемых приоритетов государственной политики. Мониторинг экономики образования. М.: НИУ ВШЭ. 2020. № 17. С. 15.
7. Поливанова, К. Н., Бочавер, А. А., Павленко, К. В., Сивак, Е. В. Образование за стенами школы как родители проектируют образовательное пространство детей. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 384.
8. Пономарев, Р. Е. Образовательное пространство: монография. М.: МАКС Пресс, 2014. 100 с. EDN: TRZUDF
9. Попов, А. А., Глухов, П. П., Аверков, М. С. Управление развитием открытого дополнительного образования. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 272 с. EDN: GHJZWY
10. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992. 543 с.

References:

1. Baikov, N. M., Speca, K. I. (2023) Supplementary education of children in Khabarovsk Krai in the sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (104), pp. 102–117. EDN: FNJMZP DOI: 10.22394/1818-4049-2023-104-3-102-117 (in Russ.).

2. Bourdieu, P. (2005) Sociology of Social Space / Transl. from French; general ed. and afterwords N. A. Shmatko. In 2 volumes. Moscow: Institute of Experimental Sociology; SPb.: Aleteya (in Russ.).

3. Burlyaeva, O. V. Additional education of children: modern achievements and development vectors until 2030. URL: https://pedagog13.ru/images/2-2022/articles/2-sobiytiya/прочино_Бурляева_статья_о_Концепции.pdf. (in Russ.).

4. Varlamova, T. A., Gokhberg, L. M., Ozerova, O. K. et al. (2023) Education in numbers: 2023: a brief statistical digest / Nat. research. University «Higher School of Economics». Moscow: ISSEK HSE, 132 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-3004-7 (in Russ.).

5. Ivanova, A. V. (2022) Additional education of children in modern society: main types *Teoriya i praktika sovremennoy nauki* [Theory and practice of modern science], no. 9 (87), pp. 74–77. EDN: LBSEZL (in Russ.).

6. Kosaretsky, S. G., Pavlov, A. V., Mertsalova, T. A., Anchikov, K. M. (2020) Additional education: changes in the context of implemented priorities of state policy. Monitoring the economics of education. Moscow: National Research University Higher School of Economics, no. 17, pp. 15 (in Russ.).

7. Polivanova, K. N., Bochaver, A. A., Pavlenko, K. V., Sivak, E. V. (2020) Education beyond the walls of school: how parents design the educational space of children. Nat. research. University "Higher School of Economics". Publishing house of the Higher School of Economics. P. 384 (in Russ.).

8. Ponomarev, R. E. (2014) Educational space: monograph. Moscow: MAKS Press, 100 p. EDN: TRZUDF (in Russ.).

9. Popov, A. A., Glukhov, P. P., Averkov, M. S. (2024) Managing the development of open additional education. Moscow: Publishing house "Delo" RANEPA, 272 p. EDN: GHJZWY (in Russ.).

10. Sorokin, P. (1992) Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 543 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 20.11.2024.

Информация об авторах

П. Г. Сидоров – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

К. И. Спека – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

P. G. Sidorov – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, the chair of Social Sciences and Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of management – branch of RANEPA;

K. I. Speka – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 371.7(571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-125-137

Новые здоровьесберегающие пространства в пригородных зонах (на примере города Хабаровска)

Ирина Анатольевна Гареева[1], Анастасия Филипповна Гарнага[2], Екатерина Алексеевна Казакова[3]
[1,2,3] Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
[1] 003991@pnu.edu.ru, https://orcid.org/0000 0002 3764 7073
[2] 007711@pnu.edu.ru, https://orcid.org/0000 0003 2936 0934
[3] 2018100994@pnu.edu.ru

Аннотация. *В статье представлена концепция формирования здоровьесберегающих пространств в пригородных зонах как новых форм рекреационной среды для здоровьесбережения, общения и досуга на примере проекта в городе Хабаровске. Проект нацелен на создание уникальной рекреационной зоны в условиях резко континентального климата и города со средней численностью населения. Проект расширяет здоровьесберегающие возможности городского населения для восстановления здоровья и отдыха всесезонно. Цель исследования – выявить потребности и проанализировать возможности использования имеющихся рекреационных пространств пригородных территорий города со средней численностью населения, для создания пространственных зон с целью отдыха, занятий спортом и досуга. Теоретическим основанием данного исследования являются труды К. Лоренца, Э. Тоффлера и др. [Лоренц, 1998; Тоффлер,2002]. Авторы выдвигают гипотезу взаимосвязи возможностей здровьесбережения с формированием специальных комфортных пространств. В работе использованы материалы социологического исследования о культуре здоровьесбережения населения городов и мегаполисов, проведенного группой авторов НИИ им Н. А. Семашко, и материалы собственного исследования (две фокус-группы проведенные среди жителей города Хабаровска). Результаты интервьюирования продемонстрировали, что жители города Хабаровска считают привлекательной идею создания благоустроенных специальных зон в пригороде, где возможно проводить свободное время с пользой для здоровья. Междисциплинарный подход позволяет представить исследование с позиции социологии и социологии города, а также в поле архитектуры. В статье рассматривается необходимость разработки концепции использования здоровьесберегающих пространств и создания специальных условий для решения этого вопроса. Авторы предлагают конкретные организационные пути выстраивания здоровьесберегающих пространств в пригородных зонах.*

Ключевые слова: *здоровьесберегающее пространство, пригородные зоны, потребность и необходимость здоровьесбережения, общественное пространство*

Для цитирования: Гареева И. А., Гарнага А. Ф., Казакова Е. А. Новые здоровьесберегающие пространства в пригородных зонах (на примере города Хабаровска) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 125–137. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-125-137

Original article

New Health Preserving Spots in Suburban Areas (the Example of the City of Khabarovsk, Russia)

Irina A. Gareeva[1], Anastasia F. Garnaga[2], Ekaterina A. Kazakova[3]
[1.2.3] The Pacific State University, Khabarovsk, Russia
[1] 003991@pnu.edu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3764-7073
[2] 007711@pnu.edu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2936-0934
[3] 2018100994@pnu.edu.ru

Abstract. *The article presents the concept of the formation of health-preserving spots in suburban areas as new forms of recreational environment for health-preservation, communication and leisure, providing the example of a project in the city of Khabarovsk. The project aims to create a unique recreational area in a sharply continental climate and a city of an average population. The project expands the health-preserving opportunities of the urban population to restore health and relax all year round. The purpose of the study is to identify the needs and analyze the possibilities of using the available recreational spots of suburban areas of the city to create particular zones for recreation, sports and leisure. The theoretical foundation of the research is the works by K. Lorenz, E. Toffler and others. [Lorenz, 1998; Toffler, 2002]. The authors hypothesize the relationship of health-preserving opportunities with the formation of special comfortable spots. The paper uses sociological studies about health preserving traditions of city population conducted by a group of researchers of the N. A. Semashko Research Institute and our own research (two focus groups among residents of the city of Khabarovsk). The results of the interview showed that residents of Khabarovsk consider the idea of creating well-maintained special zones in the suburbs, where it is possible to spend free time with health benefits, attractive. The interdisciplinary approach allows us to view the issue from the city-sociological and architectural angles. The article discusses the need to develop a concept for the use of health-preserving spots and the creation of special conditions to address the issue. The authors propose specific organizational ways to build health-preserving spots in suburban areas.*

Keywords: *health-preserving spot, suburban areas, the need and necessity of health-preservation, public space*

For citation: Gareeva I. A., Garnaga A. F., Kazakova E. A. (2024) New Health Preserving Spots in Suburban Areas (the Example of the City of Khabarovsk, Russia) *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 125–137. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-125-137

Введение

В Российской Федерации на современном этапе государственная политика здоровьесбережения населения приобретает все большее значение. Это находит отражение в различных нормативно-правовых актах, таких как Концепция развития здравоохранения Российской Федерации, Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний и др. Экономический ущерб в России, по данным Национального медицинского исследовательского центра профилактической медицины, составляет около 3,6 трлн рублей, и эти цифры эквивалентны 4,2% ВВП, основные потери здоровья населения связаны с преждевременной смертностью, инвалидностью и временной нетрудоспособностью.

По данным Глобального опроса взрослых, распространённость табакокурения среди мужчин достигает 60,7%, а среди женщин – 21,7%. Распространенность пассивного курения среди подростков 34,7%. Смертность от употребления алкоголя в возрастной группе 20–39 лет – 13,5% от общей смертности. В 2018 г. заболеваемость психозами составила 1 376 344 человека. Высока доля людей, страдающих

ожирением – 20,5%, недостаточная физическая активность отмечается среди всех возрастных групп населения, рост тревожных и депрессивных состояний[1].

Вышеизложенные проблемы имеют тенденцию к наращиванию, поэтому поиск путей их решения возможен посредством последовательной государственной политики в области общественного здоровья и конкретными мероприятиями в данном направлении.

По поручению Президента РФ В. В. Путина должен быть запущен новый национальный проект «Новые технологии сбережения здоровья», реализация которого предусмотрена на срок 2025–2030 гг. Одной из задач проекта является «Создание современной, высокотехнологической системы здравоохранения, отвечающей потребностям общества и современным вызовам». Проект планируется реализовывать по 5 направлениям. В рамках нашего исследования представляет интерес направление «Развитие системы профилактики и ранней диагностики», а также федеральный проект «Новые медицинские технологии для укрепления здоровья и профилактики заболеваний», которые являются структурными элементами национального проекта. В рамках национального проекта предусмотрены программы по пропаганде здорового образа жизни, развитию инфраструктуры для занятий физической культурой и спортом, созданию условия для активной общественной жизни. Реализация проекта направлена на увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 80 лет к 2030 году и формирование культуры здорового образа жизни.

Еще в конце XX века отечественные и зарубежные исследователи пришли к выводу, что роль здравоохранения в сохранении здоровья населения составляет не более 10%. Поэтому поиск новых путей сохранения здоровья населения очевиден[2].

В связи с вышесказанным возникает вопрос: «Как сохранить и восстановить здоровье в современном мире?». Одним из возможных способов поддержания физического и ментального здоровья является развитие инфраструктуры, а в частности, новые типологические объекты спортивных, медицинских и спа-услуг, формирующие современные пространства для поддержания здоровья – здоровьесбережения, а также и являющиеся средой для разнообразных коммуникаций людей, средой для общения [Шарабчиев, 2013].

Примером таких объектов служат аквапарки, фитнес-комплексы, тренажерные залы, спа-комплексы. Характерной чертой для этих комплексов является уникальность, так как предоставляемые услуги, способствуют поддержанию и улучшению здоровья клиентов. Организация пространства в этих комплексах тщательно продумана и функциональна по своему содержанию, что делает их идеальным инструментом для здоровьесбережения. Так, посещающие данные комплексы могут получить оздоровительные, расслабляющие, термальные процедуры, массаж, гидротерапию, ароматерапию, солярий, фитнес, йогу и различные виды физической активности.

Следует отметить, что современная концепция здоровьесбережения находится еще в процессе становления. В отличие от категории «здоровье», понятие «здоровьесбережение» является малоисследованным. Исследователи, изучающие общественное, либо индивидуальное здоровье чаще, используют терминологический конструкт «здоровый образ жизни». Однако здоровый образ жизни предполагает более узкое понимание, в частности это отказ от вредных привычек и достаточная двигательная активность. Понятие «здоровьесбережение» как процесс сохранения здоровья должно включать в себя условия, факторы и мероприятия, которые влияют на его осуществление.

Терминологический конструкт, предложенный Нечаевым В. С., который мы также используем в своем исследовании, подразумевает «здоровьесбережение – свободное и самостоятельное проявление ответственно действующей личности; совокупность

[1] *Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 января 2020 г. № 8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года» URL : https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73421912/?ysclid=m1pxs6r4nx49586379/ (дата обращения 03.09.2024 г.).*

[2] *Национальный проект Новые технологии сбережения здоровья 2025-2030: цель, программа. URL: https://www.zdrav.ru/articles/4293666589-natsionalnyy-proekt-novye-tehnologii-sberejeniya-zdorovya-2025-2030-24-m08-14?ysclid=m1q0bygvio422143630 (дата обращения 07.09.2024 г.).*

идей, знаний, пониманий, интерпретаций, складывающихся в области охраны, сохранения и укрепления здоровья»; «технологии здоровьесбережения – совокупность методов, ресурсов и программ, направленных на достижение индивидуальных, коллективных и социально-значимых идей в области охраны, сохранения и укрепления здоровья» [Нечаев, 2020].

Таким образом, исходя из представленных понятий, можно утверждать, что в процессе здоровьесбережения активно участвуют человек со свойственным ему уровнем культуры, образом жизни и государство, а само здоровьесбережение можно рассматривать как процесс сохранения здоровья человека (населения), обеспечивающий состояние среды существования и жизнедеятельности (уровень развития региона, развитость инфраструктуры, размеры доходов населения и др.).

Социальная политика государства ориентирована на увеличение ожидаемой продолжительность жизни в России к 2024 г. до 78 лет, (в 2030 году – до 80 лет). По мнению разработчиков этой концепции (национальный проект «Здравоохранение»), долголетие должно быть активным, а продолжительность здоровой жизни должно составлять не менее 67 лет [Ярышева, 2023; Ярышева, 2020; Аликперова, 2022; Мельникова, 2021; Усова, 2021]. Статья 27 Федерального закона 323 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. предусматривает ответственность граждан за свое здоровье. Достигнуть поставленной цели возможно не только с помощью организационных усилий системы здравоохранения, но и формированием позитивных практик у населения (самосохранительное поведение, здоровый образ жизни, здоровьесбережение) и формированием специальных здоровьесберегающих пространств в местах проживания населения [Захарова, 2021].

В теориях этологии (К. Лоренц, Н. Тинберген, Н. Фриш), человеческой экологии (Р. Парк, Э. Бюргесс), социобиологии (Э. О. Уилсон) мы обнаруживаем объяснения влияния социальных причин на общественную жизнь в вопросах различных заболеваний, а в частности их причины и характер. К. Лоренц, описывая индустриальное общество, выделяет характерные для него черты: перенаселение, высокий темп жизни, всеобщая конкуренция, нетерпимость к дискомфорту. Урбанизация и высокая плотность населения в городах приводит к уничтожению природы, а это ведет к эстетической и этической деградации жителей планеты. В своих работах К. Лоренц приходит к выводу, что важную роль в здоровом сообществе играет благоприятное социальное окружение и комфортное пространство [Лоренц, 1998].

Э. Гюан и А. Дюссер дают обоснование механизму возникновения и развития современной патологии в цивилизованном обществе. По мере формирования современной цивилизации нарушаются и срываются реакции приспособления к природным и особенно социальным факторам, что находит проявление в массовых нарушениях здоровья [Huant, Dussert, 1961].

Основными причинами возникновения социальной дезадаптации, Р. Дюбо видит в искусственно созданной человеком среде. Как решение проблемы Р. Дюбо предлагает систему профилактических мер, позволяющих минимизировать влияние непривычно высоких ритмов жизни, психоэмоциональных стрессов, шумов. Профилактика, по предложению Р. Дюбо, должна начинаться «с улавливания и мониторинга вредных факторов окружающей среды». Дюбо выделяет ряд факторов, к которым человек не сможет приспособиться (алкоголизм, наркоманию, стрессы и гиподинамию), поэтому их воздействие необходимо исключить из жизни человека [Дюбо, 1975].

Концепция Г. Тейлора обосновывает обреченность человечества на вырождение и вымирание вследствие нарастающей урбанизации. Процессы урбанизации по мнению автора обуславливают сокращение рождаемости, депопуляцию, возрастающую смертность и другие негативные медико-демографические явления. Таким образом, приведенный анализ основных теоретических взглядов по проблемам здоровьесбережения в современных городских пространствах, подтверждает нашу гипотезу взаимосвязи возможностей здровьесбережения с комфортными специальными пространствами.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы мы использовали социологическое исследование, посвящённое изучению культуры здоровьесбережения среди на-

селения городов и мегаполисов. Исследование было проведено в Москве и крупных городах Центрального федерального округа группой авторов НИИ им. Н. А. Семашко. Выборка составила 1200 человек трудоспособного возраста. Результаты исследования продемонстрировали, что респонденты не различают понятия «здоровый образ жизни» и «здоровьесбережение». Население крупных городов и мегаполиса достаточно информировано по вопросам различных практик сохранения здоровья, здорового образа жизни, но не по вопросам здоровьесбережения. Ведение здорового образа жизни сопряжено, по мнению большинства опрошенных, с исключением вредных привычек и достаточной двигательной активностью. Каждый второй из опрошенных не имеет представления о факторах риска, нарушает принципы здорового питания и двигательной активности, не умеет справляться со стрессами; каждый четвертый имеет низкую информированность о сохранение здоровья, здоровьесберегающих технологиях и возможностях; каждый десятый имеет пристрастия к алкоголю либо табакокурению. Авторы исследования выявили низкие валеоустановки у респондентов. Причинами сложившейся ситуации можно считать низкую культуру у населения сохранения своего здоровья и отсутствие конкретных организационных технологий в решении данных проблем. Ведомственные ресурсы, в частности диспансеризация, профилактика, эффективно действующие в советском обществе, утратили свою значимость и актуальность. Остро стоит проблема обеспечения новыми организационными технологиями, призванными формировать, закреплять и тиражировать здоровьесбережение [Мушников, 2021].

В рамках данного исследования 9 и 6 сентября 2024 г. были проведены две фокус группы (1 группа (11 человек) – жители города в возрасте 18–57 лет; 2 группа – жители города в возрасте 19–69 лет), участники которых оценивали готовность и настроенность населения к здоровьесбережению, потребность в технологиях здоровьесбережения, развитость инфраструктуры объектов здоровьесбережения и их доступность. Все оценки были использованы для формулирования выводов о необходимости и роли новых специальных здоровьесберегающих пространств, размещенных в привычных для населения рекреационных пригородных зонах.

Участникам фокус групп были заданы следующие вопросы, ответы на которые они свободно формулировали в ходе исследования:

«Кто сегодня счастлив, уверен и спокоен в завтрашнем дне?»; «Как давно Вы проживаете в городе Хабаровске?»; «Есть ли в городе любимые для Вас места отдыха? Назовите, что это за место?»; «Как часто Вы бываете за городом, на природе, у водоема?»; «Считаете ли Вы, что в городе достаточно мест для отдыха, занятий физкультурой?»; «Имеете ли Вы представление о спа-культуре?»; «Есть ли в вашем городе учреждения, оказывающие спа-услуги? Пользовались ли Вы спа-услугами?». «Считаете ли Вы, что в жизни городского жителя должно быть разнообразие услуг, направленных на поддержание здоровья?»; «Имеете ли Вы представления о здоровьесберегающих технологиях, каких? Используете ли Вы в своей повседневной практике здоровьесберегающие технологии?»; «Достаточно ли в городе объектов для здоровьесбережения?».

В ходе интервьюирования нам удалось установить, что большая часть респондентов имеет фрагментарные представления о здоровьесбережении, замещая их знаниями о здоровом образе жизни. Необходимую информацию о здоровом образе жизни респонденты получают через интернет-ресурсы. В поисковых системах респонденты делают запрос о конкретных технологиях: «фитнес», «растяжка», «йога» и др. При необходимости поиска организации или учреждения, предоставляющихоздоровительные, спортивные или иные услуги, респонденты обращаются к 2gis.ru. Респонденты отмечают наличие комплексных центров в городе Хабаровске, предоставляющих различные услуги, такие как ЭНКА-LIFE, APPLEFIT, WORLD KLASS, Pfnovalife, Sky, Наутилус и др. Для ответа на этот вопрос респонденты обращались к интернет-ресурсам. Респонденты отмечают, что занятия спортом, посещения спортивных мероприятий, занятия оздоровительными процедурами носит в их жизни эпизодический характер. Респонденты отметили, что фитнесс-залы, спортивные комплексы в большей мере находятся в центральной, либо южной части города. Респонденты в возрасте 18–22 лет отмечают, что стоимость услуг

фитнесс-центров и спа-центров для них высоки. Респонденты в возрасте 60 и старше испытывают стеснение при посещении подобных организаций: «Туда ходят больше молодые».

На вопрос «считаете ли Вы, что в жизни городского жителя должно быть разнообразие услуг, направленных на поддержание здоровья» ответы респондентов были следующие: «Хотелось бы, чтобы подобные центры были доступны для всех групп населения. Я очень люблю пешие прогулки, и часто бываю на стадионе Ленина. Но рядом с пешеходной зоной находится велосипедная дорожка. Невзначай забредешь и на нее, и шарахаешься от крика испуганного велосипедиста. Конечно, на стадионе Ленина всегда свежо, рядом река, но в выходные дни и вечером очень многолюдно, не уединиться» (Екатерина, 61 год). «Я живу в Хабаровске только второй год, поступила в университет. Город мне очень нравится. Рядом с общежитием находится парк Северный, одно из любимых мест отдыха хабаровчан. Да, в этом парке приятно проводить время, однако это место для более пассивного отдыха, только пеших прогулок. Есть велосипедная дорожка, но как-то опасна эта дорожка как для пешеходов, так и для велосипедистов. Кстати, в парке есть воркаут-площадка. Интересно, пользуются ли ей зимой? Я и летом не вижу, что к ней выстраивается очередь, а зимой руки примёрзнут. Вообще погулять есть где. Есть еще и водно-оздоровительный комплекс – бассейн ТОГУ. Туда хожу редко по разным причинам. Спортом занимаюсь регулярно, у нас же занятия физкультурой, мне хватает» (Эльвира, 19 лет). «Заниматься спортом пока нет времени. Работа, семья и дети. Конечно, понимаю, что это важно, но то нет времени, то денег, то настроения. Пока не время. А вот выходные дни хочется провести полноценно, и получить все лучшее от жизни. Люблю баню, люблю посидеть у костра, провести выходные полноценно. Но как-то не складывается. Отдыхали на Заимке, когда бывают заезды по скидкам, это привлекает. А так отдохнуть с семьей накладно. На Заимке мне нравится, можно отдохнуть и летом, и зимой. Есть гостиница, кафе и ресторан. Красивая территория. В гостинице имеется бассейн, но в выходные дни в бассейне очень плотно, а в будни у меня работа. Да и услуги ограничены. Хотелось бы, чтобы у горожан был выбор для отдыха, а места отдыха были бы разнообразными по предоставлению услуг – это и массаж, баня или сауна, и тренажерный зал, и косметологические услуги, и зоны для детей. Мне кажется, что такие территории находились за городом. Кстати, пригород Хабаровска очень красивый, и много мест, где можно приятно отдыхать, но они пока не оборудованы» (Алина, 34 года). Респонденты поддержали мнение Алины, и высказались, что таких территорий в пригородах Хабаровска практически нет.

Проведенное исследование подтверждает потребность и необходимость создания специальных территорий для здоровьесбережения населения.

Здоровьесберегающие пространства в историческом контексте

Первые упоминания о лечебных и оздоровительных процедурах можно найти в древних мифах и легендах. Об оздоровлении через воду было известно ещё в древнем мире, поэтому отражение культуры спа-процедур можно обнаружить в различных цивилизациях мира, начиная от поселений кочевников и древних городов-государств.

В эпоху древних греков и римлян купальни и термы стали неотъемлемой частью жизни общества, играя роль места социального общения и ритуалов. Во многих древних городах, таких как Атен, Спарта, Рим или Карфаген, публичные бани были местом для общения, религиозного и культурного времяпрепровождения, где люди могли освежиться, отдохнуть, пообщаться друг с другом.

В средневековой Европе отношение к спа-процедурам было немного иным, так как церковь осуждала сибаритство.

В XIX в. этот вид отдыха и лечения снова обрёл популярность, и это было связано с появлением курортов. Величественные лечебные курорты появились в таких местах, как Карловы Вары в Чехии, Вичи во Франции, Минеральные Воды в России. Развитие медицины и науки позволило установить позитивную связь между процедурами и результатами их воздействия на организм человека. Первоначально курорты были местами встреч, отдыха и восстановления сил, но со временем они стали популярны и в качестве мест для лечения различных за-

болеваний [Никитина, 2016].

В XX в. спа-услуги преобразились, так как была необходима ориентация на современные потребности общества. Появились новые изысканные курорты, где гости получали полный комплекс услуг, включая современные методы лечения, услуги фитнес-залов; предлагались программы по коррекции фигуры и улучшению внешнего вида клиента. Это привело к распространению спа-культуры на всемирном уровне и стало символом роскоши и комфорта.

Современная спа-культура является результатом многовекового эволюционного процесса и интеграции самых передовых научных исследований. Она охватывает широкий спектр процедур и услуг, объединяя в себе не только методы традиционного лечения и релаксации, но также и инновационные технологии, призванные удовлетворить потребности современных людей.

Анализ современной индустрии спа продемонстрировал, что уже практически в каждой стране мира имеются спа-комплексы как типичные примеры здоровьесберегающих пространств и объектов (рис. 1).

Как видно на рисунке, в современной географической структуре по количеству предприятий лидирует Азиатско-Тихоокеанский регион, здесь насчитывается 48,7 тыс. объектов. Китай, Япония, Южная Корея, Таиланд, Индонезия, Вьетнам, а также Индия концентрируют основной потенциал отрасли, характеризующийся высокими темпами роста индустрии [Решетникова, 2021].

Второе место по количеству спа-предприятий занимает Европейский регион – 46,3 тыс. объектов. Европа лидирует в лечебно-оздоровительных услугах, поэтому спа-туризм здесь очень развит. Большая часть спа-курортов располагается в живописных местах с термальными источниками. Здесь спа объединяют с горнолыжными курортами, отелями [Сорокалетова, 2021; Решетникова, 2020].

На современном этапе в связи с активным развитием туризма динамично развивающими регионами спа-индустрии признаны следующие страны: Саудовская Аравия, ОАЭ, ЮАР, Марокко, Египет и Кения.

Следует отметить, что в России невысокий темп развития спа-индустрии, так как долгое время были популярны санатории, но сейчас такая категория лечения и восстановления здоровья менее востребована.

Таким образом, в современном мире активно развивается спа-культура, имеющая свои зачатки еще в древности, но продолжающая сохранять свою актуальность и востребованность по сей день.

Рис. 1. Анализ расположения спа-комплексов в восточном полушарие (схема авторов)

Спа-культура – востребованная современная практика здоровьесбережения современного человека и вид общения между людьми вне зависимости от места проживания, возраста, социального статуса. Она становится неотъемлемой частью жизни, помогая находить гармонию и укреплять здоровье в суете современного мира.

Здоровьесберегающие пространства на Дальнем Востоке

В городе Хабаровске преобладают небольшие предприятия, направленные на здоровьесбережение, такие как спа-салоны Сезам, Spa House и Morecity. По поисковому запросу в 2ГИС было обнаружено более 50 наименований спа-салонов. Салоны находятся в черте города, в приспособленных помещениях с современным интерьером. Пропускная способность таких салонов небольшая и клиентские потоки разведены по времени, клиенты при посещении находятся в комфортной уединенной обстановке. Городские спа-салоны предлагают следующие услуги: массаж, обёртывание и сауна. Минимальное время посещения ограниченно двумя часами, максимальное нахождение в спа-салоне неограниченно. Все салоны не имеют собственной прилегающей территории, что ограничивает связь с природой, отсутствует естественное освещение, а все услуги предоставляют только в помещение.

Один из примеров спа-комплекса на Дальнем Востоке с большой пропускной способностью – «Акватория» во Владивостоке. Это водный комплекс в 5 этажей, который включает в себя 16 холодных и горячих бассейнов, джакузи; бассейны с капельным душем, морской солью и йодом, травами и эфирными маслами; турецкий хамам, скандинавскую парную с панорамным видом, русские парные, массажные комнаты, релакс-комнаты (соляная, нефритовая, арома и глиняная), паназиатский ресторан и террасы с видом на залив. Вместимость такого комплекса 250 человек, а проходимость 750 человек в сутки. Водный центр рассчитан на три часа нахождения клиента в комплексе, действует «безлимитный» тариф, однако трехчасового нахождения в комплексе достаточно, так как все услуги комплекса предоставляются в помещении. Внутренний функционал соответствует современному спа-комплексу, но территория комплекса не отвечает задачам объекта. Комплекс находится в центре города, на оживленной трассе и подъезд к нему затруднен. Территория не благоустроенна: отсутствует озеленение, нет мест для отдыха, не организована доступная среда для маломобильных граждан. Центральный вход в спа-комплекс окружён парковочными местами. Подобный спа-комплекс имеется в Южно-Сахалинске.

Для городов со средней численностью населения наличие одного, или двух спа-комплексов вполне обосновано. Спа-индустрия на Дальнем Востоке активно развивается, и, учитывая современные тенденции и запросы населения, можно предположить, что потребность в подобных комплексах высокая. Удобное, привлекательное расположение и благоустройство территории является неотъемлемой частью таких комплексов.

Концепция здоровьесберегающего пространства в пригородных зонах на примере города Хабаровска

Исходя из анализа примеров формирования здоровьесберегающих пространств, авторы пришли к выводу, что обеспечить два основных требования к проекту – здоровьесбережение и создание среды для общения – сможет грамотное расположение комплекса и правильный выбор площадки для проектирования в пригородных зонах, имеющих территориальную отдаленность от города и достаточную транспортную доступность.

С учетом концепции «Здорового города», целью проекта была реконструкция территории в пригородной части Хабаровска для создания архитектурного комплекса, где формируется позитивное пространство для восстановления физического, ментального и социального здоровья, отдыха, семейного времяпрепровождения и дружеского общения. Целесообразна реализация проекта в создании синергии между архитектурными формами и природой для здоровьесбережения, благополучия людей и экологии.

В городе Хабаровске немало мест для отдыха. Например, туристический комплекс «Заимка», который всесезонно предоставляет клиентам услуги гостиницы, беседки для барбекю, кафе, ресторан, прокат спортинвентаря, также на территории комплекса находится пляж.

Комплекс привлекателен для семейного и дружеского отдыха. Туристический центр «Заимка» находится в субурбии Хабаровска, путь на автомобиле занимает час и более. Имеются и другие базы отдыха, которые работают либо в тёплый период времени («Белый парус», «Эко парк Воронеж»), либо только в зимний («Снеговик»). Функция данных комплексов заключается в обеспечении отдыха и организации досуга, но не нацелена на здоровьесбережение.

Большинство городского населения предпочитает отдыхать на свежем воздухе в окружение леса или на берегу водоёма. Такие места отдыха представлены в большинстве туристическими базами и частными жилыми домами (субурбии), дачами. Местами отдыха для хабаровчан традиционно были дачные участки и городские пляжи в летний период времени. Однако современные условия жизни городского населения требуют иных подходов и организации отдыха, особенно при проектировании территорий для отдыха в условиях резко континентального климата и иных ограничений:

– в зимний период: низкая температура и сильные ветра могут создавать неприятные условия для отдыха на открытом воздухе, а обильные снегопады и гололёд затрудняют передвижение, как человека, так и транспорта;

– в летний период: высокая температура и влажность могут создавать некомфортные и опасные условия для отдыха на открытых территориях, особенно для людей, имеющих заболевания и ограничения в активных видах спорта, таких как бег.

Для проектирования рекреации спа-комплекса мы выбрали территорию в экологическом районе Хабаровского района, в селе Воронежское-3. Эта обширная территория с северной стороны ограничена рекой Амур с песчаным пляжем, с южной стороны – с землями лесного фонда, с восточной и западной – с землями поселений.

На территории расположен пятиэтажный корпус санатория-профилактория «Автомобилист». Когда-то это место было очень популярно у жителей города Хабаровска как зона комфортного отдыха, но в последние годы санаторий-профилакторий не эксплуатируется. На участке имеются котельная, водоочистные сооружения, водозаборная скважина с насосной станцией и 55 сооружений жилой застройки (коттеджи и дачные дома) (рис. 2). Добраться сюда можно по асфальтированной дороге, от центральной площади города (площади Ленина) путь на автомобиле занимает 24 минуты.

В рамках проекта было принято решение сделать перепланировку и перестройку территории для отдыха с учётом всех ограничений в условиях резко континентального климата.

В основе функционально-планировочного решения рекреации спа-комплекса лежит идея рационального размещения зданий различного функционального назначения, обеспечение беспрепятственного движения транспортных и пешеходных путей.

Пространство рекреации спа-комплекса можно условно разделить на пять функциональных зон.

Первая зона – это спа-отель, запланированный на самой высокой отметке (допустимой для строительства) участка с юго-восточной стороны. Благодаря прибрежному расположению, террасированию территории и высокой отметке из номеров гостиницы открывается потрясающий вид на весь комплекс и набережную реки Амур. Внутренний двор спа-отеля запроектирован как пространство взаимодействия: для семейных, дружеских или уединенных прогулок вдоль искусственных ручьёв, групповых занятий йогой и медитации на «островках» с точечным озеленением. Предусмотрены места для пикников на газоне.

Спа-отель включает в себя несколько зон (рис. 3): в стилобатной части предусмотрено публичное пространство – ресторан, открытые «зелёные» террасы с бассейнами и фудкортом, выставочная галерея, конференц-зал для проведения лекций, семинаров и мастер-классов, водно-оздоровительная зона (бассейны, сауны, хамам, детские водяные горки). Предусмотрено пространство «тела» (на уровне отдельного индивида) – комнаты для спа-процедур (массаж, обёртывание, скрабирование) и помещения для релаксации. В высотной части предусмотрены

Рис.2. Панорама территории села Воронежское – 3 (фото https://wp.wiki-wiki.ru)

отель с различными категориями номеров (эконом, стандартный, семейный, бизнес-класс, люкс), административные помещения и технический этаж.

Вторая зона – бульвар. Эта зона разделяет спа-отель и кемпинговые дома и служит продолжением прогулочной зоны внутреннего двора. Здесь предполагается разместить фруктовый сад (посадки яблонь, облепихи и маньчжурского абрикоса), амфитеатр под навесом с площадкой для размещения уличного кинотеатра в тёплый период времени, спортивную и детскую площадки. Террасирование участка осуществляется за счёт подпорных стен, которые предполагают облицовку декоративными каменными колоннами и систему для подачи воды, тем самым образуя декоративный водопад. Рядом с водопадом в тихой зоне размещены подвесные качели. Развитая сеть дорожек предназначена для интенсивного целенаправленного пешеходного движения, общая протяжённость путей составляет 640 метров. Пути оборудованы островками для отдыха – беседки с лавочками. В самой верхней точке расположена смотровая площадка, пункт высадки с канатной дороги, а в зимний период времени с этой точки предполагается организация спуска на тюбингах.

Третья зона – кемпинг. Это комплекс из 10 домов площадью 33,00 кв. м. каждый, трёх саун и зданий для администрации и коммерции. Дома объединены в группы, которые связаны общим бассейном с подогревом для пользования в зимний период года и тихим местом с очагом для семейного или дружеского времяпрепровождения. На территории имеется детская площадка и зона с беседками. Кольцевая структура и дорожно-тропиночная сеть кемпинга обеспечивает всем гостям быстрый доступ к объектам инфраструктуры – зоне отдыха, пунктам питания, игровой площадке.

Четвертая и пятая зоны объединяются – это парк, переходящий в набережную, которая состоит из трёх уровней. Территория начинается с аллеи, где предполагается разместить зрелищную площадь с амфитеатром, спортивную зону (волейбольная и теннисные площадки). С первого уровня набережной осуществляется посадка на канатную дорогу, второй уровень прогулочная зона, третий уровень – это место для спортивной рыбалки, спуска на песчаный пляж, причала для лодок и речного трамвайчика. Территория набережной предназначена для спокойного, неторопливого времяпрепровождения (прогулки) и катания на самокатах. В связи с этим в проекте предложено отказаться от лестниц, а сообщение между уровнями обеспечить пандусами.

Рис.3. Функциональное зонирование спа-отеля (модель авторов)

Перепад рельефа между нижней и верхней точками территории составляет более чем 35 метров, благодаря этому рекреация спа-отеля подчёркивает крутой уклон территории проекта, а вид со стороны реки Амур становится более чётким и динамичным (рис. 4).

Здания и сооружения на территории запроектированы с учётом природно-климатических условий района строительства. Основной идеей образа комплекса является сохранение природного вида склона [Логвинов, 2016], поэтому здание спа-отеля частично погружено в землю, а кемпинговые дома разместились на платформе. Они имеют разные уровни, что позволяет открыть вид из каждого дома на реку Амур.

Набережная запроектирована по направлению течения реки, чтобы избежать повреждений во время ледохода и не нарушать движение воды.

Территория подвержена юго-западным ветрам, поэтому для защиты территории спа-комплекса со стороны господствующих ветров планируется устроить систему лесных полос. Первая полоса – плотная живая изгородь (в проекте предусмотрена посадка спиреи, дёрена, самшита и восточной туи). Вторая полоса – ряд высоких деревьев (ель обыкновенная, голубая ель, сосна, лиственница и клён). Основная цель посадок – поднять уже ослабленный воздушный поток вверх. Третья полоса – высокие кустарники и декоративные деревья (барбарис, яблоня, абрикос, рябина и облепиха). За третей полосой начинается спокойная территория. Посадка деревьев позволит создавать теневые места и понизить температуру воздуха в жаркий период года, что создаст комфортный микроклимат для отдыха на свежем воздухе.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить потребности населения и проанализировать возможности использования имеющихся рекреационных пространств пригородных территорий города со средней численностью населения (на примере города Хабаровска), для создания пространственных зон с целью отдыха, занятий спортом и досуга. Выдвинутая авторами гипотеза о взаимосвязи повышения возможностей здровьесбережения с формированием специальных комфортных пространств нашла свое подтверждение. Материалы вторичных данных и собственного эмпирического исследования свидетельствуют о жизнеспособности и привлекательности идеи создания благоустроенных специальных зон в пригороде, где возможно проводить свободное время с пользой для здоровья, в городе со средней численностью населения, в условиях резко континентального климата.

Междисциплинарный подход позволил представить исследование с позиции социологии и социологии города, а также в поле архитектуры, и подготовить проект, который призван стать связующим звеном между природой и комфортом, когда каждый человек сможет найти уголок для коммуникаций, отдыха и здоровьесбережения. Комплекс предоставляет множество различных пространств как для семейного времяпрепровождения, так и дружеского, личного. Комплекс нацелен на всесезонную работу, а пребывание рассчитано как на однодневное, так и на посуточное.

Создание специальных здоровьесберегающих пространств в пригородных зонах способно решить задачи создания комфортной среды жизни городского населения и разнообразных по функциональной нагрузке зон для отдыха, восстановления здоровья, проведения досуга, а также формирования культуры здоровьесбережения у городского населения, и обуславливает разработку универсальных подходов к формированию здоровьесберегающей среды.

Рис. 4. Перепланировка села Воронежское – 3 (модель авторов)

Список источников

1. Аликперова, Н. В., Махрова, О. Н. Ожидаемая продолжительность жизни населения: роль самосохранительного поведения // Самоуправление. 2022. № 4 (132). С. 170–174. EDN: XRWLUU

2. Дюбо, Р. Земля только одна. М.: Прогресс, 1975. – 320 с.

3. Захарова, А. Н., Карвунис, Ю. А., Капилевич, Л. В. Мониторинг и менеджмент здоровья, образа жизни и физической активности студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 203–215. EDN: VVUQUQ DOI: 10.17223/15617793/464/23

4. Логвинов, В. От «зеленого строительства» к природоинтегрированной архитектуре. Принцип сохранения места // Проект Байкал. 2016. № 50. С. 52–59. URL: https://doi.org/10.7480/projectbaikal.50 (дата обращения: 10.09.2024).

5. Лоренц, К. Оборотная сторона зеркала. М., 1998. С. 235.

6. Мельникова, Т. Б. Влияние факторов социальной активности и образа жизни на ожидаемую продолжительность здоровой жизни населения региона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2. С. 53–60.

7. Мушников, Д. Л., Васильева, Т. П., Макарова, Е. В., Алленов, А. М., Дробышева, Е. В. Культура здоровьесбережения городского населения: региональный аспект // Бюллетенб Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2021. № 4. С. 18–25. EDN: XOSAOL DOI: 10.25742/NRIPH.2021.04.002

8. Нечаев, В. С., Петрова, И. А. К методологии изучения организационных технологий здоровьесбережения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. 28(6). С. 1326–1332. EDN: GKWMSD DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1326-1332

9. Никитина, О. А. История развития курортного дела и мировой Спа-индустрии // Учебное пособие. 2016. С. 138. EDN: WJYYXR

10. Решетникова, А. Н. Структура и динамика развития мировой спа-индустрии // Белорусь в современном мире. Материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 99-летию образования Белорусского государственного университета. 2020. С. 500–506. EDN: FGHBEH

11. Сорокалетова, А. О. Реализация политики здоровьесбережения в Белгородской области // Актуальные исследования. 2021. № 5. С. 66–68. EDN: XHKBVN

12. Усова, Е. В. Ответственность граждан за свое здоровье (исследование в фокус-группе). Часть1 // Профилактическая медицина. 2021. № 1. С. 35–43. DOI: 10.17116/profmed20212401135

13. Тоффлер, Э. Шок будущего. М.: АСТЮ, 2002. 557 с.

14. Шарабчиев, Ю. Т. Спа и велнес что это такое? // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. 2013. № 2. С. 79–83. EDN: QIXBLF

15. Ярышева, А. В. Региональные особенности национального проекта «Здравоохранение»: потребность и доступность квалификационного роста медицинских работников // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 3. С. 102–111. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-102-111

16. Ярышева, А. В. Современные здоровьесберегающие практики россиян // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11

17. Huant E., Dussert, A. Les maladies de notre societe. Paris, 1961.

References:

1. Alikperova, N. V., Makhrova O. N. (2022) Life expectancy of the population: the role of self-preservation behavior // Self-government, no. 4 (132), pp. 170–174 (in Russ.).

2. Dubo, R. (1975) The earth is only one. M.: Progress, 320 p. (in Russ.).

3. Zakharova, A. N. Karvunis, Yu. A., Kapilevich, L. V. (2021) Monitoring and management of health, lifestyle and physical activity of student youth // Bulletin of Tomsk State University, no. 464, pp. 203–215. DOI: 10.17223/15617793/464/23 (in Russ.).

4. Logvinov, V. (2016) From «green construction» to nature-integrated architecture. The principle of preserving space // Project Baikal, no. 50, pp. 52–59. DOI:10.7480/projectbaikal.50 (in Russ.).

5. Lorenz K. (1998) The reverse side of the mirror. M., 235 p. (in Russ.).

6. Melnikova, T. B. (2021) The influence of social activity and lifestyle factors on the healthy life expectancy of the region's population // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Series: Economics and Management, no. 2, pp. 53–60. (in Russ.).

7. Mushnikov, D. L., Vasilyeva, T. P., Makarova, E. V., Allenov, A. M., Drobysheva, E. V. (2021) Health-preserving culture of the urban population: regional aspect// Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko, no. 4, pp. 18–25. DOI: 10.25742/NRIPH.2021.04.002 (in Russ.).

8. Nechaev, V. S., Petrova, I. A. (2020) On the methodology of studying organizational technologies of health preservation // Problems of social hygiene, health care and history of medicine, no. 28(6), pp. 1326–1332. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1326-1332 (in Russ.).

9. Nikitina, O. A. (2016) History of the development of resort business and the global spa industry // Study guide, pp. 138 (in Russ.).

10. Reshetnikova, A. N. (2020) Structure and dynamics of development of the global spa industry // Belarus in the modern world. Proceedings of the XIX International Scientific Conference dedicated to the 99th anniversary of the Belarusian State University, pp. 500–506 (in Russ.).

11. Sorokaletova A. O. (2021) Realizatsiya politiki zdorov'yesberezheniya v Belgorodskoy oblasti // Aktual'nyye issledovaniya, no. 5, pp. 66–68 (in Russ.).

12. Usova E. V. (2021) Citizens' responsibility for their health (focus group study). Part 1. // Preventive medicine, no. 1, pp. 35–43. DOI: 10.17116/profmed20212401135 (in Russ.).

13. Toffler, E. (2002) The shock of the future. M.: AST, 557 p. (in Russ.).

14. Sharabchiev, Yu. T. (2013) Spa and wellness: what is it? // International reviews: clinical practice and health, no. 2, pp. 79–83 (in Russ.).

15. Yarysheva, A. V. (2020) Regional features of the national project «Healthcare»: the need and availability of qualification growth of medical workers // Economy. Taxes. Law, vol. 13, no. 3, pp. 102–111. DOI:10.26794/1999-849X-2020-13-3-102-111 (in Russ.).

16. Yarysheva, A. V. (2023) Modern health-saving practices of Russians // Population, vol. 26, no. 2, pp. 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11 (in Russ.).

17. Huant, E., Dussert, A. (1961) Les maladies de notre societe. Paris.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024; одобрена после рецензирования 07.11.2024; принята к публикации 11.11.2024.

The article was submitted 11.09.2024; approved after reviewing 07.11.2024; accepted for publication 11.11.2024.

Информация об авторах

И. А. Гареева – доктор социологических наук, доцент, профессор высшей школы социальных и политических наук, «Тихоокеанский государственный университет»;

А. Ф. Гарнага – магистр архитектуры, кандидат социологических наук, доцент высшей школы архитектуры и градостроительства, «Тихоокеанский государственный университет»;

Е. А. Казакова – младший научный сотрудник высшей школы архитектуры и градостроительства, «Тихоокеанский государственный университет».

Information about the authors

I. A. Gareeva – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Social Work and Psychology, the Pacific State University;

A. F. Garnaga – Master of Architecture, PhD of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Architecture and Urban Planning, the Pacific State University;

E. A. Kazakova – Junior Researcher of the Department of Architecture and Urban Planning, the Pacific State University.

Научная статья
УДК 37.012.7
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-138-151

Мотивационный потенциал научно-исследовательской деятельности образовательной организации: состояние и пути развития

Евгений Алексеевич Клеймёнов
Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия
yevgeni-k1@yandex.ru

Аннотация. *Научно-исследовательская деятельность в образовательной организации – важный элемент качества подготовки специалистов и их востребованности на рынке труда. Ее обусловленность мотивацией научно-педагогических работников и обучающихся определяет состояние и пути развития научного поиска, результатов исследований и экспериментов. На основании проведенных автором количественных и качественных опросов (фокус-групповых интервью) представлены результаты исследования общественного мнения преподавателей и обучающихся образовательной организации системы МВД России о мотивах ведения ими научно-исследовательской работы. Исследование показало, что мотивация к такой работе, с одной стороны, подвержена влиянию общероссийских векторов развития образования и науки. В контексте этого установлено, что наукометрические показатели ведения научной деятельности не добавляют мотивации к её ведению ни у преподавательского состава, ни у обучающихся. С другой стороны, свой отпечаток на устремления в научном поиске оказывает сочетание образовательного и ведомственного начал при ведении научно-исследовательской деятельности. Установлено, что преподаватели обладают значительным мотивационным потенциалом для ведения научно-исследовательской деятельности, однако самоопределяют они себя, прежде всего, как педагогов, а не ученых. Свою мотивацию к научной работе преподавательский состав приоритетно связывает с необходимостью совершенствования педагогических практик в образовательной организации. Обучающиеся (курсанты, слушатели и адъюнкты), в свою очередь, раскрытие своего мотивационного потенциала к науке сопрягают с деятельностью харизматичного, квалифицированного научного руководителя из числа преподавателей образовательной организации. При этом представители обеих категорий опрошенных полагают необходимым поиск баланса между обозначенными началами при ведении научно-исследовательской работы. Результаты проведенного исследования могут быть полезны при корректировке подходов к повышению мотивации к ведению научной работы преподавательским составом и обучающимися образовательных организаций системы МВД России в целях надлежащего научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях новых вызовов, возникших перед ведомством в последние годы.*

Ключевые слова: *мотивация, научно-исследовательская деятельность, образовательная организация МВД России, профессорско-преподавательский состав, обучающиеся*

Для цитирования: Клеймёнов Е. А. Мотивационный потенциал научно-исследовательской деятельности образовательной организации: состояние и пути развития // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 138–151. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-138-151

Original article

The Motivational Potential of the Research Activity of an Educational Institution: Conditions and Ways to Develop

Evgeniy A. Kleymyonov
The Far-Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia
yevgeni-k1@yandex.ru.

Abstract. *Research activity in an educational institution is an important element of qualified specialists training and their popularity in the labor market. Teaching staff and students' motivation to research determines the condition and ways to develop the activity, research results and experiments. The paper presents the results focus groups interviews provide by teachers and students of the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia on their motives for conducting research work. The study showed that motivation for research, on the one hand, is influenced by all-Russian trends of development of education and science. In this context, it was found that scientometric indicators of conducting research activities do not add motivation to its conduct either for the teaching staff or for students. On the other hand, the aspirations for the scientific path are influenced by the combination of educational and departmental principles in conducting research activities. Thus, the study revealed that teachers have significant motivational potential for conducting research, but they define themselves, first of all, as teachers, not scientists. In this regard, it is not a coincidence that the teaching staff primarily associates their motivation for the scientific field with the need to improve pedagogical practices in the educational institution. At the same time, representatives of both categories of respondents believe it is necessary to find a balance between the above principles when conducting research work. The results of the study may be useful in adjusting approaches to increasing motivation for research work by teaching staff and students of educational institutions of the Russian Ministry of Internal Affairs in order to properly provide scientific support for the activities of the law enforcement bodies of the Russian Federation in the context of new challenges arisen in recent years.*

Keywords: *motivation, research activities, educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia, teaching staff, students*

For citation: Kleymyonov E. A. (2024) The Motivational Potential of the Research Activity of an Educational Institution: Conditions and Ways to Develop *Vlast`i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 138–151. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-138-151

Введение

Необходимость исследования мотивационного потенциала как уровня готовности к эффективной научно-исследовательской работе [Волковицкая, 2015] научно-педагогических сотрудников и работников (далее – ППС, преподаватели) образовательных организаций системы МВД России (далее – вузы МВД России, ведомственные вузы), с одной стороны, предопределена нормативно. Так, мотивация научно-педагогических сотрудников и работников образовательных организаций системы МВД России на повышение эффективности научной деятельности является одним из ключевых направлений тех мероприятий, которые определены руководством ведомства для совершенствования научного обеспечения деятельности органов внутренних дел.[1] Следовательно, востребованы и научно обоснованные подходы к повышению указанной мотивации.

С другой стороны, представленное

[1] *См.: подпункт 5 пункта 17.2 Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённой приказом МВД России от 13.11.2020 № 767.*

нормативное установление, диктующее необходимость изучения мотивации научно-педагогических работников и сотрудников к научной деятельности, имеет доктринальное и фактологическое обоснование. Так, согласно статистическим данным в России в целом в последние годы происходит старение научно-исследовательских кадров: уменьшение доли молодых исследователей и возрастание удельного веса исследователей более старших групп.[2]

Объяснение этому процессу может быть сугубо демографическим – в России наблюдается старение населения.[3]

Вместе с тем, на наш взгляд, сокращение числа молодых ученых подвержено влиянию не только демографического фактора, но и ряда демотивирующих социальных обстоятельств общегосударственного масштаба, имеющих значение не только для молодых исследователей, но и для всего российского научного сообщества, тких как низкий престиж профессии ученого в российском обществе[4], низкая оплата труда научных работников, выезд ученых в западные страны, снижение эффективности подготовки научно-педагогических кадров в рамках послевузовского обучения [Павлова, 2022], снижения числа исследователей в России в целом [Попова, 2021]. Кроме того, мотивационная архитектура ученых России в настоящее время размывается доминацией наукометрических подходов к определению эффективности научной деятельности. Другими словами, в ситуации, когда ученый подвержен постоянному прессингу штамповки статей, доказывая свою научную состоятельность, ожидать от него действительных и действенных научных достижений не стоит [Черныш, 2023]. Однако наукометрический подход является лишь частью западной модели развития науки, активно воспроизводимой в России в последние десятилетия, что само по себе выступает в качестве существенного демотивирущего начала для отечественных ученых [Шупер, 2022].

Однако говорить о том, что произошел кризис мотивации к научной деятельности в сообществе ученых нашей страны не приходится. Получение удовольствия от содержания работы и самостоятельности в определении профессиональных задач, режима и темпа работы, самореализация и возможность вносить вклад в науку являются по-прежнему сильными стимулами для ведения научной деятельности [Темницкий, 2024].

Выявленные положения о мотивационной структуре научного сообщества в России в целом справедливо применить и к его отдельным частям, в том числе и к ведомственным научным общностям. Вместе с тем такая проекция применительно к вузам МВД России требует учета профессионально-служебных аспектов деятельности ППС и обучающихся, а также новых внутренних и внешних вызовов, с которыми столкнулось ведомство в последние годы (недостаточное финансовое обеспечение ряда социальных гарантий сотрудников[5], некомплект личного состава[6], рост числа преступлений, совершенных с использованием информационных технологий [Кузнецов, 2020], выполнение задач сотрудниками ведомства на освобожденных территориях).

Почему в настоящей статье мы коснемся не только вопросов мотивации обучающих, но также обратимся и к заинтересованности в научной деятельности обучающихся? Дело в том, что значительная доля кадрового состава ППС образовательных организаций системы МВД России форми-

---

[2] *Индикаторы науки: 2023 : статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. С. 52.*

[3] *Распределение населения России по возрастным группам по годам (на 1 января) // [Электронный ресурс], официальный сайт Росстата, режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo14.xlsx (дата обращения: ноябрь 2024).*

[4] *Наиболее престижные и доходные профессии: мониторинг // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/naibolee-prestizhnye-i-dokhodnye-professii-monitoring?ysclid=m3f5x6o8b9463887516.*

[5] *Матвиенко рассказала о дефиците сотрудников МВД // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240624/uchastkovye-1955127146.html.*

[6] *Замглавы МВД назвал некомплект личного состава огромным // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/21610415*

руется из числа выпускников адъюнктуры данных организаций, а в адъюнктуру, как правило, попадают выпускники вузов МВД России, достигшие серьезных успехов в научной деятельности в период обучения в ведомственных вузах. С учетом этого, очевидно, что формируя интерес к науке у курсантов и слушателей ведомственных вузов можно заложить мировоззренческий фундамент многих будущих научно-педагогических сотрудников и работников вузов МВД России.

Методология исследования

С целью измерения мотивационного потенциала ППС и обучающихся образовательных организаций МВД России нами было исследовано общественное мнение ППС, а также курсантов и слушателей Дальневосточного юридического института МВД России (далее – Институт, ДВЮИ МВД России) с использованием следующих методов:

1. Количественные социологические опросы ППС ДВЮИ МВД России (n=94, май–июнь 2023 г.), курсантов и слушателей второго, третьего, четвертого и пятого курсов Института, добившихся значительных результатов в научной деятельности (n=45, май–июнь 2023 г.)

2. Качественные исследования: два фокус-групповых интервью научно-педагогических сотрудников и работников ДВЮИ МВД России (n=11, апрель 2023 г.), одно фокус-групповое интервью адъюнктов очной формы обучения Института (n=9, апрель 2023 года), одно фокус-групповое интервью курсантов и слушателей очной формы обучения, принимающих активное участие в научной деятельности и являющихся в том числе членами научного общества курсантов и слушателей ДЮВИ МВД России (n=12).

Результаты исследования

Исследование показало, что научно-исследовательская работа (далее – НИР) является для ППС наряду с подготовкой и проведением учебных занятий одним из самых востребованных направлений их служебной деятельности: 62,8% опрошенных хотели бы посвящать большую часть своего служебного времени именно этому направлению своей профессиональной деятельности (табл. 1). При этом каждый третий респондент желает руководить научно-исследовательской работой курсантов и слушателей (далее – НИРКС), что также свидетельствует о весомом интересе ППС к научной стезе.

При этом закономерно, что в наибольшей степени стремятся к НИР и к руководству НИРКС те преподаватели, должности которых предполагают значительное вовлечение в научную деятельность – сотрудники и работники, замещающие должности доцента и профессора. В то же время в наименьшей степени стремление к НИР транслируют сотрудники и работники, занимающие должности преподавательского состава, природа функциональных обязанностей которых преи-

Таблица 1

Направления работы преподавателей ДВЮИ МВД России, которым они хотели бы уделять наибольшее количество своего служебного времени (в %)

Вариант ответа	%
1. Научно-исследовательская работа	62,8
2. Подготовка учебных занятий	67,0
3. Проведение учебных занятий	67,0
3. Учебно-методическая работа	25,5
4. Административная работа (выполнение управленческих функций на кафедре)	11,7
5. Учебно-воспитательная работа (кураторство)	12,8
6. Руководство научно-исследовательской работой курсантов и слушателей	36,2
7. Ведение контрольно-отчетной документации (заполнение журналов учебных занятий, контрольных и взаимных посещений учебных занятий, консультаций и др., составление индивидуальных планов-отчетов и т.д.)	6,4
8. Профессиональная служебная подготовка (физическая, огневая, правовая, служебная)	19,1

Источник: составлено автором на основе опроса ППС ДВЮИ МВД России, курсантов и слушателей Института, 2023 г.

мущественно представлена подготовкой и проведением учебных занятий (рис. 1).

С представленными выше данными тесно коррелируют результаты измерения уровня мотивации ППС к НИР: большинство опрошенных (67,0%) утверждают, что они высокомотивированы на занятие НИР.

Вместе с тем, несмотря на декларирование весьма существенного уровня заинтересованности в НИР, абсолютное большинство опрошенных определяют себя, прежде всего, в качестве преподавателей (педагогов), и лишь каждый девятый (14,0%) – в качестве ученого, исследователя. При этом любопытно, что в качестве ученого видят себя в два раза больше опрошенных среди преподавателей-мужчин, чем среди преподавателей-женщин: 16,7% против 8,7%.

Представленная коллективная самоидентификация является вполне закономерной, поскольку, несмотря на то, что опрошенные ППС в силу легального определения их профессионального статуса являются научно-педагогическими сотрудниками и работниками, они все же проходят службу (работают) в образовательной организации, а не в научном учреждении.

Неслучайно в связи с этим представители ППС стремятся заниматься НИР, прежде всего, потому, что обнаруживают в этом возможность повысить уровень своего педагогического профессионализма: получение новых знаний в научной сфере, по мнению большинства опрошенных, позволяет проводить более содержательные, информативные учебные занятия (67,0%). Данный вывод, основанный на количественном исследовании содержательно раскрывается в фокус-групповых интервью ППС: «*Связана моя научная деятельность, прежде всего, с написанием пособий, которые необходимо обновлять каждые 5 лет – это мотивирует, мне это интересно*», «*Я больше преподаватель, и научная деятельность мне больше помогает, чем препятствует в основной педагогической деятельности, в силу того, что моя научная деятельность связана с педагогикой*», «*наука помогает в плане подготовки к занятиям*».

Преимущественное самоопределение респондентов в качестве преподавателя, на наш взгляд, также повлияло на то, что каждый третий опрошенный проявляет интерес к НИР по причине необходимости должного учебно-методического обеспечения учебного процесса (38,0%).

Вместе с тем в мотивационной структуре ППС выделяются не только прикладные стимулы (направленные на совершенствование педагогического мастерства), но и факторы сугубо знаниевого и ценностного характера. Так, 67,0% опрошенных заявили, что они занимаются наукой, потому что это дает личностный рост и обеспечивает интеллектуальное развитие, а 60,6% сообщили о том, что научно-исследовательская деятельность интересна сама по себе – опрошенным нравится

Рис. 1. Распределение наиболее востребованных (желаемых) направлений служебной деятельности по занимаемым должностям опрошенных (в %)

получать новые знания, открывать новое в научном мире. О последнем факторе свидетельствуют и результаты качественных исследований: *«Моя заинтересованность появилась из практической работы с курсантами 1-2 курса. Это связанно с тем, что мы преподаем английский язык с юридическим уклоном, и выяснилось, что здесь много нюансов и специфики. Выяснение специфики юридического английского языка очень мотивирует. В основе – лингвистический и переводческий интерес», «В основе моей научной деятельности лежит, в первую очередь, мой личный научный интерес. Статусность и привилегии меня интересуют в меньшей степени».*

Также к обстоятельствам, мотивирующим ППС к занятию НИР можно отнести достаточно высокий уровень организации научно-исследовательской деятельности в Институте. О своей удовлетворенности таким уровнем сообщило абсолютное большинство опрошенных (78,8%). Обратной точки зрения придерживаются только 15,8% респондентов.

Кроме того, в качестве мотивирующего фактора следует рассматривать удовлетворенность ППС плодами собственных научных изысканий, поскольку очевидно, что чем больше личности нравится то, чем она занимается, чем она увлечена, тем выше вероятность того, что она продолжит развиваться в соответствующем направлении своей деятельности [Култыгин, 1997]. Исследование показало, что большинство опрошенных (77,6%) удовлетворены качеством той научно-исследовательской деятельности, которую они осуществляют в Институте, что может рассматриваться в качестве самостоятельного фактора, располагающего к ведению НИР. В то же время каждый пятый (20,2%) такого удовлетворения не испытывает.

Отдельно следует отметить, что рейтинговые показатели научной деятельности сотрудника по итогам года (те самые наукометрические показатели, о которых мы говорили выше) практически никакого влияния на мотивацию ППС не оказывают – доля мотивированных указанным рейтингом составила лишь 4%.

Доминация в мотивационной структуре фактора повышения качества преподавания в совокупности с преимущественно педагогическим, а не научным самоотождествлением опрошенных, решающим образом, на наш взгляд, определила наиболее популярное направление научно-исследовательской работы в коллективном сознании ППС: подготовка НИР, которые обеспечивают учебный процесс (учебники, пособия, хрестоматии). Вместе с тем, как ни странно, ППС не проявляет повышенного интереса к другим формам научной деятельности, которые также тесно связаны с процессом обучения: руководство научным кружком, подготовка группы обучающихся для участия в олимпиаде, викторине (табл. 2).

Не располагают к ведению НИР, по мнению ППС, необходимость оформления значительного числа документов при подготовке научно-исследовательской работы (27,7%), а также факт того, что ряд научных изысканий не находят отражения в практической деятельности органов внутренних дел (24,5%).

Обращаясь к установкам обучающихся Института, следует отметить, что последние достаточно высоко оценивают свой мотивационный потенциал для занятия НИР (86,7% оценок «высоко» против 8,9% оценок «средне» и 4,4% оценок «низко»), и это закономерно, так как в опросе принимали участие те обучающиеся, для которых, по предположению автора научная деятельность является в Институте основной, профильной, той сферой служебной деятельности, которой обучающиеся уделяют наибольшее количество своего времени. Данная гипотеза нашла свое подтверждение, в том числе в результатах ответов курсантов и слушателей на вопрос о приоритетных направлениях их деятельности в Институте, согласно которым доминантной фактически и потенциально является научно-исследовательская работа: данному направлению служебной деятельности приоритетно уделяют внимание 73,0% опрошенных обучающихся, при том, что ровно столько же (76,0%) предпочли бы его и в качестве приоритетной сферы в образовательном процессе Института.

Одновременно с этим потенциал ведения НИР курсантами и слушателями Института в целом оценивается и опрошенными обучающимися, и респондентами из числа ППС не столь монолитно. Так, 75,6% первой из указанных категорий полагают, что такой потенциал заслу-

Таблица 2

Суммы оценок «высоко» и «очень высоко» мотивации опрошенных на подготовку различных видов НИР ППС Института (в%)

Наименование НИР	%
1. Подготовка фундаментальных НИР, претендующих на высокий уровень обобщения получаемого знания (например, монографии, диссертации)	55,0
2. Подготовка НИР прикладного характера	48,9
3. Подготовка НИР, направленных на обеспечение учебного процесса (например, учебников, учебных пособий, курсов лекций, практикумов, хрестоматий)	77,7
4. Подготовка публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России	64,9
5. Подготовка публикаций в изданиях, индексируемых в базе РИНЦ	60,7
6. Подготовка научных докладов для участия в научно-представительских мероприятиях (конференциях, круглых столах) и участие в таких мероприятиях	68,1
7. Участие в конкурсах научных работ профессорско-преподавательского состава	51,0
8. Руководство научным кружком	47,8
9. Руководство научно-исследовательской работой курсанта, слушателя, адъюнкта с предоставлением обучающимися соответствующей НИР, доклада, статьи	60,6
10. Подготовка группы обучающихся для участия в олимпиаде, викторине	50,0

Источник: составлено автором на основе опроса ППС ДВЮИ МВД России, курсантов и слушателей Института, 2023 г.

живает высоких оценок, в то же время каждый пятый (20,0%) воспринимает его на низком уровне. Среди ППС половина опрошенных (51,1%) высоко оценивают мотивационный потенциал курсантов и слушателей Института, каждый третий – на среднем уровне (29,8%), а каждый пятый (18,0%) – на низком. Более скромные оценки ППС следует рассматривать как более достоверные, поскольку преподаватели обладают более широкими представлениями о таком потенциале.

Наиболее востребованной формой ведения НИР среди опрошенных обучающихся является подготовка научных работ и их направление на научно-представительские мероприятия (рис. 2), что не в последнюю очередь может быть объяснено стремлением продолжить послевузовское обучение в Институте (табл. 3), поскольку получение призового места в таких мероприятиях является значимым фактором поступления в адъюнктуру Института.

Среди наиболее значимых факторов, мотивирующих к занятию НИР опрошенных курсантов и слушателей, можно выделить несколько видов факторов. К первому из них можно отнести личность научного руководителя. Согласно исследованию это наиболее весомая переменная в наборе явлений, оказывающих мотивационное воздействие на НИР курсантов и слушателей (86,7%).

Второй вид факторов представлен потребностями, направленными на интеллектуальный рост опрошенных: возможность расширить свой кругозор, эрудицию, усовершенствовать устную и письменную речь, навыки публичного выступления (73,3%) и возможность расширить и углубить знания по отдельным дисциплинам (71,1%), что во многом коррелирует с установками, транслируемыми ППС в части, касающейся научного подкрепления образовательного процесса.

Третий тип мотивационных факторов представлен необходимостью научного общения, приобретения новых связей в научной среде, знакомств с другими образовательными организациями (60,0%).

Четвертый блок факторов характеризуется прагматическими приобретениями, которые может дать научно-исследовательская деятельность в Институте: стремление поступить в адъюн-

Рис. 2. Степень заинтересованности в выполнении различных видов научно-исследовательской деятельности различных видов курсантами и слушателями Института (в %)

ктуру с тем, чтобы заниматься научно-исследовательской деятельностью на более высоком уровне, приобрести более высокий социальный статус (57,8 %), возможность получить поощрение, ценный подарок за достижения в научной деятельности, стать лауреатом именной стипендии, премии (правительственной, ведомственной, краевой, муниципальной) (26,7%).

Пятый вид факторов, напротив, представлен преимущественно стимулами сугубо научного толка, обстоятельствами, которые сокрыты в природе самой научной деятельности – в открытии нового знания и его распространения в обществе: стремление заниматься наукой ради науки, ради открытия нового знания, научная деятельность интересна сама по себе (31,1 %), участие в научно-представительском мероприятии, написание научной работы (статьи) – «минута славы», которая дает возможность заявить о своих научных достижениях и о себе, добиться признания имени (17,8%).

Шестую группу факторов можно обозначить понятием «иные», отнеся к ним по остаточному принципу возможность получить положительные эмоции («своеобразный адреналин») от публичного выступления, почувствовать дух соревнования в конкурсно-оценочном мероприятии (35,6%), грамотную деятельность научно-исследовательского отдела по поиску, информированию, отбору и организации курсантов и слушателей, способных к научной деятельности и заинтересованных в ней (22,2%), участие обучающихся в научных кружках (17,6%).

Преподаватели Института во многом солидарны с обучающимися в части определения весомости факторов, оказывающих положительное воздействие на НИР курсантов и слушателей Института (табл. 3), что говорит о надежности полученных данных применительно к принятию управленческих решений, направленных на развитие потенциала НИР, проводимой курсантами и слушателями Института.

Любопытно, что адъюнктура рассматривается обучающимися не только как трамплин для приобретения более высо-

Таблица 3

Факторы, которые, по мнению опрошенных курсантов, слушателей и ППС, мотивируют курсантов и слушателей Института на занятие НИР (в %)

Вариант ответа	Курсанты и слушатели	ППС
1. Наличие яркого, компетентного, заинтересованного в научных изысканиях и достижениях преподавателя-научного руководителя, способного заинтересовать научной деятельностью курсантов	86,7	44,7
2. Стремление поступить в адъюнктуру с тем, чтобы заниматься научно-исследовательской деятельностью на более высоком уровне, приобрести более высокий социальный статус	57,8	39,4
3. Грамотная деятельность научно-исследовательского отдела по поиску, информированию, отбору и организации курсантов и слушателей, способных к научной деятельности и заинтересованных в ней	22,2	17,3
4. Возможность поучаствовать в научно-представительских мероприятиях за пределами института (конференции, круглые столы, научные форумы) – посетить другие ВУЗы, иные организации, познакомиться с интересными людьми	60,0	37,2
5. Возможность расширить и углубить знания по отдельным дисциплинам	71,1	36,2
6. Возможность расширить свой кругозор, эрудицию, усовершенствовать устную и письменную речь, навыки публичного выступления	73,3	37,2
7. Возможность получить положительные эмоции («своеобразный адреналин») от публичного выступления, почувствовать дух соревнования в конкурсно-оценочном мероприятии	35,6	12,8
8. Участие в научно-представительском мероприятии, написание научной работы (статьи) – «минута славы», которая дает возможность заявить о своих научных достижениях и о себе, добиться признания имени	17,8	16,0
9. Стремление заниматься наукой ради науки, ради открытия нового знания, научная деятельность интересна сама по себе	31,1	8,5
10. Возможность получить поощрение, ценный подарок за достижения в научной деятельности, стать лауреатом именной стипендии, премии (правительственной, ведомственной, краевой, муниципальной)	26,7	16,0
11. Участие обучающихся в научных кружках	17,6	3,2

Источник: составлено автором на основе опроса ППС ДВЮИ МВД России, курсантов и слушателей Института, 2023 г.

кого социального статуса, но и как возможность для сущностной смены профессиональной принадлежности: большинство опрошенных, положительно ответивших на вопрос о планах поступления в адъюнктуру (57,8%), в качестве мотива такого поступления назвали желание стать преподавателем (табл. 4).

Полученные данные верифицируются результатами фокус-групповых интервью адъюнктов: *«обучение в адъюнктуре дает дальнейшую работу и в преподавательской сфере», «рассмотрев все пути возможного продолжения своей карьеры, я предпочла преподавательскую деятельность, нежели работу в практических органах», «наука мне тоже интересна, но все-таки преподавание меня интересует сильнее».*

Говоря о мотивационных преградах к НИР, и обучающиеся, и преподаватели сошлись во мнении, что главной из них является значительное количество задач, напрямую не связанных с процессом обучения (табл. 5).

Доминирующее значение служебных задач, не связанных с процессом обучения в представленном перечне, выглядит вполне закономерно и обусловлено ведомственной природой Института, предполагающей не только обучение в образовательной организации системы МВД России, но и прохождение службы в органах внутренних дел.

Наряду с этим отрадно, что в перечне демотивирующих факторов уровень мотивации преподавателей-научных руководителей занимает замыкающие позиции, что косвенно указывает на достаточно высокую вовлеченность ППС в руководство научной работой обучающихся. Прямо об этом говорят данные, представленные в таблице 1, а также оценки опрошенных курсантов и слушателей уровня

Таблица 4

Результаты ответов курсантов и слушателей Института на вопрос: «Если бы Вы хотели поступить в адъюнктуру, то для чего бы хотели это сделать?» (в % от числа тех, кто положительно ответил на вопрос о планах поступления в адъюнктуру)

Вариант ответа	%
1. Для того, чтобы заниматься научно-исследовательской деятельностью на более высоком уровне, ради открытия нового знания, поскольку наука интересна сама по себе	73,1
2. Для того, чтобы приносить пользу людям, сделать их жизнь более гармоничной, более совершенной	30,8
3. С тем, чтобы, защитив диссертацию, приобрести более высокий социальный статус и обеспечить себе карьерный рост	57,7
4. Для личностного развития (общеинтеллектуального, волевого)	53,8
5. С тем, чтобы заниматься педагогической деятельностью – хочу быть преподавателем	84,6
6. Для того, чтобы не проходить службу в практических органах	7,7
7. Для устранения некоторой узости профильного ведомственного образования	3,8

Источник: составлено автором на основе опроса ППС ДВЮИ МВД России, курсантов и слушателей Института, 2023 г.

Таблица 5

Факторы, обстоятельства, которые, по мнению курсантов, слушателей и преподавателей Института, оказывают демотивирующее воздействие на научно-исследовательскую деятельность курсантов и слушателей в Институте (в %)

Вариант ответа	Курсанты и слушатели	ППС
1. Наличие служебных задач, не связанных с процессом обучения, не позволяющих в полной мере заняться научной работой	64,4	63,8
2. Недостаточное количество научных школ, представленных авторитетными учеными, способными замотивировать на достижение высоких научных результатов («вдохновить, повести за собой по пути научных изысканий»)	2,2	11,7
3. Недостаточная осведомленность курсантов и слушателей о сущности и формах научно-исследовательской деятельности, её преимуществах, научно-представительских и иных научных мероприятиях	22,2	17,0
4. Ограниченное количество командировок для участия в научно-представительских мероприятиях	28,9	22,3
5. Невысокая вероятность практической реализации научных разработок курсантов и слушателей	40,0	16,0
6. Недостаточное количество контактов с курсантами, студентами – представителями других образовательных организаций, учеными – не хватает научной «атмосферы» для дополнительной мотивации	17,9	12,8
7. Проведение научно-представительских мероприятий в формате видеоконференцсвязи не всегда позволяет адекватно воспринимать и передавать информацию, эффективно выстраивать коммуникацию с участниками таких мероприятий	8,9	13,8
8. Отсутствие достаточной прозрачности порядка оценивания работ, выступлений при проведении конкурсно-оценочных мероприятий	17,8	4,3
9. Невысокая мотивация в руководстве научной деятельностью преподавателей-специалистов в сфере научных интересов обучающихся	4,4	8,5

Источник: составлено автором на основе опроса ППС ДВЮИ МВД России, курсантов и слушателей Института, 2023 г.

заинтересованности ППС указанным руководством: 82,2% высоко оценивают названную заинтересованность, 15,6% – на среднем уровне, 2,2% – низко.

Если говорить об адъюнктуре, то ключевые мотивы занятия НИР адъюнктов в многом воспроизводят причины поступления в адъюнктуру опрошенных курсантов и слушателей: восходящая вертикальная мобильность *(«Для меня обучение в адъюнктуре, а далее защита кандидатской – это большой скачок в хорошее будущее»,*

«карьерный рост и социальная стабильность»), удовлетворение научного, исследовательского интереса (*«хочется новые криминалистические технологии развивать», «Мною двигал научный интерес»*), стремление стать преподавателем Института (*«когда у меня появилась возможность реализовать себя в качестве преподавателя, я выбрала адъюнктуру»*), личностный рост («*определенное развитие: личностное, духовное, умственное и профессиональное в новой сфере*»), общение с высокопрофессиональными преподавателями и научными руководителями (*«знакомство с интересными интеллектуальными людьми, именно это общение – для меня неоценимый опыт, неоценимые знания», «у нас занятия проводит доктор наук, заслуженный человек в научной деятельности, и у нас есть возможность общения, наверное, даже на равных. Нас слушает доктор наук, а это очень дорогого стоит»).*

Демотивирующими факторами НИР, названными адъюнктами, являются недостаточная вероятность практической реализации научного труда (*«Если почитать кандидатские диссертации, отдельные научные статьи, то увидим, что хорошие мысли и идеи не всегда реализуются»*), наличие фактора формальности при проведении отдельных научных изысканий (*«случается так, что на первый план выходит правильность оформления научных трудов, их структура, стиль изложения, а их содержание, смысловая нагрузка, новизна, практический вес не имеют такой значимости»*).

Основное направление повышения мотивации ППС в Институте к ведению НИР коррелирует с теми тенденциями, которые проявились в последние годы в отечественной системе образования в целом [Тамбиянц, Шалин, 2021] и во многом нацелено на их преодоление (табл. 6). Смещение акцентов в организации профессиональной деятельности на научно-исследовательскую работу может быть интерпретировано и как желание смягчения воздействия ведомственной природы Института, предполагающей не только образовательную и научную составляющую, но и служебную. В то же время желание финансового поощрения научных достижений может быть вызвано ранее обозначенным снижением уровня социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел в целом, а не только научно-педагогических кадров образовательных организаций МВД России.

Меры, направленные на повышение вовлеченности курсантов и слушателей в научную деятельность, по мнению ППС, также предполагают некоторую переориентацию на научно-исследовательскую работу с других видов деятельности обучающихся. С ними во многом солидарны курсанты и слушатели Института (табл. 7). Кроме того, и ППС, и обучающиеся выступают за введение механизма поощрительных мер в учебном процессе в отношении курсантов и слушателей, добившихся высоких результатов в научной деятельности (табл. 7).

Одной из иллюстраций наиболее популярного ответа может быть мнение слушателя, представленное в результатах фокус-группового интервью: *«Научно-исследовательский отдел способствует тому, чтобы люди, которые активно занимаются наукой поощрялись. Например, я получала премию мэра города Хабаровска. Это стимулирует».*

Наряду с этим, как видим, наукометрические показатели ведения НИР непопулярны не только среди ППС, но и среди обучающихся: только 6,7% из участвовавших в опросе курсантов и слушателей выступили за введение рейтинговых показателей для активизации ведения НИР обучающимися.

Отдельные направления стимулирования научной деятельности среди курсантов и слушателей можно почерпнуть в перечне наиболее значимых факторов, которые, по мнению обучающихся, обладают наибольшим мотивирующим значением к данной деятельности (табл. 3), и главным из которых, напомним, является наличие яркого компетентного научного руководителя. Результаты фокус-группового интервью подтверждают этот вывод: *«Я слушал, как интересно преподаватель преподносит материал. Стал читать дополнительно. Читал Освальда Шпенглера. Преподаватель это заметил и предложил заняться наукой. Я согласился и начал писать», «Приятно, когда преподаватель дает пищу для размышлений и это повышает интерес», «Интерес к науке исходит из интереса к учебе, а интерес к учебе прививает преподаватель и ещё раз преподаватель».*

Таблица 6

Мероприятия, которые, по мнению опрошенных из числа ППС, могли бы повысить уровень мотивации ППС к ведению НИР (в %)

Вариант ответа	%
1. Сместить акценты в организации с профессиональной деятельности на научно-исследовательскую работу	45,7
2. Сделать более доступными (в территориальном, организационном отношении) диссертационные советы для защиты диссертаций преподавателей института	29,8
3. Качество научного труда должно иметь приоритет перед его количеством	30,9
4. Предоставлять преподавателям «специализированные» дни для занятия исключительно или преимущественно научной деятельностью (работы в библиотеке, архивах, с материалами судебной практики, специальной литературой)	27,7
5. Ввести меры финансового поощрения преподавателей за научные достижения	44,7
6. Поощрять преподавателей-научных руководителей обучающихся, добившихся определенных результатов в научной деятельности	28,7
7. Оказать содействие в получении возможности безвозмездных публикаций в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России	27,7

Источник: составлено автором на основе опроса ППС ДВЮИ МВД России, курсантов и слушателей Института, 2023 г.

Таблица 7

Мероприятия, которые, по мнению опрошенных, могли бы повысить уровень мотивации обучающихся к ведению НИР (в %)

Вариант ответа	ППС	Курсанты и слушатели
1. Ввести механизм поощрительных мер в учебном процессе в отношении курсантов и слушателей, добившихся высоких результатов в научной деятельности	56,4	24,4
2. Создать систему пропаганды значимости ведения научной деятельности с детальным информированием о преимуществах, преференциях, которые она дает, в том числе о стипендиях, премиях, которые можно получить, добившись значительных результатов в научной деятельности	31,9	13,3
3. Освободить от ряда служебных обязанностей обучающихся, занимающихся научной деятельностью и имеющих достижения в этой области – ввести индивидуальный учебный план	41,5	22,2
4. Поощрять преподавателей-научных руководителей обучающихся, добившихся определенных результатов в научной деятельности	45,7	15,6
5. Поощрять курсантов и слушателей, отличившихся в научной деятельности, не только перед курсантами и слушателями, но и перед профессорско-преподавательским составом	43,6	17,8
6. Отладить систему поиска, отбора и подготовки ориентированных на научную деятельность курсантов и слушателей, уделив особое внимание обучающимся первых курсов	17,3	4,4
7. Привлечь больше профессоров для проведения учебных занятий – их научный потенциал даст стимул для научной деятельности обучающихся	9,6	6,7
8. Делать акцент в работе с обучающимися на научно-представительских мероприятиях с соревновательными элементами, предполагающих «живое» общение участников таких мероприятий	11,7	11,1
9. Активизировать участие обучающихся в научных кружках	6,4	2,2
10. Внедрение показателей научного рейтинга среди обучающихся с последующим награждением лидеров данного рейтинга	11,7	6,7

Источник: составлено автором на основе опроса ППС ДВЮИ МВД России, курсантов и слушателей Института, 2023 г.

Адъюнкты Института также настаивают на том, что главным обстоятельством, мотивирующим к научному труду курсантов, слушателей и адъюнктов, является профессиональная деятельность научных руководителей из числа ППС Института: *«очень важны «заразительные» педагоги, преподаватели, которые бы стимулировали к науке и своим примером показывали, каких высот можно добиться в этой области», «У меня почему появился интерес? Я встретил человека, который стал для меня авторитетом, и я захотел заниматься и реализовывать*

себя в той же сфере, что и он», «очень хорошо, когда появляется преподаватель, который видит потенциал курсанта и может помочь его реализовать».

Заключение

На основании проведенных автором количественных и качественных опросов (фокус-групповых интервью) представлены результаты исследования общественного мнения ППС, курсантов, слушателей и адъюнктов Института о мотивации к научно-исследовательской деятельности.

Анализ мнений ППС показал, что в целом, несмотря на то, что преподаватели Института видят себя, прежде всего, в качестве педагогов, они обладают значительным мотивационным потенциалом для ведения научно-исследовательской деятельности. Главным фактором, побуждающим ППС к НИР является возможность повысить уровень педагогического профессионализма (получение новых знаний в научной сфере, по мнению большинства опрошенных, позволяет проводить более содержательные, информативные учебные занятия).

В качестве преград для ведения научной деятельности ППС называет документооборот, сопровождающий проведение научно-исследовательской работы, что во многом отражает общероссийские контуры развития высшего образования.

Меры, направленные на повышение вовлеченности курсантов и слушателей в научную деятельность, по мнению ППС, предполагают некоторую переориентацию на научно-исследовательскую работу с иных видов деятельности обучающихся, что требует поиска баланса между образовательным и ведомственным началами в организации научной деятельности не только обучающихся, но и ППС Института.

Сами обучающиеся перспективы развития мотивационного потенциала своей научно-исследовательской работы также связывают, прежде всего, с наличием яркого, компетентного, заинтересованного в научных изысканиях и достижениях преподавателя-научного руководителя, способного заинтересовать научной деятельностью обучающихся.

При этом наукометрические основания ведения научной деятельности не добавляют мотивации к её ведению ни у преподавательского состава, ни у обучающихся Института.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны при корректировке подходов к повышению мотивации к ведению научной работы преподавательским составом и обучающимися образовательных организаций системы МВД России в целях надлежащего научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях новых вызовов, возникших перед ведомством в последние годы.

Список источников:

1. Волковицкая, Г. А. Мотивационный потенциал личности: опыт социологического анализа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 2. С. 355–363. EDN: UIXIAP.
2. Кузнецов, П. С. Причины роста преступлений в сфере компьютерной информации в современной России // Вестник магистратуры. 2020. № 4-3 (103). С. 73–75. EDN: GORCVK.
3. Култыгин, В. П. Концепция социального обмена в современной социологии // Социологические исследования. 1997. № 5.
4. Павлова, Е. В. Мотивация научной деятельности: классификация и факторы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 103–108. EDN: AGYBUK.
5. Попова, И. П. Гендерное равенство как фактор профессиональной карьеры в сфере науки и технологий // Мир России. 2021. Т. 30. № 2.
6. Тамбиянц, Ю. Г., Шалин, В. В. Бюрократизация отечественного высшего образования: факторы и перспективы // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 31–39. EDN: RMTBMD. DOI: 10.24158/fik.2021.5.4.
7. Темницкий, А. Л. Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских ученых // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 28–43. DOI 10.31857/S0132162524030033.

8. Черныш, М. Ф. Как быть в текущей ситуации? // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 2. С. 12–18. EDN: GAYISH. DOI: https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.2.1.

9. Шупер, В. А. Научное сообщество между растерянностью и реакционностью // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3. С. 171–188. EDN: JELRYK. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66.

10. Шматко, Н., Волкова, Г. Служба или служение? Мотивационные паттерны российских ученых // Форсайт. 2017. Т. 11. № 2. С. 54–66. EDN: YZMHRJ. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66.

References:

1. Volkovitskaya, G. A. (2015) Motivational potential of the individual: an experience of sociological analysis *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], vol. 2, no. 2, pp. 355–363. EDN: UIXIAP (in Russ.).

2. Kuznetsov, P. S. (2020) Reasons for the increase in crimes in the field of computer information in modern Russia *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Magistracy], no. 4–3 (103), pp. 73–75. EDN: GORCVK (in Russ.).

3. Kultygin, V. P. (1997) The concept of social exchange in modern sociology *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], no. 5 (in Russ.).

4. Pavlova, E. V. (2022) Motivation of scientific activity: classification and development factors *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], no. 4, pp. 103–108. EDN: AGYBUK (in Russ.).

5. Popova, I. P. (2021) Gender equality as a factor in professional career in science and technology *Mir Rossii=Mir Rossii*, vol. 30, no. 2 (in Russ.).

6. Tambiyants, Yu. G., Shalin, V. V. (2021) Bureaucratization of domestic higher education: factors and prospects *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], no. 5, pp. 31–39. EDN: RMTBMD. DOI: 10.24158/fik.2021.5.4 (in Russ.).

7. Temnitsky, A. L. (2024) Motivation and the problem of productivity of scientific activity of Russian scientists *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], no. 3, pp. 28–43. DOI 10.31857/S0132162524030033 (in Russ.).

8. Chernysh, M. F. (2023) What to do in the current situation? *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika* [Science management: theory and practice], vol. 5, no. 2, pp. 12–18. EDN: GAYISH. DOI: https://doi.org/10.19181/smtp.2023.5.2.1 (in Russ.).

9. Shuper, V. A. (2022) Scientific community between confusion and reactionary attitude *Upravleniye naukoy: teoriya i praktika* [Science management: theory and practice], vol. 4, no. 3, pp. 171–188. EDN: JELRYK. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66 (in Russ.).

10. Shmatko, N., Volkova, G. (2017) Service or ministry? Motivational patterns of Russian scientists *Forsayt* [Foresight], vol. 11, no. 2, pp. 54–66. EDN: YZMHRJ. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.1.54.66 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 12.11.2024; approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Информация об авторе

Е. А. Клеймёнов – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России.

Information about the author

E. A. Kleymyonov – Candidate of Sociology, Associate professor, Head of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Научная статья
УДК 338.2:004
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-152-160

Формирование механизма и методики программно-проектной оценки результативности деятельности ОМС по комплексному развитию территории

Татьяна Владимировна Челаева
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
chelaeva@mail.ru.

Аннотация. *Цель настоящей статьи заключается в разработке системы программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории. Для достижения указанной цели определены задачи по определению элементов механизма оценки, формированию программно-проектных мероприятий и направлений оценки, логики построения механизма оценки, а также по разработке методики программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории. Данная статья основана на методах функционального анализа, сравнения, классификации показателей и направлений оценок, прогнозирования алгоритма и модели оценки. Автором статьи рассмотрены методы и способы программно-проектной оценки, основанной на реализуемых органами местного самоуправления мероприятиях по национальным проектам, государственным программам Российской Федерации, государственным программам субъекта Российской Федерации и муниципальным программам, направленным на комплексное развитие муниципального образования. Комплексное развитие территории в контексте данной статьи рассматривается в рамках концепции сбалансированности, т. е. пропорциональности реализуемых программно-проектных мероприятий, устойчивости – динамического развития и результативности в достижении поставленных целей. Соответственно, источником развития территории являются денежные средства муниципального, регионального и федерального бюджета. В заключении сделан вывод о необходимости внедрения в деятельность органов местного самоуправления предлагаемой системы программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории, по которой можно оценить как общую результативность всей деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории, так и совокупность отдельных направлений развития (социального, экономического, инфраструктурного, культурного, экологического и пр.).*

Ключевые слова: *программа, проект, механизм, методика, муниципальное образование, комплексное развитие*

Для цитирования: Челаева Т. В. Формирование механизма и методики программно-проектной оценки результативности деятельности ОМС по комплексному развитию территории // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 152–160. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-152-160

Original article

Formation of a Mechanism and Methodology for Program-Project Assessment of the Effectiveness of the Activities in the Compulsory Medical Insurance Agency for the Integrated Development of the Territory

Tatyana V. Chelayeva
The Pacific State University, Khabarovsk, Russia
chelaeva@mail.ru

Abstract. *The purpose of this article is to develop a system of program and project assessment of the effectiveness of local government activities in the integrated development of the territory. To achieve this goal, the tasks of determining the elements of the assessment mechanism, forming program and project activities and assessment areas and the logic of constructing the assessment mechanism, as well as developing methodology for program and project assessment of the effectiveness of local government activities in the integrated development of the territory are defined. This article is based on the methods of functional analysis, comparison, classification of indicators and assessment areas, forecasting the algorithm and assessment model. The author of the article considers the methods and techniques of the program and project assessment based on the activities implemented by local governments under national projects, state programs of the Russian Federation, state programs of a constituent entity of the Russian Federation and municipal programs aimed at the integrated development of a municipality. Integrated development of the territory in the context of this article is considered within the framework of the concept of balance, i.e. proportionality of the implemented program and project activities, sustainability - dynamic development and effectiveness in achieving the set goals. Accordingly, the source of development of the territory is the funds of the municipal, regional and federal budget. In conclusion, the author emphasizes the need to introduce the proposed system of program-project assessment of the effectiveness of local government bodies' activities in the integrated development of the territory into the activities of local government bodies. According to this system, it is possible to assess both the overall effectiveness of all activities of local government bodies in the integrated development of the territory, and the totality of individual areas of its development (social, economic, infrastructural, cultural, environmental, etc.).*

Keywords: *program, project, mechanism, methodology, municipality, integrated development*

For citation: Chelayeva T. V. (2024) Formation of a Mechanism and Methodology for Program-Project assessment of the Effectiveness of the Activities in the Compulsory Medical Insurance Agency for the Integrated Development of the Territory *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 152–160. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-152-160

Введение

В современных условиях конкурентоспособность муниципальных образований характеризуется высокой результативностью их деятельности, которая зависит от взаимодействия государства, органов власти и жителей муниципального образования. Муниципальные образования в целях достижения запланированных результатов используют все имеющиеся возможности для уменьшения финансовой нагрузки на местный бюджет и привлечения федеральных и региональных средств для выполнения программно-проектных мероприятий по достижению стратегических целей

комплексного развития территории. Полученные результаты подлежат оценке[1]. Для оценки результативности деятельности органов местного самоуправления разрабатываются различные методики[2] [Погребцова, 2021]. Однако нельзя не отметить, что научные публикации и существующие методики оценки деятельности органов местного самоуправления не содержат показателей, оценивающих комплексность развития территории, поэтому в данной статье предлагается рассмотреть механизм и методику программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории

Методы исследования

Исследования по данной статье основаны на методах функционального анализа, сравнения, классификации показателей и направлений оценок, прогнозирования алгоритма и модели оценки.

Методология исследования

В работах Е. Г. Анимицы, Н. В. Новиковой, В. А. Сухих, П. А. Минакира отмечено, что оценка результатов деятельности, которая в теоретико-методологическом аспекте представлена в виде программно-проектного подхода [Анимица, 2008], который основан на использовании проектов и программ федерального, регионального и муниципального уровня [Минакир, 2013; Биярсланов, 2024]. От того, насколько успешно орган местного самоуправления достигает своих целей путем участия муниципалитета в муниципальных и государственных программах [Морозова, 2019], зависит результативность его деятельности по комплексному развитию территории. Однако при оценке деятельности также важно использовать функциональный подход, поскольку государство передает местному самоуправлению определенные управленческие функции [Преснякова, 2019]. Методология познания оценки деятельности органов местного самоуправления берет свое начало с зарубежных стран, где вопросами оценки деятельности и разработки процесса отчетности перед жителями о результатах деятельности органов местного самоуправления стали заниматься еще в начале XX века. По мнению Д. Уильямс (D. Williams), «дискуссии вокруг оценки эффективности органов местного самоуправления начались с момента внедрения отчетности о результатах деятельности в Нью-Йорке» [Williams, 2003], которые отражены в долгосрочной муниципальной программе 1906 г. Поэтому для решения существующих проблем в данной сфере необходимо руководствоваться зарубежным опытом оценки деятельности органов муниципальной власти.

В последующие годы XX–XXI вв. методология оценки деятельности органов местного самоуправления получила развитие в трудах Питера Друкера, который является основоположником системы оценки результатов деятельности. Другие авторы рассматривают подходы к оценке деятельности органов местного самоуправления исходя из развития территории муниципального образования посредством участия в реализации программных и проектных мероприятий [Никонова, 2008; Новоселов, 2019; Фадейкина, Синкина, 2018; Серова , 2015]. Кроме этого, вопросы оценки деятельности органов местного самоуправления закреплены на законодательном уровне в федеральном законе о местном самоуправлении. Оценка работы органов муниципальной власти осуществляется в сфере школьного, дошкольного образования, культуры, спорта, жилищного строительства и ЖКХ, муниципального управления и экономического развития [Стукалов, 2015].

С точки зрения практического выполнения оценки деятельности органов местного самоуправления, существующая система оценки не отражает результаты оценки комплексного развития территории муниципального образования в контексте программно-проектных мероприятий, реализованных по муниципаль-

[1] *Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»*

[2] *Постановление Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»*

ным и государственным программам, а также национальным проектам Российской Федерации.

В связи с этим, важными задачами являются определение элементов механизма оценки, формирование программно-проектных мероприятий и направлений оценки, логики построения механизма оценки, а также разработки методики программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории.

Основные результаты исследования

Механизм программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории, встроенный в систему местного самоуправления, позволяет строить оценку результатов деятельности с учетом показателей, характеризующих сбалансированность, устойчивость и результативность деятельности муниципальных образований, путем интеграции административной, финансовой и публичной оценки. Механизм программно-проектной оценки деятельности органов местного самоуправления включает в себя следующие элементы: стратегические цели, приоритетные задачи, направления программно-проектных мероприятий, характеризующих комплексность развития территории, финансовые ресурсы (источник финансирования), принципы комплексного развития территории, критерии оценки и оценку результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории. При этом оценка результатов комплексного социального, экономического и экологического развития, в отличие от существующей системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, должна существовать не как самостоятельная система сбора информации, а как механизм муниципального управления, предусматривающий выполнение программно-проектных мероприятий, финансового обеспечения реализации мероприятий путем участия в национальных проектах, государственных программах федерального и регионального уровня, муниципальных программах и построение на их основе интегральной оценки (рис. 1).

Программно-проектные мероприятия формируются исходя из целевых показателей муниципальных программ. Мероприятия реализуются за счет средств федерального, регионально и муниципального бюджета. Механизм программно-проектной оценки построен на использовании данных ежегодных годовых отчетов о ходе реализации и оценки эффективности реализации муниципальных программ. В отчетах отражены результаты основных показателей (индикаторов) оценки: сведения о выполнении мероприятий муниципальных программ характеризуют степень выполнения мероприятий исходя из фактически реализованных и запланированных программно-проектных мероприятий; сведения об использовании финансовых средств муниципального бюджета характеризуют степень финансового обеспечения реализации мероприятий исходя из фактически понесенных расходов и запланированных средств, а также соотношение привлеченных средств по направлениям национальных проектов, государственных программ РФ, государственных программ субъекта РФ, муниципальных программ к собственным средствам. Использование данных годовых отчетов в проведении программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления достоверно отражает объективность результатов оценки и соотношение количества опрошенных граждан, удовлетворенных результатами главы и деятельностью органа местного самоуправления по комплексному развитию территории к общему количеству жителей, принявших участие в социологическом опросе. Завершающая оценка результативности деятельности органов местного самоуправления строится на результатах интегральной оценки, состоящей из суммы рассмотренных выше результатов показателей/критериев оценки.

Оценка результативности деятельности комплексного развития территории включает в себя и публичную оценку, которая подразумевает участие в оценке заинтересованных лиц и информационную открытость, раскрытие информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет об оценке результатов деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории.

Участниками публичной оценки в ка-

честве заинтересованных сторон выступают представители законодательных и исполнительных органов власти, представители органов местного самоуправления и их представительные органы, представители общественных организаций, профессиональных и экспертных сообществ со своими формами участия.

Методика программно-проектной оценки результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории

Применяемая в России методика оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, по которой оценка выполняется в отношении основных социально-экономических показателей развития, не отражает результаты комплексного развития муниципальных образований, осуществляемого в рам-

Рис.1 Механизм программно-проектной оценки

ках реализации программно-проектных мероприятий, предусмотренных национальными проектами, государственными программами РФ, субъекта РФ и муниципальными программами.

В целях совершенствования муниципального управления в части оценки комплексного развития территории предлагается объектом программно-проектной оценки считать результаты выполнения программно-проектных мероприятий, финансовой обеспеченности реализации мероприятий за счет средств федерального, регионального и муниципального бюджета. Между тем всегда существует сложность оценить результаты по одному показателю оценки, поэтому предлагается оценку результативности деятельности муниципальной власти выполнять в виде интегральной оценки суммы всех показателей оценки: степени достижения реализуемых мероприятий по направлениям национальных проектов, государственных программ федерального и регионального уровня, муниципальных программ, исходя из достижения стратегических целей развития муниципального образования и размера финансового обеспечения и привлечения денежных средств для реализации программно-проектных мероприятий, а также уровня удовлетворенности жителей муниципального образования деятельностью органа местного самоуправления (рис. 2).

В основе программно-проектной оценки лежат принятые муниципалитетом муниципальные программы и отчетные

Рис. 2. Методика программно-проектной оценки деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории

данные о ходе реализации муниципальных программ, в которых отражены результаты о выполненных мероприятиях и их финансовом обеспечении.

Программно-проектная оценка результативности деятельности муниципальной власти выполняется путем соотнесения плановых количественных, качественных и финансовых показателей с фактически реализованными мероприятиями и финансовым обеспечением их реализации по национальным проектам, государственным и муниципальным программам. Для каждого показателя оценки разрабатывается шкала оценки с описанием установленных пределов значений.

Подобные подходы программно-проектной оценки результатов деятельности муниципальной власти по комплексному развитию территории на сегодняшний день отсутствуют.

Практическое преимущество предлагаемой методики сложно недооценить, поскольку она предоставляет уникальную возможность выполнять программно-проектную оценку количества и качества результатов комплексного развития территории по выборочным и совокупным направлениям или отраслям развития, например, только по социальной сфере комплексного развития или жилищно-коммунальной, или инфраструктурной сфере развития и т. д.

Заключение

Сравнивая существующую систему оценки деятельности органов местного самоуправления, состоящую из 7 направлений оценки, и программно-проектную оценку результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории, охватывающую 21 направление (табл. 1), можно констатировать, что в отличие от существующей системы оценки автор-

Таблица 1

Характеристика направлений оценки деятельности органов местного самоуправления

№	Приоритетные направления оценки	Существующая система оценки деятельности органов местного самоуправления	Авторская программно-проектная оценка результативности деятельности органов местного самоуправления по комплексному развитию территории
1.	Развитие сферы культуры	X	X
2.	Газификация		X
3.	Защита населения от ЧС и ПБ		X
4.	Охрана окружающей среды		X
5.	Развитие дорожной инфраструктуры		X
6.	Развитие физической культуры	X	X
7.	Информационное развитие		X
8.	Профилактика правонарушений		X
9.	Доступная среда		X
10.	Жилье для молодых семей		X
11.	Капитальный ремонт объектов ЖКХ	X	X
12.	Комплексное развитие сельских территорий		X
13.	Управление муниципальным имуществом		X
14.	Повышение квалификации		X
15.	Развитие жилищного строительства	X	X
16.	Развитие образования	X	X
17.	Поддержка предпринимательства		X
18.	Развитие сельскохозяйственного производства		X
19.	Развитие и поддержка СОНКО		X
20.	Управление муниципальными финансами		X
21.	Чистая вода		X
22.	Экономическое развитие	X	
23.	Муниципальное управление	X	

Источник: составлено автором.

ская система оценки позволяет оценить результаты целого ряда совокупности приоритетных направлений оценки, отражающих комплексность развития территории муниципального образования.

Учитывая, что в настоящее время отсутствуют нормативные акты, предусматривающие данную оценку, можно предположить, что предлагаемая автором система оценки будет отражать результаты деятельности муниципальных образований по комплексному развитию территории.

Список источников:

1. Анимица, Е. Г., Новикова, Н. В., Сухих, В. А. Программно-проектный подход - важнейший инструмент регионального развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 2(21). С. 50–57. EDN: PVCSCB

2. Биярсланов, Б. Г. Методологическое обеспечение оценки эффективности реализации национальных проектов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 5, № 4(145). С. 104–110. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.05.013 EDN: XIFAYS

3. Минакир, П. А., Прокапало, О. М. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 103–122. EDN: SBPPEB

4. Морозова, Т. А. Роль муниципальных программ в развитии муниципального образования // Инновационные технологии управления и права. 2019. № 1(24). С. 53–58. EDN: ZZEWPZ

5. Никонова, Я. И., Каркавин, М. В., Димакова, Е. С. Организация стратегического планирования устойчивого развития крупных городов: теоретические и методологические аспекты. Монография / под ред. А. Г. Ивасенко; Мин-во обр. и науки РФ; Федер. агентство по обр.; Новосиб. гос. тех. ун-т, Бердский фил. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 234 с. ISBN: 978-5-7692-1029-7 EDN: QTIILH

6. Новоселов, В. В., Фадейкина, Н. В. Развитие муниципального менеджмента и менеджмента публичных ценностей: теоретические и концептуальные аспекты // Сибирская финансовая школа. 2019. № 3(134). С. 85–92. EDN: AEAZLV

7. Погребцова, Е. А. Методика оценки эффективности муниципального управления как основа устойчивого развития сельских территорий // Международный журнал социогуманитарных исследований. 2021. № 2 (2). С. 25–35. EDN: POFHLJ

8. Преснякова, Т. С. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления: российский и зарубежный опыт // Регионология. 2014. № 4(89). С. 14–21. EDN: TGOVVN

9. Серова, Н. А. Местное самоуправление в регионах Севера и Арктики РФ // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 536. EDN: VIEDBH

10. Стукалов, А. В. Полномочия органов местного самоуправления в сфере ЖКХ: вопросы теории и практики. Москва: Проспект, 2015. 176 с. ISBN: 978-5-392-18426-2 EDN: VWBCBE

11. Фадейкина, Н. В., Синкина, А. А. Развитие концепта системы публичного управления социально-экономическим развитием и бюджетным процессом публично-правовых образований: 2004–2018 годы // Сибирская финансовая школа. 2018. № 5 (130). С. 3–20. EDN: YPEUTB

12. Williams, D. Measuring Government in the Early Twentieth Century // Public Administration Review. 2003. № 63 (6). Pp. 643–659. DOI: 10.1111/1540-6210.00329 EDN: EUDIDJ

References:

1. Animitsa, E. G., Novikova, N. V., Sukhikh, V. A. (2008) Program-project approach - the most important tool for regional development *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* Bulletin of the Ural State University of Economics, no. 2 (21), pp. 50–57. EDN: PVCSCB (in Russ.).

2. Biyarslanov, B. G. (2024) Methodological support for assessing the effective-

ness of national projects *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economy and Management: Problems, Solutions], vol. 5, no. 4 (145), pp. 104–110. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.05.013 EDN: XIFAYS (in Russ.).

3. Minakir, P. A., Prokapalo, O. M. (2013) State program of the Russian Federation "Socio-economic development of the Far East and the Baikal region" Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics, no. 1, pp. 103–122. EDN: SBPPEB (in Russ.).

4. Morozova, T. A. (2019) The role of municipal programs in the development of a municipality *Innovatsionnyye tekhnologii upravleniya i prava* [Innovative technologies of management and law], no. 1(24), pp. 53–58. EDN: ZZEWPZ (in Russ.).

5. Nikonova, Ya. I., Karkavin, M. V., Dimakova, E. S. (2008) Organization of strategic planning for the sustainable development of large cities: theoretical and methodological aspects. Monograph / edited by A. G. Ivasenko; Ministry of Education and Science of the Russian Federation; Federal Agency for Education; Novosibirsk State Tech. University, Berdsk Branch. Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 234 p. ISBN: 978-5-7692-1029-7 EDN: QTIILH (in Russ.).

6. Novoselov, V. V., Fadeikina, N. V. (2019) Development of municipal management and public values management: theoretical and conceptual aspects *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian financial school], no. 3 (134), pp. 85–92. EDN: AEAZLV (in Russ.).

7. Pogrebtsova, E. A. (2021) Methodology for assessing the effectiveness of municipal management as a basis for sustainable development of rural areas *Mezhdunarodnyy zhurnal cotsiogumanitarnykh issledovaniy* [International Journal of Social and Humanitarian Research], no. 2 (2), pp. 25–35. EDN: POFHLJ (in Russ.).

8. Presnyakova, T. S. (2014) Assessment of the effectiveness of local governments: Russian and foreign experience *Regionologiya* [Regional studies], no. 4 (89), pp. 14–21. EDN: TGOVVN (in Russ.).

9. Serova, N. A. (2015) Local self-government in the regions of the North and Arctic of the Russian Federation *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], no. 1–1, pp. 536. EDN: VIEDBH (in Russ.).

10. Stukalov, A. V. (2015) Powers of local governments in the sphere of housing and communal services: issues of theory and practice. Moscow: Prospect, 176 p. ISBN: 978-5-392-18426-2 EDN: VWBCBE (in Russ.).

11. Fadeikina, N. V., Sinkina, A. A. (2018) Development of the concept of the public administration system of socio-economic development and budgetary process of public-law entities: 2004–2018 *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian financial school], no. 5 (130), pp. 3–20. EDN: YPEUTB (in Russ.).

12. Williams, D. (2003) Measuring Government in the Early Twentieth Century *Obzor gosudarstvennogo upravleniya* [Public Administration Review], no. 63 (6), pp. 643–659. DOI: 10.1111/1540-6210.00329 EDN: EUDIDJ

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Информация об авторе

Т. В. Челаева – аспирант, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

T. V. Chelayeva – Graduate student, the Pacific State University.

Научная статья
УДК 316.722:322
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-161-171

Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей российского общества: правовые и социальные аспекты

Наталья Михайловна Медведева[1], Александр Иванович Медведев[2]
[1,2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] medvedeva-nm@ranepa.ru
[2] medvedev-ai@ranepa.ru

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей как предмета государственной политики и общественного сознания населения, прежде всего молодежи. На современном этапе на всех уровнях власти поднимаются вопросы о государственной политики духовно-нравственного воспитания для сохранения российской идентичности. На основе обзора научных публикаций, посвященных вопросам развития системы духовно-нравственных ценностей, а также анализа социально-правового законодательства, результатов социологических исследований показано, что необходимо постоянно анализировать и совершенствовать подходы и инструменты для формирования особенно у молодого поколения таких духовно-нравственных ценностей, как целеустремленность, вера в добро, крепкая семья, созидательный труд, мужество, преданность своей стране, единство людей, преемственность национальной истории. Анализ правового обеспечения в указанной сфере отношений привел к выводу о необходимости расширения пределов правового регулирования законодательства в части сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей в процессе образования и воспитания молодежи в Российской Федерации. В статье сделан вывод о необходимости установления правовой базы духовно-нравственного воспитания в виде нормативно-правовых актов, которые будут соответствовать целям развития комплексной системы образования. Вся структура системы образования и воспитания должна быть ориентирована на отстаивание традиционных российских духовных, нравственных и культурно-исторических ценностей.*

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, правовое обеспечение, социологические исследования, молодежь, Хабаровский край*

Для цитирования: Медведева Н. М., Медведев А. И. Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей российского общества: правовые и социальные аспекты // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 161–171. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-161-171

Original article

Preservation and Strengthening of Spiritual and Moral Values in Russian Society: Legal and Social Aspects

Natalia M. Medvedeva[1], Alexander Ivanovich Medvedev [2]
[1,2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1] medvedeva-nm@ranepa.ru
[2] medvedev-ai@ranepa.ru

Abstract. *The article examines the issues of preserving and strengthening spiritual and moral values as a subject of state policy and public consciousness of the population, especially among young people. At the present time questions are being raised at all levels of government, considering the state policy of spiritual and moral education for the preservation of Russian identity. The results of sociological research based on a review of scientific publications devoted to the development of the system of spiritual and moral values, as well as an analysis of social and legal regulation have shown that it is necessary to constantly analyze and improve approaches and tools for the formation of such spiritual and moral values as determination, faith in goodness, strong family, creative work, courage, devotion to one's country, unity of people, and continuity of national history, especially among the younger generation. The analysis of legal support in this area of relations has led to the idea that we need to expand the limits of legal regulation in terms of preserving and strengthening spiritual and moral values in the process of education and upbringing of young people in the Russian Federation. The authors of the article conclude that it is necessary to establish a legal basis for spiritual and moral education in the form of regulatory legal acts that will correspond to the goals of developing a comprehensive education system. The entire structure of the education and upbringing system should be focused on upholding traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values.*

Keywords: *spiritual and moral values, legal support, sociological research, youth, Khabarovsk Territory*

For citation: Medvedeva N. M., Medvedev A. I. (2024) Preservation and Strengthening of Spiritual and Moral Values in Russian Society: Legal and Social Aspects *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 161–171. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-161-171

Введение

Современные изменения в экономике и социальной сфере российского общества ослабляют его коллективистское и усиливают индивидуалистическое сознание и поведение, материальную зависимость младшего поколения от старшего, а широкая доступность информационных ресурсов ведет к отсутствию необходимости обращаться к жизненному опыту и знаниям, которые накопило старшее поколение.

В этой связи важно, чтобы государственная политика в духовно-нравственной сфере была направлена на сохранение традиционных ценностей, на воспитание высоконравственного, патриотически настроенного поколения. Фундаментальные цели человеческой жизни основаны на духовных и нравственных ценностях, которые делают нашу жизнь успешной, позитивной. К этим ценностям относятся взаимопомощь, целеустремленность, вера в добро, крепкая семья, созидательный труд, преданность своей стране, единство людей, преемственность национальной истории.

В последнее время все сильнее осознаются основополагающие принципы, которые носят духовный и этический характер, и необходимость их соблюдения. К ним относятся такие ценности, как милосердие, сотрудничество, справедливость, честность, патриотизм, гармония между народами и сохранение национального

наследия. Особенно значимо это проявляется в условиях, когда страна ведет специальную военную операцию в целях демилитаризации и денацификации Украины и отстаивает свой суверенитет и право на традиционные духовно-нравственные ценности в противодействии недружественным странам коллективного Запада как партии войны и их санкционной политики против России. Высокий уровень консолидации российского общества в общенациональном движении «МЫВМЕСТЕ» наглядно демонстрирует духовно-нравственный потенциал россиян, в частности молодого поколения, по достижению целей нашей победы.

Вместе с тем актуальной остается оценка Президента РФ В. В. Путина в Послании Федеральному собранию 2012 г.: «… в начале XXI века мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность»[1]. Ведущая роль в укреплении духовно-нравственных ценностей, по словам Президента РФ, должна принадлежать образованию, культуре и молодежной политике. В первую очередь, политика государства должна быть направлена на сохранение и укрепление традиций и традиционных ценностей.

Анализ правового обеспечения и результатов социологических исследований в указанной сфере отношений свидетельствуют о необходимости расширения пределов социально-правового регулирования законодательства в части сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей в процессе образования и воспитания молодежи Российской Федерации.

Обсуждение темы

Сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей российского общества и роль в этом политики государства являются объектом исследований широкого круга отечественных ученых. При этом государственная политика направлена не только на сохранение и поддержание традиционных ценностей, их передачу молодому поколению, но и на противодействие деструктивной идеологии, обеспечение морального лидерства России в международных отношениях. Ее важным элементом является воспитание молодежи в соответствии с традиционными ценностями, которые должны быть не только воспитаны, но и усвоены через образование [Прогнозируемые вызовы…, 2021]

Традиционные ценности, сформированные в течение многовековой истории нашей страны, представляют собой концепты, которые выражают непреложные истины, принятые большинством как морально-нравственные основы. Содержание этих ценностей должно быть отражено в нормативной деятельности [Митрофанова, 2021].

По мнению Э. Г. Юзихановой, С. В. Смеловой, «эффективность и качество проведения государственной политики, направленной на защиту традиционных ценностей, зависят не только от закрепленных законодательно понятий, но и от единого понимания их содержания всеми членами общества. Все должны понимать принципы построения отношений в обществе, важно развитие здорового общества на психическом уровне, для этого каждый должен понимать принципы построения отношений в обществе и роль государства в решении проблем» [Юзиханова, Смелова, 2022].

Как считают С. Н. Лукаш, В. А. Зуев, И. В. Концевич, образование играет важную роль в формировании ценностной системы общества. Отношение учащихся к своим духовным корням, культурному и нравственному наследию является ключевым фактором для будущего нашей страны. Школа должна проявлять заботу о формировании патриотизма, воспитании любви к Родине и ко всем людям, независимо от их национальной принадлежности и религиозных убеждений [Лукаш, Зуев, Концевич, 2022].

О. Р. Сигнаевская утверждает, что «конкурентоспособное … образование, основу которого составляют духовно-нравственные ценности, поможет россий-

[1] *Об образовании в Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г.: по состоянию на 17 фев. 2023 г.] // Собрание законодательства РФ. 2012. -№ 53 (ч. I). Ст. 7598.*

скому народу … решить проблему обеспечения собственной национальной безопасности и гражданских свобод в долгосрочной перспективе». [Сигнаевская, 2008]

В ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) закреплено: воспитание есть «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей, принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства»[2]. Согласно ст. 87 Закона об образовании, используется понятие «духовно-нравственное и культурное развитие народов», включая религиозные и теологические аспекты [Алексеева, Шумилина, Филимонова, 2022].

Однако Закон об образовании не определяет полностью предмет и содержание воспитания во взаимосвязи с духовно-нравственным развитием человека, а рассматривает сущностную сторону их взаимосвязи, в основном с точки зрения социальных характеристик. Также статья 87 Закона об образовании больше определяет порядок и условия осуществления религиозного, а не духовно-нравственного воспитания, что не одно и то же, поскольку духовность и религиозность – это разные понятия. Возникают такие концептуальные и правоприменительные проблемы, как отсутствие утвержденного порядка, условий и форм просветительской деятельности, которые должны быть утверждены Правительством РФ в соответствии со статьей 12.2 Закона об образовании и т. д.

Важной характеристикой высоконравственной личности является соответствие мотивов поведения и характера поступков личности нормам и правилам нравственности. Выделение этого показателя в качестве основного для определения высоконравственной личности позволяет выделить и другие характеристики [Насиров, 2020]: полное усвоение моральных и нравственных принципов; готовность устанавливать отношения с людьми на основе гуманистических принципов; отношение к высшим духовным ценностям.

Термин «духовное и нравственное развитие» применяется не только в законодательстве об образовании, но и в других отраслях права. Однако термин «духовно-нравственное воспитание» в большей степени используется в законодательстве, которое регулирует деятельность субъектов, нуждающихся в целенаправленном воздействии на их духовное и нравственное развитие [Мореева, Манин, 2021].

Отсутствие четкого определения понятия «духовно-нравственное воспитание» в федеральных законах связано с трудностями определения его основных черт, предмета и сущности как деятельности, охватывающей все стороны духовного мира человека. Точно так же сложно определить понятие духовно-нравственного развития, поскольку оно относится к результату деятельности без полного понимания ее предмета и сущности.

Понятие «образование» преимущественно социальное, а не юридическое [Бичегкуева, 2020]. Для юридических целей больше подходит термин «воспитание на основе духовно-нравственных ценностей», так как образование предполагает ознакомление с определенной системой ценностей.

Отсюда следует, что духовно-нравственное воспитание точно так же, как духовно-нравственное развитие, можно понимать как результат воспитания, основанного на определенном наборе духовно-нравственных ценностей.

Вопросам развития системы духовно-нравственных ценностей и ее характеристике, а также государственной политике в целях их сохранения и укрепления посвящены труды многих исследователей [Ушинский, 2018], [Маслов, Маслова, 2013], [Дуранов, 2003], [Любимов, 2007], [Юзихановой, Смеловой, 2022], [Гуляихин, Андрющенко, Фантров, Галкина, 2018], [Сингаевская, 2008] и др. При этом существенно возрос интерес науки и практики управления к социологическим исследованиям духовно-нравственных, традиционных ценностей россиян, в том числе молодого поколения, результаты которых позволяют совершенствовать политику государства применительно к

[1] *Об образовании в Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г.: по состоянию на 17 фев. 2023 г.] // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.*

современным условиям российского общества и геополитической ситуации.

Правовая основа как методология исследования

Сущность понятий «духовность» и «нравственность» заложена в Конституции РФ, они рассматриваются как отдельные качества личности, которые необходимо всесторонне развивать. Это является отражением новых подходов к воспитанию детей по обеспечению эффективного освоения духовных и нравственных ценностей, на основе которых у них формируются личностные смыслы, потребности в самообразовании и саморазвитии.

Констатация значения духовного наследия в ст. 67.1 Конституции РФ позволяет рассматривать основы правового обеспечения духовно-нравственного воспитания граждан как меру формирования информационного пространства знаний, также и другие положения Конституции РФ, которые касаются духовных основ конституционного строя РФ, включая свободу совести и вероисповедания, права и свободы человека в области культуры и др.[3]

В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.[4] одна из приоритетных задач в сфере воспитания – развитие высоконравственной личности. Опорой для воспитания должна стать система «духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством». Своими корнями Стратегия воспитания в России уходит в историческое культурное развитие страны, породившее такие традиционные ценности, как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, достоинство личности, вера в добро, чувство ответственности перед собой, семья и нация. Однако по мере реализации стратегии стало ясно, что показатели эффективности и критерии оценки нуждаются в обновлении для обеспечения эффективной реализации во всех регионах страны.

В Стратегии национальной безопасности РФ в перечень традиционных ценностей включены заявленные в Конституции РФ ценности и гарантии – жизнь, достоинство, права и свободы человека и гражданина, а также морально-нравственные качества человека. Они служат основой для государственной политики четко определенных мер, которые реализуются Президентом России и другими органами государственной власти с участием институтов гражданского общества. Стратегия государственной политики в духовно-нравственной сфере предполагает достижение следующих целей:

- сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению;
- противодействие распространению деструктивной идеологии;
- формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей[5].

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – Основы сохранения ценностей), определяют традиционные ценности как нравственные ориентиры, которые формируют мировоззрение россиян[6]. Они является логическим продолжением ранее принятых стратегических

[3] *Основы законодательства Российской Федерации о культуре: [закон РФ: утв. Верх. Советом РФ 9 окт. 1992 г.: по состоянию на 28 дек. 2022 г.] // Ведомости СНД РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 2615; О свободе совести и о религиозных объединениях: [федер. закон: принят Гос. Думой 19 сент. 1997 г.: по состоянию на 29 дек. 2022 г.] // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465 и др.*

[4] *Об утверждении Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г.: [распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г.] // Собрание законодательства РФ. 2015. № 23. Ст. 3307.*

[5] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: [указ Президента РФ от 2 июля 2021 г.] // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.*

[6] *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: [указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г.] // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502*

планов развития России до 2030 г.:

Стратегия национальной безопасности РФ (определяет объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, а также стратегические национальные приоритеты РФ)[7]; Стратегия национальной безопасности РФ[8], включает весь перечень базовых ценностей современного общества :патриотизм и гражданственность; жизнь и достоинство; права и свободы; высокие нравственные идеалы; гуманизм, милосердие, справедливость; коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным; историческая память, преемственность поколений; единство народов России.

Доктрина информационной безопасности РФ обеспечивает официальный уровень получения и использования информации, в том числе с помощью технологий, позволяющий в полной мере защищать ряд конституционных прав и свобод человека и гражданина[9].

Стратегия противодействия экстремизму РФ до 2025 г. содержит меры, направленные на стабилизацию общественно политической ситуации в стране, сокращение случаев проявления ксенофобии и радикализма в обществе, повышение уровня общественной безопасности, укрепление межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, развитие духовного и гражданского единства многонационального народа РФ[10].

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. содержит меры, направленные на укрепление государственного единства и целостности многонациональной РФ, сохранение этнокультурной самобытности ее народов[11].

Основы государственной культурной политики направлены на формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности, и укрепление единства и сплоченности российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития, включая воспитание, образование, литературу и творчество[12].

Стратегия информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. направлена на формирование информационного пространства, позволяющего гражданам получать объективную, достоверную, безопасную информацию для качественного повышения уровня знаний. Достижение качества и безопасности информационного пространства планируется за счет развития науки и отличных от телекоммуникационных форм распространения знаний[13].

Эти положения и развивающие их законодательные акты служат основой для создания целостного пространства духовно-нравственного развития и воспитания детей, основанного на базовых национальных ценностях.

Результаты исследования

Национальные ценности общества выявляются путем изучения бытия составляющего его народа. В рамках исследования мы можем обратиться к результатам социологических опросов и других методов исследований, полученных научным со-

[7] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru;*

[8] *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046*

[9] *Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12 2016 г. // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 06.12.2016;*

[10] *Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29.05.2020 N 344 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 29.05.2020;*

[11] *О плане мероприятий по реализации в 2022 - 2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 20.12.2021 N 3718-р// Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 29.12.2021.*

[12] *Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 09.11.2022*

[13] *О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 10.05.2017;*

обществом по этой теме.

Ценности общества, как накопленный опыт и мудрость предыдущих поколений, помогают ныне живущим сохранять свою идентичность, связывать людей вокруг общих целей и создавать стабильность частной и общественной жизни. Традиционные ценности способствуют формированию нравственных принципов и этических норм, которые определяют приоритеты и ориентиры для каждого человека.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) многие годы ведет социологический мониторинг представлений россиян о жизненных целях и ценностных ориентациях. Так, в исследованиях ВЦИОМ (2004–2005 гг.) изучались представления россиян вопрос об идеях и ценностях как источниках объединения российского общества.

В 2023 г. ВЦИОМ зафиксировал, что для подавляющего большинства россиян важно видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности (81%). Чем старше россияне, тем чаще они поддерживают этот тезис (92% к 54% среди 18–24-летних), тогда как молодежь, которая, как правило, в начале жизненного пути находится в поиске ориентиров и смыслов, чаще других говорит, что подобные установки для нее не важны (43% к 6% среди 60+).

Самые главные цели в жизни россиян – это здоровье (58%) и создание счастливой семьи (56%). Эти цели можно назвать универсальными, объединяющими, они занимают первые места во всех социально-демографических группах. В топ-5 целей вошли такие цели, как «иметь надёжных друзей, заниматься любимым делом» (по 31%), «иметь интересную работу» (26%) и «побывать в разных странах мира» (25%). По 14% отметили, что стремятся иметь возможность для свободного выражения своей позиции, мнения, иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие, а также получить качественное образование.

Возрастная специфика жизненных целей россиян проявляется в том, что молодежь 18–24 лет чаще стремится к целям, связанным с саморазвитием: сделать карьеру (30%), обзавестись полезными знакомствами (29%), получить качественное образование (26%), открыть свое дело (22%). Для них актуальнее иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие (19%). Но даже для самых молодых россиян (18-24) семья и воспитание детей остаются приоритетной целью в жизни (74%). Результаты исследования свидетельствуют, что с возрастом, когда образование получено, карьера понятна, и любимое дело, как правило, уже есть, здоровье и семья становятся основными целями в жизни.[14]

В социологическом измерении ценностных ориентаций широко используется методика М. Рокича, согласно которой выделяются терминальные и инструментальные ценности. Терминальные (ценности-цели) – убеждения в том, что достижение некоторых конкретных целей является смыслом человеческой жизни (или по-другому убеждения, что какая-то конечная цель индивидуального существования). Инструментальные ценности (ценности-средства) – убеждения в том, что какой-то образ действий, например честность, рационализм, является, с личной и общественной точек зрения, предпочтительным в любых ситуациях.

Анализ ответов школьников Хабаров-

Таблица 1

ТОП-5 ответов на вопрос: «Как вы считаете, есть ли какие-то идеи и ценности, которые могли бы объединить российское общество, и если есть, то какие?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	**2004 г.**	**2005 г.**
Повышение уровня и качества жизни населения	36,4	47,7
Стабильность, порядок	27,9	35,4
Равенство всех граждан перед законом»,	24,3	22,9
Сильная держава	19,6	22,8
Семья, будущее детей	18,7	15,1

Источник: Тарасова, 2016

[14] *Традиционные цели, современные цели. URL:https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi*

Таблица 2

Ранжирование ответов школьников 8–11 классов Хабаровского края на вопрос: «Выберите, пожалуйста, из ниже перечисленного списка не более СЕМИ наиболее значимых для Вас ценностей» *(в % от числа).*

Сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа

Терминальные ценности	**%**	**Инструментальные ценности**	**%**
1.Здоровье (физическое и психическое)	*65,2*	*Воспитанность (хорошие манеры, вежливость)*	*62,5*
2.Наличие хороших и верных друзей	*60,2*	*Жизнерадостность (чувство юмора)*	*57,1*
3.Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)	*48,4*	*Ответственность (чувство долга, умение держать слово)*	*53,9*
4.Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	*47,9*	*Честность (правдивость, искренность)*	*49,8*
5.Интересная работа	*44,0*	*Аккуратность (чисто-плотность, умение содержать в порядке свои вещи)*	*47,3*
6.Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	*43,6*	*Независимость (способность действовать самостоя-тельно, решительно)*	*45,5*
7.Удовольствия (жизнь, полная удовольствий, развлечений, приятного проведения времени)	*42,2*	*Образованность (широта знаний, высокая общая культура)*	*44,9*
8.Активная, деятельная жизнь	39,1	Самоконтроль (сдержан-ность, самодисциплина)	43,1
9.Счастливая семейная жизнь	37,6	Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	36,2
10.Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемый жизненным опытом)	36,6	Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	30,4
11.Равенство (равные возможности для всех)	31,4	Чуткость (заботливость)	29,3
12.Творчество (возможность творческой деятельности)	29,6	Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	29,2
13.Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	26,9	Твёрдая воля (умение настоять на своём, не отступать перед трудностями)	29,0
14.Общая хорошая обстановка в стране, в обществе, сохранение мира между народами (как условие благополучия каждого)	26,2	Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)	27,9
15.Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	25,0	Исполнительность (дисциплинированность)	25,1
16.Свобода как независимость в поступках и действиях	24,3	Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	21,5
17.Самостоятельность как независимость в суждениях и оценках	23,6	Непримиримость к недостаткам в себе и в других	9,6
18.Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)	22,0	Высокие запросы (высокие притязания)	9,2

Источник: исследование «Отношение школьников Хабаровского края к обучению» проведено совместно социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС и специалистами Хабаровского краевого института развития образования. Опрошено 6649 школьников 8–11 классов всех 19 муниципальных образований Хабаровского края. Опрос проведен в мае 2022 г. Научный руководитель – Ю.В. Березутский, канд.социол. наук, доцент.

ского края показывает, что в ТОП-7 у двух третьих лидируют значимые для молодежного возраста ценности-цели: «здоровье», «наличие хороших и верных друзей». Остальные позиции примерно в равных долях до половины опрошенных. Удручает, что в приоритет выбора не вошли «счастливая семейная жизнь» (36,7%), «общественное признание как уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе (25,0%), поскольку они отражают значимые для российского общества коллективистские ценностные ориентации. Лишь четвертая часть школьников отметила «познание как возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие» и это при том, что им предстоит осваивать те или иные профессии. Низкую позицию в рейтинге занимает «самостоятельность как независимость в суждениях и оценках» (23,6%), что может свидетельствовать о неуверенности в себе, низкой самооценке как следствие домашнего воспитания и чрезмерной опеки родителями.

В рейтинге инструментальных ценностей две трети опрошенных отметили воспитанность (хорошие манеры, вежливость), что свидетельствует о гармонии нравственных качеств у значительной части подрастающего поколения. Они проявляются в таких качествах как жизнерадостность, ответственность, честность, аккуратность и других. Однако только четверо из десяти школьников выбирают в качестве ценностных средств «образованность как широту знаний, высокую общую культуру (44,9%), пятая часть - «эффективность в делах как трудолюбие, продуктивность в работе» (21,5%) и только один из десяти опрошенных ориентируется на «высокие запросы (высокие притязания)».

Вывод

Учитывая вышеизложенное, необходимо, чтобы правовая база духовно-нравственного воспитания граждан была определена и установлена в виде федеральных законов в соответствии с целями развития комплексной системы образования для молодого поколения и укрепления ее образовательного компонента. Необходимо дать четкие определения понятиям «духовно-нравственное воспитание» и «духовно-нравственное развитие», чтоб прослеживалась связь с предметом и содержанием воспитания подрастающего поколения. Конечная цель должна заключаться в воспитании у детей и молодежи чувства общероссийской гражданской идентичности, что необходимо учитывать при решении вопросов, связанных с сохранением и приумножением этих ценностей.

Список источников:

1. Алексеева, М. В., Шумилина, А. Б., Филимонова, Е. А. Государственно-правовое регулирование вопросов по сохранению и укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 12 (151). С. 55–59. EDN: QSETCD

2. Бичегкуева, Ф. В. К определению понятия «духовно-нравственное воспитание» // Студенческий вестник. 2020. № 18-1(116). С. 50–52. EDN SSGTDF.

3. Гуляихин, В. Н, Андрющенко, О. Е., Фантров, П. П., Галкина, Е. В. Стереотипы политического мышления молодежи в контексте реализации стратегии национальной безопасности РФ: опыт регионального исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. Т. 23. № 2. С. 186-194. EDN: XMJTED DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16

4. Дуранов, И. М. Социокультурные основы гражданско-патриотического воспитания учащейся молодежи: теория и практика : монография. Магнитогорск: МаГУ, 2003. 298 с.

5. Лукаш, С. Н., Зуев В. А., Концевич, И. В. Духовно-нравственные ценности как главный ресурс воспитания подрастающих поколений в современной российской школе // Гуманизация образования. 2022. № 1. С. 186–196. EDN: URSZFV DOI: 10.24411/1029-3388-2020-10227

6. Любимов, А. П. Парламентская этика и нравственность законов // Представительная власть – XXI век. 2007. № 16. С. 10–14. EDN: KVAIYB

7. Маслов, С.И., Маслова, Т. А. Аксиологический подход в педагогике // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 3–2. С. 202–212. EDN: RVMCKR

8. Мореева, С. Н., Манин Я. В. Духовно-нравственное воспитание российских граждан в документах стратегического планирование федерального уровня как ориентир национальной безопасности // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 1. С. 17.

9. Митрофанова, А. В. Традиционное и нетрадиционное в духовно-нравственных ценностях. Духовно-нравственные аспекты формирования гражданственности : монография (по материалам Всероссийской научно практической конференции) / Под общ. ред. А. А. Лисенковой, М. Г. Писманика, П. Ф. Сироткина, А. А. Субботиной. Пермь, 2021. С. 222–231. EDN: ZRCPPB

10. Насиров, К. Ж. Необходимость воспитания высоконравственной личности в современном мире // Трибуна ученого. 2020. № 8. С. 243.EDN: BNPPDN

11. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Под общ. ред. А.С. Коржевского; редкол.: В.В. Толстых, И.А. Копылов. М. : РГГУ, 2021. 604 с. EDN: MECRIJ

12. Серебрякова, А. К. Традиционные семейные ценности в современном российском обществе // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 57–59. EDN: TONDAL

13. Сигнаевская, О. Р. Национальная безопасность и гражданское

общество в контексте духовно-нравственных ценностей образования / О.Р. Сигнаевская // Философия образования. 2008. № 4 (25). С. 60–66. EDN: KTXGCT

14. Тарасова Ю. А Ценности современного российского общества в условиях глобализации // Век глобализации. Выпуск № 4 (20). 2016. С. 115–121.

15. Ушинский, К. Д. Моя система воспитания. О нравственности / редакторы Климова О. В, Бичанина З. И. М., 2018. 576 с.

16. Юзиханова, Э. Г., Смелова, С. В. Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управления. 2022. № 12. С. 11–15. EDN: OHOFVR DOI: 10.24412/2224-9125-2022-12-11-15

References:

1. Alekseeva, M. V., Shumilina, A. B., Filimonova, E. A. (2022) State and legal regulation of issues related to the preservation and strengthening of Russian traditional spiritual and moral values *Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye* [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management], no. 12 (151), pp. 55–59. EDN: QSETCD

2. Bichegkueva, F. V. (2020) On the definition of the concept of "spiritual and moral education" *Studencheskiy vestnik* [Student Bulletin], no. 18–1 (116), pp. 50–52. – EDN SSGTDF.

3. Gulyaikhin, V. N., Andryushchenko, O. E., Fantrov, P. P., Galkina, E. V. (2018) Stereotypes of political thinking of young people in the context of the implementation of the national security strategy of the Russian Federation: experience of a regional study *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], vol. 23, no. 2, pp. 186–194. EDN: XMJTED DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16

4. Duranov, I. M. (2003) Sociocultural foundations of civic-patriotic education of student youth: theory and practice: monograph. Magnitogorsk: MaGU, 298 p.

5. Lukash, S. N., Zuev, V. A., Kontsevich, I. V. (2022) Spiritual and moral values as the main resource for educating younger generations in a modern Russian school *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of education], no. 1, pp. 186–196. EDN: URSZFV DOI: 10.24411/1029-3388-2020-10227

6. Lyubimov, A. P. (2007) Parliamentary ethics and morality of laws *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek* [Representative power – XXI century], no. 16, pp. 10–14. EDN: KVAIYB

7. Maslov, S. I., Maslova, T. A. (2013) Axiological approach in pedagogy *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tula State University], no. 3–2, pp.

202–212. EDN: RVMCKR

8. Moreeva, S. N., Manin Ya. V. (2021) Spiritual and moral education of Russian citizens in federal strategic planning documents as a guideline for national security *NB: Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya* [NB: Administrative law and administration practice], no. 1, pp. 17.

9. Mitrofanova, A. V. (2021) Traditional and non-traditional in spiritual and moral values. Spiritual and moral aspects of the formation of citizenship: monograph (based on the materials of the All-Russian scientific practical conference) / Under the general editorship of A. A. Lisenkova, M. G. Pismanik, P. F. Sirotkin, A. A. Subbotina. Perm, pp. 222–231. EDN: ZRCPPB

10. Nasirov, K. Zh. (2020) The need to educate a highly moral personality in the modern world *Tribuna uchenogo* [Tribune of the scientist], no. 8, pp. 243. EDN: BNPPDN

11. Predicted Challenges and Threats to National Security of the Russian Federation and Directions for Their Neutralization / Under the general editorship of A.S. Korzhevsky; editorial board: V.V. Tolstykh, I.A. Kopylov. M.: RSUH, 2021. 604 p. EDN: MECRIJ

12. Serebryakova, A. K. (2019) Traditional Family Values in Modern Russian Society *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], no. 9 (177), pp. 57–59. EDN: TONDAL

13. Signaevskaya, O. R. (2008) National Security and Civil Society in the Context of Spiritual and Moral Values of Education *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education], no. 4 (25), pp. 60–66. EDN: KTXGCT

14. Tarasova, Yu. A. (2016) Values of modern Russian society in the context of globalization *Vek globalizatsii* [The Age of globalization], no. 4 (20), pp. 115–121.

15. Ushinsky, K. D. (2018) My system of education. On morality / editors Klimova O. V., Bichanina Z. I. M., 576 p.

16. Yuzikhanova, E. G., Smelova, S. V. (2022) State policy for the protection of traditional values *Pravo i upravleniya* [Law and management], no. 12, pp. 11–15. EDN: OHOFVR DOI: 10.24412/2224-9125-2022-12-11-15

Статья поступила в редакцию 08.10.2024; одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 22.11.2024.

The article was submitted 08.10.2024; approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 22.11.2024.

Информация об авторах

Н. М. Медведева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного и частного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

А. И. Медведев – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. M. Medvedeva – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the chair of Public and Private Law, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

A. I. Medvedev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
УДК 314.8(571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-172-187

Демографический потенциал молодых семей Хабаровского края: социологический анализ

Николай Михайлович Байков[1], Марина Викторовна Скворцова[2]
[1,2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] baykov-nm@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0008-2114-0201
[2] mariskvortsowa@mail.ru

Аннотация. *В статье представлен теоретический и эмпирический анализ демографического потенциала молодых семей Хабаровского края как количественно-качественной меры при измерении их объективных и субъективных характеристик. Обзор доступных научных публикаций по тематике молодой семьи показал акцентуацию исследователей преимущественно на проблемы и усилия государства по ее социальной поддержке материальными ресурсами. В то же время репродуктивная и воспитательная функция, брако-разводные и другие семейные отношения в молодых семьях остаются уделом лишь узкого круга исследователей. В методологическом плане показаны возможности институционального и группового социологического анализа демографического потенциала молодой семьи с учетом классических и современных научных подходов его познания. Представлены результаты социологических исследований методами массового опроса молодых семей, экспертного опроса, фокусированных интервью и статистики, позволяющие понять характер семейной идентификации молодой семьи, отношение семейной молодежи к бракам и разводам, репродуктивные установки и поведение, миграционные планы. Основные выводы и результаты социологического исследования могут быть использованы для совершенствования государственных и муниципальных программ демографического развития Хабаровского края.*

Ключевые слова: *молодая семья, демографический потенциал, социологические исследования, семейная идентификация, рождаемость, браки и разводы, миграция, Хабаровский край*

Благодарность: научно-исследовательская работа по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития» выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки Хабаровского края №97С/2024 от 28 июня 2024 г., предоставленного на поддержку фундаментальных и прикладных научных исследований, представляющих интерес для Хабаровского края госпрограммы «О государственной программе «Развитие образования в Хабаровском крае»

Для цитирования: Байков Н. М., Скворцова М. В. Демографический потенциал молодых семей Хабаровского края: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 172–187. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-172-187

Original article

Demographic Potential of Young Families in the Khabarovsk Territory: Sociological Analysis

Nikolay M. Baykov[1], Marina.V. Skvortsova[2]
[1,2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1] baykov-nm@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0008-2114-0201
[2] mariskvortsowa@mail.ru

Abstract. *The article presents the theoretical and empirical analysis of the demographic potential of young families in the Khabarovsk Territory as a quantitative and qualitative measure in measuring their objective and subjective characteristics. The review of the available academic publications on the topic of young families showed that researchers mainly focus on the problems and efforts of the state to provide social support by means of material resources. At the same time, the reproductive and educational function, marriage and divorce and other family relations' issues in young families remain the domain of only a narrow circle of researchers. In methodological terms, the possibilities of institutional and group sociological analysis of the demographic potential of a young family are shown taking into account classical and modern scientific approaches to its cognition. The results of the sociological research using the methods of a mass survey of young families, an expert survey, focused interviews and statistics are presented, allowing us to understand the nature of family identification by a young family, the attitude of young people to marriage and divorce, reproductive attitudes and behavior, and migration plans. The main conclusions and results of the sociological study can be used to improve state and municipal programs for the demographic development of the Khabarovsk Territory.*

Keywords: *young family, demographic potential, sociological research, family identification, birth rate, marriages and divorces, migration, the Khabarovsk Territory*

Acknowledgments: *research work on the topic: "Young family of the Khabarovsk Territory: status, problems and development prospects" was carried out within the framework of the grant of the Ministry of Education and Science of the Khabarovsk Territory No. 97C / 2024 dated June 28, 2024, provided to support fundamental and applied scientific research of interest to the Khabarovsk Territory of the state program "On the state program "Development of education in the Khabarovsk Territory"".*

For citation: Baykov N. M., Skvortsova M. V. (2024) Demographic Potential of Young Families in the Khabarovsk Territory: Sociological Analysis *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 172–187. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-172-187

Введение

Исследование молодой семьи, ее целей, проблем и преобразований представляет особый интерес для современной социологии. Актуализация проблематики ее демографического потенциала и тенденций его реализации обусловлена как системными трансформациями жизни российского общества, так и условиями глобальных геополитических вызовов и угроз национальной безопасности страны. Гегемонистская политика стран коллективного Запада, стремящегося нанести стратегическое поражение России во время специальной военной операции на Украине, беспрецедентная по масштабу санкционная политика отражаются и на положении российских семей, трансформируя их представления об основных своих задачах и предназначении. Как следствие, в новых социально-экономических условиях молодые семьи испытывают трудности при выполнении свои основных функций, прежде всего в рождении и социализации детей. При этом, согласно данным статистики, три четверти всех новорожденных появляется у родителей, чей возраст не превыша-

ет 30 лет (77,5% от общего числа). Следовательно, от молодой семьи, ее образа и качества жизни, напрямую зависит дальнейшее демографическое развитие государства и его регионов[1].

Данные процессы свидетельствуют не столько о кризисе семьи как традиционного образца взаимоотношений в обществе, сколько являются маркерами изменений сложившихся форм семейной жизни, основ и традиционных устоев, моделей семейного поведения. Это усугубляет проблемы социального положения каждой молодой семьи, создавая условия для снижения значимости и востребованности ее демографического потенциала. Проблемы малодетности или отказа от рождения детей, отсроченные, распадающиеся и «гражданские браки», другие социально-демографические проблемы молодых семей не способствуют укреплению и сбережению человеческого потенциала российского общества как основы его государственности и национальной безопасности.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью социологического анализа демографического потенциала молодой семьи для совершенствования государственной семейной политики и определения возможных направлений и путей ее адаптации к сложившимся обстоятельствам жизнедеятельности в Хабаровском крае.

Обсуждение темы

Научный дискурс по различным аспектам жизнедеятельности молодой семьи как институционального образования и социальной группы представлен значительным числом отечественных научных публикаций, диссертационных исследований и монографий. Наиболее активно отечественные социологи исследуют положения и роли молодой семьи [Кочеткова, 2022], ее проблемное поле в современных условиях [Фролова, Черкасов, 2017], состояние и направления социальной поддержки [Ахмедова, 2011], социально-правовое положение [Пятова, 2016] и ряд других аспектов ее институционального и группового характера

В диссертационных исследованиях анализируется устойчивость молодых семей [Баранова, 2002], современные проблемы и перспективы развития [Тырнова, 2005], гендерный подход [Неудачина, 2003], развод в молодых семьях [Лактюхина, 2013] и др.

В ряде монографических исследований выявлены особенности демографической ситуации в России для обоснования дальнейшей стратегии государственной помощи российским семьям в реализации их основных функций. На основе данных масштабных социологических эмпирических исследований выявлены особенности жизнедеятельности российских семей во взаимосвязи с тенденциями брачности, рождаемости, репродуктивного и самоохранительного поведения, сформулированы направления результативной семейно-демографической политики [Ростовская, 2021].

Российские исследователи отмечают существенные изменения в брачном поведении как характерную черту современной демографической ситуации в России. Эти изменения касаются повышения возраста вступления в брак, порой отказа от вступления в брак вообще, сменой отношения к допустимости различных моделей брачных отношений. При этом на протяжении нескольких десятилетий меняется модель брачного поведения, сокращается количество браков, увеличивается доля лиц, живущих в незарегистрированных браках [Ростовская, Кучмаева, Архангельский, 2020. С. 45–53]

Современные тенденции, в первую очередь, оказали влияние на молодую семью. Как следствие, привычные формы становления, функционирования и развития семей претерпевают изменения, которые обуславливают процесс адаптации молодого поколения к нестабильным обстоятельствам как жизненно важную проблему [Разов, Преснякова-Осипова, Юшкова, 2024].

Конструирование жизненного мира молодыми супругами осуществляется как синтезирование разных моделей семейных отношений. При этом «выбор комфорта в семейных отношениях проявляется в одобрении добрачных отношений в виде сожительства, смещении брачного возраста, стремлении реализо-

[1] *Молодая семья: настоящее и будущее России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Улан-Удэ, 13 июня 2007 г. / под общ. ред. С.В. Мантурова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2007. С. 8*

вать профессиональные стратегии, выборе однодетной модели семейных отношений, ориентации на однопоколенную семью и в лояльном отношении к разводу» [Артамонова, Барсуков, 2020].

Методология исследования

Теоретико-методологические основы социологического изучения российских семей начали формироваться в исторический период доминирования исторического материализма и должны были соответствовать диалектическому методу, что нашло свое концептуальное оформление в работах отечественных социологов А. Г. Харчева [Харчев,1984], М. С. Мацковского [Мацковский, 1989], С. И. Голода [Голод, 1984], Т. А. Гурко [Гурко, 1986], А. И. Антонова [Антонов, 1976].

Наиболее распространенные теоретические позиции и подходы социологов в области изучения молодой семьи обобщаются отечественными исследователями. [Жиденко, 2022. С. 70–76; Гарник, 2019. С. 308–310].

Применительно к проблематике молодой семьи, на наш взгляд, перспективно сближение институционального и группового социологических подходов. С позиций институционального подхода за молодой семьей закрепляются определенные социальные функции, набор которых коррелирует с функциями института семьи в целом. Основными из них являются рождение и воспитание детей.

Возможности в направлении исследования молодой семьи как малой социальной группы и ее демографического потенциала дает социология П. Сорокина, которая рассматривает в качестве основных элементов общества возрастные и семейные группировки. Молодая семья имеет *«возрастной признак, который причинно связан с рядом психосоциальных свойств индивида, оказывающих влияние на чувствования и верования, желания и стремления, идеи и интересы индивида, а чрез них – и на все его поведение, а чрез поведение – и на всю социальную жизнь.... Возраст, как и все биологические условия, влияет на поведение человека, так сказать, «изнутри».... По своему характеру возрастная группировка принадлежит к числу закрытых».*

Классик социологии П. Сорокин определяет возраст как биологический координатор в ряду одной из важных линий социальной дифференциации населения на реальные группы, что позволяет выделять семейные группировки. Применительно к современному ему населению семью он определяет как легальный союз (часто пожизненный) супругов, с одной стороны, союз родителей и детей, с другой стороны, союз родственников и свойственников, с третьей. Семейная принадлежность является важнейшей социальной координатой, характеризующей социальное положение индивида в социальном пространстве и обусловливающей линию его поведения. [Сорокин, 2021.С. 457–473]

В научном дискурсе по теоретическим и эмпирическим исследованиям семьи широко используется понятие «демографический потенциал», которое однако не имеет обшепризнанного научного определения. Так, отечественные исследователи определяют его в «узком смысле слова как потенциал воспроизводства населения, включающий потенциалы изменений рождаемости и смертности; в широком смысле – это потенциал общего движения населения (потенциал воспроизводства населения и миграционный потенциал), включающий возможные изменения численности и структуры населения за счёт рождаемости, смертности, эмиграции и иммиграции». [Рыбаковский, Таюнова. 2019. С. 17–25]

Действующим российским законодательством определено, что «молодая семья – лица, состоящие в заключенном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно.[2]

Для определения мер социальной поддержки молодых семей нормативными правовыми актами федерального и регионального уровней вводится их расширенное толкование, за исключением определенного законом 35-летнего возраста. Так, участником мероприятия может быть молодая семья, в том числе молодая семья, имеющая одного ребенка и более, где один из супругов не является гражданином Российской Феде-

[2] *Федеральный закон от 30.12.2020 N 489-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О молодежной политике в Российской Федерации»/ URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/ponyatie_molodaya_semya/*

рации, а также неполная молодая семья, состоящая из одного молодого родителя, являющегося гражданином Российской Федерации, и одного ребенка и более. При этом утверждается требование: «наличие у семьи доходов, позволяющих получить кредит, либо иных денежных средств, достаточных для оплаты расчетной (средней) стоимости жилья в части, превышающей размер предоставляемой социальной выплаты»[3].

Эмпирическая база исследования

Настоящая научно-исследовательская работа по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития» выполнена коллективом социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС под научным руководством кандидата социологических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных наук Ю. В. Березутского. Исследование проведено в период с сентября по ноябрь 2024 г. В рамках научного проекта нами было применено три метода социологического исследования: опрос молодых семей, серия фокус-групп с молодыми семьями и экспертный опрос специалистов.

Опрос молодых семей. Опрошено 600 молодых семей, проживающих в г. Хабаровске, г. Комсомольске-на-Амуре и 16 муниципальных образованиях Хабаровского края. Ввиду отсутствия статистических данных, характеризующих признаки молодой семьи Хабаровского края, нами в исследовании была использована выборка методом «снежного кома». Нами исследовались три категории молодой семьи: первая – молодая семья, в которой оба супруга в возрасте до 35 лет включительно зарегистрированы официальным браком, с детьми или без (62% в выборке); вторая – молодая семья, в которой оба супруга в возрасте до 35 лет включительно, официальным браком не зарегистрированы, но живут вместе и ведут совместное хозяйство, с детьми или без (24% в выборке) и третья – один из родителей (без второго супруга) в возрасте до 35 лет с ребенком или детьми (14% в выборке).

Серия фокус-групп с молодыми семьями. Всего было проведено пять фокус-групп с 6–7 представителями молодых семей в каждой.

Экспертный опрос специалистов. Было опрошено 30 экспертов г. Хабаровска, г. Комсомольска-на-Амуре и трех муниципальных образований Хабаровского края. В качестве экспертов выступали преподаватели и исследователи высшей школы, занимающиеся изучением молодежной проблематики; руководители отделов и проректора вузов по молодежной и воспитательной политике; журналисты; сотрудники и руководители молодежных структур; представители краевых и муниципальных органов власти по делам молодежи.

Результаты исследования

Семейная идентификация. Самоопределение респондентов по типу своих молодых семей – это значимый для семейной самоидентификации процесс, как и восприятие других форм совместных семейных отношений. Эта субъективная оценка семейной идентификации и самоидентификации основывается на объективных показателях молодой семьи (пол, возраст, брачное состояние, рождение детей, совместное ведение хозяйства), которые легитимируются государством и обществом.

В России, исходя из законодательно установленного ценза 14–35 лет, живут порядка 37 млн человек в возрасте 14–35 лет, а это примерно четверть населения страны. Две трети из этого числа живут в городах и формируют 5,3 млн молодых семей, и в этих семьях растут дети – это еще 3,9 млн таких семей.[4]

В Хабаровском крае, по данным органов статистики, на долю лиц в возрасте 14–35 лет приходится четверть населения региона. Две трети опрошенных идентифицируют свою молодую семью как супружеский союз в возрасте до 35 лет включительно, зарегистрированы официальным браком, с детьми или без.

Четвертая часть – это молодая семья – оба супруга в возрасте до 35 лет включительно, официальным браком не зарегистрированы, но живут вместе и ведут

[8] *Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 N 1050 (ред. от 07.11.2024) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109742/c0f639106c508b92657d1d21902167ff12fc6707/*

[4] *Татьяна Голикова: на молодежь 14–35 лет приходится четверть населения РФ. URL: https://expert.ru/news/etsb-mozhet-operedit-frs-v-snizhenii-stavok/*

совместное хозяйство с детьми или без детей (23,7%).

Незначительная доля опрошенных отметили, что живут только с ребенком (детьми), супруга (супруги) нет в возрасте до 35 лет (13,9%). Причины отсутствия второй половины каждый второй опрошенный объясняет разводом (50,0%), у каждого третьего – не было второй половины (35,8%).

Состояние современной молодой семьи характеризуется рядом противоречивых тенденций, которые отражают изменение брачно-семейной идеологии, взглядов мужчин и женщин на семейную жизнь, распределение ролей в семье, характер отношений между поколениями. Это неизбежное явление, связанное со становлением новых отношений. Как следствие, современные молодые семьи стремятся отделяться от своих родителей, чтобы удовлетворять потребности своей нуклеарной семьи и свои лично. Результаты опроса молодых семей Хабаровского края (табл. 1) подтверждают данные общероссийского опроса, что каждый второй молодой россиянин не хочет создавать семью по модели родителей[5]. Очевидно, что у части молодежи нет понимания образца для создания своей семьи даже на примере той, в которой они родились и выросли. При этом главный фактор подготовки к семейной жизни – это сама родительская семья. Именно в ней усваиваются основные образцы семейного поведения.

Взаимоотношения в семье – основа ее прочности и успешности в реализации своих функций. Судя по результатам опросов, за последнее десятилетие возросла доля супругов, отмечающих: «Мы имеем много общих интересов, понимаем друг друга, стараемся помогать и не огорчать друг друга» (59,2%). Хочется верить в искренность этих слов семейной молодежи, равно как и в снижение конфликтности в семейных отношениях (табл. 2).

В ТОП-7 часто обсуждаемых в молодой семье вопросов, как и десять лет назад, респонденты отмечают «семейный бюджет, текущие расходы» (80,2%), «домашнее хозяйство, бытовые проблемы» (69,2%), «будущее, планы на жизнь» (68,8%), «воспитание и рождение детей» (62,1%), «проведение семейного досуга, отдыха» (59,9%), «взаимоотношения друг с другом» (56,8%), «вопросы о работе, карьере» (56,0%).Эти представления отражают типичные внутрисемейные вопросы взаимодействия и в значительной степени имеют одинаковый вес. В то же время вопросы внешнего взаимодействия с друзьями, соседями, общественной жизни и проблем политики, религиозных взаимоотношений не являются предметом семейного дискурса (табл. 3).

Таким образом, молодая семья, которая ассоциирует себя прежде всего с общностью близких людей, нравственно-психологической и эмоциональной стороной семейной жизни, приобретает все большую значимость. При этом многие воспринимают семью в двух значениях. Во-первых, они идентифицируют себя как семейную группу, в которой они обычно разделяют общее жизненное пространство, обязанности, выполняют разнообразные роли и функции. Во-вторых, семья воспринимается как группа родственников, связанных кровными узами по вертикали и по горизонтали. Наличие такой молодой семьи, осознание своей причастности к ней, крайне важно в современных условиях и связано с необходимостью знать свои корни, свое происхождение, ощущать свою причастность к будущему страны,

Таблица 1

Динамика ответов на вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваша семья была похожа на семью Ваших родителей?» (В % от числа опрошенных)

Варианты ответа	**2013 г.**	**2024 г.**
Да (определённо, да + скорее да, чем нет)	50,3	31,7
Нет (скорее нет, чем да + определённо нет)	32,9	54,0
Затрудняюсь ответить	16,7	14,3

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

[5] *Кузнецова: каждый второй молодой россиянин не хочет создавать семью по модели родителей. URL: https://pikabu.ru/story/kuznetsova_kazhdyiy_vtoroy_molodoy_rossiyanin_ne_khochet_sozdavat_semyu_po_modeli_roditeley_7612569.*

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие у Вас сложились взаимоотношения с Вашим (ей) супругом (ой)?» *(В % от числа опрошенных)*

Варианты ответов	**2013 г.**	**2024 г.**
Мы имеем много общих интересов, понимаем друг друга, стараемся помогать и не огорчать друг друга	45,4	59,2
Не всегда понимаем друг друга, иногда бывают конфликты, но мы стремимся сохранять в семье мир и хорошие отношения	46,4	37,2
Мы очень часто не понимаем друг друга, часто общаемся в силу необходимости	4,0	1,8
Полностью отсутствует взаимопонимание, нет общих интересов, часто ссоримся	2,0	-
Затрудняюсь ответить	2,2	1,8

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 3

Ранжирование вопросов чаще всего обсуждаемых в молодой семье по 2024 г. *(в % от числа опрошенных. Сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)*

Варианты ответов	**2013 г.**	**2024 г.**
1. Семейный бюджет, текущие расходы	72,0	80,2
2. Домашнее хозяйство, бытовые проблемы	-	69,2
3. Будущее, планы на жизнь	-	68,8
4. Воспитание и рождение детей	46,2	62,1
5. Проведение семейного досуга, отдыха	51,4	59,9
6. Взаимоотношения друг с другом	-	56,8
7. Вопросы о работе, карьере	50,4	56,0
8. Отношения с родителями, родственниками	37,6	39,1
9. Сексуальные отношения	-	31,6
10. Взаимоотношения с друзьями, соседями	35,9	27,1
11. Проблемы политики, общественной жизни	15,2	14,3
12. Религиозные взаимоотношения	-	4,9
13. Другое	4,7	1,8

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

региона и своей малой Родины.

Отношение к браку и разводу. В 2023 г. на Дальнем Востоке зарегистрировано 58,1 тыс. браков и 45,5 тыс. разводов. Значения коэффициентов брачности и разводимости на 13,8% и 23,4% выше, чем в целом по России (в ДФО 7,4 браков и 5,8 разводов на 1 000 населения, в РФ – 6,5 и 4,7). По сравнению с 2018 г. в 2023 г. число браков в целом в ДФО снизилось на 1,0%, число разводов увеличилось на 20,9%.[6]

По данным органов государственной статистики количество браков в Хабаровском крае снижается с 90-х годов XX века. В 1990 г. было 16 тыс. браков, а в 2023 г. – 9574. Особенно эта динамика на снижение прослеживается по возрастам брачующихся жениха и невесты за последние десять лет (табл. 4).

Стоит отметить, что самый частый регистрируемый возраст невесты – 23 года (496 случаев, 5% от общего числа), а жениха – 26 лет (453 случая, около 5%). Самый активный возраст невест – с 20 до 30 лет, у женихов с 22 до 32 лет и в этом диапазоне заключается около половины браков. Средний возраст новобрачных от 20 до 30 лет. При этом 70% браков в регионе регистрируется в торжественной обстановке[7].

Как уже отмечалось, четвертая часть опрошенных официальным браком не зарегистрированы, но живут вместе и ведут совместное хозяйство с детьми или без детей (23,7%). На вопрос анкеты, почему они не зарегистрированы официальным браком (табл. 5), четвертая часть отметила «желание узнать друг друга» (23,9%), восьмая часть указала на «отсутствие претензий при разделе имущества и алиментов

[6] *Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. Восточный центр государственного планирования. URL: https://clck.ru/3F9zZN*

Таблица 4

Динамика браков по возрастам жениха и невесты по Хабаровскому краю

Годы	Всего браков	По возрасту жениха, лет				По возрасту невесты, лет			
		До 18	18-24	25-34	35 и более	До 18	18-24	25-34	35 и более
2013	12977	9	2826	6530	3612	92	4418	5704	2763
2023	9574	5	1922	3602	4045	64	2712	3128	3670

Источник: Браки по возрастам жениха и невесты по Хабаровскому краю в 2023 году. URL: https://clck.ru/3F85ky

на детей» (12,9%), каждый десятый отметил «отсутствие уверенности, что брак будет удачным» (11,4%). Остальные позиции поддержали менее десятой части опрошенных. При этом половина от числа опрошенных с незарегистрированным официальным браком самостоятельно написали другие варианты причин (49,3%):

- **субъективное обесценивание официального статуса брака** (*«штамп в паспорте не главное»; «штамп в паспорте ничего не значит для меня»; «считаю, это не важно»; «пока не видим необходимости»; «нет необходимости»; «не торопимся зарегистрировать брак»; «не вижу смысла в регистрации брака»; нам хорошо и без брака»; «и так живем хорошо, брак лишь формальность; «не хочу»; «не торопимся с этим»);*

- **ограниченность материальных ресурсов** («заработать на собственное жилье»; «копим деньги на свадьбу»; «не было свободных денежных сред на организацию свадьбы»; «нет времени и денег на столь недешевое торжество»; «нет финансов для торжества»; «нет финансов на свадьбу»; «нет финансовой возможности»; «считаем что нужно ещё подождать со свадьбой и накопить деньги»; «финансовая составляющая»; «копим на свадьбу»; «денег нет»; «нет денег на кольцо»; «пока нет возможности сыграть свадьбу»;

- **регистрация в планах** («планируем регистрацию брака»; «в процессе подготовки к регистрации»; «брак планируем в 2025 г.»; «регистрация брака будет в 2025 г.»; «скоро зарегистрируемся»; «скоро женимся»; «только после окончания университета»; «ушёл в армию, после армии зарегистрируем официально брак»; «просто жду, когда закончу учебу».

Анализ ответов опрошенных молодых семей края на вопрос: «Считаете ли Вы обязательной регистрацию брака при создании семьи?» показал, что две трети опрошенных утверждают, что это обязательно (67,8%), что больше, чем десять лет назад (2013 г. – 58,1%). Отрицательный ответ на обязательность регистрации брака для семьи, как и в 2013 г., дали четвертая часть опрошенных. При этом доля тех, кто затруднялся ответить на этот вопрос сократилась за исследовательский период с 13,9% до 6,1%.

По статистике, количество разводов в Хабаровском крае в 2023 г. было оформлено 7532 (2013 г. – 8240). Более четверти разводов в 2023 г. (27%) оформили мужчины в возрасте 25–39 лет. Однако каждый второй мужчина не указал свой возраст при разводе. Женщины в этой возрастной группы оформили 55% разводов, что в целом соответствует доле опрошенных, указавших в опросе на свой развод[8].

Максимальный возраст, в котором расторгаются браки – 33 у женщин, 32 года у мужчин. Основной возраст, когда расторгается брак – с 26 до 41 у женщин, у мужчин с 27 до 48 лет. В основном 70% браков расторгаются, когда нет детей, либо ребенок один. В диапазоне от 0 до 10 лет совместного проживания расторгается 66% браков. Самые максимальные сроки – два, три, четыре и пять. У каждого третьего из четырех опрошенных не возникает мысль о необходимости развода (74,0%), но у четвертой части опрошенных она все же иногда возникает (24,5%). Примерно такие же ответы были и в опросе 2013 г. (табл. 6).

Исходя из последних доступных данных Росстата, количество браков и разводов в Хабаровском крае на июнь 2024 г. составляло: браков – 4 081 (с приростом 97 на текущий период 2023 г.), разводов – 3 557 (снижение на 46 к соответствующему периоду прошлого года)[9].

[7] *Хуже, чем в 90-х: на семь тысяч браков меньше заключили в Хабаровском крае в сравнении с 1990 годом. URL:https://www.hab.kp.ru/daily/27363/4545350/?ysclid=m4iiief7w8861237702]*

[8] *Хабаровскстат. URL: https://27.rosstat.gov.ru/statistic*

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы не зарегистрированы официальным браком?» *(В % от числа тех опрошенных, кто официальным браком не зарегистрированы, но живут вместе и ведут совместное хозяйство с детьми или без детей) Сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа*

Варианты ответов	**%**
Желание узнать друг друга	23,6
Отсутствие претензий при разделе имущества и алиментов на детей	12,9
Боязнь ответственности	4,3
Ощущение свободы	2,9
Отсутствие уверенности, что брак будет удачным	11,4
Нет готовности связать всю жизнь с партнером	7,9
Другое	49,3

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Возникает ли у Вас мысль о необходимости развода?» *(В % от числа опрошенных)*

Варианты ответа	**2013 г.**	**2024 г.**
Да, постоянно	2,5	1,6
Да, иногда	29,3	24,5
Нет, никогда	68,2	74,0

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Дети, репродуктивные установки и поведение. В соответствии с Методическими рекомендациями по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости, утвержденными Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 5 мая 2023 г. № 436, утверждена региональная программа по повышению рождаемости в Хабаровском крае на 2023–2025 гг.[10] Это обусловлено тем, что количество новорожденных с каждым годом в Хабаровском крае снижается. Максимальное количество рождений было в 1990 г. – 24 тыс. детей, в 2023 г. в Хабаровском крае зарегистрировано рождений в два раза меньше – 11 793 детей (девочек – 5 652, мальчиков – 6 141).[11]

Несмотря на принимаемые государством меры по стимулированию рождаемости на федеральном и региональном уровнях власти, данные опроса молодых семей Хабаровского края свидетельствуют о сокращении первых рождений и некотором увеличении рождений вторых и третьих детей за исследуемый период. При этом пятая часть опрошенных не имеет детей и демонстрирует резкое сокращение рождения ожидаемых детей (табл. 7).

Репродуктивные планы на рождение детей за исследовательский период в представлениях опрошенных молодых семей существенно изменились и в целом отражают тенденции на сокращение появления первенцев и некоторый рост вторых, третьих и более детей.

Снижение рождаемости в крае в большей степени обусловлено сокращением количества женщин репродуктивного возраста (15–49 лет). Особенно интенсивно уменьшается численность женщин активного репродуктивного возраста (25–34 лет): в 2022 г. численность таких женщин, проживающих в Хабаровском крае, снизилась на 20,3% (23,2 тыс. человек) по сравнению с 2016 г. На долю женщин в

[9] *Статистика браков и разводов в Хабаровском крае. URL: https://gogov.ru/marriage-divorce/khbr*

[10] *Распоряжение Правительства Хабаровского края от 28 июня 2023 года N 404-рп «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Хабаровском крае на 2023–2025 годы» URL: http://kodeks.karelia.ru/api/show/406718604*

[11] *Рождение детей в 2023 г. URL: https://komza.khabkrai.ru/events/Novosti/6576*

Таблица 7

Распределение ответов на вопросы на наличие и планы рождения детей

(В % от числа опрошенных)

Варианты ответа	**«Сколько детей сейчас в Вашей семье?»**		**Сколько детей Вы хотели бы иметь?**	
	2013 г.	**2024 г.**	**2013 г.**	**2024 г.**
Один	44,0	32,1	19,5	9,0
Двое	13,8	31,0	63,1	45,9
Трое и более	1,0	12,4	14,3	32,5
Ни одного	28,3	22,5	3,2	1,2
Ждём рождения ребёнка	13,0	2,0	-	-

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

возрасте 25–29 и 35–39 лет приходится 26,8% и 17,7% рождений соответственно, женщины данных возрастных групп обладают наибольшим демографическим потенциалом.

В крае наблюдаются тенденции откладывания рождения детей и ежегодного снижения удельного веса рождений первых и вторых детей. Это подтверждают и данные опроса молодых семей. В два раза увеличилась доля семей, кто планирует рождения в более поздний период (табл. 8).

Отношение молодых семей к решению по незапланированной беременности за исследовательский период существенно не изменилось: примерно две трети опрошенных выразили намерение «родить ребенка» и только десятая часть – «прервать беременность» (табл. 9).

Среди мотивов тех респондентов, кто не планирует рождение детей или откладывает сейчас их рождение, у каждого второго «материальные проблемы» (52,6%), у четверых из десяти – «жилищные проблемы» (42,9%) и «хочется строить карьеру и развиваться в профессии» (42,9%), у третьей части – «желание жить для себя» (29,3%), у пятой – на «проблемы со здоровьем» (20,3%). При этом по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа. При этом на «плохие взаимоотношения друг с другом» и приверженность взглядам «чайлдфри» (отказ от детей) ссылается статистически незначимая доля опрошенных молодых семей (1,5%)

Существенных изменений в представлениях молодых семей Хабаровского края об условиях появления второго или последующих детей за исследовательский период не выявлено: доминирует мнение более половины опрошенных о «достойной заработной плате», каждого четвертого из десяти опрошенных о «возможности приобретения доступного жилья» (табл.10). При этом вполне обоснованно и объяснимо возросли потребности каждой пятой молодой семьи на «сохранение уровня заработной платы женщины, находящейся в декретном отпуске»; «улучшение системы здравоохранения»; «снижение цен на детские товары»; «погашение государством ипотечного кредита».

По данным, рассчитанным на основе Всероссийской переписи населения 2020 г., в Хабаровском крае не имеют детей 14,21% опрошенных женщин. Это значительно меньше, чем в среднем по Российской Федерации (20,84%). Одного или двух детей имеет 37,69% женщин (по России в среднем – 41,15%), трех и более – 6,13% (по России в среднем – 7,69%). Согласно прогнозу Росстата по высокому, среднему и низкому вариантам прогноза рождений, для Хабаровского края ожидается снижение числа рождений за период с 2023–2025 гг. на 7%[12].

Опрошенные нами эксперты дали следующие ответы на вопрос: «Как Вы считаете, какими характеристиками можно обозначить отношение молодых семей к рождению детей?»:

– рождаемость остается на прежнем низком уровне (40,0%);

– рождаемость в молодых семьях

[9] *Статистика браков и разводов в Хабаровском крае. URL: https://gogov.ru/marriage-divorce/khbr*

[10] *Распоряжение Правительства Хабаровского края от 28 июня 2023 года N 404-рп «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Хабаровском крае на 2023 - 2025 годы» URL: http://kodeks.karelia.ru/api/show/406718604*

[11] *Рождение детей в 2023 г. URL: https://komza.khabkrai.ru/events/Novosti/6576*

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Если в Вашей семье нет детей, то планируете ли Вы их рождение?» *(В % от числа не имеющих детей)*

Варианты ответов	**2013 г.**	**2024 г.**
Да, в ближайший год	28,4	20,3
Да, в ближайшие два-три года	48,6	34,6
Да, в более поздний период	20,2	39,1
Нет, не планируем вообще	2,8	6,0

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Если в Вашей семье случится незапланированная беременность, то какое решение Вы примете?»
(В процентах от числа опрошенных)

Варианты ответа	**2013 г.**	**2024 г.**
Родить ребёнка	59,8	63,2
Прервать беременность	10,6	11,7
Затрудняюсь ответить	29,5	25,1

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

снижается (30,0%);

– рождаемость в молодых семьях увеличивается (13,3%);

– рождаемость остается на прежнем высоком уровне (3,4%).

Ответы экспертов о причинах оценок отношения молодых семей к рождению детей можно сгруппировать по следующим основаниям:

во-первых, приоритетами решения материальных вопросов над рождением детей:

«Определяют другие приоритеты, невозможность решения в полной мере жилищные проблемы, трудоустройства».

«Потому что молодые супруги сначала улучшают жилищные условия, увеличивают доход, а только потом рожают детей, когда почти уже молодыми семьями не являются».

«У молодых семей, элементарно нет жилья. Куда принести ребенка, если нет жилья?»

«Экономически становится более затратно растить детей».

Во-вторых, эгоцентристский ценностный приоритет:

«Молодые хотят пожить для себя, озабочены карьерой. Русские молодые семьи настроены нейтрально к детям».

«Молодые люди стали более эгоцентричные, если сравнивать с предыдущими поколениями, многие совсем не планируют заводить детей. Семья как ценность отходит на задний план. У молодежи меняются приоритеты».

«Эгоцентричность и желание улучшить материальное положение, построить карьеру, пожить для себя – влияют на нежелание рожать детей»

«У молодых семей другие приоритеты: образование, карьера, материальное благополучие».

«На встречах видно количество детей и отношение к детям».

В-третьих, негативное влияние общероссийских проблем:

«Молодые семьи сталкиваются с большим количеством социальных и экономических проблем».

«Не решаются вопросы, важные для обеспечения рождаемости».

«СВО влияет на рождаемость».

«Низкий уровень жизни в целом и страх за будущее».

«Негативное отношение общества к детям и нестабильная экономическая ситуация».

«Смертность превышает рождаемость».

«Об этом свидетельствуют данные Росстата, результаты федеральных и региональных соцопросов».

«По данным отчетов краевого Минздрава».

[12] *Распоряжение Правительства Хабаровского края от 28 июня 2023 года N 404-рп «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Хабаровском крае на 2023–2025 годы». URL: http://kodeks.karelia.ru/api/show/406718604*

Таблица 10

Ранжирование условий появления второго или последующих детей по 2024 г. *(в % от числа опрошенных). По методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа.*

Варианты ответов	**2013 г.**	**2024 г.**
1. Достойная заработная плата	61,7	54,8
2. Возможность приобретения доступного жилья	42,6	42,4
3. Сохранение уровня заработной платы женщины, находящейся в декретном отпуске	24,3	30,6
4. Улучшение системы здравоохранения	9,6	26,0
5. Снижение цен на детские товары	13,0	25,5
6. Погашение государством ипотечного кредита	11,3	22,5
7. Достаточный размер материнского (семейного) капитала	13,0	17,2
8. Ни при каких обстоятельствах не готовы	2,6	16,2
9. Наличие нормальных отношений между супругами	22,6	14,4
10. Благоприятная экологическая ситуация в регионе	10,4	12,0
11. При любых обстоятельствах готовы к рождению 2 и 3 детей	19,1	11,1
12. Наличие мест в дошкольных учреждениях	17,4	9,6
13. Предоставление земельного участка	0,9	9,2
14. Другое	1,7	6,1
15. Если следующий ребенок будет другого пола	1,7	5,9
16. Материальная поддержка от родителей, родственников	4,3	2,8

Источник: составлено по результатам опроса «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Определенная часть молодежи сегодня не стремится оформить свои брачные отношение, предпочитая так называемый гражданский брак. Причины такого отношения к регистрации брака эксперты характеризуют следующими ответами:

Утрата ценностей семейных уз.

Материальные интересы доминируют над гражданско-правовыми и семейными ценностями.

Некоторые считают, что штамп в паспорте ничего не решает.

«У матерей-одиночек больше льгот и возможностей для получения государственной поддержки в виде различных пособий».

Культ свободных отношений и множественности партнёров – особенность современной реальности.

Чтобы не делить имущество.

Не выгодно, много обязательств, и никому не хочется при разводе кредиты супруга делить пополам.

В системе семейных ценностей преобладают либеральные взгляды.

Боязнь ответственности.

Не хотят брать ответственность за свои действия.

Появляются юридическая ответственность, многие ее бояться.

Финансовые и жилищные трудности.

Свобода важнее.

Я думаю это мужчины так предпочитают. Женщины готовы замуж, если встретят ответственного мужчину.

По мнению молодых людей, такие отношения проще, легче, ни к чему не обязывают. Пожили – разбежались. Возможно, молодёжь живёт одним днем? Не стремится построить долгосрочные отношения?

Негативное отношение к институту брака и семьи.

Нет мотивации.

Снижение объема обязательств.

Статистика по разводам в последние годы неутешительна, особенно в рядах молодежи 20–25 лет. При этом при появлении в такой семье ребенка, в случае развода классически ребенок остается с матерью, утягивая за собой на сторону матери жилье, совместное имущество, алиментные обязательства на отца. Инициаторами же самих разводов чаще выступают девушки, что приводит к отсутствию мотивации у молодых людей вступать в брак.

Молодые люди сейчас стремятся построить карьеру, а только после уже заняться построением семьи.

Молодежь не задумывается о ценностях семьи, брак для них – это обязанность и трудности. Боится трудностей и хочет пожить для себя (беззаботной жизнью).

Озабочены карьерой, боятся ответственности.

Не хотят ответственности, ориентация на индивидуальные интересы.

Не стремятся те, кто не хочет обязательств. Те, кто планирует традицион-

ную семью с правильными ценностными установками, ориентированы на брак.

Распространение ценностей потребительства и индивидуализма.

Демографическая ситуация в Хабаровском крае остается важным приоритетом государственной политики по сокращению масштабного миграционного оттока дальневосточного населения, несущего угрозу национальной безопасности страны. Миграционные представления молодежи Хабаровского края обусловлены комплексом объективных условий и субъективных факторов ее жизнедеятельности. За последние три десятилетия (с 1990 по 2020 г.) численность молодежи края сократилась на 42,1%, в то время как общая численность населения сократилась на 18,8%, что свидетельствует о более интенсивном сокращении численности молодежи (более чем в два раза) [Березутский, 2022].

За прогнозируемый период до 2035 гг. в Хабаровском крае, как и на Дальнем Востоке в целом, демографический потенциал имеет тенденцию к дальнейшему сокращению не только за счет естественной убыли, но и из-за миграционного оттока [Мотрич, 2019. С. 30–46.]. Направления отъезда молодежи в большей степени связаны с западными регионами страны, меньшая часть планирует перебраться в пределах Дальнего Востока, а часть планирует выехать вообще из страны.

По данным опроса, в планах большинства молодых семей «жить в месте своего проживания сегодня» (62,4%), пятой части – «переехать в другой регион на территории Дальнего Востока» (22,0%) и седьмой – переехать за пределы Дальнего Востока (14,6%). Воплотятся ли эти планы в жизнь, покажет время.

Заключение

Дальневосточный вектор государства как национальный приоритет за последние десятилетия наполнился значительными усилиями государства по развитию макрорегиона в целом и Хабаровского края в частности. Определены национальные цели развития и реализуются масштабные проекты, в том числе «Демография». Государство и бизнес несут большие затраты на инвестиционные проекты, создание новых рабочих мест, комфортной среды жизнедеятельности, но результата, позволяющего говорить о стабилизации демографической ситуации в регионе пока нет. Хабаровский край продолжает терять население не только от естественной убыли, но и миграционного оттока, прежде всего трудоспособного и молодежи.

Нет сомнения в том, что молодой семье нужен и материнский капитал, и детские пособия, и льготная ипотека, и бесплатная земля, и другие меры социальной и материальной поддержки от государства. Однако ключ к решению демографических проблем на Дальнем Востоке лежит в рождениях вторых, третьих и последующих детей в молодых семьях, и их мотивации на дальнейшую жизнедеятельность в родном крае, городе, селе.

Укрепление демографического потенциала молодых семей не приемлет канцелярско-бюрократического подхода к демографическим процессам, их изменениям и выводам только на основе анализа динамики рождений, смертности, браков и разводов, миграции по годам. Социология демографии имеет свои шкалы измерения, позволяющие выявлять репродуктивные установки и поведение молодого поколения детородного возраста.

Социологическое знание демографических закономерностей позволяет с большой долей вероятности прогнозировать численность населения на два-три поколения вперед и объяснять характеристики живущего сейчас поколения.

Учитывая, что демографическая ситуация в Хабаровском крае, как и в других регионах, чрезвычайная, необходимо критически оценить действующие региональные подразделения; проанализировать финансовые потоки, идущие на решение демографических проблем; пересмотреть региональные законодательные акты, оценить практику их правоприменения, понять, что надо делать в приоритетном порядке.

Список источников:

1. Антонов, А. И. Потребность семьи в детях и рождаемость. Проблемы социологического исследования семьи / отв. ред. З. А. Янкова. М.: ИСИ АН СССР, 1976.

2. Артамонова, Я. В., Барсуков, С. С. Конструирование жизненного мира молодой семьи в условиях изменяющейся реальности // Государственное и муниципальное

управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 233–237. EDN: MPWWZI DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-4-233-237 State and municipal management. Scholar notes

3. Ахмедова, И. Г. Современное состояние и направления социальной поддержки молодых семей России // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 188–196. EDN: RAPEDZ

4. Баранова, Д. В. Устойчивость молодых семей: проблемы и перспективы (Социологический анализ) : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Баранова Дарья Владимировна. Екатеринбург, 2002. 174 с. EDN NLZENX.

5. Березутский, Ю. В. Молодежь Хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»? // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 65–72. DOI: 10.31857/S013216250016668-7

6. Гарник, М. Д. Современные подходы к определению понятия «молодая семья» и классификации молодых семей в России // Молодой ученый. 2019. № 19 (257). С. 308–310. EDN: OCLYDF

7. Голод, С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: 1984. С. 136. EDN: XPMUNF

8. Гурко, Т. А., Мацковский, М. С. Молодая семья в большом городе. (Социология в системе научного управления обществом). М.: Знание, 1986. С. 48. EDN: YMCKBF

9. Жиденко А. А. Молодая семья в фокусе социологической теории // Caucasian Science Bridge. 2022. № 5 (4). С. 70–76. EDN: YSLTEV DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.7

10. Кочеткова, Н. В. Социологическое исследование положения и роли молодой семьи в современном российском обществе // Российская наука: актуальные исследования и разработки. Сборник научных статей XIII Всероссийской научно-практической конференции 8 февраля 2022 года. С. 203–206. DOI: 10.46554/Russian.science-2022.02-1-203/206

11. Лактюхина, Е. Г. Развод в молодых семьях в условиях трансформации ценностей современной России : автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / Е.Г. Лактюхина. – Волгоград, 2013.

12. Мацковский, М. С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М : Наука. 1989.

13. Мотрич, Е. Л. Демографическое развития Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46. EDN: CEGOPP DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00025

14. Неудачина, И. Г. Современная российская молодая семья (Гендерный анализ) : специальность 22.00.06 “Социология культуры” : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Неудачина Ирина Германовна. Екатеринбург, 2003. 224 с. EDN NMFRCZ.

15. Пятова, А. А. социально-правовой портрет современной молодой семьи в России. Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы III Международной научно-практической интернет-конференции, Пермь, 06–07 декабря 2016 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2016. С. 284-287. EDN YSKKKY.

16. Разов, П. В., Преснякова-Осипова, И. В., Юшкова, С. А. Молодая семья в современном российском социуме образ и качество жизни: монография. М.: ИНФРА-М. 2024. 210 с. EDN: LFRAPH DOI: 10.12737/1067069

17. Ростовская, Т. К., Архангельский, В. Н., Иванова, А. Е., Кучмаева, О. В., Семенова, В. Г. Семья и демографические процессы в современной России: монография. ФНИСЦ РАН. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. – 257 с. EDN: IWUIJX DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021

18. Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В., Архангельский, В. Н. Поколенческие изменения брачного поведения россиян: социологический анализ // Alma mater (Вестник высшей школы) 2020. № 11. С. 45–53. EDN: MZKRII DOI: 10.20339/AM.11-20.045

19. Рыбаковский, О. Л., Таюнова, О. А. Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. 2019. Том 22. № 2. С. 17–25. EDN: ZHTKVM DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00012

20. Сорокин, П. А. Система социологии / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и ком-

мен. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2021. С. 457–473

21. Тырнова, Н. А. Молодая семья в современной России (Проблемы и тенденции развития) : специальность 22.00.04 “Социальная структура, социальные институты и процессы” : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Тырнова Наталья Александровна. Москва, 2005. 31 с. EDN ZNASZN.

22. Фролова, Н. А., Черкасов, А. Ю Социологический анализ проблем современной молодой семьи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 145–153. EDN VTIFMO DOI 10.47370/2078-1024-2022-14-1-145-153

23. Харчев, А. Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1979.

References:

1. Antonov, A. I. (1976) The Family’s Need for Children and the Birth Rate. Problems of the Sociological Study of the Family / Ed. Z. A. Yankova. Moscow: Institute of Social Sciences of the USSR Academy of Sciences (in Russ.).

2. Artamonova, Ya. V., Barsukov, S. S. (2020) Construction of the Lifeworld of a Young Family in the Context of a Changing Reality *Gosudarstvennoye i munitsipal’noye upravleniye. Uchenyye zapiski* [State and Municipal Management. Scholar Notes], no. 4, pp. 233–237. EDN: MPWWZI DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-4-233-237 (in Russ.).

3. Akhmedova, I. G. (2011) Current State and Directions of Social Support for Young Families in Russia *Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki* [Humanitarian and Social Sciences], no. 3, pp. 188–196. EDN: RAPEDZ (in Russ.).

4. Baranova, D. V. (2002) Stability of young families: problems and prospects (Sociological analysis): specialty 22.00.06 “Sociology of culture”: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Baranova Daria Vladimirovna. Ekaterinburg, 174 p. EDN NLZENX (in Russ.).

5. Berezovsky, Yu. V. (2022) Youth of the Khabarovsk Territory: “growth point” or “point of no return”? *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], no. 2, pp. 65–72. DOI: 10.31857/S013216250016668-7 (in Russ.).

6. Garnik, M. D. (2019) Modern approaches to defining the concept of “young family” and the classification of young families in Russia *Molodoy uchenyy* [Young scientist], no. 19 (257), pp. 308–310. EDN: OCLYDF (in Russ.).

7. Golod, S. I. Family stability: sociological and demographic aspects. L.: 1984. P. 136. EDN: XPMUNF (in Russ.).

8. Gurko, T. A., Matskovsky, M. S. (1986) Young family in a big city. (Sociology in the system of scientific management of society). Moscow: Knowledge, p. 48. EDN: YMCKBF (in Russ.).

9. Zhidenko, A. A. (2022) Young family in the focus of sociological theory *Caucasian Science Bridge*, no. 5 (4), pp. 70–76. EDN: YSLTEV DOI: 10.18522/2658-5820.2022.4.7 (in Russ.).

10. Kochetkova, N. V. (2022) Sociological study of the position and role of young families in modern Russian society. Russian science: current research and development. Collection of scientific articles of the XIII All-Russian scientific and practical conference on February 8, pp. 203–206. DOI: 10.46554/Russian.science-2022.02-1-203/206 (in Russ.).

11. Laktyukhina, E. G. (2013) Divorce in young families in the context of the transformation of values in modern Russia: author’s abstract. dis. … cand. sociol. sciences: 22.00.04 / E. G. Laktyukhina. Volgograd (in Russ.).

12. Matskovsky, M. S. (1989) Sociology of the family. Problems of Theory, Methodology and Methodology. Moscow: Nauka (in Russ.).

13. Motrich, E. L. (2019) Demographic Development of Khabarovsk Krai: Problems and Prospects *Narodonaseleniye* [Population], vol. 22, no. 3, pp. 30–46. EDN: CEGOPP DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00025 (in Russ.).

14. Neudachina, I. G. (2003) Modern Russian Young Family (Gender Analysis): specialty 22.00.06 “Sociology of Culture”: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Neudachina Irina Germanovna. Yekaterinburg, 224 p. EDN NMFRCZ (in Russ.).

15. Pyatova, A. A. (2016) Social and Legal Portrait of a Modern Young Family in Russia. Actual problems of human potential development in modern society: materials of the III International scientific and practical Internet conference, Perm, December 6–7, 2016. Perm: Perm State National Research University, pp. 284–287. EDN YSKKKY (in Russ.).

16. Razov, P. V., Presnyakova-Osipova, I. V., Yushkova, S. A. (2024) Young family in modern Russian society, image and quality of life: monograph. Moscow: INFRA-M., 210 p. EDN: LFRAPH DOI: 10.12737/1067069 (in Russ.).

17. Rostovskaya, T. K., Arkhangelsky, V. N., Ivanova, A. E., Kuchmaeva, O. V., Semenova, V. G. (2021) Family and demographic processes in modern Russia: monograph. FNISC RAS. M.: Ekon-Inform Publishing House, 257 p. EDN: IWUIJX DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021 (in Russ.).

18. Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Arkhangelsky, V. N. (2020) Generational changes in the marital behavior of Russians: a sociological analysis *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma mater (Herald of the Higher School)], no. 11, pp. 45–53. EDN: MZKRII DOI: 10.20339/AM.11-20.045 (in Russ.).

19. Rybakovsky, O. L., Tayunova, O. A. (2019) Demographic potential: from the history of the concept *Narodonaseleniye* [Population], vol. 22, no. 2, pp. 17–25 EDN: ZHTKVM DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00012 (in Russ.).

20. Sorokin, P. A. (2021) The System of Sociology / Comp., text prep., introduction. art. and comment. V. V. Sapova. Syktyvkar: OOO Anbur, pp. 457–473.

21. Tyrnova, N. A. (2005) Young Family in Modern Russia (Problems and Development Trends): specialty 22.00.04 “Social Structure, Social Institutions and Processes”: abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Tyrnova Natalya Aleksandrovna. Moscow, 31 p. EDN ZNASZN (in Russ.).

22. Frolova, N. A., Cherkasov, A. Yu. (2022) Sociological analysis of the problems of a modern young family *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], vol. 14, no. 1, pp. 145–153. EDN VTIFMO DOI 10.47370/2078-1024-2022-14-1-145-153 (in Russ.).

23. Kharchev, A. G. (1979) Marriage and family in the USSR. Experience of sociological research. Moscow: Mysl (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 20.11.2024.

Информация об авторах

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

М. В. Скворцова – начальник отдела внеучебной работы и молодежной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Research Department, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

M. V. Skvortsova – Head of the Department of Extracurricular Activities and Youth Policy, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 314.6 (571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-188-206

Семья и семейные ценности в новых реалиях: взгляд молодых семей Хабаровского края

Юрий Владимирович Березутский[1], Эдгард Александрович Зайцев[2]
[1,2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] berezutskiy-yv@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-2930-8765
[2] 12345zaiaz67@mail.ru

Аннотация. *В статье представлен анализ результатов социологического исследования молодых семей Хабаровского края с точки зрения их ценностно-мировоззренческих установок. Нам было важно понять, какие семейные ценности и ценностные ориентации доминируют в сознании и поведении современных молодых семей. В какой степени семья и рождение детей выступают для молодых семей значимыми ценностными установками? Какими терминальными и инструментальными ценностями в повседневной жизни руководствуются молодые семьи? С какими проблемами сталкиваются молодые семьи и как их преодолевают? Анализ ответов на поставленные вопросы позволил нам выявить специфику отношения молодых семей к данным темам. В современных условиях наблюдается трансформация семейных ценностей, связанная как с современными цивилизационными тенденциями (социокультурные представления, приоритет материальных ценностей, эгоцентричность в установках молодежи), так и с нарушением баланса преемственности семейных отношений в межпоколенческом развитии (молодые семьи в меньшей степени стремятся быть похожими на семьи своих родителей). Несмотря на обозначенные выше тенденции, семья и счастливая семейная жизнь как ценности, являются значимыми для абсолютного большинства молодежи. Молодые семьи в своих предпочтениях ориентированы на рождение детей, большое значение для них имеет любовь, комфортные семейные взаимоотношения. Однако рождение детей, особенно вторых и последующих, молодые семьи связывают с решением двух главных условий: материальных и жилищных. При этом откладывание рождения первого ребенка молодые люди обосновывают желанием пожить для себя, развиваться в профессии, построить карьеру. Выявленный потенциал конфликтности в молодых семьях, связанный в большей степени с бытовыми и финансовыми проблемами, разногласиями по поводу воспитания детей и с отсутствием взаимопонимания между супругами, актуализирует необходимость развития консультационной помощи и поддержки, в т. ч. психологической.*

Ключевые слова: *молодежь, молодая семья, ценности, ценностные ориентации, семейные ценности, Хабаровский край*

Благодарность: научно-исследовательская работа по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития» выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки Хабаровского края №97С/2024 от 28 июня 2024 г., предоставленного на поддержку фундаментальных и прикладных научных исследований, представляющих интерес для Хабаровского края госпрограммы «О государственной программе «Развитие образования в Хабаровском крае»

Для цитирования: Березутский Ю. В., Зайцев Э. А. Семья и семейные ценности в новых реалиях: взгляд молодых семей Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 188–206. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-188-206

Original article

Family and Family Values in New Realities: Views of Young Families of the Khabarovsk Territory

Yuriy V. Berezutskiy[1], Edgard A. Zaitsev[2]
[1,2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1] berezutskiy-yv@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-2930-8765
[2] 12345zaiaz67@mail.ru

Abstract. *The article presents the analysis of the results of the sociological study of young families in the Khabarovsk Territory from the point of view of their values and ideological attitudes. It was important for us to understand what family values and value orientations dominate in the minds and behavior of modern young families. To what extent are the family and the birth of children valued by young families? What terminal and instrumental values are young families guided by in their everyday life? What problems do young families face and how do they overcome them? The analysis of these issues allowed us to identify the specifics of the attitude of young families to them. In modern conditions, we can see the transformation of family values associated with both modern civilizational trends (sociocultural ideas, priority of material values, egocentrism in the attitudes of young people) as well as with the imbalance of continuity of family relations in intergenerational development (young families are less likely to be like their parents' families). Despite the above-mentioned trends, such values as family and happy family life are significant for the vast majority of young people. The preferences of young families are focused on having children, love and comfortable family relationships that are of great importance to them. However, young families associate the birth of children, especially the second and subsequent ones, with the solution of two main problems: financial and housing. At the same time, young people justify the postponement of the birth of their first child by the desire to live for themselves, develop in the profession, and build a career. The identified potential for conflict in young families, associated largely with domestic and financial problems, disagreements about raising children and lack of mutual understanding between spouses, actualizes the need to develop advisory assistance and support, including psychological one.*

Keywords: *youth, young family, values, value orientations, family values, the Khabarovsk Territory*

Acknowledgments: *research work on the topic: "Young family of the Khabarovsk Territory: status, problems and development prospects" was carried out within the framework of the grant of the Ministry of Education and Science of the Khabarovsk Territory No. 97C / 2024 dated June 28, 2024, provided to support fundamental and applied scientific research of interest to the Khabarovsk Territory of the state program "On the state program "Development of education in the Khabarovsk Territory".*

For citation: Berezutskiy Yu. V., Zaitsev E. A. (2024) Family and Family Values in New Realities: Views of Young Families of the Khabarovsk Territory *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 188–206. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-188-206

Введение

Современные социально-экономические процессы российского общества последних трех десятилетий внесли серьезные изменения в институт семьи. Кроме этого, социально-экономические и социально-политические реформы, а также изменение регионального статуса напрямую сказались на уровне и качестве жизни молодых семей на Дальнем Востоке, в том числе и в Хабаровском крае. Сегодня в условиях политики раз-

вития региона необходимо максимально использовать все имеющиеся его ресурсы. Немаловажным фактором с этой точки зрения выступает потенциал молодых семей, поскольку это и трудовые, и социальные, и экономические, и культурные ресурсы. От того, насколько эффективно будет использован данный фактор, во многом будет зависеть общий вектор развития региона.

Молодая семья, с точки зрения социологов – один из фундаментальных социальных институтов общества, требующих постоянного изучения и особого государственного внимания по созданию необходимых и достаточных условий для реализации молодой семьей своих социальных функций.

Семья как социальный институт реализует множество значимых для развития человека и общества функций: репродуктивную, воспитательную, рекреационную, экономическую, психологическую, безопасности и др. Российские исследователи подчеркивают, что «основу традиций семейного воспитания составляет система устойчивых представлений и отношений, объединяющих всех членов семьи, выполняющих мировоззренческую функцию и передаваемых от поколения к поколению» [Лыкова, Майер, 2022. С. 202]. Безусловно, семейные ценности играют ключевую роль в становлении и развитии личности, передаче традиций и культуры общества.

Значимый разворот в сторону сохранения и укрепления семейных ценностей российского общества обозначил и Президент России В. В. Путин в Указе 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», констатируя среди прочих угроз национальной безопасности страны культивирование эгоизма, отрицание идеалов ценности крепкой семьи, брака, многодетности, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных ориентаций.[1]

Семья – это главный индикатор (зеркало) того, что происходит в обществе. В семье отражаются абсолютно все общественные процессы. Поэтому изучение и понимание особенностей ценностно-мировоззренческих установок молодежи, молодых семей выступает значимой и научной, и государственной задачей.

Методология исследования

Молодая семья в контексте настоящей статьи рассматривается, с одной стороны, как значимая социальная группа общества, от состояния и потенциала которой зависит развитие настоящего и будущего общества, в котором она функционирует, с другой стороны, она рассматривается как социальный институт, в котором как сохраняются, так и трансформируются исторически сложившиеся ценности и мировоззренческие установки, определяющие состояние и перспективы развития молодой семьи.

Семья в социологической парадигме выступает главным индикатором (зеркалом) происходящего в обществе. Поэтому, изучая молодую семью, можно понять глобальные общественные процессы, происходящие в обществе и оказывающие на него непосредственное влияние.

С точки зрения авторитетного специалиста в области социологии молодежи В. Т. Лисовского, ценностные установки молодежи детерминированы теми условиями, в которых молодежь проходит процесс социализации и выступает потенциалом дальнейшего развития общества: «... установки молодежи являются регуляторами поведения и предпосылками будущей семейной жизни, они являются результатом социализации и зависят от условий их протекания; они обладают различной степенью устойчивости и потенциала развития» [Лисовский, 2003. С. 63].

С точки зрения одного из ведущих исследователей в области социологии семьи С. И. Голода, понятия сексуальности и брака еще в эпоху 90-х гг. XX века в сознании и поведении молодежи перестали выступать тождественными: «Сексуальность раздвигает границы своего распространения. Выходя за пределы брака, она приобретает в равной мере существенное (гедонистическое) значение как для мужчин, так и для женщин.

[1] *Указ Президента РФ В.В. Путина от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Электронный ресурс. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения 02.12.2024 г.).*

Происходит активная переориентация на возможность таких отношений вне института брака. Все названные перемены способствовали зарождению новой системы ценностей и идеалов» [Голод, 2012. С. 24]. Это привело к распространению незарегистрированных семейных отношений («гражданские браки»), высокому уровню разводов, ориентации на малодетность.

Оценки А. И. Антонова отражают определяющую роль системы идеологического (системы ценностей) воспитания в развитии семьи и многодетности, реализуемой государственной политикой: «… важно понять, что единственным способом решения проблемы сверхнизкой рождаемости в стране является мощная и системная политика социально-психологического усиления и упрочения потребности личности и семьи в трех детях, повышения ценности семейно-детного образа жизни, ценности социальных ролей отцовства и материнства в сопоставлении с нынешней престижностью имиджа профессиональных ролей мужчин и женщин» [Антонов, Карпова, Ляликова, Лебедь, 2020. С. 12].

Анализируя современные особенности развития молодежи в социокультурной реальности, ведущий специалист в области социологии молодежи Ю.А. Зубок подчеркивает влияние этой реальности на формирование ценностной структуры молодежи: «Социокультурные образцы, связанные одновременно с архетипическими и ментальными структурами (частично осознаваемые, частично – бессознательные), а также новым ценностным порядком, отражаются в ценностной структуре молодёжи, определяя её неоднозначные реакции на события и явления социальной реальности, а также на выбор конкретных форм поведения. При таком сочетании трудно ожидать однозначную, предсказуемую реакцию молодого поколения на социальные процессы» [Зубок, 2022. С. 374].

В рамках институционального подхода к исследованию института семьи, один из ведущих отечественных исследователей семейных ценностей Т. А. Гурко делает вывод о трансформации института брака, семьи и родительства под влиянием современных цивилизационных условий, расширяющих разнообразие семейных жизненных путей: «… индивиды и семьи отклоняются от институциональных семейных норм, чтобы приспособиться к нормам других институтов, таких как работа и образование» [Гурко, 2020. С. 47].

Таким образом, методология нашего социологического исследования ценностей и ценностных ориентаций молодой семьи региона базируется на следующих важных принципах. Основные характеристики состояния молодой семьи детерминированы социокультурной реальностью, трансформирующейся под воздействием как внутренних (страновых, региональных, национальных), так и внешних (глобальных мировых, цивилизационных) особенностей и тенденций. При этом особое значение в формировании семейных ценностей играют социокультурные образы семьи (зарегистрированной в браке, многодетной семьи, крепкой и дружной семьи), формируемые и транслируемые идеологическими инструментами. Залогом успешного развития семейных ценностей выступает гармонизация супружеских взаимоотношений, оказывающих определяющее значение на деторождение.

Эмпирическая база исследования

Настоящая научно-исследовательская работа по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития» выполнена коллективом социологов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС под научным руководством кандидата социологических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных наук Ю. В. Березутского. Исследование проведено в период с сентября по ноябрь 2024 г. В рамках научного проекта нами было применено три метода социологического исследования: опрос молодых семей, серия фокус-групп с молодыми семьями и экспертный опрос специалистов.

Опрос молодых семей. Опрошено 600 молодых семей, проживающих в г. Хабаровске, г. Комсомольске-на-Амуре и 16 муниципальных образованиях Хабаровского края. Ввиду отсутствия статистических данных, характеризующих признаки молодой семьи Хабаровского края, нами в исследовании была использована выборка методом «снежного кома». Нами исследовались три категории молодой семьи: первая – молодая семья, в которой оба супруга в возрасте до 35 лет вклю-

чительно, в зарегистрированном официальном браке, с детьми или без (62% в выборке); вторая – молодая семья, в которой оба супруга в возрасте до 35 лет включительно, официально в браке не зарегистрированы, но живут вместе и ведут совместное хозяйство, с детьми или без (24% в выборке), и третья – проживает один из родителей (без второго супруга) в возрасте до 35 лет с ребенком или детьми (14% в выборке).

Серия фокус-групп с молодыми семьями. Всего было проведено пять фокус-групп с 6–7 представителями молодых семей в каждой.

Экспертный опрос специалистов. Было опрошено 30 экспертов г. Хабаровска, г. Комсомольска-на-Амуре и трех муниципальных образований Хабаровского края. В качестве экспертов выступали преподаватели и исследователи высшей школы, занимающиеся изучением молодежной проблематики; руководители отделов и проректора вузов по молодежной и воспитательной политике; журналисты; сотрудники и руководители молодежных структур; представители краевых и муниципальных органов власти по делам молодежи.

Семейные ценности молодой семьи

Особенности складывающихся семейных взаимоотношений в молодых семьях, с одной стороны, обусловлены сформировавшимися ценностными ориентирами родительских семей молодых супругов, с другой стороны, обусловлены особенностями жизнедеятельности самой молодой семьи, условиями их быта в современных условиях. При этом институт семьи на современном этапе претерпевает существенные трансформации, которых общество в своем историческом развитии не наблюдало многие предыдущие поколения. Социолог В. В. Семенова отмечает: «… межпоколенные отношения в семье за последние десятилетия претерпели настолько существенные изменения, что исследователи говорят о необходимости «переписывания» внутрисемейного контракта» [Семенова, 2009. С. 68].

Несмотря на особую значимость развития общества с учетом сохранения семейных традиций, ценностей и устоев, на современном этапе развития семьи наблюдается трансформация межпоколенных семейных образцов поведения, прежде всего, связанных с социокультурными представлениями молодежи о регистрации семейно-брачных отношений, возрасте вступления в брак и рождения детей, балансе приоритетов семьи и карьеры, социальных ролях в браке мужчин и женщин и др. Эти процессы продолжаются на протяжении последних десятилетий. Так, нами на основе масштабного социологического исследования в 2013 г.[2] уже делался вывод о том, что «процессы трансформации современной семьи свидетельствуют об изменениях, которые имеют кардинальный характер, но отнюдь не о кризисе и упадке института семьи, поскольку ценность семьи и семейного образа жизни была и остается главной в структуре ценностей современных молодых людей. Как следствие, происходит закономерное изменение структуры и функций молодой семьи, ее адаптация к постоянно меняющимся условиям жизни современного общества, поиск оптимальных и эффективных форм жизнедеятельности» [Байков, Березутский, 2013. С. 31].

Результаты исследования показывают, что потенциал преемственности семейных отношений в молодых семьях по отношению к семьям родителей невысок и имеет тенденцию к снижению. Так, согласно исследованию, лишь треть опрошенных представителей молодых семей (31,7%) хотели бы, чтобы их семья была похожа на семью их родителей (в 2013 г. таковых было 50,3%).

Динамика последних десятилетий свидетельствует о сохранении тенденции в отношении молодых семей к незарегистрированным семейно-брачным отношениям. Так, в 2024 г. каждый чет-

[2] *Здесь и далее. Исследование «Потенциал молодых семей как фактор социально-экономического развития региона (на примере Хабаровского края)». Социологическое исследование проведено специалистами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС в 2013 г. Объем выборки 612 молодых семей. В исследовании использовалась квотная выборка, данные репрезентируют структуру молодых семей по трем признакам: по территории проживания в разрезе муниципальных образований Хабаровского края, по полу и возрасту опрашиваемых. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Н. М. Байков.*

вертый представитель молодой семьи (26,1%), как и в 2013 г. (28,0%), не считает обязательным регистрацию брака. При этом очень сильно различаются оценки на этот вопрос в зависимости от семейного статуса молодой семьи. Так, в зарегистрированных браках регистрацию брака считают необязательной 19,5%, в то время как среди представителей незарегистрированных браков такой оценки придерживается практически половина опрошенных (43,1%).

Отечественные социологи называют такие тенденции «кризисом семейно-брачных отношений», объясняя это тем, что «так называемый «гражданский брак» не порождает между мужчиной и женщиной прав и обязанностей супругов и тем самым является психологической проблемой как для женщин, так и для мужчин» [Ростовская, 2014. С. 31].

Основные мотивы допустимости незарегистрированных семейных отношений в оценках молодежи связаны в меньшей степени с социальными факторами (финансовые проблемы – 12,9%; отсутствие претензий при разделе имущества и алиментов на детей – 12,9%), нежели с психологическими факторами (желание узнать друг друга – 23,6%, отсутствие уверенности в успешности брака – 11,4%, нежелание партнера – 10,7%, отсутствие необходимости в браке – 10,0%, боязнь ответственности – 4,3%, ощущение свободы – 2,9%).

Эксперты связывают причины нежелания молодежи регистрировать свои семейные отношения, прежде всего:

- с боязнью ответственности и трудностей молодежи: «не хотят ответственности, ориентация на индивидуальные интересы», «боятся ответственности», «не хотят брать ответственность за свои действия» и др.;
- с трансформацией семейных ценностей: «утрата ценностей семейных уз», «культ свободных отношений и множественности партнёров – особенность современной реальности», «такие отношения проще, легче, ни к чему не обязывают, пожили – разбежались» и др.;
- с особенностями влияния материальных факторов: «материальные интересы доминируют над семейными ценностями», «потому что у матерей-одиночек больше льгот и возможностей для получения государственной поддержки в виде различных пособий», «не выгодно, много обязательств и никому не хочется при разводе кредиты супруга делить пополам» и др.

При доминировании в молодых семьях достаточно комфортных взаимоотношений между супругами потенциал конфликтности (и, как следствие, разводов) достаточно высок. В большинстве молодых семей (59,2%) супруги имеют много общих интересов, стараются помогать и не огорчать друг друга. При этом в более трети молодых семей (37,2%) супруги не всегда понимают друг друга, у них возникают конфликты. В то же время наиболее конфликтны супруги в семьях с незарегистрированным браком (табл. 1).

В то же время потенциал конфликтности в молодых семьях достаточно высок. Лишь третья часть молодых семей (37,5%) отметила, что конфликты в их семьях практически не возникают. В почти половине молодых семей (42,3%) конфликты возникают достаточно часто (от нескольких раз в неделю до нескольких раз в месяц). В подавляющем большинстве семейные ссоры связаны с бытовыми (41,5%) и финансовыми (20,8%) проблемами, разногласиями по поводу воспитания детей (13,0%) и отсутствием взаимопонимания (недоверие, ревность, измены, разные интересы) (12,0%).

Аналогичные тенденции выявлены и при ответах в анкетах представителей молодых семей на вопрос анкеты о вопросах, которые чаще всего поднимаются и обсуждаются в молодых семьях. В подавляющем своем большинстве молодые супруги обсуждают вопросы семейного бюджета (80,2%), бытовые проблемы (69,2%), планы на жизнь (68,8%), воспитание и рождение детей (62,1%) и проведение семейного досуга и отдыха (59,9%). При этом обсуждаемый круг вопросов практически идентичен что в семьях с зарегистрированным браком, что в семьях с незарегистрированным браком. С той разницей, что в семьях с незарегистрированным браком значительно реже обсуждаются вопросы рождения и воспитания детей, а чаще – вопросы взаимоотношений друг с другом, карьеры (табл. 2). Такие тенденции могут свидетельствовать о более устойчивых семейных ценностях в молодых семьях с зарегистрированными брачными отношениями.

Таблица 1

Распределение ответов молодых семей на вопрос анкеты: «Какие у Вас сложились взаимоотношения с Вашим (ей) супругом (ой)?» (в % в зависимости от типа молодой семьи)

Характеристики взаимоотношений супругов	Зарегистрированный брак	Не зарегистрированный брак	В целом по молодым семьям
Мы имеем много общих интересов, понимаем друг друга, стараемся помогать и не огорчать друг друга	64,3	45,7	59,2
Не всегда понимаем друг друга, иногда бывают конфликты, но мы стремимся сохранять в семье мир и хорошие отношения	32,7	49,3	37,2
Мы очень часто не понимаем друг друга, часто общаемся в силу необходимости	1,4	2,9	1,8
Полностью отсутствует взаимопонимание, нет общих интересов, часто ссоримся	-	-	-
Затрудняюсь ответить	1,6	2,1	1,8

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 2

Распределение ответов молодых семей на вопрос анкеты: «Какие вопросы чаще всего обсуждаются в Вашей семье?» (в % в зависимости от типа молодой семьи)

Вопросы, которые чаще всего обсуждаются в молодых семьях	Зарегистрированный брак	Не зарегистрированный брак	В целом по молодым семьям
Семейный бюджет, текущие расходы	80,9	80,4	80,2
Домашнее хозяйство, бытовые проблемы	68,9	71,7	69,2
Будущее, планы на жизнь	69,8	68,1	68,8
Воспитание и рождение детей	70,0	42,8	62,1
Проведение семейного досуга, отдыха	62,1	55,8	59,9
Взаимоотношения друг с другом	55,3	62,3	56,8
Вопросы о работе, карьере	54,5	61,6	56,0
Отношения с родителями, родственниками	39,8	38,4	39,1
Сексуальные отношения	31,3	33,3	31,6
Взаимоотношения с друзьями, соседями	28,6	23,9	27,1
Проблемы политики, общественной жизни	16,1	10,1	14,3
Религиозные взаимоотношения	6,8	-	4,9

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

С одной стороны, такое проблемное поле свидетельствует о востребованности помощи и поддержки молодым семьям (социальной, образовательной, психологической), а с другой – это проблемное поле влияет на демографический потенциал, выраженный в показателях развода. Так, согласно результатам исследования, в сознании каждого четвертого супруга (26,1%) «иногда» или «постоянно» возникает мысль о разводе. При этом следует подчеркнуть, что в незарегистрированных браком молодых семьях потенциал разводов несколько выше (31,8%), нежели в зарегистрированных браком семьях (24,0%).

Единодушны с молодыми семьями и эксперты в отношении к оценке проблемного поля, которое осложняет жизнь молодежи. Так, в подавляющем большинстве эксперты отмечают, что ключевыми проблемами современной молодой семьи являются «жилищная проблема (нуждаемость, доступность, возможность приобретения и т. д.)» (83,3%), «уровень жизни (низкие зарплаты, доходы, отсутствие перспектив)» (80,0%) и «психологические проблемы (взаимоотношения в семье, конфликты, ссоры, неумение их решать)» (46,6%). Проблемами второго плана эксперты назвали «здравоохранение (доступность, качество, в т. ч. родовспоможение)» (36,6%), «социальная поддержка (недостаточность льгот, размеров пособий, субсидий)» (26,6%) и «бытовые трудности» (26,6%).

Потребность в детях, как отмечают социологи, выступает важной репродуктивной установкой в молодых семьях, имеет сложную структуру и включает в себя три компонента: когнитивный (установка на количество детей), эмоциональный (отношение к рождению детей) и поведенческий (готовность или отказ от рождения детей) [Костина, Зайцева, Банных, 2019. С. 184–185].

Как подчеркивает О. И. Разинкова, «в современном обществе приобретают особую важность внесемейные роли родителей, их профессиональная идентификация, социальный статус, финансовое положение, что приводит к упадку семейности. Чем меньше детей, чем больше свободного времени, тем интереснее можно организовать свой досуг. На первом месте у современной молодежи сегодня такие ценности, как удовлетворенность собственной жизнью, саморазвитие, реализация собственных устремлений, связанных с карьерой, но никак не с детьми» [Разинкова, 2023. С. 116].

Если рассматривать общие демографические тенденции, то по данным Росстата в 2023 г. суммарный коэффициент рождаемости в России снизился до 1,4, обновив многолетний минимум. Спад последних лет эксперты объясняли тем, что в активный детородный возраст вступало поколение женщин 1990-х гг. – малочисленное по сравнению с поколением 1980-х гг. Однако среди третьих и последующих детей коэффициент, напротив, вырос[3]. Мы отмечали в предыдущих наших исследованиях: «С одной стороны, это свидетельство наличия в многодетных семьях самой ценности семьи и детства, а с другой стороны, это свидетельство того, что государственная политика в большей степени влияет на поддержку многодетных семей, нежели на поддержку первых рождений» [Березутский, 2023. С. 7].

Согласно результатам проведенного исследования, в выборку попало: 32,1% молодых семей, имеющих 1 ребенка; 31,0% молодых семей, имеющих 2 детей; 12,4% молодых семей, имеющих трех и более детей и 2,0% семей, ожидающих рождение ребенка. Практически каждая четвертая молодая семья (22,5%) в выборке оказалась бездетной.

Какие же семейные установки в отношении детей доминируют в сознании представителей молодых семей? В целом следует отметить, что молодые семьи в подавляющем большинстве ориентированы на рождение детей. Лишь 12,6% опрошенных либо не хотят иметь детей, либо затруднились с оценкой на этот счет. Большая часть опрошенных молодых семей (45,9%) хотели бы иметь двух детей и треть (32,5%) – трех и более детей. При этом результаты исследования не выявили различий в желании иметь

[3] *Росстат раскрыл среднее число детей на одну женщину в России. – Электронный ресурс. URL: https://www.rbc.ru/economics/26/03/2024/66014d649a79476bc9717e3e (дата обращения 30.10.2024 г.).*

то или иное количество детей в зависимости от наличия регистрации брака.

Молодые семьи, не имеющие пока детей, в большинстве своем декларируют в большей степени готовность к рождению детей в будущем. Причем половина из них (54,9%) планирует рождение детей в ближайшие три года, более трети семей (39,1%) отодвигают это событие на более поздний срок и лишь 6,0% не планируют рождение детей.

Основные мотивы откладывания, либо нежелания рождения детей в молодых семьях связаны с материальными (52,6%) и жилищными проблемами (42,9%), а также с желанием развиваться в профессии и построения карьеры (42,9%) и желанием пожить для себя (29,3%).

Эксперты в своих оценках в подавляющем большинстве (70,0%) высказывают предположение о низком уровне рождаемости в молодых семьях в Хабаровском крае, отмечая, что сегодня рождаемость в молодых семьях либо «остается на прежнем низком уровне», либо «рождаемость в молодых семьях снижается». В качестве аргументов эксперты назвали, по большому счету, две причины. Во-первых, это связано с проблемой материального положения молодых семей: «у молодых семей элементарно нет жилья; куда принести ребенка, если нет жилья», «молодые супруги сначала улучшают жилищные условия, увеличивают доход, а только потом рожают детей, когда почти уже молодыми семьями не являются», «низкий уровень жизни в целом и страх за будущее» и др. Во-вторых, это связано с трансформацией ценностно-мировоззренческих установок современной молодежи: «эгоцентричность и желание улучшить материальное положение, построить карьеру, пожить для себя влияют на нежелание рожать детей», «молодые люди стали более эгоцентричные, если сравнивать с предыдущими поколениями; многие совсем не планируют заводить детей; семья как ценность отходит на задний план, у молодежи меняются приоритеты», «у молодых семей другие приоритеты: образование, карьера, материальное благополучие» и др.

При этом появление на свет вторых и последующих детей молодые семьи, прежде всего, также связывают с материальными и жилищными условиями (табл. 3). Следует отметить, что за последние десять лет существенных трансформаций в мотивации молодых семей Хабаровского края не выявлено. Разве что большее значение стали иметь такие условия, как улучшение системы здравоохранения,

Таблица 3

Распределение ответов молодых семей на вопрос анкеты: «При каких условиях в Вашей семье может появиться второй или последующие дети?» (в %)

Условия	2013 г.	2024 г.
Достойная заработная плата	61,7	54,8
Возможность приобретения доступного жилья	42,6	42,4
Сохранение уровня заработной платы женщины, находящейся в декретном отпуске	24,3	30,6
Улучшение системы здравоохранения	9,6	26,0
Снижение цен на детские товары	13,0	25,5
Погашение государством ипотечного кредита	11,3	22,5
Достаточный размер материнского (семейного) капитала	13,0	17,2
Ни при каких обстоятельствах не готовы	2,6	16,2
Наличие нормальных отношений между супругами	22,6	14,4
Благоприятная экологическая ситуация в регионе	10,4	12,0
При любых обстоятельствах готовы к рождению 2 и 3 детей	19,1	11,1
Наличие мест в дошкольных учреждениях	17,4	9,6
Предоставление земельного участка	0,9	9,2
Если следующий ребенок будет другого пола	1,7	5,9
Материальная поддержка от родителей, родственников	4,3	2,8

Источник: составлено авторами по данным социологических исследований «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2013 г. и 2024 г.

снижение цен на детские товары, возможность государственной поддержки ипотечного кредитования.

Эксперты практически единодушны с молодыми семьями в оценках причин повышения рождаемости и связывают это, прежде всего, с решением экономических проблем: «возможность приобретения доступного жилья» (80,0%), «достойная заработная плата» (76,6%), «погашение государством ипотечного кредита» (66,6%), «сохранение уровня заработной платы женщины, находящейся в декретном отпуске» (53,3%), «улучшение системы здравоохранения» (43,3%), «наличие мест в дошкольных учреждениях» (36,6%), «наличие нормальных отношений между супругами» (36,6%).

По-прежнему результаты исследования фиксируют доминирование в оценках молодых семей ценности рождения детей, независимо от их планирования. Так, большая часть опрошенных (63,2% в 2024 г. и 59,8% в 2013 г.) в случае незапланированной беременности родит ребенка. Однако достаточно высок и потенциал на прерывание беременности: каждая десятая молодая семья (11,7% в 2024 г. и 10,6% в 2013 г.) незапланированную беременность прервет и каждая четвертая (25,1% в 2024 г. и 29,6%) – затруднилась с ответом на данный вопрос.

Интересны ответы участников нашего фокус-группового исследования с представителями молодых семей. Значительная часть молодежи ориентируется в своих планах на двоих детей: «детей не имеем, если бы хотел, не более двоих, потому, что не вижу смысла иметь больше детей» (Андрей, 26 лет), «хотела бы 2 или 3, как минимум, чтобы не один был ребенок» (Витана, 25 лет), «у нас двое детей, больше не хотим, хватит» (Василиса, 31 год), «детей нет, двоих детей планируем, но пока не планируем» (Лада, 22 года), «детей нет, но хотим двоих» (Владимир, 35 лет).

Желание в финансовом плане твердо стоять на ногах выступает, пожалуй, самым главным фактором рождения детей в молодых семьях: «условие для рождения ребёнка – это полная финансовая независимость» (Кристина, 21 год), «не планируем пока рождение детей, т. к. пока находимся в полной зависимости от родителей в финансовом плане» (Иван, 20 лет), «финансово к этому должны быть готовы, но на данный момент пока не готовы в целом» (Павел, 23 года).

Жилищная проблема выступает важным фактором рождения детей в молодых семьях: «детей нет, планируем двоих, но после переезда в свое жилье» (Ангелина, 26 лет), «нет финансовой возможности, все деньги уходят на съем жилья, продукты и проезд; при наличие своей квартиры и достойной заработной платы» (Регина, 26 лет), «хотим сначала купить квартиру» (Алена, 28 лет).

Ценностно-мировоззренческие особенности и психологические проблемы также выступают значимой причиной откладывания рождений в молодых семьях: «нет детей, потому что слишком молод для этого; как сейчас принято говорить – ни финансово, ни морально не готов» (Андрей, 26 лет), «пока я за то, чтобы попутешествовать, хочется без «груза», скажем так» (Витана, 25 лет), «нет детей, потому что морально не готовы к этому, слишком рано» (Ангелина, 24 года), «один из самых главных фактор для меня это просто моральная готовность к детям, потому что сейчас я понимаю, что я не хочу» (Александра, 22 года), «потому что сам молодой, и хочется беззаботной жизни, а еще, когда ты не можешь обеспечить себя и семью – считаю это неправильно» (Алексей, 25 лет).

При этом результаты исследования фиксируют большую готовность родить ребенка в случае незапланированной беременности в семьях с зарегистрированным браком, нежели в семьях с незарегистрированным браком, либо в семьях с одним родителем (табл. 4).

В целом следует отметить, что молодые семьи в большинстве своем ориентированы на рождение детей. При этом ограничивающими факторами деторождений выступают как материальные факторы и условия (финансовая и жилищная устойчивость), так и ценностно-мировоззренческие (образование, карьера, профессиональное развитие, нежелание иметь детей). Значимую роль в гармонизации семейных отношений играет достаточно высокий конфликтный потенциал в молодых семьях, что актуализирует развитие образовательных программ и программ психологической помощи и поддержки. Об этом свидетельствуют и результаты исследования, представлен-

Таблица 4

Распределение ответов молодых семей на вопрос анкеты: «Если в Вашей семье случится незапланированная беременность, то какое решение Вы примете?» (в % в зависимости от типа молодой семьи)

Решение в случае незапланированной беременности	Зарегистрированный брак	Не зарегистрированный брак	Один взрослый живет с ребенком (детьми)	В целом по молодым семьям
Родить ребёнка	67,7	59,3	50,0	63,2
Прервать беременность	10,6	12,9	14,6	11,7
Затрудняюсь ответить	21,7	27,9	35,4	25,1

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 5

Распределение ответов молодых семей на вопрос анкеты: «В организации консультаций по каким вопросам больше всего нуждается Ваша семья?» (в % в зависимости от типа молодой семьи)

Вопросы для консультаций	Зарегистрированный брак	Не зарегистрированный брак	Один взрослый живет с ребенком (детьми)	В целом по молодым семьям
Не нуждается	46,9	45,7	48,8	46,9
Социальной защиты и поддержки	20,6	17,1	30,5	21,2
Юридическим, правовым	10,3	12,9	12,2	11,2
Организации семейного досуга	8,4	11,4	8,5	9,1
Преодоления конфликтов	8,7	11,4	2,4	8,5
Ожидания и воспитания детей	8,7	5,0	7,3	7,6
Планирования семьи	6,8	7,9	4,9	6,8
Страхов и неопределенности	5,4	10,7	4,9	6,6
Бытовым	6,2	5,7	9,8	6,6
Медико-генетическим вопросам	6,5	5,7	3,7	5,9
Сексуальным отношениям	5,4	7,1	1,2	5,2
Ведения домашнего хозяйства	1,9	5,0	1,2	2,5

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

ные выше, и запрос самих представителей молодых семей. Об отсутствии необходимости в консультационной поддержке отметили менее половины опрошенных молодых семей (табл. 5).

В целом при схожести в потребностях семей в консультационной помощи и поддержке следует обратить внимание, что в семьях с зарегистрированным браком чуть меньше возникает необходимость в преодолении конфликтов, страхов и неопределенностей, нежели в семьях с незарегистрированным браком, либо в семьях с одним молодым родителем. Особая востребованность у семей с одним родителем возникает в социальной защите и поддержке, по юридическим и правовым вопросам.

Ценности и ценностные ориентации молодой семьи

Ценности и ценностные ориентации представляют собой сформировавшиеся в сознании молодежи представления о важном, значимом, существенном в их жизни. Своего рода это смысложизненные ориентиры молодежи, позволяющие ей делать выбор приоритетов в социальных действиях и поступках. Подчеркивают значимость ценностей авторитетные специалисты в области социологии молодежи Ю. А. Зубок и В. И. Чупров: «... ценности представляют собой совокупность установок на высшие жизненные принципы, идеалы, отраженные в целях жизнедеятельности и средствах их достижения, содержащиеся в коллективных представлениях о должном, важном, значимом. В индивидуально-групповом смысле они отвечают за мировоззренческое, смысловое наполнение жизнедеятельности молодёжи. Многообразие связей молодежи с культурой, в которой конструируются и передаются смыслы, образует культурное пространство, в котором осуществляется саморегуляция ее жизнедеятельности» [Зубок, Чупров, 2018. С. 4].

Общее ранжирование терминальных ценностей (ценностей-целей по М. Рокичу) свидетельствует о приоритетности в оценках молодых семей общечеловеческих ценностей. В оценках молодых семей доминируют ценности личного благополучия вкупе с общественным благополучием. Однако общественное благополучие значительно отодвигается на второй план по отношению к личному. Что отражает сформировавшуюся тенденцию последних десятилетий – нахождение молодежи в смысловом пространстве индивидуализма. Благополучие общества не рассматривается основой для благополучия каждого. При этом следует особенно подчеркнуть, что для семейной молодежи важны стабильные внутрисемейные отношения и поддержка близких.

Так, наиболее значимыми ценностями-целями молодых семей являются конкретные ценности: «здоровье» (67,5%), «счастливая семейная жизнь» (54,7%), «материально обеспеченная жизнь» (54,3%), «любовь» (40,4%), «интересная работа» (35,0%) и «общая хорошая обстановка в стране и обществе, сохранение мира между народами» (30,3%). Именно эти аспекты жизни молодых семей оказывают самое значимое воздействие на их поведение и выбор жизненных ориентиров и векторов. Абстрактные ценности (жизненная мудрость, познание, развитие, свобода, красота природы и искусства, творчество) имеют второстепенное значение.

Ценности личной жизни (здоровье, счастливая семейная жизнь, материально-обеспеченная жизнь, любовь) имеют для молодых семей тождественное значение с ценностями профессиональной самореализации (активная деятельная жизнь, интересная работа).

При этом можно наблюдать, что социально значимые ценности, характеризующие вовлеченность молодых семей в жизнь общества, сопричастность и соучастие в общественной жизни общества имеют второстепенное значение и слабую выраженность: «активная деятельная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», «общественное признание», «познание», «равные возможности для всех» (табл. 6).

Анализ инструментальных ценностей (ценностей-средств) молодых семей позволяет сделать следующие основные выводы: самыми значимыми ценностями в оценках молодых семей являются воспитанность (66,7%), ответственность (57,2%), жизнерадостность (55,2%), аккуратность (49,9%), честность (48,6%) и исполнительность (33,7%). При этом ценности, влияющие на профессиональное развитие личности, обеспечивающие во многом материально обеспеченную жизнь (как одну из выбранных главных ценностей-целей молодыми семьями), имеют в сознании молодых семей второстепенную роль: образованность (32,0%), независимость (31,6%), самоконтроль (20,6%), эффективность в делах (17,7%), рационализм (16,6%), широта взглядов (13,4%) (табл. 7).

Результаты исследования показывают доминирование этических ценностей (воспитанность, честность) и ценностей дела (ответственность, исполнительность, образованность) над ценностями общения (терпимость, смелость в отстаивании своего мнения, широта взглядов, нетерпимость к недостаткам в себе и других, чуткость), что подтверждает сделанный нами ранее вывод об индивидуализации жизни молодых людей. Наряду с этим конформистские ценности (воспитан-

Таблица 6

Ранжирование терминальных ценностей (ценностей-целей) по степени значимости для молодых семей (в % от числа опрошенных)

Терминальные ценности	%
Здоровье (физическое и психическое)	67,5
Счастливая семейная жизнь	54,7
Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	54,3
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	40,4
Интересная работа	35,0
Общая хорошая обстановка в стране, в обществе, сохранение мира между народами (как условие благополучия каждого)	30,3
Активная, деятельная жизнь	29,8
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл)	21,0
Наличие хороших и верных друзей	19,1
Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)	16,6
Удовольствия (жизнь, полная удовольствий, развлечений, приятного проведения времени)	13,2
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	9,0
Творчество (возможность творческой деятельности)	7,1
Красота природы и искусства	7,1
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	5,6
Самостоятельность как независимость в суждениях и оценках	4,9
Равенство (равные возможности для всех)	4,2
Свобода как независимость в поступках и действиях	4,2

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 7

Ранжирование инструментальных ценностей (ценностей-средств) по степени значимости для молодых семей (в % от числа опрошенных)

Инструментальные ценности	%
Воспитанность (хорошие манеры, вежливость)	66,7
Ответственность (чувство долга, умение держать слово)	57,2
Жизнерадостность (чувство юмора)	55,2
Аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке свои вещи)	49,9
Честность (правдивость, искренность)	48,6
Исполнительность (дисциплинированность)	33,7
Образованность (широта знаний, высокая общая культура)	32,0
Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	31,6
Чуткость (заботливость)	26,1
Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	20,6
Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	17,7
Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)	16,9
Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	16,6
Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	15,2
Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	13,4
Твёрдая воля (умение настоять на своём, не отступать перед трудностями)	10,8
Высокие запросы (высокие притязания)	2,9
Непримиримость к недостаткам в себе и в других	1,2

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

ность, самоконтроль, широта взглядов) и индивидуалистические ценности (независимость, твердая воля, рационализм, смелость в отстаивании своего мнения) доминируют над альтруистическими ценностями (чуткость, терпимость). Удовлетворение индивидуальных потребностей (как результат сформировавшегося вокруг молодежи культурного пространства) выступает в сознании молодежи определяющим фактором самореализации и главным критерием успешности [Березутский, 2022. С. 44].

Проблемное поле жизнедеятельности молодой семьи

Направленность, характеристики, масштабы проблем жизнедеятельности молодых семей в значительной степени определяют ее положение, психоэмоциональное состояние, состояние семейно-брачных отношений между супругами, особенности ценностно-мировоззренческих установок, специфику отношения, доверия к органам власти.

Проблемное поле жизнедеятельности молодой семьи Хабаровского края связано с обеспечением прав на достойный уровень жизни, получением качественной медицинской помощи, решением жилищной проблемы, общей безопасностью и уверенностью в будущем. Как отмечают исследователи из других регионов страны: «Финансовое положение семьи, уверенность в завтрашнем дне, в будущем детей, состояние здоровья однозначно влияют на благополучие семьи. Поэтому следует совершенствовать систему социальной поддержки молодых семей, которая могла бы благоприятно повлиять не только на количество заключенных браков, но и на позитивную жизнедеятельность молодых семей в целом» [Козлова, Сыроижко, 2018. С. 72].

В современных условиях особенно важно, с точки зрения реализации государственной национальной политики, создавать необходимые и достаточные экономические условия для укрепления молодой семьи, рождения детей, роста многодетных семей, поскольку наиболее значимые проблемы жизнедеятельности молодых семей в самооценках связаны с уровнем и качеством жизни. Согласно результатам исследования более половины молодых семей (51,4%) оценивают свой уровень жизни, как «средний, денег хватает лишь на основные продукты и одежду», а более 80% молодых семей не имеют денежных сбережений, которые могли бы дать им возможность прожить какое-то время (например, полгода).

Особое беспокойство сегодня связано и с событиями на Украине – проведением специальной военной операции, общим состоянием международной обстановки (табл. 8). Остальные проблемы, безусловно, имеют определенную значимость для молодых семей, но не столь актуализированы в самооценках.

За последние годы значимым фактором, вызывающим тревогу у населения, выступает проведение специальной военной операции. И результаты региональных социологических исследований фиксируют такие социально-психологические состояния, отражающиеся в сознании молодежи состояниями тревожности и проявлением стресса [Стасюк, 2023. С. 228].

Проблемы социально-психологического плана особенно актуальны для молодых семей не только с точки зрения влияния внешних по отношению к семье макрофакторов и условий жизнедеятельности, но и с точки зрения влияния внутрисемейных особенностей и взаимоотношений между супругами.

Отечественные исследователи фиксируют, что значительная часть проблем, с которыми сталкиваются молодые семьи, это проблемы социально-психологического плана: переоценка и идеализация партнера и семейных отношений; адаптация супругов к семейному образу жизни; согласование представлений о функционально-ролевом назначении и обязанностях каждого из супругов; неумение молодых людей разрешать конфликты самостоятельно и объективно оценивать значимость предмета конфликта; противовес «эгоцентризма» «семьецентризму» в позиции супругов и др. [Фролова, 2022. С. 149–150].

Так, результаты нашего регионального исследования наряду с экономическими проблемами, фиксируют обеспокоенность молодых семей социально-психологическими проблемами. Среди которых – усталость и переутомление (33,2%), бытовые трудности (14,7%), безысходность и отсутствие перспектив (10,2%) (табл. 9).

Таблица 8

Распределение ответов молодых семей на вопрос анкеты: «Какие проблемы вас беспокоят в большей степени?» (в процентах от числа опрошенных)

Проблемы	%
Рост цен на товары и услуги	51,1
Достойная оплата труда	47,9
Здравоохранение и получение качественной медицинской помощи	44,8
Проведение специальной военной операции	41,8
Жилищная проблема (доступность)	40,3
Состояние ЖКХ	32,3
Безработица или опасность не найти (потерять) работу	27,9
Уровень жизни	24,9
Приезд трудовых мигрантов	21,7
Наркомания	21,3
Уверенность в завтрашнем дне	21,0
Алкоголизм, пьянство	20,0
Благоустройство улиц, дворов, дорог	17,6
Коррупция, произвол чиновников	17,6
Экологическое состояние места проживания	13,4
Получение качественного образования	11,8
Преступность, отсутствие порядка	11,7
Организация досуга	10,0
Возможности для самореализации, развития молодежи	9,3
Западные санкции в отношении России	7,3
Состояние культуры, нравственности	6,9
Возможности для творческого развития	5,9
Затрудняюсь ответить	3,7
Развитие спорта, спортивной инфраструктуры	3,4
Развитие предпринимательства	2,5
Ни одна из перечисленных	0,8
Другое	0,7

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г

Таблица 9

Распределение ответов молодых семей на вопрос анкеты: «Что из перечисленного больше всего осложняет жизнь Вашей семье?» (в процентах от числа опрошенных)

Проблемы	%
Низкие доходы, материальное положение	42,8
Недостаток свободного времени	33,2
Усталость, переутомление	30,8
Жилищные условия (отсутствие собственного жилья, доступность, недостаточность)	29,3
Плохое здоровье, доступность медицинской помощи	18,8
Бытовые трудности	14,7
Отсутствие работы, опасение потерять работу	10,8
Безысходность, отсутствие перспектив	10,2
Трудности с образованием детей	7,6
Плохие взаимоотношения в семье	1,5

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Результаты нашего фокус-группового исследования молодых семей наглядно демонстрируют широкий спектр проблем, которые преодолевают молодые люди в своей семейной жизни. В большинстве своем это проблемное поле связано:

- с бытовыми проблемами: «разные семейные устои, которые перешли из семьи от мамы с папой, и вот столкновение разных семейных ценностей опять-таки, чаще в бытовом плане» (Андрей, 26 лет), «в первую очередь бытовые проблемы, конечно» (Ангелина, 24 года), «бытовые, условно где-то разница в семейных традициях, разница характеров, то есть момент столкновение и притирания» (Павел, 23 года);
- с материальными и финансовыми проблемами: «вопросы распределения финансов, у нас немножко разные взгляды на что можно тратить деньги» (Лада, 22 года), «высокие цены на собственное жилье, высокая стоимость арендного жилья» (Светлана, 26 лет), «у нас разные взгляды на финансы, я не вижу, куда деваются деньги, и на фоне этого возникают конфликты» (Кристина, 21 год);
- с психологическими проблемами, во взаимоотношениях: «мы достаточно часто ссоримся по мелочам, но инициатором этих ссор выступаю я» (Александра, 22 года), «разница в интересах, у меня одни интересы, у супруги другие интересы, из-за этого бывает, возникают сложности» (Владимир, 35 лет), «он не хочет разговаривать, не разговариваешь, не решаешь, не копаешься в этом, оно дальше начинает плыть в никуда» (Витана, 25 лет), «я работаю на двух работах, естественно, не хватает внимания жене» (Олег, 22 года).

Спектр обозначенных молодыми семьями проблем актуализирует, на наш взгляд, наряду с финансовой и материальной помощью и поддержкой еще и психологическую, являющуюся значимым условием в гармонизации семейных межличностных взаимоотношений, социального самочувствия молодых семей.

Важной характеристикой социального самочувствия молодых семей выступает самооценка уверенности в будущем, определяющая стабильность, устойчивость, определенность будущего и своей жизни. Мы задали молодым семьям вопрос: «С каким настроением вы смотрите в будущее?». Общее настроение молодых семей характеризуется состоянием сдержанного оптимизма с надеждой: 45,8% смотрят в будущее «с надеждой и оптимизмом», а 29,1% «спокойно, без особых надежд и иллюзий». В то же время каждая пятая молодая семья (19,9%) смотрит в будущее либо «с тревогой и неуверенностью», либо «со страхом и отчаянием».

Заключение

Таким образом, результаты проведенного социологического исследования ценностей и ценностных ориентаций молодых семей Хабаровского края позволили сделать несколько основных выводов.

Во-первых, в современных условиях наблюдается трансформация семейных ценностей, связанная как с современными цивилизационными тенденциями (социокультурные представления, приоритет материальных ценностей, эгоцентричность в установках молодежи), так и с нарушением баланса преемственности семейных отношений в межпоколенческом развитии (молодые семьи в меньшей степени стремятся быть похожими на семьи своих родителей).

Во-вторых, несмотря на обозначенные выше тенденции, семья и счастливая семейная жизнь как ценности являются значимыми для абсолютного большинства молодежи. Молодые семьи в своих предпочтениях ориентированы на рождение детей, большое значение для них имеет любовь, комфортные семейные взаимоотношения. Однако рождение детей, особенно вторых и последующих, молодые семьи связывают с решением двух главных условий: материальных и жилищных. При этом откладывание рождений первых детей молодые люди обосновывают желанием пожить для себя, развиваться в профессии, построением карьеры.

В-третьих, исследование двух типов молодых семей (с зарегистрированным и незарегистрированным браком) показало, что молодые семьи с незарегистрированным браком демонстрируют больший кризисный потенциал. В таких семьях существенно выше оценки допустимости незарегистрированных семейных отношений, чаще возникают ссоры и конфликты, чаще возникают у супругов мысли о разводе, чаще готовы сделать аборт в случае незапланированной беременности, чаще возникает необходимость в преодолении

конфликтов, страхов и неопределенности.

В-четвертных, в подавляющем большинстве молодые семьи декларируют наличие комфортных взаимоотношений между супругами, когда супруги имеют много общих интересов, стараются помогать и не огорчать друг друга. Однако выявлен и существенный потенциал конфликтности: в практически половине молодых семей конфликты возникают достаточно часто. Причины семейных конфликтов связаны с бытовыми и финансовыми проблемами, разногласиями по поводу воспитания детей и отсутствием взаимопонимания между супругами. Все это, в конечном итоге, актуализирует необходимость развития консультационной помощи и поддержки, в т. ч. психологической. В современных условиях применение психологических онлайн технологий представляется достаточно целесообразным и востребованным.

В-пятых, ввиду того, что наиболее значимые проблемы жизнедеятельности молодых семей в их самооценках связаны с уровнем и качеством жизни, в современных условиях, особенно важно в реализации государственной национальной политики создавать необходимые и достаточные экономические условия для укрепления молодой семьи, рождения детей, роста многодетных семей. Многодетная молодая семья – это тот смысловой образ национальной политики, который сегодня необходим российскому обществу для перелома существующих негативных демографических тенденций.

Список источников:

1. Антонов, А. И., Карпова, В. М., Ляликова, С. В., Лебедь, О. Л. Перспективы реализации репродуктивных установок российских семей в 2021–2025 гг. (по данным социолого-демографических исследований) // Социология медицины. 2020. Т. 19, № 1. С. 11–17. EDN: QOUUHZ DOI: 10.17816/1728-2810-2020-19-1-11-17

2. Байков, Н. М., Березутский, Ю. В. и др. Социальный потенциал молодых семей как фактор развития региона: монография / под общ. ред. Н. М. Байкова, Ю. В. Березутского. Хабаровск: ДВИУ – филиал РАНХиГС, 2013. 129 с. EDN: WLFZIX

3. Березутский, Ю. В. Ценностные установки молодежи как основа формирования ее правовой культуры. Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональный вектор : материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 15 сентября 2022 года. Хабаровск: Дальневосточный институт управления - филиал РАНХиГС, 2022. С. 40–44. EDN: TUUZHM

4. Березутский, Ю. В. Молодая семья региона: социологическая оценка ценностно-мировоззренческих установок. Традиционные духовно-нравственные ценности в структуре российского общества и направления их укрепления : сборник научных докладов круглого стола, Хабаровск, 07 февраля 2023 года / Под редакцией Н. М. Байкова, Ю. В. Березутского. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. С. 5–12. EDN: TRLTKO

5. Голод, С. И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 20–38. EDN: OZPSIJ

6. Гурко, Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 1. С. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1/7052

7. Зубок, Ю. А., Любутов, А. С. Молодёжь в социокультурной реальности российского общества: смысловые детерминанты саморегуляции // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 339–378. EDN: JEIBXB DOI: 10.19181/ezheg.2022.13

8. Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. №3. С. 3–13. EDN: YLIAHZ DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

9. Козлова, Е. С., Сыроижко, В. В. Проблемы молодых семей в Российской Федерации // Регион: системы, экономика, управление. 2018. №3 (42). С. 71–75. EDN: YLLEMX

10. Костина, С. Н., Зайцева, Е. В., Банных, Г. А. Дети как ценность: современные подходы к фамилистике // Вестник экономики, права и социологии. 2019. №4. С. 183–188. EDN: UJBBOL

11. Лисовский, В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья (социологическое исследование). СПб.: Наука, 2003. 368 с.

12. Лыкова, И. А., Майер, А. А. Систематизация традиций семейного воспитания: социально-педагогический классификатор // Science for Education Today. 2022. Т. 12, № 5. С. 200–224. EDN: ELCNFI DOI: 10.15293/2658-6762.2205.11

13. Разинкова, О. И., Баринова, Г. В. Детство как социальное явление современного российского общества: социально-философский анализ. Москва: ООО «Сам Полиграфист», 2023. 196 с. EDN: MPMIFL

14. Ростовская, Т. К. Благополучие молодой семьи – основа качества жизни молодежи // Международный академический вестник. 2014. № 1. С. 30-32. EDN: TACFZN

15. Семенова, В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с. EDN: QOKHWP

16. Стасюк, Е. В. Особенности самоидентификации молодежи Хабаровского края в условиях специальной военной операции // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4(105). С. 218–230. EDN: IGGRNM DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230

17. Фролова, Н. А., Черкасов, А. Ю. Социологический анализ проблем современной молодой семьи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 145–153. EDN VTIFMO DOI 10.47370/2078-1024-2022-14-1-145-153

References:

1. Antonov, A. I., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Lebed, O. L. (2020) Prospects for the Implementation of Reproductive Attitudes of Russian Families in 2021–2025 (Based on Sociological and Demographic Studies) *Sotsiologiya meditsiny* [Sociology of Medicine], vol. 19, no. 1, pp. 11–17. EDN: QOUUHZ DOI: 10.17816/1728-2810-2020-19-1-11-17

2. Baikov, N. M., Berezutsky, Yu. V., et al. (2013) Social Potential of Young Families as a Factor in Regional Development: monograph / edited by N. M. Baikov, Yu. V. Berezutsky. Khabarovsk: DVIU – branch of RANEPA, 129 p. EDN: WLFZIX

3. Berezovsky, Yu. V. (2022) Value attitudes of young people as the basis for the formation of their legal culture. Actual issues of ensuring the rights and freedoms of man and citizen: regional vector: materials of the V All-Russian scientific and practical conference, Khabarovsk, September 15, 2022. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPA, pp. 40–44. EDN: TUUZHM

4. Berezovsky, Yu. V. (2023) Young family of the region: sociological assessment of value and ideological attitudes. Traditional spiritual and moral values in the structure of Russian society and directions for their strengthening: collection of scientific reports of the round table, Khabarovsk, February 7, 2023 / Edited by N. M. Baykov, Yu. V. Berezovsky. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPA, pp. 5–12. EDN: TRLTKO

5. Golod, S. I. (2012) Family: procreation, hedonism, homosexuality *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 15, no. 2, pp. 20–38. EDN: OZPSIJ

6. Gurko, T. A. (2020) Theoretical approaches to the study of the transformation of the institution of family *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], vol. 26, no. 1, pp. 31–54. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1/7052

7. Zubok, Yu. A., Lyubutov, A. S. (2022) Young people in the socio-cultural reality of Russian society: semantic determinants of self-regulation *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia under reform], no. 20, pp. 339–378. EDN: JEIBXB DOI: 10.19181/ezheg.2022.13

8. Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2018) Life-meaning values in the cultural space of Russian youth *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye* [Scientific result. Sociology and management], vol. 4, no. 3, pp. 3–13. EDN: YLIAHZ DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

9. Kozlova, E. S., Syroizhko, V. V. (2018) Problems of Young Families in the Russian Federation *Region: sistemy, ekonomika, upravleniye* [Region: Systems, Economy, Man-

agement], no. 3 (42), pp. 71–75. EDN: YLLEMX

10. Kostina, S. N., Zaitseva, E. V., Bannykh, G. A. (2019) Children as a Value: Modern Approaches to Familistics *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], no. 4, pp. 183–188. EDN: UJBBOL

11. Lisovsky, V. T. (2003) Youth: Love, Marriage, Family (sociological study). St. Petersburg: Nauka, 368 p.

12. Lykova, I. A., Mayer, A. A. (2022) Systematization of Family Education Traditions: Social and Pedagogical Classifier *Science for Education Today*, vol. 12, no. 5, pp. 200–224. EDN: ELCNFI DOI: 10.15293/2658-6762.2205.11

13. Razinkova, O. I., Barinova, G. V. (2023) Childhood as a Social Phenomenon of Modern Russian Society: Social and Philosophical Analysis. Moscow: OOO Sam Polygraphist, 196 p. EDN: MPMIFL

14. Rostovskaya, T. K. (2014) Well-being of a Young Family is the Basis for the Quality of Life of Young People *Mezhdunarodnyy akademicheskiy vestnik* [International Academic Bulletin], no. 1, pp. 30–32. EDN: TACFZN

15. Semenova, V. V. (2009) Social dynamics of generations: problem and reality. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 271 p. EDN: QOKHWP

16. Stasyuk, E. V. (2023) Features of self-identification of young people in Khabarovsk Krai in the context of a special military operation *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (105), pp. 218–230. EDN: IGGRNM DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-218-230

17. Frolova, N. A., Cherkasov, A. Yu. (2022) Sociological analysis of the problems of a modern young family *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], vol. 14, no. 1, pp. 145–153. EDN VTIFMO DOI 10.47370/2078-1024-2022-14-1-145-153

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 01.12.2024.

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 01.12.2024.

Информация об авторах

Ю. В. Березутский – кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Э. А. Зайцев – ИП Зайцев, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate Professor, deputy director for scientific and educational work, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

E. A. Zaitsev – IE Zaitsev, Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья
УДК 364.3
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-207-217

Государственная социальная поддержка в представлениях молодых семей

Сидорова Наталья Петровна
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
sidorova-np@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0001-2269-6147

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы социальной поддержки как особой формы социального взаимодействия государства и молодых семей на примере Хабаровского края. На основе результатов массового и экспертного социологических опросов молодых семей проведен анализ существующей ситуации в области государственной социальной поддержки, выявлен достаточно высокий уровень нуждаемости молодых семей в различных видах социальной поддержки. В оценках молодых семей выражена высокая востребованность мер государственной поддержки, направленных на решение жилищного вопроса, в форме различных льгот, пособий, материальной помощи. Кроме того, подтверждена необходимость информационно-консультативной поддержки молодых семей, что обуславливает относительно невысокий уровень участия молодых семей в действующих программах государственной поддержки. Одновременно выявлена и относительно невысокая востребованность молодыми семьями отдельных государственных программ. При этом экспертами отмечается высокая эффективность действующих программ «Материнский капитал» и «Региональный материнский капитал», ориентированных, в том числе и на решение наиболее актуальной для молодых семей жилищной проблемы. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости оптимизации системы государственной социальной поддержки молодых семей Хабаровского края.*

Ключевые слова: *молодая семья, социальная поддержка, государственные программы социальной поддержки, социологические исследования, Хабаровский край*

Благодарность: научно-исследовательская работа по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития» выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки Хабаровского края №97С/2024 от 28 июня 2024 г., предоставленного на поддержку фундаментальных и прикладных научных исследований, представляющих интерес для Хабаровского края госпрограммы «О государственной программе «Развитие образования в Хабаровском крае».

Для цитирования: Сидорова Н. П. Государственная социальная поддержка в представлениях молодых семей // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 207–217. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-207-217

Original article

Social Support in the Views of Young Families

Natalia P. Sidorova
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
sidorova-np@ranepa.ru, https://orcid.org/0009-0001-2269-6147

Abstract. *The article examines issues of social support as a special form of social interaction between the state and young families using the example of Khabarovsk Territory. Based on the results of mass and expert sociological surveys of young families, an analysis of the current situation in the field of state social support was carried out, and a fairly high level of their need for various types of social support was revealed. The assessments of young families expressed a high demand for state support measures aimed at solving the housing issue in the form of various benefits, allowances, and financial assistance. In addition, the need for information and advisory support for young families was confirmed, which determines the relatively low level of participation of young families in existing state support programs. At the same time, a relatively low demand for individual state programs by young families was revealed. At the same time, experts note the high efficiency of the current programs «Maternal Capital» and «Regional Maternal Capital», aimed, among other things, at solving the most pressing housing problem for young families. The results of the study indicate the need to optimize the system of state social support for young families in the Khabarovsk Territory.*

Keywords: *young family, social support, state social support programs, sociological research, Khabarovsk Territory*

Acknowledgment: research work on the topic: “Young family of the Khabarovsk Territory: status, problems and development prospects” was carried out within the framework of the grant of the Ministry of Education and Science of the Khabarovsk Territory No. 97C / 2024 dated June 28, 2024, provided to support fundamental and applied scientific research of interest to the Khabarovsk Territory of the state program “On the state program “Development of education in the Khabarovsk Territory”.

For citation: Sidorova N. P. (2024) Social Support in the Views of Young Families // Power and Administration in the East of Russia, no. 4 (109), pp. 207–217. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-207-217

Введение

Современное российской общество отличается высоким уровнем социально-экономического неравенства и социального расслоения и, как следствие, наличием социально-уязвимых групп населения, которым жизненно необходима социальная поддержка от государства, бизнеса и общества. К ним относятся и молодые семьи с детьми, имеющие низкие доходы, испытывающие проблемы с занятостью, жильем, обучением детей и другими сторонами жизнедеятельности. При этом для решения многих стратегических задач российского общества, особенно дальневосточного макрорегиона и Хабаровского края, в частности, жизненно важным является решение демографических проблем сокращения населения и его миграционного оттока. Их невозможно устранить без комплексной поддержки функционирования института молодой семьи, имеющей высокий демографический и экономический потенциал. В данном аспекте особую актуальность получают вопросы социальной поддержки со стороны государства семьи и детей, прежде всего на начальных этапах ее формирования и развития [Макеева, 2018].

Возникает необходимость социологического анализа тех противоречий в осуществлении социальной поддержки молодой семьи, которые обусловлены как объективными условиями современного состояния общероссийского и регионального развития, так и субъективными факторами. Теоретическое и эмпирическое исследование проблем эффективного социального взаимодействия органов власти, общественных организаций с молодыми семьями при оказании им социальной поддержки позволяет повысить ее адресность и более рационально использовать финансовые и материальные средства. Это открывает для молодых семей дополнительные возможности самостоятельно преодолевать насущные проблемы жизнедеятельности в процессе своего функционирования и развития.

Обсуждение темы

Конструкт «социальная поддержка» широко используется в отечественном научном дискурсе и социальной практике государственного управления. Это словосочетание стало ассоциироваться с «социальной защитой населения» в условиях рыночной экономики, как новым направлением социальной политики российского государства вместо советского «социального обеспечения» («собес»). В отношении молодой семьи поддержка от государства в большей мере актуализирована на меры, направленные на улучшение демографической ситуации в стране: субсидия на покупку жилья; ипотека с господдержкой; региональные и муниципальные программы поддержки; меры госпомощи для всех семейных пар с детьми; госпомощь для всех малообеспеченных граждан[1].

Ряд исследователей определяют два подхода к пониманию социальной поддержки: политико-правовой и социально-психологический [Лифинцев, Серых, Анцута, 2016]. При этом они утверждают, что в рамках политико-правового подхода понятие «социальная поддержка» не имеет четких границ, а его содержание в законодательных документах не отделено от других понятий, регулирующих социальную политику («социальная помощь», «социальная защита», «социальное обеспечение»). С точки зрения социально-психологического подхода, поддержка рассматривается как коммуникативный феномен, основным содержанием которого является обмен между людьми необходимыми им для решения жизненных проблем информацией, эмоциями, различными формами заботы и практической помощи.

Кроме этого, исследуя российское социально-обеспечительное законодательство, отмечается, что конструкт «меры социальной поддержки» (ранее – «льготы») – это достаточно новое понятие в отечественном законодательстве. Формулируя понятие «меры социальной поддержки» в праве социального обеспечения, следует отметить, что это действия для поддержания и удовлетворения специфических потребностей членов общества, сохранения ими социальных, бытовых, медицинских и других отношений и связей с обществом [Благодир, 2012].

Анализ реализации социальной политики, проведенный исследователями в период пандемии (Covid-19) на основе статистических показателей рождаемости, браков и разводов, социального статуса молодой семьи, объема социальной помощи государства, свидетельствует, что в последние годы в России наблюдаются снижение численности населения, высокая доля разводов и сокращение количества браков, увеличение малообеспеченных и неблагополучных семей, имеющих низкий социальный статус [Каширцева, Симоненко, 2021].

Интерес представляет анализ влияния государственной социальной политики на институциональное доверие молодых семейных россиян. На основе социологических исследований показано, что формирование доверия молодежи к государству и социальное самочувствие молодых семей нуждаются в более значительных системных и комплексных государственных мерах поддержки. Авторы обоснованно приходят к выводу о необходимости пересмотра в отношении к данной социальной категории принципа прямой зависимости «государственная поддержка – доверие молодежи», так как молодые семейные пары имеют свою отличную матрицу ценностей и отношений в триаде «я – семья – государство». Эти факторы диктуют необходимость корректировки пакета мер социальной защиты (поддержки) семей с учетом их реальных запросов: усиление экономического компонента, снижение бюрократических барьеров и т. д. [Арамян, Кривопусков, Каберова, 2024].

Немаловажным является и изучение региональных особенностей осуществления социальной поддержки различных категорий семей. В частности, примером могут выступать исследования на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в которых социальная поддержки семьи рассматривается как особый вид социального взаимодействия с учетом региональных особенностей ее осуществления в современных условиях [Краско, 2009].

---

[1] *Поддержка молодой семьи. URL: https://ppt.ru/art/podderzhka/molodykh-semey?ysclid=m4mnf6b7wk369395616 (дата обращения 30.10.2024).*

Также ряд исследователей на основе социологического анализа организационно-управленческих особенностей социальной поддержки семьи региона обосновали требования к функционированию органов местного самоуправления. Разработан стандарт управления системой социальной поддержки семьи в российском регионе (на примере Алтайского края), включающий требования к механизму взаимодействия субъектов и объектов государственных и негосударственных форм социальной поддержки семьи, что позволяет повысить координацию социальной поддержки семьи на муниципальном уровне [Запольская, 2009].

Особое внимание к поддержке молодых семей сегодня объясняется и вопросами создания условий для увеличения доли многодетных семей, а в этом случае невозможно достичь государственных целей без особого внимания к молодым семьям, поскольку именно поддержка молодых семей при их реализации репродуктивной функции может стать основой для будущей многодетности [Касьянов, Манучарян, Самыгин, 2024].

Особую значимость изучению вопросов поддержки придает необходимость понимания механизмов ее влияния на репродуктивное поведение молодежи [Короленко, Калачикова, 2022]

При всем многообразии научных публикаций в большей мере они акцентированы на анализ существующих мер социальной поддержки различных категорий семей и аспектов семейных отношений, чем на сущность и эффективность форм осуществления социальной поддержки молодой семьи, особенно в условиях специальной военной операции и санкционной политики коллективного Запада против России. Недостаточная социологическая разработанность социальной поддержки молодых семей требует их более глубокого научного осмысления с учетом региональных особенностей ее разрешения.

Методология исследования

С позиций социологического анализа социальной поддержки молодой семьи как институционального и группового феномена важен ее результат действия по созданию условий функционирования и устойчивости семейных отношений, прежде всего в рождении и воспитании детей, учитывая сложную демографическую ситуацию в российском обществе. При этом возникают определенные сложности в операционализации понятия «социальная поддержка» ввиду отсутствия его четкой интерпретации и понимания природы социальной связи личности, семьи, государства и общества в целом.

Как мера социальной политики государственная поддержка молодой семьи представлена узаконенным набором ее материальных видов, имеет определенные критерии и показатели. При этом социальная поддержка как особая форма социального взаимодействия, т. е. устойчивой связи, может быть измерена на основе субъективных представлений молодых семей и их моделей поведения. Это обусловлено тем, что социальная поддержка такой формы взаимодействия представляет из себя систему взаимообусловленных социальных действий государства, связанных циклической зависимостью, при которой его действия как субъекта управления являются одновременно причиной и следствием ответных действий других субъектов, т. е. молодых семей.

Социологическое обоснование феномена «социальное взаимодействие» является одним из основных в теориях общества и базируется на солидной методологической основе социологической науки (Г. Зиммель, М. Вебер, П. Сорокин, Э. Гофман и др.). С этих методологических позиций социальная поддержка молодой семьи государством содействует преодолению возникших у нее трудностей. Однако в этом взаимодействии семья выступает не только как объект поддержки, пассивно принимающий ее в целях сохранения и реализации своих основных функций, но и как активный субъект, способный мобилизовать все свои ресурсы для достижения своего устойчивого функционировании и развития.

В этой связи актуальность представленного исследования заключается в анализе тех факторов, которые обеспечивают переход семьи из объекта в полноправный субъект взаимодействия с государством, которое оказывает ей конкретные виды социальной поддержки.

Результаты исследования

На сегодняшний день система государственной социальной поддержки молодых семей включает достаточно ши-

рокий спектр мер поддержки[2]. В целом государственная поддержка молодых семей – это система мер, направленная на улучшение демографической ситуации в стране и включающая меры, направленные на предоставление субсидий на покупку жилья, ипотеку с государственной поддержкой, региональные и муниципальные программы поддержки семей, меры государственной помощи для семей с детьми, государственную помощь для малообеспеченных семей и ряд других[3].

Значимость поддержки молодых семей со стороны государства подтверждается мнением экспертов в сфере молодежной политики, опрошенных в рамках проведённого исследования. Так, по результатам опроса экспертов, среди направлений государственной молодежной политики наиболее актуальными, значимыми для их муниципального образования являются, во-первых, «решение жилищной проблемы», об этом сказали 83,3% опрошенных экспертов; во-вторых, «поддержка молодой семьи» (60% опрошенных экспертов).

Для оценки положения молодых семей Хабаровского края в рамках проведенного исследования также уделялось особое внимание вопросам их поддержки со стороны государства, поскольку именно поддержка во многом может выступать основным инструментом регулирования миграционного и демографического поведения молодежи в регионе.

Согласно результатам опроса, только половина опрошенных молодых людей ответили, что их семья чувствует себя защищенной со стороны государства: «определенно, да» – 8,5% и «скорее всего, да» – 41,0% (табл. 1). Это может свидетельствовать о достаточно высоком уровне тревожности, неуверенности представителей молодых семей края в своем будущем и одновременно о недостаточности осуществляемых мер социальной защиты, поддержки со стороны государства, о недостаточности мер со стороны государства по формированию безопасной, комфортной среды жизнедеятельности молодых семей.

Практически половина (48,5%) от числа опрошенных молодых людей прямо отмечают, что их семья нуждается в социальной поддержке (табл. 2).

На открытый вопрос анкеты о необходимых сегодня молодым семьям мерах государственной поддержки ответила половина (54,8%) опрошенных молодых людей, предоставив достаточно репрезентативную картину востребованности социальной помощи.

Наиболее часто упоминаемой проблемой молодых семей, требующей применение мер социальной поддержки со стороны государства, выступила жилищная проблема. На нее указали более половины молодых людей от числа ответивших на вопрос анкеты (58,9%). Среди различных формулировок ответов опрошенными обозначены не только констатации востребованности поддержки при решении жилищной проблемы, но и представлены различные варианты реализации этой поддержки. Среди них: предоставление жилья – безусловное для молодых семей или при соблюдении определенных условий (срок брака, проживание в малона-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Чувствует ли Ваша семья себя защищенной со стороны государства?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	**%**
Определенно, да	8,5
Скорее всего, да	41,0
Скорее всего, нет	28,2
Определенно, нет	6,5
Затрудняюсь ответить	15,8

Источник: социологическое исследование по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

[2] *Какую поддержку в России получают семьи. URL: http://duma.gov.ru/news/51978/ (дата обращения 30.10.2024).*

[3] *Льготы молодым семьям: как государство поддерживает новую ячейку общества URL: https://национальныепроекты.рф/news/lgoty-molodym-semyam-kak-gosudarstvo-podderzhivaet-novuyu-yacheyku-obshchestva (дата обращения 30.10.2024).*

селенных пунктах, рождение ребенка, трех детей, семья участника СВО и т. д.); льготы по ипотеке; снижение процентных ставок по ипотеке; расширение критериев для льготной ипотеки и т. д.

Второй по объему указаний смысловой группой (21,7% от числа ответивших на вопрос) выступает блок ответов, указывающих на необходимость решения общих, системных социально-экономических вопросов – развитие Дальнего Востока, повышение зарплат, снижение тарифов ЖКХ, улучшение системы здравоохранения, образования.

Значимая часть респондентов (12,6% от числа ответивших на вопрос) при этом отметили потребность в простой материальной поддержке – «деньги», «выплаты», «финансовая помощь» и т. п.

Наименьшая доля молодых людей (6,7% от числа ответивших на вопрос) указали иные виды поддержки. Среди них: организация работы бесплатных летних лагерей для детей; автомобиль для многодетных молодых семей; льготы (оплата) услуг ЖКХ, образовательных, медицинских услуг и т. п.

Наивысшую актуальность для молодых семей Хабаровского края жилищного вопроса подтвердили опрошенные в ходе исследования эксперты. Соответствующие виды поддержки – «предоставление отдельной квартиры (дома)» и «предоставление льгот на строительство жилья» выбрали 86,6% и 50,0% от числа опрошенных экспертов (табл. 3).

Также в ответах экспертов нашли отражение относительно менее актуальные, однако в значимой степени востребованные виды социальной поддержки, как предоставление льгот по оплате квартплаты и коммунальных услуг (43,3%), увеличение денежных пособий (36,6%), предоставление информации об уже существующих мерах гос. поддержки (26,6%) и др.

Важно отметить, что значимая часть опрошенных молодых людей – каждый четвертый (25,9%) – затруднились ответить на вопрос о нуждаемости семьи в

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Нуждается ли Ваша семья в социальной поддержке?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	**%**
Да	48,5
Нет	25,6
Затрудняюсь ответить	25,9

Источник: социологическое исследование по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «В каких видах поддержки больше всего нуждаются молодые семьи Вашего муниципального образования?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	**%**
Предоставление отдельной квартиры (дома)	86,6
Предоставление льгот на строительство жилья	50,0
Предоставление льгот по оплате квартплаты и коммунальных услуг	43,3
Увеличение денежных пособий	36,6
Предоставление права на вступление в молодёжный жилищный комплекс (МЖК)	26,6
Предоставление информации об уже существующих мерах гос. поддержки	26,6
Выдача беспроцентной ссуды на обзаведение домашним хозяйством	23,3
Оказание помощи в трудоустройстве	23,3
Расширение натуральной помощи, льготное обеспечение товарами и услугами	16,6
Выделение земли под дачу, огород, строительство	13,3
Другое	3,3
Ни в какой помощи не нуждаются	0

Источник: социологическое исследование по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

социальной поддержке. Возможной причиной выявленных затруднений в оценке нуждаемости является недостаточная информированность о возможных видах и формах поддержки, которая может быть полезна для семьи, что возможно интерпретировать как один из показателей нуждаемости в поддержке, как минимум в информационно-консультационной.

Подтверждением представленного предположения выступают ответы на прямой вопрос о необходимости организации консультаций по тем или иным вопросам. Так, её необходимость отметили более половины от числа опрошенных (табл. 4). Важно отметить при этом, что среди наиболее востребованных направлений консультаций, в которых больше всего нуждаются молодые семьи, были отмечены вопросы «социальной защиты и поддержки» (21,2%). Значимое число указаний получили «юридические, правовые» вопросы (11,2%), вопросы «организации семейного досуга» (9,1%), «преодоления конфликтов» (8,5%).

– «предоставление отдельной квартиры (дома)» и «предоставление льгот на строительство жилья» выбрали 86,6% и 50,0% от числа опрошенных экспертов (табл. 3).

Также в ответах экспертов нашли отражение относительно менее актуальные, однако в значимой степени востребованные виды социальной поддержки, как предоставление льгот по оплате квартплаты и коммунальных услуг (43,3%), увеличение денежных пособий (36,6%), предоставление информации об уже существующих мерах гос. поддержки (26,6%) и другие.

Важно отметить, что значимая часть опрошенных молодых людей – каждый четвертый (25,9%) – затруднились ответить на вопрос о нуждаемости семьи в социальной поддержке. Возможной причиной выявленных затруднений в оценке нуждаемости является недостаточная информированность о возможных видах и формах поддержки, которая может быть полезна для семьи, что, следовательно, возможно интерпретировать как один из показателей нуждаемости в поддержке, как минимум в информационно-консультационной.

Подтверждением представленного предположения выступают ответы на прямой вопрос о необходимости организации консультаций по тем или иным вопросам. Так, её необходимость отметили более половины от числа опрошенных (табл. 4). Важно отметить при этом, что среди наиболее востребованных направлений консультаций, в которых больше всего нуждаются молодые семьи, были отмечены вопросы «социальной защиты и поддержки» (21,2%). Значимое число указаний получили «юридические, правовые» вопросы (11,2%), вопросы «организации семейного досуга» (9,1%), «преодоления конфликтов» (8,5%).

При достаточно высоком уровне выявленной нуждаемости молодых семей Хабаровского края в социальной поддержке со стороны государства, результаты проведенных исследований свидетельствуют

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «В организации консультаций по каким вопросам больше всего нуждается Ваша семья?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	**%**
Не нуждается	46,9
Преодоление конфликтов	8,5
Страхов и неопределенности	6,6
Юридическим, правовым	11,2
Сексуальным отношениям	5,2
Медико-генетическим вопросам	5,9
Бытовым	6,6
Планирования семьи	6,8
Ожидания и воспитания детей	7,6
Социальной защиты и поддержки	21,2
Ведения домашнего хозяйства	2,5
Организации семейного досуга	9,1
Другое	3,2

Источник: социологическое исследование по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

об относительно невысоком уровне использования предоставляемых мер.

Согласно полученным ответам участников исследования, чаще всего молодые семьи использовали такие меры поддержки, как «материнский (семейный) капитал» и «социальные налоговые вычеты» (37,3% и 26,9% соответственно от числа опрошенных) (табл. 5). При этом при оценке потенциальной возможности использования различных мер поддержки для молодых семей или участия в различных программах показатели заинтересованности практически по всем вариантам достаточно высокие и существенно превышают показатели реального участия молодежи в подобных программах.

Так, в программе «Жилье для молодых семей» хотели бы поучаствовать 62,6% от числа опрошенных. Больше половины (59,4%) респондентов отметили, что хотели бы воспользоваться «дальневосточной ипотекой». Однако при высоком уровне запроса для молодых семей далеко не всего могут воспользоваться этой программой, поскольку для участия требуется, во-первых, достаточно существенный первоначальный взнос (но очень многие молодые семьи не могут накопить даже эту сумму), во-вторых, поскольку это программа ориентирована на кредитные организации, для участия требуется определенный уровень подтвержденного дохода (что также часто вызывает сложности у молодых семей).

Более половины респондентов (57,0%) хотели бы воспользоваться «социальной выплатой для молодых семей на улучшение жилищных условий в размере 30–35% от расчетной стоимости жилья». Наименее популярной мерой поддержки для молодых семей, по оценкам участников исследования, сегодня выступает программа «Дальневосточный гектар». О том, что «не воспользовались и не хотели бы воспользоваться» этой программой, сказали 40,4% от числа опрошенных. При этом следует отметить, что уровень информированности о различных мерах и программах социальной поддержки молодых семей можно оценить как «удовлетворительный», поскольку доля тех, кто «не знаком» с этими мерами и программами, в большинстве случаев не превышает одной пятой части от числа опрошенных. Выше всего этот показатель у таких мер поддержки, как «разовая социальная выплата для молодых семей на улучшение жилищных условий в размере 30–35% от расчетной стоимости жилья» и «социальные налоговые вычеты». Об этом сказали 32,2% и 25,4% от числа опрошенных соответственно.

В целом, по оценкам экспертов, суще-

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «В каких программах поддержки молодой семьи Вы участвовали, а в каких испытываете необходимость, потребность?» (в % от числа опрошенных)

Программы, меры поддержки	**Воспользовались**	**Не воспользовались, но хотели бы**	**Не воспользовались и не хотели бы**	**Не знаком**
Жилье для молодых семей	11,5	62,6	8,0	17,9
Дальневосточный гектар	3,2	36,9	40,4	19,5
Разовая социальная выплата для молодых семей на улучшение жилищных условий в размере 30–35% от расчетной стоимости жилья	5,2	57,0	5,6	32,2
Дальневосточная ипотека (2%)	10,9	59,4	14,4	15,3
Материнский (семейный) капитал	37,3	48,7	4,2	9,8
Социальные налоговые вычеты	26,9	44,5	3,2	25,4

Источник: социологическое исследование по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

ствующие сегодня программы поддержки молодых семей достаточно эффективны. Так, по результатам экспертного опроса, варианты «программы эффективны» и «программы скорее эффективны, чем нет» выбрали 80,0% опрошенных экспертов (табл. 6).

В 2022 г. Росстат провел на всей территории России среди 15 тыс. домохозяйств выборочное наблюдение репродуктивных планов населения, в котором выяснил, как россияне оценивают влияние дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми на решение о рождении ребенка (после 1 января 2007 г.). В опросах участвовали женщины в возрасте 18–44 года и мужчины в возрасте 18–60 лет. По результатам исследования, четвертая часть женщин ответили, что меры помогли, и у них появился первый ребенок, рождение которого до этого откладывали (24,7%). Каждая восьмая из опрошенных россиянок отметила, что меры способствовали принятию решения о рождении первого ребенка, которого без этого они не могли себе позволить (12,7%). При этом каждая четвертая из десяти опрошенных россиянок считают, что государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет (40,2%), а если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав необходимые условия для этого (41,6%). Кроме того, пятая часть респонденток согласились с мнением, что государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей (18,2%).[4]

Заключение

Анализ эмпирических данных опросов позволяет сделать вывод о недостаточной эффективности действующей системы государственной социальной поддержки молодых семей с учетом высокой актуальности рассматриваемого вопроса как в отношении специфики молодой семьи как категории, имеющей самый высокий демографический и экономический потенциал, так и с позиций повышенной востребованности этого потенциала в целях развития дальневосточного региона в целом и Хабаровского края в частности.

Важным направлением оптимизации системы социальной поддержки молодых семей представляется также и информационно-консультационная работа о существующих мерах поддержки и механизмах их получения, направленная на молодые семьи. Значимость развития и оптимизации информационной поддержки программ для молодых семей подтверждается и результатами других исследований [Карповская, 2019].

Безусловно, положительной оценки заслуживает признание эффективности действующих социальных программ опрошенными экспертами. Однако отмеченный как молодыми людьми, так и экспертами высокий уровень востребованности мер государственной социальной поддержки молодых семей в отношении проблем, охваченных действующими программами (прежде всего,

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Сегодня действуют программы поддержки семей с детьми («Материнский капитал» и «Региональный материнский капитал»). Как Вы считаете, насколько эффективны данные программы для поддержки именно молодых семей Вашего муниципального образования?»

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	**%**
Программы скорее эффективны, чем нет	53,3
Программы эффективны	26,7
Скорее не эффективны	16,7
Программы не эффективны	3,3
Затрудняюсь ответить	0

Источник: социологическое исследование по теме «Молодая семья Хабаровского края: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

[4] *Росстат оценил влияние госпомощи на решение россиянок родить первенца. URL: https://tass.ru/obschestvo/17485489 (дата обращения 30.10.2024).*

жилищная проблема), свидетельствует о необходимости повышения их эффективности. Полученные аналитические результаты свидетельствуют о высокой актуальности корректировки действующих программ в различных аспектах – оптимизация условий и критериев предоставления мер поддержки, их объема и содержания, расширения вариативности видов поддержки и т. п.

Список источников:

1. Арамян, К. А., Кривопусков, В. В., Каберова, Д. Р. Социальная защита молодых семей как фактор доверия к государству: социологический взгляд // Цифровая социология. 2024. Т. 7. № 2. С. 19–27. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-2-19-27
2. Благодир, А. Л. К вопросу о системе мер социальной поддержки (анализ федерального и регионального законодательства) // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1–1. С. 70–73. EDN: PCIRWZ
3. Запольская, А. С. Социальная поддержка семьи в современном регионе России: организационно-управленческий аспект : специальность 22.00.08 «Социология управления» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Запольская Анастасия Сергеевна. Тюмень, 2009. 21 с. EDN ZNZQMD.
4. Касьянов, В. В., Манучарян, А. К., Самыгин, П. С. Молодая российская семья как важнейший ресурс в государственной политике // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки /HUMANITIES, SOCIAL-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES. 2024. № 7. С. 19–26. EDN: AJWYBA DOI: 10.24412/2220-2404-2024-7-7
5. Каширцева, А. Ю., Симоненко, Е. С. Система социальной поддержки семьи как эффективный механизм реализации государственной социальной политики // РЕГИОН: системы, экономика, управление. 2021. № 3 (54). С. 52–58. EDN: HHWUUM DOI: 10.22394/1997-4469-2021-54-3-52-58
6. Краско, М. Г. Социальная поддержка семьи в современных условиях: региональный аспект : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Краско Мария Геннадьевна. Екатеринбург, 2009. 169 с. EDN QEJXIJ.
7. Лифинцев, Д. В., Серых, А. Б., Анцута, А. Н. Социальная поддержка: сопоставительный анализ политико-правового и социально-психологического подходов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. № 2 (41). С. 7–14. EDN WFPYTT DOI 10.15382/sturIV201641.7-14
8. Короленко, А. В., Калачикова, О. Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11
9. Карповская, Е. Е. Анализ и оценка эффективности пропаганды программ поддержки молодых семей в наиболее популярных социальных сетях (на примере авторского исследования). Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общей ред. Ростовской Т. К. Москва–Ялта. 2019. С. 148–151.
10. Макеева, Ю. А. Государственная поддержка молодых семей // Экономика и социум. 2018. № 11(54). С. 611–615. EDN YVNVWP

References:

1. Aramyan, K. A., Krivopuskov, V. V., Kaberova, D. R. (2024) Social protection of young families as a factor of trust in the state: a sociological view Tsifrovaya sotsiologiya [Digital Sociology], vol. 7, no. 2, pp. 19–27. https://doi.org/10.26425/2658-347X-2024-7-2-19-27 (in Russ.).

2. Blagodir, A. L. (2012) On the system of social support measures (analysis of federal and regional legislation) Vestnik vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], no. 1–1, pp. 70–73. EDN: PCIRWZ (in Russ.).

3. Zapolskaya, A. S. (2009) Social support for families in a modern region of Russia: organizational and managerial aspect: specialty 22.00.08 «Sociology of Management»: abstract of a dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Zapolskaya Anastasia Sergeevna. Tyumen, 21 p. EDN ZNZQMD (in Russ.).

4. Kasyanov, V. V., Manucharyan, A. K., Samygin, P. S. (2024) Young Russian family as the most important resource in public policy Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanities, social-economic and social sciences], no. 7, pp. 19–26. EDN: AJWYBA DOI: 10.24412/2220-2404-2024-7-7 (in Russ.).

5. Kashirtseva, A. Yu., Simonenko, E. S. (2021) The system of social support for the family as an effective mechanism for implementing state social policy REGION: sistemy, ekonomika, upravleniye [REGION: systems, economics, management], no. 3 (54), pp. 52–58. EDN: HHWUUM DOI: 10.22394/1997-4469-2021-54-3-52-58 (in Russ.).

6. Krasko, M. G. (2009) Social support for the family in modern conditions: regional aspect: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Krasko Maria Gennadievna. Ekaterinburg, 169 p. EDN QEJXIJ (in Russ.).

7. Lifintsev, D. V., Serykh, A. B., Antsuta, A. N. (2016) Social support: a comparative analysis of the political-legal and socio-psychological approaches Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology], no. 2 (41), pp. 7–14. EDN WFPYTT DOI 10.15382/sturIV201641.7-14 (in Russ.).

8. Korolenko, A. V., Kalachikova, O. N. (2022) Reproductive attitudes of young families: factors and conditions for implementation (based on in-depth interviews) Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast], vol. 15, no. 2, pp. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11 (in Russ.).

9. Karpovskaya, E. E. (2019) Analysis and evaluation of the effectiveness of propaganda of support programs for young families in the most popular social networks (based on the author's research). Cultural space of youth: meanings and practices. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference / Under the general editorship of Rostovskaya T. K. Moscow–Yalta, pp. 148–151 (in Russ.).

10. Makeeva, Yu. A. (2018) State support for young families Ekonomika i sotsium [Economy and society], no. 11 (54), pp. 611–615. EDN YVNVWP (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 03.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 03.12.2024.

Информация об авторе

Н. П. Сидорова – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

N. P. Sidorova – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научная статья
УДК 94(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2024-109-4-218-227

Хабаровская высшая партийная школа – исторические аспекты формирования и развития

Валерий Владимирович Чудесов[1], Юлия Сергеевна Долгова[2]
[1, 2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
[1] chudesov-vv@mail.ru
[2] dolgova-ys@ranepa.ru

Аннотация. *В статье рассматривается ряд исторических аспектов, связанных с деятельностью Хабаровской высшей партийной школы. На основании решения ЦК ВКП (б) от 10 июня 1944 г. на основе краевых партийных курсов была создана одногодичная партийная школа для подготовки и переподготовки партийных и советских работников. С 1956 г. учебное заведение было преобразовано в Хабаровскую межобластную партийную школу с четырехгодичным периодом обучения, дающим высшее партийно-политическое образование, а с 1958 г. оно было переименовано в Хабаровскую высшую партийную школу. В этом вузе определялись новые направления подготовки слушателей, создавались новые кафедры и лаборатории, постоянно совершенствовалась учебно-методическая работа. Особое значение в вузе имело взаимодействие администрации, партийного и профсоюзного комитетов. На протяжении длительного времени в этом вузе под руководством партийных структур готовились управленческие кадры с высшим партийно-политическим образованием для огромной территории Дальневосточного региона. Выпускники Хабаровской высшей партийной школы успешно работали в районных и государственных структурах, преподавателями в вузах. С ноября 1990 г. учебное заведение вступило в сложный период организационных преобразований.*

Ключевые слова: *Хабаровская краевая партийная школа, Хабаровская высшая партийная школа, Дальневосточный институт политологии и социального управления, Дальневосточный социально-политический институт, Дальневосточный кадровый центр, Дальневосточная академия государственной службы*

Для цитирования: Чудесов В. В., Долгова Ю. С. Хабаровская высшая партийная школа – исторические аспекты формирования и развития // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 4 (109). С. 218–227. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-218-227

Original article

Khabarovsk Higher Party School – Historical Aspects of Formation and Development

Valery V. Chudesov [1], Yulia S. Dolgova[2]
[1, 2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
[1] chudesov-vv@mail.ru
[2] dolgova-ys@ranepa.ru

Abstract. *The article examines a number of historical aspects related to the activities of the Khabarovsk Higher Party School. Based on the decision of the Statutory Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) dated June 10, 1944 a one-year party school was created based on the regional party courses to train and retrain party and soviet activists. In 1956 the educational institution was transformed into the Khabarovsk Interregional Party School with a four-year study period, providing higher party-political education, and in 1958 it was renamed the Khabarovsk Higher Party School. Here, new areas of training for students were defined, laboratories were created, and teaching and methodological work was largely improved. The interaction between the administration, party and labor union committees had special significance in the School. Graduates of the Khabarovsk Higher Party School successfully worked in district and state structures, as well as teachers at the universities. From November 1990, the educational institution entered a difficult period of organizational transformations.*

Keywords: *Khabarovsk Regional Party School, Khabarovsk Higher Party School, Far Eastern Institute of Political Science and Social Management, Far Eastern Socio-Political Institute, Far Eastern Human Reources Center, Far Eastern Academy of Public Service*

For citation: Chudesov V. V., Dolgova Yu. S. (2024) Khabarovsk Higher Party School – Historical Aspects of Formation and Development *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 4 (109), pp. 218–227. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-109-4-218-227

Введение

Актуальность темы связана с тем, что в 2024 г. отмечается 100-летие с начала формирования на Дальнем Востоке системы учебных заведений, которые готовили кадры для партийных и советских органов, а также специалистов для работы в газетах.

Эта деятельность проходила под руководством центральных и региональных органов коммунистической партии, и Хабаровская высшая партийная школа являлась ведущим учебным заведением в данном регионе, которое длительное время готовило кадры для властных структур различного уровня и внесла значительный вклад в формирование управленцев имеющих высшее партийно-политическое образование.

Статья подготовлена на основе материалов фондов Государственного архива Хабаровского края, научных изданий, в которых отражены различные аспекты подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке, воспоминаний преподавателей и слушателей Хабаровской высшей партийной школы.

Основные вехи формирования и развития учебного заведения

В период Великой Отечественной войны в руководящих партийных и советских кадрах постоянно происходили изменения, кадровая политика партии приобретала особую структуру. В этой связи постоянно шел поиск наиболее соответствующих вариантов подготовки кадров. Со второй половины 1942 г. при райкомах и горкомах партии создавались постоянно действующие семинары партийно-хозяйственного актива и в 1944 г. такой семинар был создан при Хабаровском крайкоме партии.

В декабре 1942 г. в Хабаровске были организованы двухмесячные курсы пропагандистов, в сентябре 1943 г. бюро крайкома партии приняло решение о создании на основе этих курсов шестимесячных курсов подготовки и переподготовки партийных и советских работников края. Директором курсов был назначен П. Н. Плющев. Учебный план был рассчитан на 900 часов, в него входили такие учебные дисциплины, как история ВКП(б), политэкономия, Конституция СССР, партийное строительство, русский язык и др. Эти курсы завершили работу в апреле 1944 г.[1]. Курсовая система сформировала возможность создания в регионе необходимого резерва кадров для выдвижения на руководящую партийную и советскую

[1] *Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке. Под ред. В. И. Степанова, П. В. Кондрашова, Н. И. Самсонова. Хабаровск : Суворовский натиск, 1971. С. 61.*

работу.

Исходя из потребности дальнейшего совершенствования работы с кадрами в 1944 г. на основе шестимесячных курсов были открыты годичные краевые и областные партийные школы по всей стране, в том числе в гг. Хабаровске и Владивостоке.

На основании решения ЦК ВКП (б) от 10 июля 1944 г. на базе бывших краевых партийных курсов была создана краевая одногодичная партийная школа для подготовки и переподготовки партийных и советских работников – Хабаровская краевая партийная школа[2], которая вела подготовку по двум направлениям: партийному и газетному[3]. Её возглавил П. Н. Плющев, преподавательский коллектив состоял из 14 чел., половина из которых была совместителями. В состав слушателей вошло 150 чел., в том числе 74 секретаря первичных партийных организаций[4]. В учебный план этой школы входили история ВКП(б), политическая экономия, Конституция СССР, политическая и экономическая география, партийное строительство, материалы о Великой Отечественной войне и др.

В 1945 г. был проведен первый выпуск Хабаровской годичной партийной школы. Крайком партии направил свыше 120 выпускников на партийную и 10 человек на газетную работу. С 1 октября 1945 г. начались занятия второго набора краевой годичной партийной школы. В июле 1946 г. состоялся второй выпуск[5]. После этого, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 г. «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников» и постановлением бюро Хабаровского крайкома ВКП(б) от 9–22 ноября 1946 г. одногодичная краевая партийная школа преобразована в Хабаровскую краевую двухгодичную школу с отделениями: партийным, пропагандистским, комсомольским, газетным[6]. Параллельно при школе действовали шестимесячные курсы переподготовки руководящих районных партийных и советских работников. В школе были созданы 4 кафедры: истории ВКП (б), истории, русского языка и литературы, кафедра экономических наук[7].

1 октября1946 г. открылась Хабаровская краевая партийная школа. На первый курс было принято 127 человек: на партийное отделение – 54, на советское – 48, на газетное – 25. По национальности: 91 человек – русские, 19 – украинцы, 7 – евреи, 3 – белорусы, 4 – буряты, 1 – якут, 1 – нанаец, 1 – коряк.[8]

В 1946–1947 учебном году в школе были созданы кафедры: истории ВКП(б) (А. В. Швецов, В. С. Головкин, Г. В. Кузин, М. С. Кветной, Н. А. Гоголев); истории СССР (Н. И. Рябов, А. Н. Серова, В. А. Крюк, Л. Н. Артюшкина); экономических наук (А. К. Малина, И. К. Громов, Г. В. Криштафович, П. И. Губанов, С. В. Попов); кафедра языка и литературы (К. П. Майоров, Н. А. Мельник, З. Л. Линдзе, В. А. Коренчук, М. В. Холопов)[9].

В 1947–1948 учебном году занятия в школе проводились на партийном факультете (с оргпартотделением, отделениями пропагандистской работы и газетных работников) и советском факультете. В марте 1948 г. была создана кафедра диалектического и исторического материализма. При краевой партийной школе также работали девятимесячные курсы, на которых обучались партийные, комсомольские и советские работники городского и районного уровня[10]. В августе 1948 г. состоялся первый выпуск 63 слушателей, направленных на партийную и советскую работу.

Важную роль в совершенствовании работы школы имело постановление Центрального Комитета партии «О мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях» принятое в августе 1951 г. В соответствии

[2] *ГАХК. Ф.П-669. Оп. 10. Д. 2. Л. 33.*

[3] *ГАХК. Ф.П-35. Оп. 1. Д. 1618. Л. 37.*

[4] *Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров… С.61.*

[5] *Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров …С.62.*

[6] *ГАХК. Ф.П. 669. Оп. 10. Д. 3. Л. 30.*

[7] *ГАХК. Ф.П. 669. Оп. 10. Д. 4. Л. 1, 5, 48.*

[8] *Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров… С. 67–68.*

[9] *Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров…С. 69–70.*

[10] *ГАХК. Ф.П. 669. Оп. 10. Д. 4. Л. 1, 5, 48.*

с ним в учебный план были внесены изменения, связанные с повышением роли общественных наук (табл. 1).

С сентября 1953 г. Хабаровская краевая партийная школа реорганизована в трехгодичную краевую партийную школу при Хабаровском крайкоме КПСС. В 1953/1954 учебном году в учебном заведении имелись три различных потока. Второй курс работал по двухгодичной программе, первый курс по трехгодичной и 9-ти месячные курсы в апреле 1954 г. были переведены на годичное обучение[11]. Набор в Хабаровскую партийную школу производили Камчатский, Амурский, Сахалинский, Нижне-Амурский обкомы КПСС; обком КПСС ЕАО, Чукотский окружком КПСС, Хабаровский горком КПСС, Комсомольский горком КПСС, Приморский крайком КПСС. По условиям приема слушателей в трехгодичную партийную школу при крайкоме КПСС принимались члены КПСС в возрасте до 40 лет, имеющие среднее образование, работающие в качестве секретарей, заведующих отделами, инструкторов, пропагандистов райкомов, горкомов, и окружкомов партии, секретарей райкомов, горкомов и окружкомов ВЛКСМ, председателей, заместителей председателей и заведующих отделами районных, городских и окружных Советов депутатов трудящихся, редакторов районных газет, секретарей крупных первичных партийных организаций предприятий, председателей крупных сельских Советов, секретарей укрупненных колхозов, политработников МТС, леспромхозов, железнодорожного и водного транспорта[12].

В сентябре 1956 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 26 июня 1956 г. и постановлением бюро Хабаровского крайкома КПСС от 29 сентября 1956 г. Хабаровская трехгодичная партийная школа преобразована в Хабаровскую межобластную партийную школу с четырехгодичным сроком обучения, дающим высшее партийно-политическое образование. Она готовила кадры руководящих партийных, советских и газетных работников для Хабаровского и Приморского краев, Амурской, Сахалинской и Читинской областей, а также Бурят-Монгольской АССР[13]. В 1958 г. на основании постановления ЦК

Таблица 1

Учебные планы Хабаровской партийной школы. 1951 г.

№	Предметы	Лекции	Семинарские или классные занятия	Всего часов
На 2-х годичном отделении:				
1	История ВКП (б)	162	88	250
2	История СССР	140	40	180
3	Всеобщая история	140	30	170
4	Политическая экономия	110	70	180
5	Диалектический и исторический материализм	114	66	180
6	Экономическая и политическая география	38	112	150
7	Русский язык и литература	98	202	300
8	Внешняя политика СССР	50	-	50
9	Основы советской экономики	134	36	170
10	Основы государственного права	54	16	70
11	Партийное строительство	100	50	150
12	Журналистика	74	26	100
На 9 месячных курсах:				
1	Основы марксизма-ленинизма	146	54	200
2	История СССР	100	20	120
3	Экономическая и политическая география	-	100	100
4	Русский язык и литература	54	106	160
5	Внешняя политика СССР	50	-	50
6	Промышленное строительство	24	16	40
7	Колхозное строительство	94	16	110
8	Бюджетное дело	16	4	20
9	Партийное строительство	72	28	100

Источник: Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке. Под ред. В. И. Степанова, П. В. Кондрашова, Н. И. Самсонова. Хабаровск : Суворовский натиск, 1971. С. 72.

[11] *ГАХК. Ф. П. 669. Оп. 10. Д. 35. Л. 2.*

[12] *ГАХК. Ф. П. 35. Оп. 43. Д. 50. Л. 23, 25.*

КПСС от 31 декабря учебное заведение было переименовано в Хабаровскую высшую партийную школу (ХВПШ).

На конец 50-х – начало 60-х гг. пришлось формирование нового направления в деятельности Хабаровской ВПШ. Возникновение и распространение социологии в целом на Дальнем Востоке отражало новые тенденции, происходящие в научной сфере нашей страны. В 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация – «научная-общественная организация, объединяющая научные коллективы и отдельных ученых, работающих в области социологии»[14].

В нашем учебном заведении этот процесс начался в 1968 г. с образования группы конкретных социологических исследований, которая в 1979г. была переименована в лабораторию социологических исследований. В её состав, кроме трёх штатных сотрудников (П. Т. Алексеенко, В. И. Бондаренко, Г. Г. Клянова) вошли на общественных началах преподаватели и сотрудники высшей партийной школы, члены Советской социологической ассоциации. Руководителем лаборатории вплоть до 1989 г. была доцент П. Т. Алексеенко. С 1989 г. по 1992 г. лабораторией руководил кандидат исторических наук, доцент В. М. Курлович. Возникновение и развитие социологического структурного подразделения во многом стало возможно благодаря инициативе и большому вкладу директора ХВПШ, доктора экономиских наук В. И. Степанова и затем сменившего его доктора философских наук Г.С. Хохлюка.

В 1968/1969 учебном году в Хабаровской ВПШ было открыто трехгодичное отделение Заочной Высшей партийной школы при ЦК КПСС (ЗОВПШ) и двухгодичное очное отделение. В этом же учебном году в школе на 4 курсах обучались 456 человек, на межобластных курсах переподготовки партийных и советских кадров – 488 человек и на краевых курсах – 289 партийных, советских и газетных работников[15].

В период 1977/1978 учебного года в Хабаровской высшей партийной школе функционировали:

– 2-х годичное отделение;
– 4-х годичное отделение;
– отделение работников печати и средств массовой информации;
– заочное 3-х годичное отделение;
– заочное 5-ти годичное отделение;
– межобластные курсы повышения квалификации партийных и советских работников;
– краевые курсы повышения квалификации.

На конец учебного года в школе работали десять кафедр, шесть учебно-методических кабинетов, группа социологических исследований в партийной работе[16].

В 80-е гг. XX в. структура Хабаровской ВПШ продолжала расширяться. На 1 сентября 1986 г. в школе работало 9 кафедр: истории КПСС, марксистско-ленинской философии, политической экономии, партийного и советского строительства, идеологической работы, литературы и языка, экономики и организации промышленного производства, экономики и организации сельскохозяйственного производства, международного коммунистического движения, спецподготовки и лаборатория по обобщению опыта партийной и советской работы.

При кафедрах функционировали учебно-методические кабинеты: общественных наук и методики преподавания, экономических наук, партийного и советского строительства, идеологической работы, лаборатории по обобщению опыта партийной и советской работы, курсов повышения квалификации партийных и советских работников, технических средств обучения. Работала также библиотека с читальным залом[17].

С 1 сентября 1987 г. начали работу кафедры – экономики СССР и основ социалистической культуры. Обучение в школе (на 1 сентября 1987 г.) проводилось на двухгодичном и четырехгодичном очном отделениях, трехгодичном и пятигодичном заочном отделениях, факультете повышения квалификации партийных, советских и идеологических кадров и на краевых курсах повышения квалификации партийных и советских работников[18].

[13] *ГАХК. Ф.П. 35. Оп. 71. Д. 20. ЛЛ. 20–23.*

[14] *Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.) М.: Советская Энциклопедия, 1981. С.1244.*

[15] *ГАХК. Ф.П. 669. Оп. 10. Д. 68. Л. 4.*

[16] *ГАХК. Ф.П. 669. Оп. 21. Д. 50. ЛЛ. 3, 4.*

Характерные черты повышения квалификации преподавателей и организации учебного процесса

Рассматривая историю нашего вуза, подчеркнем, что особую роль в работе партийной школы имели партийные организации. После перехода на трехгодичное обучение был создан партийный комитет школы, который осуществлял общее партийное руководство в коллективе. Все важнейшие вопросы рассматривались в тесном единстве администрации, парткома и профсоюзного комитета. Отметим, что на каждой кафедре функционировали партийные группы, была также партийная организация преподавателей и служащих, партийные группы и организации были во всех учебных структурах очного обучения слушателей. Постоянным аспектом работы партийных групп было заслушивание отчётов коммунистов по отдельным направлениям их работы.

Рассматривая период деятельности Хабаровской ВПШ обратим внимание на сложившуюся систему подготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Подчеркнем, что большое значение в подготовке этих кадров имело постоянное внимание со стороны центральных органов КПСС. В период 1939–1978 гг. действовали ВПШ при ЦК КПСС, а с 1946–1978 гг. АОН при ЦК КПСС. В 1978г. в Москве была создана Академия общественных наук при ЦК КПСС. Это было учебное заведение, научный и научно-методический центр всей системы подготовки кадров для центральных партийных учреждений страны, центральных комитетов союзных республик, крайкомов и обкомов партии, республиканских и межобластных высших партийных школ.

Из Хабаровской ВПШ регулярно в аспирантуру Академии общественных наук направлялись преподаватели для обучения, подготовки и защиты кандидатских диссертаций. Обычно там находилось 10–15 аспирантов, из которых некоторые были работниками партийных, советских и комсомольских органов края, а также преподавателями ВПШ. Абитуриенты сдавали экзамены по специальности в рамках которой готовилось диссертационное исследование, марксистко-ленинской философии и иностранному языку. Каждый абитуриент должен был предоставить вступительный реферат по теме, связанной со сферой своего научного интереса. Подготовка такого реферата находилась под пристальным контролем заведующего кафедрой.

Интерес представляет и организация работы по совершенствованию качества преподавания внутри самой ВПШ. Обычно, когда в школу приходил молодой преподаватель, за ним закреплялся наставник. Это был либо заведующий кафедрой, либо наиболее опытный преподаватель. Новый преподаватель имел право регулярно присутствовать на занятиях своего наставника, ему также рекомендовали посещать занятия преподавателей других кафедр, которые были признанными лидерами в методике преподавания теоретических дисциплин. Многие посещали занятия Ю.М. Капустина, А.С. Черных, Н.В. Мордовского, Н.И. Дубининой, Н.П. Дядя.

Система учебной нагрузки по кафедрам исходила из расчета 550 часов на учебный год. Это давало возможность преподавателю основательно готовиться к лекционному курсу, систематически обновлять методику проведения семинарских занятий. Некоторые элементы организации учебных занятий фиксировались в расписании и нацеливали преподавателей на детальную подготовку к проведению семинаров. Так, перед каждым семинаром, за три–четыре дня до него, в расписании обязательно ставилась двухчасовая консультация, на которой преподаватель был обязан разъяснить варианты структуры ответа по каждому вопросу, указать, из каких учебников и учебных пособий брать конкретный материал и, что особенно важно, на какие разделы материалов партийных съездов, пленумов партии, выступления руководителей КПСС необходимо обратить особое внимание. В постоянную практику входило конспектирование первоисточников – работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Учебная нагрузка в объеме 550 часов создавала стимулирующие объективные условия для организации научной работы в учебном заведении.

[17] *ГАХК.Ф.П. 669. Оп. 23. Д. 67. Л. 5, 6.*

[18] *ГАХК. Ф.П. 669. Оп. 23. Д. 110. Л. 6, 10.*

В 70-х – 80-х гг. XX в. в школе сформировалось постоянное направление работы, связанное с поездкой слушателей 1 курса двухгодичного и четырехгодичного отделений очной формы обучения на уборку картофеля в Лазовский совхоз. В процессе этой работы очень четко проявлялись многих качества слушателей, что давало возможность деканам выбрать наиболее достойных кандидатов на должность старосты, партгруппорга и профорга. Работа в совхозе в течение сентября месяца в значительной мере способствовала сплочению слушателей 1 курса. Периодически в помощь первокурсникам на уборку картофеля отправлялись и слушатели старших куров.

Интересным фрагментом истории ВПШ является само здание учебного заведения. В конце 40-х – начале 50-х гг. произошли большие архитектурные изменения в центре города, и они во многом повлияли на судьбу высшей партийной школы. В 1949 г. были начаты работы над ансамблем главной площади города, носившей с 1951 по 1957 год имя И. В. Сталина. Одним из ведущих элементов этого ансамбля предстояло стать нашему учебному заведению.

Это здание является воспроизведением архитектуры областной партийной школы в городе Волгограде на площади павших борцов. Авторами являлись народный архитектор СССР В.И. Симбирцев и архитектор Е.И. Левитан. В Хабаровске привязку проекта к местности с частичными изменениями осуществлял один из ведущих архитекторов края М.Е. Петров. Строительство было завершено в 1953г. Сейчас это одно из зданий, которое формирует облик площади В.И. Ленина. Оно было создано в стиле неоренессанса, свойственного советской архитектуре начала 50-х гг. XX в. В межоконных простенках верхних этажей сохранена советская символика – серп и молот, пятиконечная звезда, развернутые страницы книги с надписями «Ленин» и «Сталин». После распада СССР в 1992–1993 гг. неоднократно высказывались намерения очистить от советского наследия фасад этого здания. Но руководство учебного заведения отстояло и сохранило его исторический облик.

Отметим, что в Хабаровской ВПШ учились многие слушатели, которые впоследствии успешно работали в партийных и советских органах власти, руководителями и преподавателями учебных заведений, и также являются руководителями властных структур в настоящее время. Среди них:

П. П. Бородин – первый мэр г. Якутска (1990–1993 гг.), Управляющий делами Президента РФ (1993–2000 гг.), Государственный секретарь союзного государства Россия-Беларусь (2000–2011 гг.), доктор политических наук.

Д. А. Попов, ставший слушателем Хабаровской ВПШ в 1964 г. и прошедший путь от старшего преподавателя, декана, проректора по учебной и научной работе и занявший должность руководителя этого учебного заведения, доктор исторических наук, профессор.

С. А. Кравчук – мэр г. Хабаровска, член Генерального Совета партии «Единая Россия».

Н. М. Горбунов – доктор экономических наук, профессор, был избран ректором Дальневосточной академии государственной службы, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор, работал проректором по научной работе Дальневосточной академии государственной службы. В 2018 г. ему присвоено звание «Почетный гражданин Хабаровского края», преподает в настоящее время.

Е. Н. Галичанин – доктор экономических наук, профессор, избирался депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ третьего и четвертого созывов, профессор кафедры экономики и финансового права Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, преподает в настоящее время.

Отметим, что работе преподавателей ХВПШ, учебе слушателей этого учебного заведения и их дальнейшей судьбе посвящена книга Г.И. Лысенко: Они учили и учились в Хабаровской высшей партийной школе/Г.И.Лысенко. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2008. – 136 с.

От Дальневосточного института политологии и социального управления до Дальневосточной академии государственной службы

Радикальные преобразования в российском обществе в 90-е гг. XX в. Отразились на судьбе нашего вуза. На основании приказа по Хабаровской ВПШ от 20 ноября 1990 г. № 225 Хабаровская

высшая партийная школа была преобразована в Дальневосточный институт политологии и социального управления, который в апреле 1991 г. был переименован в Дальневосточный социально-политический институт[19]. С этого же времени начался процесс формирования сети высших учебных заведений, призванных осуществлять подготовку кадров для государственной службы.

После фиксации распада СССР в декабре 1991г. Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 января 1992 г. № 37 в г. Хабаровске был создан Дальневосточный кадровый центр (ДВКЦ) при Главном управлении по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Федерации для подготовки и переподготовки кадров государственных и муниципальных органов власти и управления, специалистов рыночной экономики. ДВКЦ принял статус государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования, основными задачами которого были определены подготовка и переподготовка кадров государственных и муниципальных органов власти и управления, специалистов рыночной экономики.

Кадровый центр, начиная с 1992-1993 учебного года, перешел на обучение по направлению подготовки «Управление» по образовательным программам базового высшего образования с присуждаемой степенью «бакалавр менеджмента». В этом же году Комитет по высшей школе Министерства науки, высшей школы и технической политике Российской Федерации включил в Перечень специальных высших учебных заведений специальность «Государственное и муниципальное управление» и предоставил право кадровым центрам вести подготовку с выдачей диплома государственного образца. Дальневосточный кадровый центр открыл подготовку специалистов по двум специальностям: «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент» (в 1992 г. был проведен первый набор выпускников школ на очное обучение и специалистов органов власти и управления на заочную и вечернюю формы обучения).

В 1995 г. Распоряжением Президента Российской Федерации от 26 апреля 1995 г. № 197-рп «Вопросы Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации» Дальневосточный Кадровый Центр был преобразован в Дальневосточную академию государственной службы (ДВАГС) с сохранением статуса образовательного учреждения высшего профессионального образования. Учредителем академии являлась Российская академия государственной службы (РАГС) при Президенте Российской Федерации (Распоряжение Президента Российской Федерации от 26.04.95г. № 197-рп)[20]. В результате преобразования Дальневосточная академия государственной службы приобрела статус единственного на Дальнем Востоке и Забайкалье специализированного высшего учебного заведения по подготовке специалистов государственного и муниципального управления.

Заключение

Таким образом, мы видим, что на протяжении длительного времени центральные органы коммунистической партии стремились создать наиболее оптимальный вариант учебного заведения, в котором бы осуществлялась подготовка, переподготовка и повышение квалификации партийных и советских кадров, а также специалистов для работы в газетах. В то же время необходимо было учесть потребность обучения как слушателей с высшим образованием, так и слушателей со средним и средне-специальным образованием. Также было важно организовать очную и заочную формы обучения. С 1944 г. в Хабаровске начинается процесс формирования различных вариантов партийных школ, и в 1958 г. на основании постановления ЦК КПСС учебное заведение было переименовано в Хабаровскую высшую партийную школу (ХВПШ). Выпускники этого учебного заведения получали высшее партийно-политическое образование, здесь готовились кадры руководящих партийных, советских и газетных работников для огромной территории Дальнего Востока и Забайкалья СССР. В конце 1991 г. радикальные изменения в российском обществе отразились и на судьбе нашего учебного заведения, что было отражено в череде изменений названия вуза и фор-

[19] *ГАХК. Ф.П. 669. Оп. 23. Л. 244. Л. 111.*

[20] *Дальневосточный институт управления URL: https:// https://www.ranepa.ru/struktura/filialy/filial/dviu/.*

мировании новых направлений подготовки студентов. Подчеркнем, что, несмотря на все происходившие изменения, в вузе сохранялось самое главное – мы готовили и готовим управленческие кадры для дальневосточного региона, о чем говорили выступающие на встрече выпускников 16 ноября 2024 г.[21], где присутствовали представители всех выпусков этого учебного заведения.

Список источников:

1. Бандурко, Н. Учеба кадров // Тихоокеан. звезда. 1987. 9 июня.
2. Брохин, З. Работать по-ленински // Тихоокеан. звезда. 1960. 11 февр.
3. Головкин, В. Первый выпуск Хабаровской Высшей партийной школы // Тихоокеан. звезда. 1958. 29 июня.
4. Горбунов, Н. М. Дальневосточная академия государственной службы // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск : ДВАГС. 2002. №1 (18). С. 6–7.
5. Давыдов, В. Новое пополнение школы // Тихоокеан. звезда. 1969. 8 сент.
6. Дубинина, Н. И. История : профессионалы и любители : [беседа с докт. ист. наук, проф. Н. И. Дубининой, ВПШ, Хабаровск] / Н. И. Дубинина, беседовала Т. Шкель // Тихоокеан. звезда. 1988. 16 марта.
7. Из истории развития системы подготовки и переподготовки партийных и советских кадров на Дальнем Востоке / под ред. В. И. Степанова, П. В. Кондрашова, Н. И. Самсонова. Хабаровск : Суворовский натиск, 1971. 100 с.
8. Кондрашов, П. В., Степанов, В. И., Хохлюк, Г. С. О путях укрепления связи теории с практикой : [из опыта работы Хабар. высш. парт. шк.] // Ученые записки Высшей партийной школы. 1985. Вып. 4. С. 249–257.
9. Лапшин, Н. Воспитание партийного актива // Тихоокеан. звезда. 1961. 8 июля.
10. Лысенко, Г. И. Они учили и учились в Хабаровской высшей партийной школе. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2008. 136 с.
11. Попов, Д. А. Что за новой вывеской : [о реорганизации Высшей партийной школы, Хабаровск] // Тихоокеан. звезда. 1990. 27 окт.
12. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). М.: Советская Энциклопедия, 1981. 1600 с.
13. Степанов, В. И. Деятельность Хабаровской высшей партийной школы по подготовке партийных, советских и журналистских кадров // Вопросы истории партийных организаций Дальнего Востока. Хабаровск, 1968. С. 67–74.
14. Степанов, В. Четверть века в строю. Хабаровской Высшей партийной школе – 25 // Тихоокеан. звезда. 1971. 2 окт.
15. Экономическая практика слушателей Высшей партийной школы // Тихоокеан. звезда. 1958. 23 марта.
16. Яблоновский, С. Еще более приблизить высшее партийное образование к жизни // Тихоокеан. звезда. 1958. 2 дек.

References:

1. Bandurko, N. Personnel training *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1987. 9 of June.
2. Brokhin, Z. Work in Lenin's style *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1960. 11 of February .
3. Golovkin. V. The first graduation of the Khabarovsk Higher Party School *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1958. 29 of June.
4. Gorbunov, N. M. Far Eastern Academy of Public Administration *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. Khabarovsk : DVAGS. 2002. no1 (18). pp. 6–7.
5. Davydov, V. Novoe popolnenie shkoly [New school addition] // Tikhookean. Zvezda [Pacific star]. 1969. 18 of September.

[21] *Мероприятие было посвящено 100-летнему юбилею управленческого образования на Дальнем Востоке России.*

6. Dubinina, N. I. History: professionals and amateurs: conversation with Doctor of Historical Sciences, Professor N. I. Dubinina, Higher Party School, Khabarovsk] *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1988. 16 of March.

7. History of the development the system of training and retraining Party and Soviet personnel in the Far East. Pod red. V. I. Stepanova, P. V. Kondrashova, N. I. Samsonova. Khabarovsk : Suvorovskii natisk, 1971. 100 p.

8. Kondrashov, P. V. The ways to strengthen the connection between theory and practice: [from the experience of the Khabarovsk Higher Party School] *Uchenyye zapiski Vysshey partiynoy shkoly* [Scientific notes of the higher party school], 1985, is. 4, pp. 249–257.

9. Lapshin, N. Education of party activists *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1961. 8 of June.

10. Lysenko G. I. They taught and studied to the Khabarovsk Higher Party School. KHabarovsk : RITS KHGAEP, 2008. 136 p.

11. Popov, D. A. What's behind the new sign: [The reorganization of the Higher Party School, Khabarovsk] *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1990. 27 of October.

12. Soviet Encyclopedic Dictionary. Moskva: Sovetskaia Entsiklopediia, 1981. 1600 p.

13. Stepanov, V. I. Activities of the Khabarovsk Higher Party School for the training of party, Soviet and journalistic personnel *Voprosy istorii partiinykh organizatsii Dal'nego Vostoka* [Questions of the history Far East party organizations]. KHabarovsk, 1968, pp. 67–74

14. Stepanov, V. A quarter of a century in service. Khabarovsk Higher Party School is 25 y.o. *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1971. 2 of October.

15. Economic practice of students of the Higher Party School *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1958. 23 of March.

16. IAblonovskii, S. Bring higher party education closer to life *Tikhookean. Zvezda* [Pacific star]. 1958. 2 of Desember.

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 06.11.2024; принята к публикации 08.11.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 06.11.2024; accepted for publication 08.11.2024.

Информация об авторах

В. В. Чудесов – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Ю. С. Долгова – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук,Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

V. V. Chudesov – Doctor of History, Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

Yu. S. Dolgova – Candidate of History, Associate Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2024 г. № 4 (109)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

http//vlastdviu.ru/
http//elibrary.ru/
https//e.lanbook.com/
http//cyberleninka.ru/
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 14.01.2025 г.
Формат бумаги 60x84 1/8 А-4
Усл. печ. л. – 26,0
Учетн.-изд. л. – 28,0
Тираж – 500 экз.
Заказ № 16.
Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: http://vlastdviu.ru/index.html